

Усятская россыпь

РЕГИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск № 5 февраль 2009 г.

Цена договорная.

Сегодня в номере:

- 2 – 90 лет со дня рождения Василия Фёдорова. – стр. 2 – 3;
3 – Сергей Есенин: «Отговорила роша золотая...» – стихи. – стр. 4 – 5;
4 – Борис Бурмистров: «Как жизнь на свете не любя» – стихи. – стр. 6;
5 – Александр Катков: «Закрою дверь, как закрывают книгу...» – стихи. – стр. 7;
6 – Любовь Никонова: «Брожу и я вдоль улиц шумных...», «Дым моего Отечества» – стихи и проза. – стр. 8 – 9;
7 – Владимир Неунывахин: «Цена судьбы» – проза. – стр. 10 – 12;
8 – Сергей Вдовин – афганская тема: «Сон», «Из военной лирики» – проза, стихи; г. Калтан. – стр. 13;
9 – Аделя Мачкова: «Всё красота, что в жизни свято...» – стихи. – стр. 14;
10 – Ирина Перевозкина: «Сухая гроза..» – стихи, г. Белово. – стр. 15;
11 – Ольга Беккулиева: «Я нарисую твой портрет...» – стихи. – стр. 15;
12 – Анатолий Гуляев: «Однажды, в полёте мотор отказал», «Бобыля доля» – проза, г. Прокопьевск. – стр. 16 – 18;
13 – Светлана Борзунова: «Любовью человечество спасётся...» – стихи, г. Благовещенск. – стр. 19;
14 – Геннадий Бурлаков: «Портреты и зарисовки на ходу...» – стихи, г. Новокузнецк. – стр. 20;
15 – Дамир Ибрагимов: «Отпечатки сапог на крутых перевалах...» – стихи, г. Новокузнецк. – стр. 21;
16 – Лит. Объединение «ГРЕНАДА» – Молодые голоса: Ксения Андрейчикова, Надежда Будаева, Юлия Ибрагимова, Виктория Трегубова, Елена Берг, Виолетта Никулина, Елена Таах, Владимир Зотчик, Максим Шулаков, Александр Томский – стихи, г. Новокузнецк. – стр. 22 – 23;
17 – Детские литературные студии – «ФЕСКОВСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ», «ЗЁРНЫШКО», «СОЗВЕЗДИЕ ЛИРЫ»: Павел Тонкаев, Елизавета Диброва, Анастасия Плешкова, Дарья Тряпина, Михаил Леонов, Роман Больных, Михаил Чугаев, Сергей Горюшкин, Давид Кургинян, Татьяна Рогозина, Анна Кумсиева, Александра Русских, Дарья Кондакова, Александр Масалов, Мария Заречнева – стихи и проза, г. Новокузнецк. – стр. 24 – 25;
18 – Пётр Норец: «ТЕАТР ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» – проза. – стр. 25;
19 – Людмила Танкова: «КРАЙНИЙ ЗВЕРЬ», «СОН В СЕРДЦЕ», «ЧЕЙ РЕБЁНОК?», «ИЗ – ПОД ПЛИНТУСА» – проза, г. Новокузнецк. – стр. 26 – 28;
26 – Татьяна Мотовилова: «Что не съем, то надкусаю!», «Мушки от Палыча» – проза, г. Новокузнецк. – стр. 29;
22 – Дмитрий Семёнов: «Чинилка – ломалка», «Старый, старый мир» – проза, г. Новокузнецк. – стр. 30 – 31;
23 – Наталья Еремеева: «Пара фраз», «Я, мать, Тулеев», «Зима в посёлке», «Одно слово – артист!», «Как же я люблю твоего отца» – проза. – стр. 32;
24 – Виктор Шуренков: «Думы Акелы» – проза, г. Новокузнецк. – стр. 33;
25 – Людмила Сафонова: «РЫЖАЯ» – проза, г. Таштагол. – стр. 34;
20 – Ольга Ромашка: «Кедровый Букет» – стихи, г. Таштагол. – стр. 35;
21 – Евгений Растворов: стихи, г. Таштагол. – стр. 35;
27 – Литературный клуб «ВДОХНОВЕНИЕ»: Иван Горбаченко, Николай Клочков, Татьяна Гарбузова, Сергей Гнездилов, Людмила Лукьянова, Людмила Занина, Юрий Мордавин, Любовь Руденко, Виктор Савинков, Альбина Симонова, Пётр Синицин (Иван Абин), Александр Тулупцев, Владимир Шишкин – стихи, г. Прокопьевск. – стр. 36 – 41;
29 – Евгений Тищенко: «Свет и тени» – проза. – стр. 42 – 43;
28 – Виктор Давыдов: «Шахтёрские истории...» – проза. – стр. 44;
34 – Отряду милиции особого назначения г. Прокопьевска – 15 лет. – стр. 45;
30 – Виолетта Никулина: «Шукшин – не модное явление». – стр. 46 – 47;
31 – Василий Шукшин: «Алёша Бесконвойный», «Верую». – стр. 48 – 51;
32 – Виктор Самойлов: «ШАРАПИНА» – проза. – стр. 52 – 53;
33 – Виолетта Никулина: «Жажда вместить в свое сердце» – отчет о литературном семинаре. – стр. 54 – 55;
34 – «Самозабвенно каемся» – стр. 56.

фотопод Светланы ЯСЕНЬКОВОЙ

Редакции литературно-художественной газеты-альманах «Усятская россыпь» требуется на работу менеджеры по рекламе и сбыту продукции (заработная плата сдельная)

Свидетельство о регистрации ПИ ФС 12-1286, выдано Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу 12.02.2007 г.

Учредитель: 000 «Редакция литературно-художественной газеты-альманах «Усятская россыпь».

Директор, гл. редактор: Гуляев А.Н., Т. 8-906-987-19-55.

Зам. гл. редактора: Головачёв О.В., Т. 8-960-935-17-51;

Над номером работали: Гуляев А.Н., Головачёв О.В., Танкова Л.А.,

Корректурa Эргарт Е.М.

Рисунки: Головачёв О.В., Васильев В., Танкова Л.А.

Адрес редакции: 653 013, ГСП, Кемеровская область, г. Прокопьевск, ул. Алмазная, 56.

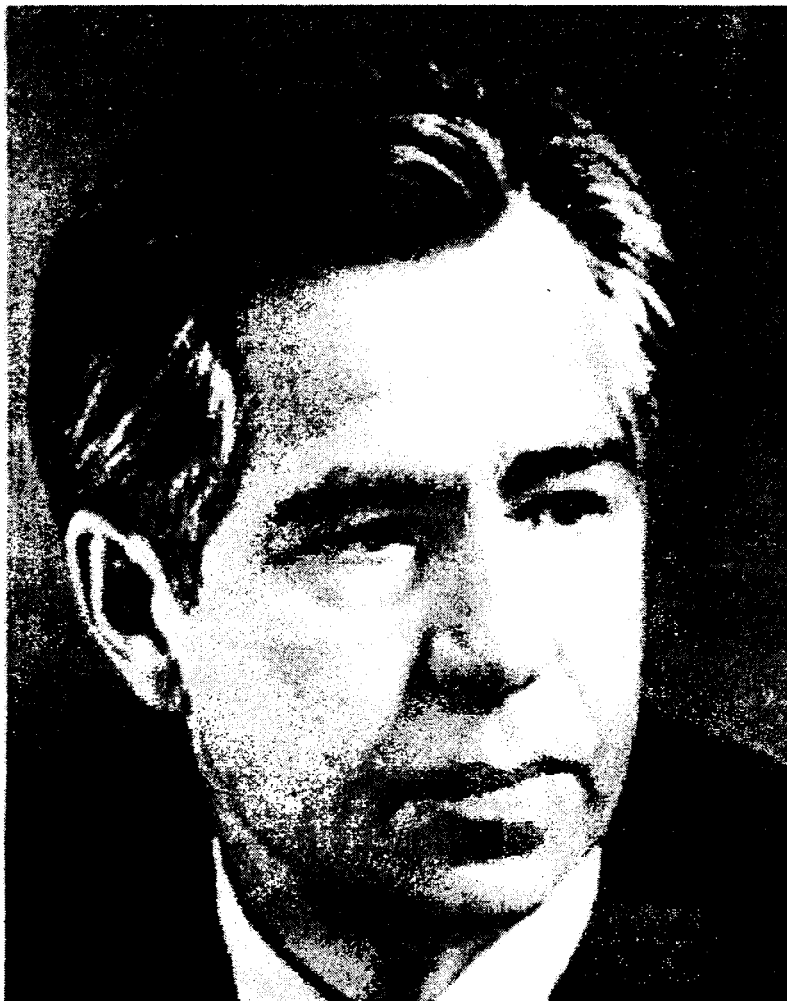
Телефон для связи: 8-913-327-82-98

Электронный адрес: usytskay_rossip@mail.ru (WWW.mail.ru)

Газета распространяется на территории Кемеровской области.

Газета отпечатана офсетным способом на типографской базе МУП ТРК «Киселевск». Адрес типографии: г. Киселевск, ул. Унжакова, 14. Объем 14,0 п.л, Заказ № , Тираж 1000.

Редакция рукописи не рецензирует и не возвращает. Рукописи для публикаций принимаются в электронном виде. Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных объявлений.

90 лет со дня рождения Василия ФЕДОРОВА

В этом году знаменитому кузбасскому поэту Василию Дмитриевичу Федорову исполнилось бы 90 лет. Василий Дмитриевич родился в городе Кемерово в рабочей семье. Его трудовая деятельность началась рано: работал в колхозе, на заводе мастером, технологом.

В 1944 году в заводской многотиражке были напечатаны его первые стихи. В 1950 году Федоров окончил Литературный институт имени М. Горького. Поэт считал, что решающее влияние на формирование его как гражданина и художника оказала советская действительность, семья, в которой он вырос: «Старшим братьям и сестрам я обязан не только любовью к поэзии, но и постоянным интересом к общественно-политической жизни».

Наша семья дала восемь коммунистов. Меня приняли в партию в 1943 году. Не поступлюсь истиной, если скажу, что как поэт я родился из чувства социальной новизны, которым в огромной мере обладало старшее поколение. Тут нет моей личной заслуги. Просто это чувство не должно было пропасть. Все стоящее в моих стихах надо относить за счет этого чувства. И вообще, на долю поэтов - моих сверстников выпала нелегкая доля связующего звена двух поколений: того, что шло от революции, и того, что пришло за нами...

Первые сборники стихов Федорова - «Лесные родники» (1955), «Белая роша» (1958) - содержали немало ярких произведений на гражданскую тему. Пейзажи в них были неотделимы от человека и его труда. Лирический герой Федорова - это и крестьянин, любящий землю, и рабочий, закаленный заводской жизнью.

Талант поэта проявил себя в равной степени и в эпосе, и в лирике. Кроме многочисленных поэтических сборников, им созданы также лирико-философские поэмы «Проданная Венера» (1958), «Сельское небо» (1968) и другие. Федоров был удостоен Государственной премии РСФСР за 1969 год.

Читать я научился до школы

Фёдоров о себе

Мне в жизни пришлось написать множество автобиографий, коротких и развернутых, в зависимости от того, куда меня принимали. Самая интересная, на мой взгляд, лежит где-то в довоенном архиве Новосибирского аэроклуба. Очень уж хотелось, чтобы меня приняли. Написал так, что замполит, прочитав ее, сказал перед всеми учителями: «Сочинил, как писатель!» Самая скучная, по-моему, находится в Союзе писателей, хотя тоже очень хотел, чтобы не отказали в приеме. Видимо, устал повторяться.

Родился я в городе Кемерово в 1918 году не то 23 февраля, не то 7 марта. При получении паспорта на мой запрос мне выслали метрику с мартовской датой, а несколько лет назад - с февральской. Дело в том, что календарная поправка была внесена в год моего рождения, когда в Сибири орудовали Колчак и генерал Гайда, которые советских установлений, разумеется, не признавали. Одним словом, впредь до выяснения имею два праздника и промежуток между ними.

Рожденный в городе, считаю себя целиком деревенским. Мне и года не было, когда семья, в которой я был девятым ребенком, переехала в деревню. Прокормить такую ораву в городе рабочему-каменщику в то время не было никакой возможности. Почти ничего не строили, только разрушали. А в деревне и у отца, и у матери были родственники. Поздней мне было странно слышать разговоры о городе. Я даже не представлял, что можно было жить где-то, кроме Марьевки. Она и поныне стоит на высоком берегу древнего русла. Под нею - озеро, за озером - залитые луга, да лугами - быстрая

пескаревая река, за рекой - лес и далекий туман...

Отца, Дмитрия Харитоновича, помню смутно. Через несколько лет после переезда в Марьевку, успев дать мне еще двух братьев, отец умер от тифа. По рассказам старших, он был веселым человеком. Любил азартные игры, кулачные бои и красивые слова. Зипун, и без того слово нерусское, он называл хламидой: «Ульянка, подай-ка мне мою хламиду».

Мать с умилением рассказывала, как при переезде в деревню он, неграмотный, по верстовым столбам таежного тракта ухитрился узнавать, сколько проехали. Сама она не умела и этого, тем не менее ее влияние на меня в смысле поэзии было большим.

...К моему сочинительству она относилась терпимо, даже потом, когда оно отрицательно сказывалось на нашем материальном благополучии. Никаких выгод от моего писания она и не ждала.

Читать я научился до школы, а писать - до того, как прикоснулся к чистой бумаге. Случилось это от большой нужды. У меня не было своих валенок. Мне приходилось сидеть на полотах, смотреть сверху и слушать, как старшие братишки торопливо готовили уроки, чтобы убежать на улицу. А писал я пальцем по воздуху, чаще всего в темноте или полумраке. Слово, написанное таким способом, долго светилось перед глазами.

...Желание сочинять стихи пришло не случайно. Их сочинял двенадцатилетний брат Петр, организатор и первый секретарь комсомольской ячейки. Стихи и частушки были его оружием.

...Удивительно, но факт: деревенские ребята с двумя-тремя классами образования, как у моего брата, выпускали рукописный сатирический журнал. Принять в нем участие был приглашен и Петр.

...Братьям же, Петру и Андрею, я обязан ранним знакомством с

настоящей литературой: с Пушкиным, Лермонтовым, Байроном, Купером, Лонгфелло.

Напомню: в семье я был девятым ребенком. Для биографии моей души это имело большое значение. Однажды, просматривая очередной привоз Петра, я натолкнулся на какой-то «ученый» труд, в котором говорилось, что талантливыми бывают только первые дети. Это меня уязвило. Я не мог признать своей обреченности и повел многолетний тайный спор с этой теорией.

...Для моей литературной судьбы большое значение имел тот факт, что после окончания авиатехникума в 1938 году я около девяти лет проработал на авиационных заводах в качестве технолога, мастера, старшего мастера. В годы войны мне довелось строить истребители и бомбардировщики. Умение читать чертежи развивает воображение, приучает мыслить пространственно, видеть одну и ту же деталь сразу в нескольких плоскостях. В моей заводской работе было много однообразного, но было и подлинное вдохновение, не меньшее, чем при работе над стихами.

...В Новосибирске я познакомился с профессиональными поэтами и прозаиками. Там я начал печататься в журнале «Сибирские огни», а в 1947 году издал первую книжицу «Лирическая трилогия», состоящую из трех небольших поэм.

...На Первом совещании молодых писателей я был хорошо принят семинаром Николая Асеева. Тогда же познакомился с Александром Твардовским, который, прочитав «Марьевскую летопись», сказал: «Отрадно».

...Мое имя начали одобрительно упоминать в столичных газетах. А по окончании института отказали в дипломе.

...Журналы, мягко говоря, не очень охотно печатали мои стихи

и, возвращая, создавали вокруг них атмосферу сомнительности, которая сбивала с толку и меня, и моих оценщиков. Кроме того, среди последних были и такие, которые не принимали мои стихи из-за нетерпимости к другой поэтической вере, то есть соображений чисто групповых.

Было о чем поразмыслить. На это ушло несколько лет. Стихи я по-прежнему писал, но в редакции их не показывал. Потом эти стихи печатались в разных книгах, таких, как «Лесные родники» (1955), «Марьевские звезды» (1955), «Дикий мед» (1958). Это привело к трудностям при составлении первого тома.

Молодые поэты бывают нетерпеливыми: написал - и скорее в редакцию. Зрелые сознательно сдерживают себя: написал - пусть полегит... Почему я не сразу напечатал то, что можно было напечатать, то есть когда уже представилась возможность? Если стихи лежат долго, их должна призвать жизнь. В отличие от стихов, мои прозаические опыты почти все газеты и журналы, с которыми я имел дело, печатали охотно. Это были очерки. Они появлялись в «Сибирских огнях» и «Новом мире». Долгое время я сотрудничал в «Крестынке», «Огоньке», «Смене». Несколько документальных вещей вышли отдельными книжками в Новосибирске и Москве.

...Несколько слов о том, почему мои поэмы выделены в отдельный том, а не поставлены среди стихов по времени их написания. Прежде всего потому, что у моих поэм есть своя логика развития, видимые и невидимые связи, которые нельзя нарушать. В «Лирической трилогии», например, заложены многие последующие темы: «Марьевская летопись», «Далекая», даже «Бетховен», не говоря уже о «Седьмом небе», в котором читатель обнаружит прямую связь с «Трилогией».

Поздней мной была написана романтическая поэма «Владимир и Людмила». Он - поэт, она - цыганка, отбившаяся от своего табора. В то время в деревне работали два молодых учителя. Пришел к ним, прочитал поэму. Она им понравилась, но оба нашли ее незавершенной.

Один из них посоветовал, чтобы я свою диковую цыганку «привел» к ним в школу. Так я и поступил, но поэма разладилась. У поэмы должны быть внутренние законы развития. Всякие внешние прикосновения разрушают ее. В этом мне приходилось убеждаться не раз.

Захватил себя на мысли: не слишком ли акцентирую на трудности своего пути в поэзию, не слишком ли подробно описываю свои неудачи? В этом есть смысл. Во-первых, неудачи всегда поучительны, а трудности в поэтическом деле закономерны. Мне приходилось часто получать письма начинающих с таким наивным содержанием: «Пишу уже целый год, а меня все еще не печатают». Во-вторых, писание стихов для поэта является фактом биографии, а всякий биографический опыт помогает читателю лучше понять поэта.

Представляя читателю свой двухтомник, я старался избежать даже сравнительных оценок своих стихов и поэм, хотя и знаю, что их качественный уровень не одинаков. Книга поэта - не коробочка некрасовского коробейника, из которой в зависимости от случая можно вытянуть или яркую ленту, или темную шаль. Она более похожа на магазин без продавца, с той лишь разницей, что здесь платят за вход. Последнее обстоятельство обязывает к строгому отбору вещей, но кто знает, может быть, вещь сама по себе и неказистая, а человеку в данную минуту всего нужней.

Москва, июнь 1969 г.

(В сокращении)

Слова — дрова.
Нас греет речь.
Нас мыслей обжигает пламя.
Душа пытливая, как печь,
Всё время топится словами.

В.Д. Фёдоров

12 сентября в деревне Марьевка, в 14 километрах от города Кемерово, состоялись двадцать третьи Фёдоровские чтения. Представителями от Новокузнецка стали два талантливых поэта городского литературного объединения «Гренада»: Дамир Ибрагимов и Александр Томский, а также руководитель этого литературного объединения, поэт, член Союза писателей России, руководитель городских литературных студий «Фесковские литераторы», «Берег», «Зёрнышко» и «Созвездие Лиры» — Любовь Никонова.

Мы попросили Любовь Алексеевну и Дамира рассказать читателям о прошедших Фёдоровских чтениях.

Мы думаем, что рассказ очевидцев для кого-то станет открытием такого имени, как Василий Фёдоров. В материале вы найдете автобиографические воспоминания самого писателя, размышления современников, комментарии и стихотворения Василия Фёдорова.

19 апреля 1984 года в Ессентуках ушёл из жизни Василий Фёдоров...

Ушёл из жизни, но не из памяти близких, друзей, читателей и поклонников, истинных ценителей его творчества. Поэтому неудивительно, что 10 августа 1985 года, словно прочитав мысли друг друга, в Марьевке, на родине, где прошло босоное и цветное детство писателя, собрались тысячи людей: почитателей и последователей поэта, писателя прозаика, новеллиста.

Это были первые Фёдоровские чтения, которые положили начало традиционным встречам и празднованиям Фёдоровских дней. Это было самое многолюдное чествование памяти Василия Дмитриевича. В Марьевку приехали со всех концов страны двадцать тысяч человек (!): из Новосибирска, Красноярска, Барнаула, Омска, Томска, Иркутска, Москвы. От Яи до Марьевки растянулась вереница идущих и едущих людей, четырнадцать километров дороги не стали пределом для полонников: писатели, публицисты, поэты-друзья — те, кому были дороги родные места Василия Фёдорова и его творческая мастерская.

Фёдоровские чтения проходят ежегодно. В юбилейные годы — это празднества, отличающиеся особым размахом. В остальное же время — это рядовые встречи-чтения, в тихом марьевском кругу. В этом году писателю исполнилось бы 90 лет. К этой дате марьевцы готовились особенно тщательно. Как обычно в числе приглашенных оказались и сельчане из районных посёлков, близлежащих деревень, работники культуры: клубные работники, сотрудники библиотек, представители писательских организаций, литературных студий Сибирского региона, официальные делегации из Кемерово, Анжеро-Судженска, Юрги, Новокузнецка.

«... памятью и сердцем вернуться к той земле...»

Поэт всю жизнь гордился своей родной Марьевкой. Деревня Марьевка — одно из живописнейших мест в Сибири. Она раскинулась на берегу реки Яя.

...Программа Фёдоровских чтений представляла из себя следующую картину. Делегацию встречает хлебом-солью Администрация Марьевки.

Затем гостей сопровождают на Назаркину гору, с которой, по словам самого Фёдорова «вао Сибирь видно». На этой горе находится Мемориальный дом-музей, музей-усадьба. Это обширная территория, где находятся дом писателя, поставленный своими силами, банька, сарайчик (с мотоциклом «Урал»), стог душистого сена. Эти реалии деревенского мироустройства настраивают на особую лирическую волну. С этой «арены» как на ладони видны самые любимые поэтом, заповедные и природные места: озеро Кайдор с его бесчисленными золотистыми кувшинками и белоснежными лилиями, заливные луга, древняя пойма реки Яя, родник со студеной ключевой водой. Внутри двора, обнесенного оградой из жердей, шумят ослепительные березы, воспеваемые в стихах поэта.

«Я даже не представлял, что можно было жить где-то, кроме Марьевки. Она и поныне стоит на высоком берегу древнего русла. Под нею — озеро, за озером заливные луга, за лугами — быстрая песчаная река, за рекой — лес и далёкий туман...» (из воспоминаний В.Д. Фёдорова). Затем после знакомства с бытом марьевской жизни, гости подходят к памятнику Василия Фёдорова (скульптор Г.С. Трофимов 1993 год), где проходит митинг. Как обычно, к таким праздникам приурочивают награждение выдающихся деятелей, внесших вклад в развитие культуры своего города и области в целом. Нам приятно сообщить, что два представителя Новокузнецка были награждены: Любовь Никонова — Почётной грамотой Коллегии Администрации Кемеровской области за большой вклад в развитие Кузбасса; Александр Томский, один из воспитанников Любови Алексеевны — Благодарственным письмом Коллегии Администрации Кемеровской области за активное участие в литературно-творческой жизни Кузбасса.

Кульминацией праздничных встреч является поэтический вечер, посвященный творчеству мастера и корифея, в своих произведениях выразившего тревоги того времени. Это похоже на акафист-признание за подаренное искусство. Действо проходит в местном сельском Дворце культуры. Со сцены льётся завораживающий поэтический жемчуг словесного творчества Василия Фёдорова. Стихотворения Василия Фёдорова звучат как в исполнении поэтов Кузбасса, так и в записях авторского чтения. Слайдовское сопровождение помогает наиболее полно дать представление о творческих порывах, поисках, неутомимой работе над словом, жизненных коллизиях творческой натуры Василия Дмитриевича. Исполняются и песни Виктора Егорова (В.Е. — композитор, исполнитель, певец) на стихи Ва-

силия Фёдорова.

«У меня есть удивительное ощущение. Я почти никогда не считал себя профессиональным поэтом. У меня не было чувства профессиональности, что именно и призван писать стихи. И, как говорится, осчастлививать. Нет. У меня всегда было ощущение, что кто-то вот-вот окликнет меня и скажет: «Ну, пора бросить заниматься пустяками. И надо заниматься делом уже». Но никто не окликнул за это время.» «Процесс поэтической работы — процесс творческий, а потому и счастливый. Сама возможность работы, сама возможность того, что ты можешь что-то организовать... А я считаю, что поэзия — это высшая организация слова, когда поэт может организовать слова таким образом, которые вдруг, соединившись вместе, начинают выдавать какую-то энергию, душевную...»

«Книга поэта — не коробочка не-красовского корабейника, из которой в зависимости от случая можно выпнуть или яркую ленту, или тёмную шаль. Она более похожа на магазин без продавца, с той лишь разницей, что здесь платят за вход. Последнее обстоятельство обязывает к строгому отбору вещей, но кто знает, — может быть, вещь сама по себе и неказистая, а человеку в данную минуту всего нужней...»

Нужно сказать, что Фёдоровские чтения никогда не ограничивались только праздничными дифирамбами, разговорами о высокой поэзии. В юбилейные годы было выпущено немало интересных и уникальных книг, сборников, посвященных одному из ярчайших поэтов Кузбасса. Так на в 1998 году кемеровскими издателями была выпущена антология поэзии В.Д. Фёдорова «На Родине моей выпали снега» (по первой строчке одного из самых знаменитых стихотворений В.Д. Фёдорова). А также поэтический сборник Василия Дмитриевича «Судьба мне подарила Русь». Её составителем и художественным редактором стала Тамара Махалова, близкий и добрый друг семьи Фёдоровых, человек неравнодушный к искусству, чей кропотливый труд позволил взглянуть на творчество земляка с другой стороны. Как человека до мозга костей преданного своим корням.

«Постигнуть Родину можно даже в малом. Для этого нужно памятью и сердцем вернуться к той земле, которая накормила тебя первым хлебом, напоила тебя первой ключевой водой. Где было всё изначально и молодо. Для меня такая земля — это небольшая сибирская деревня Марьевка... Родная земля, она и кормилица, и поилица, она и нянька, и воспитательница, она и раскрытая книга природы» (из воспоминаний В.Д. Фёдорова).

В этом году были выпущены две книжечки новинки, приуроченных к 90-летию со дня рождения Василия Фёдорова: «Русская Сибирская поэзия. Антология XX век. Стихи» и поэтический сборник «День Поэзии. Фёдоровские чтения в Марьевке» Приложение к журналу «Огни Кузбасса».

Вioletta Никулина.

Белая роза

Со всеми ждала,
Сторожила тепло,
Потом зацвела,
Когда все зацвело.

Белели купины,
Как взлет лебединый:
Терновники,
Яблони,
Вишни,
Рябины.
Раскрыла бутон,
Красоты не тая,
И белая-белая
Роза моя.

И время не властно,
Цвела она пышно,
Цвела она праздно,
Цвела все отчаянней
День ото дня,
Любимая
Белая роза моя.

К плодам,
Будь лишь влага,
У яблони тяга.
Старался, работал
Мой сад, работяга,
Скрипел и вздыхал
От тяжёлых плодов

Пчелы отпели.
Шмели отгудели,
С веселых деревьев
Цветы облетели.
Уже и плодам
Наступил свой черед,
А белая роза
Цветет и цветет.

Росла,
Наливаясь,
Зеленая завязь,
Округлились вишни,
На зорях румянятся,
А роза моя
В первозданной чести
Еще продолжала
Цветсти и цвести.

Над нею,
Некрасной,

И ей не прощал
Ее белых цветов.

Бутоны,
Бутоны
Стриги, как купоны.
Она презирала
Природы законы.
Она оставалась
Такой, как была,
Она красовалась,
Пышна и бела.
И сад мой
С досадой
Желтел от насады.
Смелась она
Над усталостью сада.
И я разлюбил,
И уже не люблю
Беспечную
Белую розу мою.

В наше счастье веры больше нету.

В наше счастье
Веры больше нету.
Мне обидно,
Что в чужом краю

Принял я за чистую
монету
Легкую привязанность
твою.

И не то мне жаль,
Что, пламеня,
Я тебя и нежил, и ласкал.
Жаль мне то,

Что, от тебя пьянея,
Я своей любимой
Не искал.

Поглядеть бы
На любовь-потерю,
Тронуть кудри
Ласковой рукой...

В мире есть такая.
Я не верю,
Чтобы в мире
Не было такой.

Может, поздно?
В муках угрызений
Сердце бьется
В поисках порук.

В мире было столько
Потрясений,
Сколько было горестей...
А вдруг?..

Может быть,
В надежде тосковала,
Все ждала
И уставала ждать?..
Может, ей меня
Недоставало,
Чтобы жить
И в жизни устоять?..

Есть такая!
Каторжной работой
Сто каналов
К ней готов прорыть.

Если сердце
Бьется для кого-то,
Значит, этот кто-то
Должен быть.

Сергей ЕСЕНИН

Сегодня бытует мнение некоторых господ, что народ наш российский не хочет приобщаться к мировой классике, и ничего кроме ширпотребных детективов читать не желает.

Знаем, что эти господа в меньшинстве, а потому предлагаем вместе с нами вспомнить, что недавно прошли Есенинские чтения.

Есенина называют золотою флейтой России. С босоного детства мы учили его стихи: «Белая береза под моим окном....», подростками пели: «Я московский озорной гуляка...», повзрослев: «Не жаль мне лет, растрченных напрасно...». Как можно представить нашу жизнь, наш народ без этих изумительных по красоте и силе строк? Для истинных россиян — стихи Сергея Есенина.

Краткая биографическая справка:

Сергей Александрович Есенин родился 21 сентября (3 октября) 1895 года в селе Константиново, Рязанской губернии, в крестьянской семье. С малолетства воспитывался у деда по матери, человека предприимчивого и зажиточного, знатока церковных книг. С девяти лет начал писать стихи. Окончил четырехклассное сельское училище, затем церковно-учительскую школу в Спас-Клепиках. В 1912 году поэт переехал в Москву, где служил у купца его отец. Работал в типографии, вступил в литературно-музыкальный кружок имени Сурикова, посещал лекции в народном университете Шанявского.

Впервые стихи Есенина появились в московских журналах в 1914 году. В 1915 году он едет в Петроград знакомится там с А. Блоком, С. Городецким, Н. Клюевым и другими поэтами. Восторженно принятый литературной средой тогдашней столицы как посланец русской деревни, русских полей, Есенин быстро приобрел громкую славу. В 1916 году вышел первый сборник его стихов — «Радуница». Это была пора стремительного духовного роста и совершенствования мастерства поэта.

Короткое время Есенин служил в царской армии. Сотрудничал в эсеровских изданиях, напечатав в них поэмы «Преображение», «Октоих», «Инония». В марте 1918 года поэт снова поселился в Москве, где выступал как один из основателей группы имажинистов.

В 1919-1921 гг. много путешествовал (Соловки, Мурманск, Кавказ, Крым). Работая над драматической поэмой «Пугачев», весной 1921 года едет в Оренбургские степи, добираясь до Ташкента. В 1922-1923 гг. вместе с жившей в Москве американской танцовщицей А. Дункан, которая стала женой Есенина, побывал в Германии, Франции, Италии, Бельгии, Канаде, США. Часто наведывался в родное Константиново, никогда не порывая связи с Родиной. В 1924-1925 гг. трижды гостил в Грузии и Азербайджане, работая там с огромным подъемом и создав «Поэму о двадцати шести», «Анну Снегину», «Персидские мотивы».

«Моя лирика жива одной большой любовью, любовью к Родине. Чувство Родины — основное в моем творчестве», — говорил Есенин. Поэзия Есенина необыкновенна по своей предельной искренности.

Лучшие страницы Есенина ярко запечатлели духовную красоту русского человека. Тончайший лирик, волшебник русского пейзажа, удивительно чуткий к земным краскам, звукам и запахам, Есенин был большим и смелым мастером стиха. Его емкие и ошеломляюще свежие образы — почти всегда настоящее художественное открытие. Пушкинская простота и прозрачность — вот идеал, который руководил Есениным в последние годы его работы.

Отговорила
роща золотая

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь покинет дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветром в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растрченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цвет.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

Кто я? Что я?
Только лишь мечтатель

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Синь очей утративший во мгле,
Эту жизнь прожил я словно к стати,
Заодно с другими на земле.

И с тобой целуюсь по привычке,
Потому что многих целовал,
И, как будто зажигая спички,
Говорю любовные слова.

«Дорогая», «милая», «навек»,
А в душе всегда одно и тож,
Если тронуть страсти в человеке,
То, конечно, правды не найдешь.

Оттого душе моей не жестко
Не желать, не требовать огня,
Ты, моя ходячая березка,
Создана для многих и меня.

Но, всегда ища себе родную
И томаясь в неласковом плену,
Я тебя нисколько не ревную,
Я тебя нисколько не кляню.

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Синь очей утративший во мгле,
И тебя любил я только к стати,
Заодно с другими на земле.

Письмо к женщине

Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.

Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.

Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым вездеходом.

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидаю.
Большое видится на расстоянии.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянии.

Земля — корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я
Под дикий шум,
Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.
Тот трюм был —
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.

Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоял
Себя растрчивал в скандалах.

Фотограф Михаил Лавров.

Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий...

Фотограф Юлия Калентьева.

Теперь года прошли,
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!

Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.
И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был
И что со мною случилось!

Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ла-Манша.

Простите мне...
Я знаю: вы не та —
Живете вы
С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.

Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.

Глупое сердце, не бейся!..

Глупое сердце, не бейся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участия...
Глупое сердце, не бейся.

Месяца желтые чары
Льют по каштанам в пролесь.
Лале склонясь на шальвары,
Я под чадрую укроюсь.
Глупое сердце, не бейся.

Все мы порою, как дети.
Часто смеемся и плачем:
Выпали нам на свете
Радости и неудачи.
Глупое сердце, не бейся.

Многие видел я страны.
Счастья искал повсюду,
Только удел желанный
Больше искать не буду.
Глупое сердце, не бейся.

Жизнь не совсем обманула.
Новой напьемся силой.
Сердце, ты хоть бы заснуло
Здесь, на коленях у милой:
Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бейся.

фотограф Светлана ЯСТРЕБОВАЙ.

Улеглась моя былая рана...

Улеглась моя былая рана —
Пьяный бред не гложет сердце мне.
Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.

Сам чайханщик с круглыми плечами,
Чтобы славилась пред русским чайхана,
Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.

Угощай, хозяин, да не очень.
Много роз цветет в твоём саду.
Нездаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак,
Поцелуям учимся без денег,
Без кинжальных хитростей и драк.

Ну, а этой за движенья стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковер ширазский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю,
Я тебе вовеки не солгу.
За себя я нынче отвечаю,
За тебя ответить не могу.

И на дверь ты взглядывай не очень,
Все равно калитка есть в саду...
Нездаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

фотограф Светлана ЯСТРЕБОВАЙ.

По селу тропинкой кривенькой...

По селу тропинкой кривенькой
В летний вечер голубой
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой гурьбой.

Распевали про любимые
Да последние деньки:
«Ты прощай, село родимое,
Темна роща и пеньки».

Зори пенились и таяли.
Все кричали, пяча грудь:
«До рекрутства горе маяли,
А теперь пора гульнуть».

Размахнув кудрями русыми,
В пляс пускались весело.
Девки брякали им бусами,
Зазывали за село.

Выходили парни бравые
За гуменные плетни,
А девчоночки лукавые
Убегали, - догони!

Над зелеными пригорками
Развевались платки.
По полям, бредя с кошелками,
Улыбались старикам.

По кустам, в траве над лыками,
Под пугливый возглас сов,
Им смеялась роща зыками
С переливом голосов.

По селу тропинкой кривенькой,
Ободравшись о пеньки,
Рекрута играли в ливенку
Про остальные деньки.

В хате

Пахнет рыхлыми драченами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою,
В печке нитки попелиц,
А на лавке за солонкою —
Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватками не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.

А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.

Всё живое особой метой...

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».

И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипятковая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая, словесная груда,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаль
Забияки и сорванца.

Как тогда, я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет!»

Я обманывать себя не стану

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мгlistом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я хожу в цилиндре не для женщин —
В глупой страсти сердце жить не в силе, -
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею,
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омут в сердце мгlistом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.

Берёза

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

Борис БУРМИСТРОВ

из книги
«Как жизнь на свете не любя»

Я не знаю, что будет со мной,
Я не знаю, что будет с тобою,
Но любовью любить неземной
Нам позволено всё же судьбою.
Распускаются листья весной
И цветы по пригоркам гурьбою,
Я не знаю, что будет со мной.
Я не знаю, что будет с тобою.
Проплывут облака над землёй,
Растают вдаль, за холмами,
Я не знаю, что будет с тобой,
Между мной и тобой - между нами!
Ветру белому вслед я кричу:
«Донеси этот зов до любимой!»
И страдать, и любить я хочу
За пределами жизни счастливой.

Всё испытал я: бури и стужу,
Водку глотал, обжигаясь,
как чай, -
Вот и смутил твою юную душу,
Вот и сердечко смутил невзначай.
Бросил словечко,
любуюсь деяньем, -
Что натворил седовласый старик!
Ведь от разлуки так долго

к свиданью,
А от свиданья к разлуке - лишь миг.
Всё я прошёл: океаны и сушу,
Всё, что отмеряно было судьбой...
Вот и смутил твою чистую душу,
В омут глубокий увлёк за собой.

...Из той поры до нынешнего дня
Летит, летит: «Не разлюблю меня».
И я готов поклиться на крови:
Я от твоей не отрекусь любви.
Когда вдали забрезжит ливень-свет,
Мы вдруг поймём,
что нас уже здесь нет,
Лишь голоса да отголоски дней,
Судьба твоя растворена в моей.
И потому, безудержно любя,
Средь тысяч звёзд я отыщу тебя...

Она сказала мне —
прокатимся по осени.
И покатились золотые дни.
Чего нам только люди
ни пророчили,
Мы верили в пророчества свои.
Мы верили -

заблудшим есть спасенье,
Когда входили
в просветлённый лес...
Высказывали птицы удивленье,
Их удивленье слышалось окрест.
Осенних нот мелодия лесная
Слезила души, трогала умы.
Мы шли и шли, ещё не понимая,
Что осень - лишь прелюдия зимы.

Осенняя трава —
Цветов увядших сад.
Все новые слова
По-старому звучат.
Ревнуй тут, не ревнуй —
Забыви стыд и страх.
Осенний поцелуй,
Как сахар на губах.
Как сладкое вино,
Что так легко пьянит.
А горький сок давно,
Давным-давно испит.
И понимать теперь
Мне больно, милый друг,
Бессмысленность потерь,
Осмысленность разлук.

Твои глаза - два озера глубоких,
Как ни гляди, в них не увидишь дна.
С ума свела ты, видно, очень многих,
Ужель и мне пора сходить с ума?
Сойти с ума и побрести по кругу,
В котором ни начала, ни конца!..
И отыскать твою в потёмках руку,
И воздухом качнуться у лица.

Давайте целоваться,
Пока горит звезда —
Как страшно расставаться
Надолго, навсегда.
Как страшно, Боже правый!
Вдруг потеряв покой,
Покинуть берег правый
И не найти другой.
Нечаянно сорваться
В бурлящий водопад —
Давайте целоваться,
Пока горит закат.
Пока судьба и воля

Фотограф Людмила ТИМОШЕНКО.

Меня от бед хранит,
Пока земная доля
Меня не тяготит,
Пока ещё я с Вами,
Пока я Вас молю —
Словами и губами:
Люблю, люблю, люблю...
Давайте целоваться
У моря на ветру —
И жить, и удивляться
Друг другу поутру.

Я мысли тайные ловлю:
Скажи «люблю», скажи «люблю».

Я мысли тайные читаю.
Я о тебе одной мечтаю.

Я мысли тайные храню,
А явные - предаю огню.

Пусть будет тайна между нами,
Не выдавай её словами,
Скажи «люблю», разверзнув тьму,
Но только мне лишь, одному.

Вот и вышел на новый виток,
Позади мой исход, мой исток.
По спирали - то вверх вдруг, то вниз,
Болью ясной пронизана жизнь.
То светлей, то темней небеса.
То в глазах, то под сердцем слеза.
То пронзительный голос в ночи.
И душа то поёт, то кричит...
На исходе кукушкиных дней
Разольётся любовью моей.

Послушай, как почки
разбуженно дышат...
Хочу тебя видеть,
хочу тебя слышать!
Весеннего леса призывные трубы...
Хочу целовать земляничные губы!
Ты выйди навстречу на то...
перепутье,
Мы встретимся вновь,
времена перепутаю.
Ты только не рви
тонких завязей нити —
Хочу тебя слышать,
хочу тебя видеть.

Мы эту зиму ещё передождим,
Злые морозы в дому переждём.
- Если тебе я, любимая, нужен,
Значит, ещё на земле поживём.
Значит, ещё и споём, и попляшем
Утром июльским на росном лугу.
Сколько ещё перескажем,
расскажем,
Светлов слово вплетаю в строку.
Значит, ещё в этом мире побудем,
Значит, ещё обиходим свой дом...
Горьких раздумий лампаду задум,
Светлых раздумий
лампаду зажжём..

В этот дождь окунусь с головою,
В этот день, в этот дождь проливной
Я спешу на свиданье с тобою,
Ну а ты - на свиданье со мной.
Где-то в парке дорожки сойдутся,
Как две линии в центре креста,
И уже нам назад не вернуться
Никогда, никогда, никогда.
Восходящее облако света
Голубым засияет огнём,
В ожидании вечного Лета
Мы в холодную зиму войдём.
Передождим и холод, и стужу,
Осенняя дорожка крестом,
Я свою уцелевшую душу
Поселю в светлом доме твоём.

Где чувства старые, где новь,
Живу, не ведая -
Моя последняя любовь,
Как будто первая.
Где чувств губительный обвал,
Не знаю, милая,
Но свой последний перевал
Ещё осилю я.
Хвалу Всевышнему воздам,
Замру над пропастью,
К твоим нетронутым губам
Приникну с робостью.
И снова лето: день за днём
Покатит в прошлое -
Гори, любовь моя, огнём,
Гори, киношная...
За летом красным будет вновь
Пора осенняя -
Моя последняя любовь,
Моя последняя.

Что-то не то в этом мире творится.
Если печально подсвечены лица,
Если на лицах тревога застыла,
Значит, душа о душе позабыла,
Значит, душе одиноко и сиротливо,
Значит, в мире нету

Божьего мира,
Значит, любовь в свете
затерялась —

Мне не досталась,
тебе не досталась...
Так и живём в этой жизни
мы бральной —
Плачет душа о душе сокровенной.

Было тогда всё,
как помнится, проще —
Мы целовались в берёзовой роще,
Мы целовались
в укромном местечке.
Звуки сливались в тугие колечки.
Шорохи листьев,
шуршание ветра —
Музыка старого, старого ретро.
Сколько воды с той поры убежало,
Как бы хотелось начать

всё сначала.
Первые встречи и первые слёзы,
Первые ливни и первые грозы,
Машет крылом перелётная птица,
Будет ещё это долго мне сниться,
Сердцу утеша и сердцу утеша —
Первых свиданий далёкое эхо.

Проснусь внезапно среди ночи
И сон тревожный оборву,
И хорошо, а то пророчит
Он мне разлуку поутру.
Раскрою окна, свет хрустящий
Скользнёт чуть слышно по стене,
И я пойму - я настоящий,
А ты - пришедшая во сне.
А ты - пришедшая Оттуда,
Обронишь тихо: «Мне пора»...
Я плед накину, сон забуду.
И сам забуду до утра.
А поутру, в догадках тая,
Ищу ответа на вопрос -
Откуда брошка золотая
И золотая нить волос?
Ведь мне казалось - всё бесследно
Исчезло, кануло в ночи...
Кричу, но эхо безответно,
Молчу, в ответ: «Молчи, молчи...»

Опять пройду по сентябрю,
По закоулкам лета.
Нежнее нежного люблю
Тебя - моя Джульетта.
Их было много, сентябрей,
И в будущем, и в прошлом.
Мир не становится добрей
В облики роскошном.
Мир не становится нежней
От слов пустых и модных.
Их было много, тёплых дней
И вечеров холодных.
Иду опять по сентябрю,
Ищу - где была, где небыла,
И тихо, тихо говорю:
«Да просветлится небо».

Вновь на гармошке играют
страдания,
Слышится голос вдали...
Всё забираю, но оставь ожиданье
Светлых мгновений любви,
Всё забираю, но оставь в наказанье,
Нежное горе моё.
Переполняется чаша страдания,
Не расплескать бы её.
Переполняется чаша желаний,
Милая, слышишь, молчи.
Всё забираю, но оставь обещанье
Светлого часа в Ночи.
Всё забираю, но оставь

в оправданье
Слово, что в сердце таю...

Через века я спешу на свиданье,
И об одном лишь моллю:
«Всё забираю, но оставь ожиданье
Светлых мгновений любви».
Вновь на гармошке играют
страдания,
Слышится голос вдали...

Окликни меня, если мимо пройду,
Окликни, когда не замечу.
Не думай, что встретишь
меня на беду,
Не верь, что судьбу искалечу.
Уж сколько пыталась сама отыскать,
Уж сколько ошибок совершила.
г. Кемерово.

Александр КАТКОВ

Закрою дверь, как закрывают книгу,
добравшись до финала и до слез.
Что значит вечность

по сравнению с мигом,
когда любил. И в этом весь вопрос.
Завязка и развитие сюжета,
как оказалось, были ни к чему.
Я так любил. Прости меня за это.

А остальное я и так приму.

Может, фортуна дудит на трубе,
может быть, Бог? Наш вагон отцепили.
Мы с проводницей остались в купе,
я ей читаю поэму о Чили.

Нет электричества. Свечку зажгли,
чтоб осветить два неведомых мира.
Мы посредине январской земли,
только составы проносятся мимо.

Вот и сошлись две бродячих судьбы,
словно сошлись две печали над нами.
Как обойтись без полночной волшебницы,
если в зрачках колеблется пламя?

Нет между нами ни капельки лжи,
взглядом друг другу еще не соврали.
Замерли только две сирых души,
словно преступно

стоп-краны сорвали.

Может быть, встречу на этой земле,
взглядом задану неосторожно?
Если возможна свеча на столе,
значит, и встреча тоже возможна?

Ну, а пока только снег и пурга,
только мерцание слабого света.
Как эта женщина смотрит!
«Тайга» —

так называется станция эта.

Круг

О, ангел залгавшийся!
Сразу бы! Сразу б...
Б. Пастернак

1
Ничего тебе не зачтется,
ни слова твою, ни дела,
эта боль, что по краю вела,
не поднимется, не извлечется —
будешь жить, как и раньше жила.

И когда наша боль отзовется
не кому-то другому, а мне —
по чужой, безответной вине, —
все припомнится, все зачтется
и запишется в Судном дне.

И за то, что я принял вериги,
принял боли позорный престол,
что, хрипя под судьбою, как вол,
я не вел канцелярские книги
и обидам подсчета не вел, —

и за все это в наказание,
в обманувшей закатной судьбе,
на признания в бездумной гульбе
ты посмотришь моими глазами —
и не будет спасенья тебе.

2

Я отдал утренние годы,
но что же получил взамен?
Как полюбить свою свободу,
когда в ненастную погоду
я жду с надеждой перемен?

И не гляжу на жизнь с упреком,
как листья, даты вороша.
Жизнь не окончилась до фрка,
но почему ж с ее уроком
не соглашается душа?

Быть может, многого хотелось,
гораздо больше, чем имел?
Куда же это время делось,
когда мне так чистейше пелось,
а я еще не так умел?!

Но в листопаде, в горьком дыме
я встomню всем обвалом чувств:
какими были молодыми!
И вот тогда, забыв гордыню,
твоей пропажи спохвачусь.

3
Милая, как мне тебя не хватает...

В сирых аллеях, где лист
отрешенно витает,
в залах вокзальных, где ночи без сна
коротают,

там, где зеваки праздно за руку хватают,
мне не хватает, мне очень Тебя не хватает.
Всю эту жизнь я тебя забываю
в смертном и невосполнимом долгу.
С женщиной чуждой казнюсь,
но все же бываю,

и уезжаю в промерзших
полночных трамваях,
и мое сердце, как пломбу
стоп-крана, срываю —
так забываю и все же забыть не могу.

Кто ты такая? Ну, кто ты такая?
Я разбазарил стихи и признания свои...
Я понимаю, я эту вину принимаю,
как я краду, как Тебя на виду обнимаю,
словно тем самым от черной беды отнимаю
и не могу догresti,

не могу докричать до любви...

4
Ну что же, давай подытожим:
полжизни прожито, дружок.
Давай же ей руку предложим
и вальс обещаия продолжим
под дивный и чудный рожок.

А мир — он как прежде прекрасен,
и рано идти на разрыв,
когда у природы ненастной
еще остается в запасе
берущий за душу мотив.

И пусть деревья облетают,
есть утро надежды, мой друг,
когда через силу слетают
объятия и слезы глотают,
но все же выходят на круг.

Я эту мысль додумаю потом.
Теперь бы мне с собою разобраться —
поставить точку, с памятью расстаться,
и пусть она летит за окном.

Повадилась бессонница ко мне
ходить и ждать над самым изголовьем,
когда прощусь с единственной любовью,
лишь мутный свет появится в окне.

Но засыпаю, сны мои легки,
я чутко сплю, и мне под утро снится
та женщина, как чистая страница,
где нет еще нечаянной строки.

Нет той строки, которая насквозь
малиновою нитью жизнь прострочит
и все до мелочей мне напроорочит,
до бездны, до бессонницы, до слез.

Я признаю, что виноват во всем,
но не будите, птицы, не будите.
Есть мысль одна, страшнее, чем открытые.
Но эту мысль додумаю потом.

Приснились стихи,
я писал их лет восемь назад.
И только теперь,
этой долгой февральскою ночью,
сказали стихи мне:
«Ну, что же ты, брат,
зачем ты тогда это горе себе
напроорочил?»

Ах, если бы знать,
я бы их не писал никогда,
я двери б закрыл
и всю ночь целовался с любимой,
которая после мой развенчает года
и скажет, что я, а не мы эти
годы сгубили.

А все-таки нет!
Разве мог я тогда не писать
о том, что беда
во весь рост мне шагает навстречу,
о том, что нигде —
на июньской земле,
в небесах —
тех лет и той женщины больше
не встречу.

Промываются окна в домах
деревянных...

Это март на земле.
Промываются окна.
Я забрал на окраину, светлый и пьяный,
и пишу о тебе, под каплей промокнув.
Я гортань полощу строкой молодою,
я и сам, словно март, независим и молод!
Обхожу эти тазики, ведра с водою
и влюбляюсь в прохожих и в мартовский
город!
Я люблю этих женщин у окон открытых,
этих мартовских Золушек,
всех до единой!

Их глаза, словно окна, каплей промывает,
и скольжения рук их плавней лебединых!
И в два пальца свищу соловьям
обалделым
посредине весны изо всей моей силы.
Я люблю этот день!
И какое мне дело,
что любимая где-то меня разлюбила?
Я влюблюсь при честном
и весеннем народе,
фредь прохожих посаю ротанье и смугу!
Но счастливая женщина прядку отводит,
и вослед не глядит,
и смеется чему-то...

...И стояла в березовой роще вода...
Столько было в стволах
отраженного света!
И не знал на земле я напрасней труда
рисовать эту заводь и рощицу эту.

Ждали губы омытой кожи ствола —
так любимую ждуг, ослабев,
на рассвете.

Но такой невозможно роща была,
словно я и она были разные дети
этой жизни и этих апрельских небес,
ее талой воды, моих строчек сожженных.
Пусть исчезну навек.
Лишь бы он не исчез —
мой белой печали свет
отраженный.

Так целовать, чтоб летели заколки
на пол, на жизнь,
на твою ворожбу!
Пусть за спиною молва, кривотолки,
лишь бы стереть на губах и на лбу!

Что там палящего солнца зенит,
если от жара нежданных объятий
жизнь убывает и сердце звенит,
и на всю жизнь сумасшествия хватит!

Но почему же встаешь поутру
жалкой, безкрылою и земною?
.....
Если когда-нибудь я и умру,
то потому, что расстанусь с тобою.

Вот и опять ты меня завела,
юность, моя мимолетная гостья,
в сонные улочки Пятигорска,
в маленький дворик, второй от угла,

Кто это снова всю ночь простоят,
руки целуя, во двореке тесном?
Чей это свет и за чьей занавеской
в полуподвальном окошке горит?

Девочка, где ты? Поддай же мне весть!
Поздно. И мы не увидимся снова.
Я о тебе написал бы. Но есть
стихотворение Смелякова.

Лидя, какие метели мели
здесь, по мой неоглядной Сибири!
Как хорошо, что друг друга любили,
все же успели, все же смогли.

Что же еще о былом говорить,
если на сердце так пусто и ясно?
Ты потому и осталась прекрасной,
что невозможно тебя повторить.

1937—1973

Памяти Евг. Ж.

Год рожденья и год ухода...
Как в повернутых зеркалах
отражаются зыбкие годы —
в них смеялась, когда жила!

Перевернутых две семерки!
Но одна приходилась на жизнь,
а другая — прощальной зимою
на печальнейшую из тризн.

Я стою над могилой, притихший,
и роняю, как тополь листву,
запоздалые четверостишья
в прорастающую траву...

Деревенский роман

Забыв про слухи, злые толки,
про пересуды на углах,
не ускользала втихомолку,
а улетала на крылах!

Какое умопомраченье!
А дома ждали муж и дочь.
И что высоких слов значение —
как им помочь, себе помочь?

Но все прошло само собою:
уехал он, а где-то там
она, хранимая любовью,
несла по миру грех и срам.

Он знал дороги, заграницы,
веселых женщин, жизнь вверх дном.
Она — бессонницу, больницы,
немного неба за окном.

Ну что ж, бывает — скажут — ладно...
Ну, бабья осень, два крыла...
Но все бы было заурядно,
когда б она не умерла.

Не рви мое сердце на части!
И пусть я не нужен тебе —
давай возжелаем участия
к друг другу и к нашей судьбе.

Давай мы печалиться будем
о том, как мы жили тогда,
когда выводила нас к людям
пленительнейшая звезда.

Как горько — не ждать и не верить
ни жизни своей, ни судьбе,
в июньских предутренних скверах
любить и писать о тебе.

Я потрясал людей до слез,
но ты глядела равнодушно.
Я стал бездомнее, чем пес,
но ты не отворяла душу.
Меня забыл печальный сын,
моя беда и мое чудо.

И я бояться стал осин,
как будто это я — Иуда.
Я стал чужим тебе, себе,
но повторял я изречение:
«И да воздастся по судьбе
гордыням нашим за мученья».

Что случилось, что стряслось?
Жалость к горлу подкатила,
словно то, что раньше было,
не на эту жизнь пришлось.

Словно женщина одна
не меня еще любила
и другого позабыла,
и моя не здесь вина.

Жалость, жалкое из чувств,
от нее куда мне деться?
Словно я, забыв одеться,
снова в чью-то дверь стучусь.

Помню — слушали меня
и хозяйва, и гости,
было весело и просто
у случайного огня.

Но погашены огни,
словно вымерли за дверью.
Остается только верить,
что проснутся вдруг они.

Долетит вдруг средь гама и гуда,
чуть подрагивая и скорбя,
этот выдох невесты откуда:
«Как я буду жить без тебя?!»

Почему в этом мире непрочном,
где в потемках душа чуть жива,
чем уютно, но только не строчкой
надо мною витает слова?

Неужель произнес их однажды,
и о чем, и кого я молил?
Если жизнь — утоление жажды, —
эту жажду стоило утопил.

Я забыл прибалтийские сосны,
мокрый ветер и скрипы вершин,
где в два неба опущены розно
память тела и память души.

Но какою ж должна быть разлука,
если, память дотла истребя,
вновь услышать на горе и муку:
«Как я буду жить без тебя?!»

И летит, обреченный и нежный,
в полуяви ли, в полусане,
из земли или, может быть, с неба
выдох твой, обращенный ко мне.

Всю ночь весна буянила
и с крыш текло.
И до утра таранила
капель стекло.

Пусть жизнь кружилась замаятью,
и все же жаль,
что сдал, упавший замертво,
в сутроб февраль.

Ах, дом мой, моя улочка,
пришел ваш фрок.
Но вышел в город утречком,
а под ногой — ледок.

Вот так и боль, как улица,
как этот лед,
то навсегда забудется,
то сердце рвет,

то к вечеру хохочется
от разных вин,
то ночью жить не хочется
среди руин.

Но март не может иначе —
и с крыш течет,
и каждая слезиночка
наперечет.

г. Кемерово.

Книга стихотворений Любо-
ви НИКОНОВОЙ «Над звёздами
горящая звезда» недавно удо-
стоена областной литературной
премии «Образ-2008».

По мнению поэтессы, «кни-
га стихов должна быть явле-
нием цельным. Личностью.
«Цветущей сложностью»
вспышкой перекликающихся
противоречий. Результатом
работы духовных, менталь-
ных, душевных, физических
сил, призванных служить
Слову».

Предлагаем вашему внима-
нию стихи из этой книги.

Любовь НИКОНОВА

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ли в многолюдный храм...
А. Пушкин

Брожу и я вдоль улиц шумных
И захожу нередко в храм —
И вижу отблеск бурь безумных,
И слышу отголоски драм...

Страстей людских читаю повесть.
Обуглены ее слова.
За ними чудом чья-то совесть
Еще цела, еще жива...

И, вещим сердцем правду чую,
Бываю я потрясена
Простым обрядом поцелуя
Пред Чашей Божьего вина.

О, невозможные проекты!
Приливы счастья и тоски,
Высвобожденные аффекты,
Взорвавшиеся тупики...

Горячим воском пол закапан.
И Пушкин в странной красоте
Неузнаваемо — заплакан
И близок к огненной черте...

Защищаясь прозрачным молчанием,
Пропитаю себя тишиной.
Не коснусь я запретным мечтанием
Уст, вчера говоривших со мной.

И душа, изнемогающая, в ссадинах,
Исцелится в святой тишине.
Новый мир в золотых виноградинах
Постепенно откроется мне.

Я и раньше, в минуты отдельные,
Иногда проникала сюда.
А теперь благодать беспредельная —
Моего обитанья среда.

Я дышу сверхъестественной свежестью.
Но бывает: со вспышками грез
Прежний эрос болезненной нежностью
Прожигает мне сердце до слез...

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Средь огня, среди грома растущего —
Далеко до святой тишины.
И сокрыто в тумане грядущего
Все, что сбудется после войны.

Этот бой еще долго не кончится.
Долго сердце врагу не простит...
А душа, огневая пророчица,
Как голубка, над схваткой летит.

Над полями смертельными минными,
Над окопами в черной крови
Существо с опаленными крыльями
Замирает в тоске по любви.

Зависая в полете, не мудрствует —
Правду скорби и слез говорит.
Над пшеницей дымящейся русской,
Как живая бумага, горит.

И вещает сквозь пламя военных:
«Вижу время: начала, концы.
За страдание ваше бесценное
Сам Господь вам готовит венцы».

ШКОЛЬНЫЙ САД

Каким бы я был в 41-м году?
Я рос бы, как деревце в школьном саду.
Я был бы наивен, как в речке вода,
И в девочку Свету влюблен навсегда.
И были б для чувств моих даже тесны
Цветущие дни предвоенной весны.

Каким бы я был в 43-м году?
Я знал бы, за что я сражаться иду.
И школьного сада живительный шум
Пред первой атаккой пришел бы на ум.
И девочки Светы распахнутый взгляд
Смотрел бы мне в душу и вел через ад.

Каким бы я был в 45-м году?
Я вновь оказался бы в школьном саду.
Отвыкший от мирных созвучий солдат,
Я долго бы слушал лепечущий сад.
И робко бы трогала Света, жена,
Добытые в пекле войны ордена.

Фотограф Елена ПОСТИКОВАЯ.

К ЗАГАДКЕ ТУНГУССКОГО МЕТЕОРИТА

Твой голос сердце разбудил.
Я ощутила напряжение,
Высвобождение высших сил,
Пришедших в бурное движенье.

Но что ты знаешь про меня?
Как можешь ты влиять открыто
На взрыв душевного огня,
На яркий блеск метеорита?

«Что в имени тебе моем?»
Что - в чувственно - духовном густке,
Сгоревшем некогда живьем
Вблизи Подкаменной Тунгуски?

Скажи — и стану неприметной точкой.
Почувствую, как в собственной крови
Под строгой, аскетичной оболочкой
Перегорают вещества любви.

Могу. Могу подальше отселиться,
Иль пребывать в скитании, в пути,
Иль в каменной обители молиться...
Ты только быть с тобою запрети.

Я путь свой и удвою, и утрою,
Путь от тебя, когда к тебе — нельзя.
Но ты молчишь. И вижу я с тобою.
И люди говорят, что мы — друзья.

Был вечер на окраине страны.
Грачи летели в сторону Луны.
И мать следила старыми очами
За этими летящими грачами.

И было не светло и не темно.
И все вокруг почти обнажено,
Поскольку осень поздняя хотела,
Чтобы пространство странно опустело.

Лишь стая птиц бестрепетно текла
Над кровлями пустынного села —
Расходуя намеченную силу,
К ночному шла холодному светилу.

И матушка стояла на крыльце
С невыразимой грустью на лице.
Ее оставив осенью одну,
Летела птичья стая на Луну.

Фотограф Андрей ИЛЬЯСОВ.

Иней теплится бисерно,
Сахарно,
Мелко,
Умывается снегом
Красивая белка.

Оснеженная пихточка,
Девочка в шубке,
Свет январский приемлет
Душою голубки.

Ожиданья прозрачны.
Предчувствия сладки.
Любит пихточка думать
Про Божьи загадки,

Каждой клеточкой юною
Знает свою:
Кто-то видит ее
И любит ее.

Кто-то дал ей наряд
И в блистанье особом
Посетил этот лес
И прошел по сугробам,

И сказал: «Эта местность
Не будет унылой —
Я старался для маленькой
Девочки милой».

Огромная бабочка к солнцу летела.
Струилось, как пламя, крылатое тело.
И сердце под яркой одеждою брачной
Алело, купаясь в стихии прозрачной.

В природе звучали то арфы, то скрипки,
Мерцали сознания, сменялись улыбки.
И лучшие рыцарства лучшей вселенной
Стремилась к таинственной цели нетленной.

И бабочка в небе шумела шелками,
И бабочка к солнцу летела веками.
Торжественной гимнов, нежнее элегий
Звучала в ней сила лучистых энергий.

Безудержный трепет, восторг организма,
Цветение духа, волна героизма...

Фотограф Светлана ЯСТРЕБОВАЯ.

Ты забавляешься смятением моим.
Но мы равны. Я вижу сквозь мгновенья:
Мы в облаке сияющем стоим
И чувствуем его прикосновенья.

И райский свет, и воздух, и эфир,
И текстов Неба ангельские строчки
Оберегают наш с тобою мир
Подобием овальной оболочки.

Ничто случайное не проскользнет сюда,
Не затемнит лучей на небосклоне.
И здесь прильнут друг к другу навсегда
Два сердца в драгоценном медальоне.

Будем молоды! Будем вдвоем!
Сердце сердцу ответить сумеет.
Мир пронизан прозрачным огнем,
В нем горящая жизнь пламенеет.

Что творится в садах и дворцах!
Вижу блеск чьих-то символов кровных.
Это лебеди в брачных венцах,
Это лилии в царских коронах.

Не боятся стихий существа.
Их одежды — из радуг и молний.
Голоса их полны торжества
В общем строе природных симфоний.

Огневидные кубки с вином
Переносятся в царстве всемирном
Персонажами в чем-то цветном,
В чем-то газовом, легком, эфирном.

Это нам отдают небеса
Землю жизни, одетую светом.
И творятся для нас чудеса
В измерении, любовью согретом.

Смотри на жизнь теплой и проще
И с удивлением цени
Географические рощи,
Астрономические дни.
Мелькнет огонь в земных узорах
И отразится в тот же миг
В геометрических просторах
И на страницах умных книг.
И свыше
Нас заставит плакать
В момент святого торжества
Сквозь генетическую память
Идущий образ Божества.
И двинется, слагаясь в строки,
На свет немеркнущий спеша,
В биохимическом потоке
Незамутненная душа.

Любовь НИКОНОВА Дым моего Отечества

По утрам над Владимировкой струится печной дым. Этот дым пахнет кизяком и кисловатыми лепешками. Это дым моего детства и моего отечества. Своими душистыми частичками проникает он в кровь, достигает первичных, младенческих клеток мозга и дает всему существу сладостное умиротворение и пречистое блаженство.

Так растекается мартовский снег по проталине и обнажает плоские прилизанные островки зеленой травки.

Так тает сахарная роса на землянике.

Так опадает невесомая пена на парном молоке.

Так дышит нежное темечко новорожденного.

«ДИНЬ-ДИНЬ»

«Динь-динь» — звенят гайки в отцовском тарантасе.

Динь-динь.

Это отец.

Проезжая мимо Соснова оврага, он останавливает лошадь. Он спускается в овраг и снимает с сосновых стволов янтарные сгустки смолы-живучки.

Динь-динь — он едет дальше.

А вот дикая яблоня у дороги. Здесь тоже надо бы остановиться. Здесь отец срывает несколько зеленых яблочков и едет дальше — динь-динь.

В телегу на ходу запрыгивают кузнечики и кобылки. Они едут «зайцами». На этой попутной подводе многие из них доберутся до села. Там степные кузнечики смешаются с сельскими.

Динь-динь.

Как хороши полевые цветы. Они знают, что такое первый луч солнца и тень от облака; на их маковках запечатлены следы бабочек; в их убранство вставлены ветром пылинки Долины Тюльпанов, песчинки казахских степей, частички каспийской соли.

Отец набирает букет ромашек и едет дальше — динь-динь.

Дорога поворачивает к реке.

- Дядя Лёня! — зовет с берега веснушчатый рыболов.

Он откладывает в отцову фуражку десяток окуньков и корявого рачка.

Отец едет дальше — динь-динь. Он берет дары мне и маме. От чистого сердца скромные дары.

Динь-динь.

ВСЁ

Топография Владимировки у меня, видимо, в крови: в особых молекулах отпечатался с непостижимых матриц узор этих речек, лесочков, оврагов, дорог, изб, полей...

Может, этот узор оттиснулся и в генах. И в клетках мозга.

И если хоть одна моя кровинка из случайной царапинки или ранки капнет на другую землю, то кажется, на том месте поднимется владимировская яблонька-дикочок, или образуется цветная лужайка, полная кузнечиков с солнечными крыльями, или зародится хотя бы красный жучок из породы тех, что живут в завалинке нашего дома.

Если же поделюсь я с людьми в чужедальнем краю своими соображениями о жизни и мире, то неизбежно мысль примет владимировское обличье, а речь выдаст мое происхождение. И уж, конечно, проявит себя любовь.

Все время приходится «справляться» с этой любовью. Вспоминается часто, как было однажды зимой. Стоял абсолютно чистый и тихий владимировский день. Я, как завороженная, не могла уйти с улицы. А что было вокруг? Да все то же: заиндевелые ветлы; сухая полынь и метелки былых трав, что торчат из-под снега. И был еще небольшой стожок навоза, припоро-

шенный снегом.

О, я навозное существо, может быть, жук навозный. Рвется от любви к этой земляной родине мое крестьянское сердце.

Мне странно, когда об утрате служебного положения или чего-либо бытового (комфорта, имущества, денег) говорят: «Потерять все».

Разве это — все?

Вот когда вытравится из моей крови, из составляющих ее веществ рисунок Владимировки, когда из моего дыхания исчезнет вкус ее воздуха, из речи — ее слово, когда из воображения удалится ее образ, а из сердца уйдет, как вода в песок, эта живая любовь, тогда — да, тогда я потеряю все.

ЧТО ПРЕДЛОЖИТЬ?..

Что бы я могла предложить Асе и Алику во Владимировке?

Лечь ли в траве и выкусывать из нее клубнику?

Выливать ли сусликов?

Бегать ли по полям за летящим низко самолетом-кукурузником?

Или мы возьмем ведро воды и пойдем в Глиняную яму, чтоб выделывать там глиняные домики, лепить глиняных человечков и глиняных животных?

Или нам отправиться к тем теплым лужам, что остались от былой речки Тульской, и понаблюдать, как амфибии, оторвавшись от земли, летят в водоем длинным прыжком?

А может быть, нам следует пойти ночью на реку Чагру, чтоб увидеть, как звезды падают в реку, туда, где находится наибольшее скопление рыб?

Можно также помочь баушке Клавдее справиться после дождей с грибами, которые она называет краснушками. Это шампиньоны. Они расположились у нас на задворках сплошным семейством, каждый гриб — величиной со сковородку, и нет им конца и края.

Можно принести баушке ежевики для пирогов, храбро добыв ее в тальниках на Тульской речке, где растет огненная крапива и расставляют ловушки ужасные пауки, от вида которых бросает в дрожь.

Неплохо бы починить со стариком Никифорычем коровью калду или убрать в сарай кизяк, сложенный по кирпичику на задах в пирамидальные кучи. Кизяк возят в сарай на тачке, работая в брезентовых рукавицах и остерегаясь тарантулов, которые при разборке пирамидальных куч выпрыгивают из нор, устроенных в кизяках.

С кизяками в сарай автоматически переносятся безобидные пауки-сенокосники, отличающиеся невероятной тонкостью ног, и красно-черные узорчатые жуки-солдатики с многочисленным потомством мал мала меньше.

Когда баушка Клавдея набирает в сарое кизяки для растопки печи, она тщательно отряхает кирпичи от пауков и

солдатики, чтоб они не попали в огонь.

Нам может выпасть интересное занятие — топить с баушкой русскую печку кизяком, этим прекрасным, легким, безугарным топливом, полученным из коровьего навоза и соломы. Баушка считает необходимым и летом топить печь хотя бы два раза в неделю, чтоб в избе сохранился жилой дух, да и притом ни на газовой плите, ни на электроплитке нельзя приготовить той старинной русской еды, которая получается только в печи.

Баушка доверит нам поставить в печку ухватом чугунок со щами и кашей, разрешит вместить туда противень с лепешками, сковороду с арбузными семечками, а может быть, с яблоками, нарезанными для сушки.

Баушка распорядится о том, чтобы мы смели гусиным крылом золу с шестка, подтерли возле печи пол, прикрыли немного печную трубу и дождались, когда выпеют лепешки, первую из которых полагается вынести Тузику... Тузик, между тем, уже знает, что будет лепешка или блин: утром баушка выгребла золу из печи, а это верный признак, что печку истопят, а значит, что-то испекут. Тузик и черная кошка Сайга уже подошли к горке утренней золы на улице и специально нюхали ее...

А как весело ходить с Тузиком за барбарисом в дубровские лесопосадки!

Пока собираешь ягоду, рыжая дворняжка, похожая на подлиску, вынюхивает следы зверьков, подымает из травы вспархивающих птичек, пытается разгребать лапами суслиные норы и засовывает в них морду, давась пылью и фыркая...

Не менее весело ходить с Тузиком на речку Грачевку за раками.

Ловить их нам придется на примитивную снасточку, состоящую из короткого удилица с привязанной к нему суровой ниткой, на конце которой закреплена спичка. На спичку насаживается мясо беззубки, речного моллюска, живущего в перламутровой раковине.

Раколовку забрасывают в воду, зайдя в речку по колено или по пояс, и как только нить на снасточке натянется, вытаскивают ее наверх, осторожно перебирая руками, стараясь подхватить рака, вцепившегося в насадку.

Раки, впившиеся в добычу, бывают без памяти, теряют от страсти и жадности рассудок и не замечают, что неведомая сила вытягивает их из воды.

Они страшно сопротивляются, когда их отдираешь от моллюска, и приходят в себя только на берегу, где, потоптавшись немного на месте, определяют, в каком направлении находится вода, и пускаются в медлительный путь к ней.

Ползающие раки смущают, тревожат и нервничают Тузика. Он скачет вокруг них — и то лает, то тавкает, то скулит, не решаясь схватить рака зубами, но и не желая упустить...

Доведется нам и пасти коров (их гоняют хозяева на пастбища по очереди), и скакать верхом на Карем, и копать картошку, и поливать огород, и заготавливать дрова, и ездить со стариком Никифорычем на мельницу в Хворостянку, и сбивать масло, и в жаркий день на сенокосе в Мишино спускаться в глубокий осиновый овраг к воде, живущей под слоями давних палых листьев...

А как завораживает природа ночью!

Стоит разрыть в земле у крыльца ямку, встать в нее босыми ногами и присыпать ее землей сверху, как сразу почувствуешь ступнями теплоту солнца, накопившегося под землей во множестве за долгий летний день. И вот играешь с этим солнцем прохладной ночью, переходишь из ямки в ямку — и везде находишь греющие лучи, вложенные солнцем в землю.

Что и говорить, много во Владимировке интересных занятий.

Все хочется перепробовать, и не хватает для этого ни дня, ни ночи.

Мотороллер «Муравей»

Между сараем с соломенной крышей и маленьким утятником, где утки в жаркие дни отдыхали на сыром земляном полу в холодке, у стариков находилась добротная постройка, крытая шифером, — гараж. Там содержалось самое строптивое из всех существ, бывших под началом стариков. Существо это было металлическое — грузовой, с кузовом, мотороллер «Муравей».

Существо определенно нравилось старику Никифорычу, он любовался и восхищался им так же, как баушка Клавдея любовалась и восхищалась коровой Дочкой.

Но мира между Никифорычем и «Муравьем» не было.

При желании мотороллер мог возами возить сено, мог мчать старика и сидящую в кузове с Тузиком довольную баушку в «центр» за газовым баллоном или на ток «хлеб получить», но порой на него нападало непобедимое упрямство...

- Весь день с мотороллером бился — не идет, - отчаивался Никифорыч, безнадежно мечтая подвигнуть «Муравья» на перевозку сена из Туляков.

И вдруг капризная машина заводилась как ни в чем не бывало.

- Обошелся, обошелся, теперь поедем! — суетился Никифорыч. — Мать, клади в кузов вилы, айда скорей, пока он не передумал!

Мотороллер отвозил стариков в Туляки, туда, где вдоль давно прекратившейся речки лежали валки цветастого сена, накошенного накануне баушкой. Баушка косила лучше Никифорыча, чище, гуще, аккуратнее, умела добрать травку до основания — Никифорыч же косец был нетерпеливый и поверхностный, и на хороших лугах баушка просто не доверяла ему косу: «Дай, я сама — ты всю траву испортишь». Сено в кузов мотороллера накладывали «с верхом»: получался твердый квадратный возок, который перевязывали для устойчивости крест-накрест толстой веревкой. «Муравей» стоял под сеном, похожий на приземистое животное с длинной, до полу, шерстью.

Никифорыч садился за руль, травяная повозочка трогалась с места...

Баушка шла домой пешком, мимо заросших ветлами извивов речного русла, искусственно прислушиваясь к звуку удаляющегося мотора. По тому, как скоро или не очень скоро он смолкал там, за ветлами и оврагами, она определяла место остановки мотороллера: перевезд через речку, Корнеев поворот или Акулькина межа.

Особенно часто «Муравей» останавливался возле Корнеевой бани. Это было его любимое место отдыха. И Никифорыч с баушкой зачастую толкали его оттуда вручную, до дома «везли на себе».

Зная ненадежность своей техники, старики все равно отъезжали и на дальние поездки. Ездили на Чагру, в заброшенный сад за яблоками; возил Никифорыч баушку и за вишней в Мищенский лес.

«Муравей» оставлял их в безвыходном положении на Чагре, бросал в лесу, отказывался возвращаться домой из райцентра...

Старики прощали ему все, потому что, несмотря на самодурство, эта маленькая машинка о пяти колесах что-то реально могла: она все-таки пособляла им и была единственной тягловой силой в хозяйстве.

На чем еще-то, кроме своего своеобразного «Муравья», могли они доставлять на подворье необходимое?

А крестьянское хозяйство полноценно существует только тогда, когда снабжение для него есть на чем подвезти.

В отношении стариков к мотороллеру присутствовало и сказывалось одно очень давнее чувство, многим уже и неведомое. Они любили своего несносного «Муравья» остатком крестьянской любви к лошади.

- Эх, - говорила не раз баушка, забираясь в кузов мотороллера вместе с Тузиком, - сейчас, Бог даст, как на лошади, поедем. А лучше бы все-таки на лошади: сядешь на рыдван, едешь по ухабам; если песню запоешь — голос дребезжит...

г. Новокузнецк.

Владимир НЕУНЫВАХИН

Владимир НЕУНЫВАХИН начал писать рассказы в 16 лет.

Сегодня он уже издал семь сборников, в которых он пишет о пережитом, о времени, о природе («Забить я не в силах», «Живых не брать», «Под глухаринную песню», «Я вернулся, мама», «За что?!» «На утренней зорьке», «Подснежники»). Буквально перед юбилеем писателя вышел очередной сборник рассказов «Деревенские этюды». В сборник вошли не только работы Владимира Максимовича, но и его брата Геннадия.

Цена судьбы

(Рассказ в сокращении)

Мой дядя – средний брат матери – Яков Лосев запомнился мне рассказами о войне и тем, что был худ и постоянно кашлял.

Когда дядя Яша вернулся с войны, мне было семь лет. Помню, появился он, опираясь на самодельную трость, в грязной солдатской шинели, изможденный, с свалившимися глазами и выпирающими скулами, обтянутыми землистого цвета кожей, но с веселыми искорками во взгляде и радостной улыбкой на потрескавшихся, почерневших губах.

Набежала наша немногочисленная родня. Вечерами наша однокомнатная избенка набивалась под завязку. Приходили в основном бабы и старухи. Мужиков в то время в нашей округе, да и во всей деревне, почти не было: кто не вернулся с фронта, навсегда оставшись в многочисленных братских могилах, разбросанных по всей Европе; кто еще заживал раны по госпиталям; а кто ждал (и их было уже меньшинство) приказа Главкома о демобилизации и возвращении по домам.

Когда ажиотаж с расспросами и воспоминаниями несколько поутих, дядю Яшу атаковали мы – пацанва. Нас тянуло к нему, как магнитом. И не только потому, что он умел очень искусно мастерить из тальниковых прутьев голосистые свистульки, но и потому, что он был веселый, постоянно шутил, сыпал прибаутками, здорово играл на балалайке и знал массу смешных частушек.

Нам, ребятишкам, дядя Яша казался старым, хотя на самом деле ему было всего 23 года. А выглядел он старым из-за своей изможденности, хромоты, седых редких волос и густой сетки морщинок вокруг запавших глаз.

Дядя Яша ушел на фронт летом 41-го вскоре после выпускных экзаменов в школе. Рассказывая о своем первом боевом крещении, он мрачно иронизировал:

– Не повезло мне. Подвига, о котором мечтал с детства, я так и не совершил. Не успел. В плен попал...

О пребывании в плену дядя Яша рассказывал со слезами на глазах, часто прерываясь, чтобы справиться со спазмами в горле.

Уже потом, повзрослев и набравшись мудрости, я понял, какую цену заплатил мой дядя за фашистский плен. Цена оказалась непомерно высокой. И не только тем, что стал седым в двадцать с небольшим и потерял почти все зубы – он заплатил за него своей жизнью.

В нашем фильтрационном лагере дядю Яшу подкармливали и несколько раз допросили представители «СМЕРШа», добивались признания о его якобы вербовке «Абвером», но отступились, прочитав заключение медкомиссии, проводившей обследование бывшего заключенного концлагеря под номером 118653. Диагноз гласил: «Открытый туберкулез. Легкие в стадии полного распада. Осталось жить не более двух месяцев...».

Дядю Яшу отпустили домой. Смершевцы не думали, что он доберется до Алтая живым. А он дотянул... и прожил еще полгода.

Хочу исполнить свой долг перед его памятью и воспроизвести один из рассказов.

Свое боевое крещение Яков запомнил на всю свою короткую жизнь.

Их, новобранцев, только что прошедших ускоренное обучение на танковом полигоне под Уралом умению обращаться и стрелять из противотанковых ружей и станковых пулеметов, погрузили в теплушки и отправили на фронт.

Выгрузились на маленькой станции одного из прифронтовых городков, где на рассвете им выдали оружие, сухой паек и полный боекомплект. А потом был изматывающий маршбросок к переправе в двух десятках километров от городка. Новобранцам повезло – в то утро не было налетов немецких штурмовиков. Тяжелые тучи нависли над самой землей, и беспрерывно моросил дождь. Только-только рассвело.

Яков вымок до нитки, и гимнастерка, соприкасаясь с разгоряченным телом, слегка парила. Дорога раскисла, сапоги то и дело скользили по размокшей глине. Ноги дрожали и подгибались.

Быстрый шаг, зачастую переходящий в бег, изматывал. То и дело слышались команды взводных:

– Шире шаг! Шире шаг! Подтян-и-сь!

Хриплое дыхание, чавканье грязи, топот ног – это все, что мог различить Яков из всей какофонии того утра.

«Господи! Когда же кончится этот проклятый бег? Дай мне силы, господи!» – шептали губами шептал Яков, чуть не падая, и казалось, из последних сил толкал свое тело вперед. Его уже покачивало из стороны в сторону. Намокший и отяжелевший вещмешок все сильнее пригнал к земле, от его лямок горели натертые плечи, а в уголках глаз уже мелькали огненные мушки.

Растянувшаяся колонна протыкающих, хрипло дышащих солдат втянулась, наконец-то, в прибрежный лесок из молодых осин и берез и резко замедлила бег. Впереди послышалась команда, долетевшая до Якова, как сквозь вату в ушах:

– Стой-ой! Разойдись! Привал на полчаса!

Последние еще подтягивались, а Яков уже распластался под придорожной березкой на влажной траве, кинув под голову мокрый вещмешок. Он прижимал ладонь к груди, будто удерживал сердце, готовое вот-вот выпрыгнуть наружу. Перед глазами плыли радужные круги, тугими толчками пульсировала в висках кровь.

Яков вдруг ощутил под тканью гимнастерки тоненький полотняный мешочек с листком молитвы, это ему мать переписала из какой-то церковной книги и передала, упрямая, со слезами на глазах, всегда носить при себе.

– Она оградит тебя, – наказывала мать, – от всех напастей, от убийцев, от бандюг, от

злого рока, вострого меча и болезней. Божья мать-заступница наша оградит тебя от всякой беды. Береги молитву, не потеряй...

Ощупав оберег, Яков неожиданно почувствовал облегчение: уравнилось дыхание, перестало стучать в висках, утихла боль в одеревеневших ногах и жжение плеч, натертых лямками вещмешка.

Вскоре послышалась команда: – «Станови-о-о-ви-ись! Стро-о-йсь!»

К своему удивлению, Яков встал в строй вполне отдохнувшим. Комбат, прохаживаясь вдоль шеренги, отдавал ротным и взводным приказ:

– Сейчас переправимся по понтонному мосту на ту сторону и окопаемся вдоль опушки леса. Перед нами командованием поставлена задача – сдохнуть, но не пустить немцев через реку! Особенно не дать фашистам оседлать железнодорожное полотно и мост, что ниже по течению!

Окончательно рассвело. Дождь поутих. Низко ползущие тучи постепенно поднимались все выше и выше, кое-где между ними появились просветы. Порывы ветра раскачивали вершины деревьев, и с трепещущих листьев на пожевывающихся солдат сыпалась дождевая роса...

Новобранцы спешно окапывались на опушке леса, растянувшегося вдоль реки и упирающегося в железнодорожное полотно.

Яков, все более разогреваясь, яростно долбил саперной лопаткой глинистую почву. Подошел взводный.

– Углуби еще немного, чтоб в полный рост, и бруствер подправь, нарви и замаскируй травой, – то ли приказал, то ли порекомендовал он.

Яков, продолжая кидать землю, кивнул.

Рядом и чуть впереди оборудовал свой окоп его «земеля» Мухортин из Барнаула с напарником, заряжающим противотанковое ружье. В таком же шахматном порядке вгрызались в землю и остальные новобранцы: бронбойщики с напарниками – впереди, пехота – чуть сзади.

Разведрилось. Все чаще и чаще проглядывало в «окна» между туч солнце и бледно-голубое небо. В одно из таких «окон» вывалился немецкий разведывательный самолет-«этажерка» и заходил кругами высоко над лесом, вдоль опушки, над железной дорогой и мостом. И тут же завали в вышине и стали рваться в лесочке, вдоль железнодорожного полотна, на опушке среди только что выкопанных окопов, тяжелые снаряды. Вначале с большими интервалами и вразброс, видимо, фашистские артиллеристы пристреливались, но вскоре начался настоящий огненный шквал. «Этажерка»-паскуда скорректировала огонь.

Как только раздались первые разрывы, над окопами понеслась команда:

– Всем в укрытия! Всем укрыться в окопах!

При первых же взрывах Яков присел на корточки и скорчился на дне окопчика, прижался спиной к шершавой стенке. Обхватив голову руками, он зажмурился, будто плотно сжатые веки могли спасти от падающих с воем и грохотом снарядов, от попадания какого-нибудь шального из них в его ненадежное укрытие.

Он не считал себя трусом – в детстве на спор ночью ходил на погост и полчаса сидел на лавочке у крайней могилки. Но то было детство, когда тебе всего пятнадцать, и ты уверен, что с тобой ничего не случится.

Сейчас же Яков испытывал не только страх, было жутко от мысли, что его может убить, и этот день может оказаться последним. Его трясло от нарастающего воя мин и разрывов снарядов. Каждый раз ему казалось: этот снаряд точно упадет в его окопчик и разорвет на куски. Даже хоронить будет нечего. Он вздрагивал от падающей на голову и дно окопчика земельной крошки, от струящегося по стенке песка.

Ходуном ходила, тряслась земля, вместе с ней вздрагивал и трясся Яков, он готов был, вгрызаясь в глину зубами и ногтями, зарыться в глубину окопчика, чтобы не слышать воя и грохота. Или унести из этого ада, пляски огня и смерти, прочь – в тихую и родную деревню на Алтай, где ночами тишину и покой нарушали только редкие и ленивые взбреды собак, а по утру будила перекличка горластых петухов и мычание коров.

Не успела осесть земля и развеяться дым от разрыва последнего снаряда, как из-за облаков вывалилась эскадрилья «Мессеров» и с душераздирающим воем начала пикировать прямо на новобранцев. Застучали их крупнокалиберные пулеметы и посыпались, как дыни, маленькие бомбы. Вслед за первой эскадрилей исклеванную воронками землю долбили все новые и новые звенья «Мессеров» с черными крестами на крыльях и фюзеляжах. Их смертоносный хоровод не давал возможности приподнять голову от земли, заставлял вжиматься в нее всем телом и захлебываться в беззвучном крике от ужаса.

Выворачивающий душу наизнанку и сжимающий сердце в болевой комок вой пикирующих самолетов не прекращался, но Яков вдруг почувствовал какое-то расслабляющее облегчение и успокоение, как будто на его голову легла теплая материнская ладонь и нежно провела по волосам. Он вспомнил молитву в полотняном мешочке под гимнастеркой и судорожно втянул в себя воздух, будто всхлипнул, как ребенок, наконец-то увидевший потерявшуюся мать.

Рисунок Олега ГОЛОВИЧЕВА.

Страхивая остатки животного страха, Яков потер лицо ладонями, как бы умываясь, распрямил хрустнувшую спину и расслабленно сел, вытянув ноги, на дне окопчика. Подняв лицо к небу и провожая мокрыми глазами плывущие облака, он отключился от посторонних звуков: воя «Мессеров», грохота разрывов, «татаканья» пулеметов и стука падающих комьев земли.

Вспомнилась любимая приговорка покойного отца: «Чему быть — того не миновать. Суждено тебе убится, хлобыстнувшись с телеги, значит, к тому месту и привезет тебя твоя телега...». Отец был набожен и очень верил в предначертания судьбы. И Яков мысленно согласился с ним, как-то обрадовано и с огромным облегчением: «И в самом деле, чего трясуся, как осиновый лист. Суждено мне умереть сегодня в этом окопчике, значит, так на роду написано, и хоть затрясись — от судьбы не убежишь и не спрячешься».

...Откинувшись к стенке окопчика и прижавшись к ней затылком, Яков неожиданно почувствовал, физически ощутил, какие-то изменения в окружающей среде, а что именно, никак не мог понять. Почему перестала трястись земля? С трудом разгребая комья земли, завалившие ноги, и страхивая песок, осыпавшийся со стенок окопчика на плечи, он приподнялся. И тут только до него дошло — прекратился грохот разрывов и вой пикирующих самолетов. Его оглушила воцарившаяся тишина.

Последняя эскадрилья убралась за облака, и рокот ее моторов заглух вдали. Слабый ветерок сносил в сторону степи медленно оседающую пыль и сизый дым.

Яков высунулся из окопчика и огляделся. Увиденное потрясло: зеленая опушка была изуродована до неузнаваемости. Кучи глины, песка, бурой земли испятнали все поле перед лесом, где незадолго перед артобстрелом и налетом «Мессершмидтов» окопывались новобранцы. Комья земли, песок, сажа запорошили зелень травы до такой степени, что создавалось впечатление — она поседела. Вразброс по всему полю — вокруг воронок, на кучах вывороченной земли — виднелись какие-то грязные лохмотья и обожженные кучи тряпья.

Яков увидел, что на месте окопа земляка-алтайца Мухортина и его напарника зияет огромная воронка. Его взгляд споткнулся о кучу лохмотьев на песчаном откосе воронки, из которых торчали осколки окровавленных костей и спекшиеся кровавые куски мяса, а чуть ниже откоса валялся разорванный кирзовый сапог с торчащей из голенища белокрасной костью с острыми осколками на изломе. Якова передернуло и обдало ледяным холодом ужаса, спазмы тошноты подкатили к горлу. Яков закашлялся, опустился на дно окопчика.

Он долго содрогался от спазм, отплывавшая — во рту стояла желчная горечь. Глаза застилали слезы. Только после того, как чуть-чуть отдышался, до слуха донесли крики и какие-то команды. Вытерев губы рукавом гимнастерки и смахнув слезинки, он поднялся на дрожащих ногах и вновь выглянул из окопчика.

По опушке, перебегая от окопа к окопу, металась группа военных, несколько солдат удалялись к редколесью. В группе приближающихся людей он узнал своего взводного и политрука роты. От воронки к воронке, от окопа к окопу перебегали несколько санитров с брезентовыми сумками через плечо, на которых кроваво атели кресты. И тут точно вату выдернули у Якова из ушей, он услышал команды взводного и политрука:

— Выходи! Всем к лесу! Быстро! Бегом! Всем к лесу!

Яков с трудом выкарабкался из окопчика и, пошатываясь, побрел к командирской группе. К нему подскочил санитар, участливо и торопливо спросил:

— Ты ранен? Куда?

Яков что-то промычал в ответ, зачем-то похлопал себя по груди и отрицательно помотал головой. Санитар досадливо махнул рукой и устремился прочь.

— К лесу! К лесу! — пробега мимо, скомандовал взводный.

И Яков побрел, почти волоча по земле

свою трехлинейку.

Когда удалось собрать в прибрежном лесочке всех уцелевших, оказалось — от батальона осталось меньше роты боевых бойцов. Более ста необстрелянных пацанов, бывших десятиклассников, всего три месяца назад сидевших за партами, остались в собственных окопах и среди редколесья навсегда. Многие из них, не выдержав ужаса от воя падающих авиабомб и пикирующих самолетов, выскакивали из окопов и неслись к лесу, под спасительные кроны деревьев. Но почти никто из них не добежал до укрытия — их настигала или прицельная очередь фашистских асов, или осколки разорвавшихся бомб. Еще больше их — искалеченных, изуродованных и израненных — санитары стаскивали на волокушах на лесную прогалину.

Командование оставшимися в живых новобранцами взял на себя единственный ротный, такой же молодой и неопытный лейтенант, как и его подчиненные. Он был ранен, страшно волновался, суеился и заикался, отдавая команды.

Шло время, а машины все не подходили, многие раненые, истекая кровью, уже не подавали признаков жизни. Не подтягивались и полевые кухни. Новобранцы понуро, разрозненными кучками сидели под деревьями чуть в стороне от грунтошки, пересекающей прибрежный лес наискосок. Курили.

После налета «Мессеров» прошло почти сорок минут. Лейтенант метался, издержав связистов, требуя восстановления нарушенной связи. И тут до слуха людей донеслась откуда-то сзади, со стороны городка, глухая канонада и одновременно приближающийся к опушке со стороны степи гул моторов.

Засуетились, забегали взводные, закричали, поднимаемая солдат:

— Подъем! Подъем! По окопам! Занять огневые точки! Приготовиться к отражению танковой атаки!

Неожиданно из-за деревьев показалась повозка. Из-под копыт взмыленной лошади и колес повозки ошметками летели грязь и комья земли. Ездовой, пожилой солдат, стоя в повозке, то и дело хлестал всхрапывающую лошадь вьюным прутом и что-то выкрикивал, тыча тем же прутом за спину, но что — разобрат было невозможно. Поравнявшись с новобранцами, сгрудившимися возле лейтенанта, ездовой натянул вожжи и прыгнул на землю, запыхавшимся голосом вновь выкрикнул:

— Справа прорвались танки и немецкая пехота! Бой идет на железнодорожной станции и на улицах городка!.. И слева на дороге я видел мотоциклистов и танки с крестами!..

По толпе новобранцев прокатились, будто тяжкий вздох ужаса, восклицания и ропот, все невольно заозирались, задвигались.

— Тихо! — вскинул здоровую руку ротный. — Без паники! Вы что, под трибунал захотели? Взводным выделить по два человека в разведку в тыл и на фланги. Всем занять свои окопы и приготовиться к бою!

Яков вместе с товарищами кинулся к окопам. Чуть холмистая степь, простиравшаяся за прибрежным лесом, у горизонта была подернута сизой дымкой. Из этой дымки, будто жуки-носороги, выползли танки. Их было много, не меньше трех десятков. Развернувшись полуподковой и как бы охватывая степь в «объятия», они приближались к опушке все увеличиваясь и увеличиваясь в размерах. Из башенных стволов то и дело выплывали облачка порохового дыма, на опушке и среди леса вновь взметнулись фонтаны взрывов. Гул моторов нарастал.

Яков, не добежав до своего окопчика метров десяти, вдруг ощутил сильнейший толчок в спину и удар по голове, точно саданули оглоблей в затылок. И провалился в черноту...

Очнувшись он на закате дня. Долго не мог понять, где он и что с ним. Страшно болела голова, казалось, по черепной коробке, по мозгам, как в кузне по наковальне, со всего маха били кувалдой, и каждый ее удар нестерпимой болью отдавался в затылке, в шее и даже позвоночнике. А в ушах стоял колокольный набат.

Яков попытался привстать и застонал, земля начала медленно вращаться вместе с его телом. И все-таки, опершись руками и раска-

чиваясь из стороны в сторону, Яков сумел встать на колени, с трудом сел. Туман в глазах постепенно рассеялся, и он разглядел впереди перед окопами несколько чадящих кострищ. Черный дым шлейфом стлался от них по степи. Тряхнув головой и пригладившись, он понял, что горели, вернее, догорали, фашистские танки. Их было около десятка. Значит, оставшиеся в живых его товарищи дали жестокий бой наступавшей колонне немецкой бронетехники.

С третьей попытки Яков встал, покачиваясь на подгибающихся ногах, и заковылял к лесу. Там многие деревья были повалены и переломаны, земля изрыта, исковеркана гусеницами танков, и всюду — истерзанные распластанные тела новобранцев. На месте временного лазарета танки, видимо, утюжили площадку с особой тщательностью, разворачиваясь на одной гусенице и перемешивая с землей беспомощных израненных солдат, раздавливая и разрывая их тела на куски. Телега с лошадей тоже были искромсаны, вдавлены в пропитанную кровью землю. У Якова вновь потемнело в глазах, и к горлу подкатили спазмы тошноты.

Он не помнил, как выбрался из прибрежного леса и побрел по грунтовой дорожке, уходящей в сторону от городка, в котором они выгружались на рассвете. От контузий слегка тряслась голова, не утихла тупая боль в затылке и в позвоночнике. Каждый шаг давался с мучительной болью. Яков, морщась и постанывая, ощущал тело, но ран не обнаружил. Только на затылке была огромная саднящая шишка. Слезились глаза и звенело в ушах.

Из-за этого звона парень не сразу услышал приближающийся рокот идущих сзади машин. Они вывернулись из-за поворота, и Яков увидел их уже метрах в тридцати от себя. Рванулся было в сторону к недалеким кустам, но автоматная очередь, ударившая рядом в землю, отрезала путь к отступлению. Он присел на корточки, обхватил голову руками, зажмурился.

Колонна из пяти машин притормозила рядом, несколько автоматчиков прыгнули на землю, хохоча и гортанно разговаривая между собой, подошли к Якову. Подняли за шиворот, обыскали, выгребли все, что было в карманах и, подтакнув дулами автоматов в спину, заставили влезть в кузов передней машины и лечь вниз лицом в ногах сидевших вдоль бортов автоматчиков.

Вскоре машины остановились в полусгоревшей деревне, и два солдата отконвоировали Якова к бывшему колхозному скотному двору, втокнули в наиболее сохранившийся телятник, наспех обнесенный колючей проволокой.

Когда глаза попривыкли к полутьме телятника (вечерний тусклый свет еле-еле проник в узкие оконца под потолком), Яков разглядел, что он здесь оказался не единственным обитателем. На ворохах заплесневелой соломы сидели и лежали еще десятка три таких же, как и он, солдат. Слышались сдавленные стоны раненых, кашель и глухой невнятный разговор. На ощупь Яков пробрался поближе к сгрудившимся на соломе, присел рядом, пытаясь разглядеть среди солдат кого-нибудь из однополчан. Не увидел ни одного. Попробовал расспросить об обстановке, но не получил ответа ни на один вопрос. Никто не знал, где они находятся, и никто не ответил, что с ними будет. Только пожилой солдат с перевязанной кистью, что сидел справа, угрюмо буркнул:

— Чего ты егозишься? И так тошно, впору волком выть, а тут ты с расспросами. Угроздило в дерьмо вляпаться, ну и... — солдат не договорил, вздохнул, будто всхлипнул, отвернувшись от Якова.

Беда, нависшая над окружающими, ощущалась почти физически. Точно пронизывающий холод, сковал страх, парализовывая силы и волю. Подавленность людей угнетающе действовала и на Якова.

Солнце село, и в телятнике темнота сгустилась стремительно. По-прежнему сдавленно постанывали раненые, вздыхали и перешептывались соседи, кто-то за спиной Якова скрипел зубами: то ли от боли, то ли в бессильной

ярости. Пахло заплесневелой соломой, потом человеческих тел и кровью. И только сейчас Яков почувствовал, как страшно голоден. Сосущее чувство голода даже притупило на какое-то время пульсирующую боль в затылке и позвоночнике.

Яков на коленях подполз к стене телятника и принялся тщательно ощупывать ее у основания с полом, продвигаясь вдоль, в надежде найти подгнившее бревно, которое можно было бы расшатать, вытянуть и в образовавшуюся брешь выбраться наружу. Но всюду его пальцы наткнулись на несокрушимую кладку фундамента из плиточного известняка. У противоположной стены его рука натолкнулась на такие же бегающие пальцы.

— Ты кто? — спросил шепотом Яков, поймав руку невидимого собеседника.

— Иван, — прохрипел тот.

По голосу Яков понял — отвечал парень его возраста. Они отползли в дальний угол телятника и, склонившись голова к голове, прошептались до полночи...

— На века строили колхозники, — с нотками досады сказал Иван, — хрен выберешься... Окошки высоко и зарешечены, не выломашь. А ломать... Часовой постоянно ходит вдоль стены... слуша...

Яков сам слышал снаружи шаги часового, когда ощупывал стены.

Оказалось, Иван Брюханов был почти земляком Якову — из-под Томска — и действительно одногодком с ним. Пересыпая свое повествование почти каждое слово крепким русским матом, он рассказал, как оказался в этом телятнике:

— Откуда на станции взяли фашистские танки, никто из нас — солдат комендантской роты, несших охрану железнодорожных составов — так ни хрена и не понял. Казалось, они ворвались со всех сторон. Оборону города, по-моему, никто не организовывал и не обеспечивал. В доли секунды загорелись цистерны с горючим. Пожар моментально перекинулся на соседние составы с боеприпасами, которые начали взрываться, разрушая все вокруг. Оставшиеся в живых в ужасе кинулись прочь, попадая под огонь пулеметов и гусеницы танков. Тут же появились автоматчики на мотоциклах. Они добивали мечущихся военных и гражданских. Где я потерял трехлинейку, подсумок с ремнем и пилотку, как оказался на проселочной дороге за городом — ни хрена не помню, будто кто выключатель в заднице вырубил. Просветление нашло, когда вдруг увидел возле себя гогочущих автоматчиков. Попытался что-то вякнуть и тут же получил по хлестальнику...

Яков уныло рассказал свою историю и получил молчаливое сочувствие неожиданно-го товарища по несчастью...

Утром их вытолкали из телятника и под резкие окрики автоматчиков — «Шнель! Шнель!» — построили невдалеке от широких, двухстворчатых и крепких ворот телятника. Яков обратил внимание на то, что в шеренге оказалось больше, чем он отмечал вчера в вечернем полусумраке, бегло оглядывая людей на полуистлевших ворохах соломы. Пленных было не менее полусотни. Несколько человек были в окровавленных бинтах и повязках из нателных рубаш, трое или пятеро еле держались на ногах.

Яков с Иваном стояли рядом и невольно оценивая изучали друг друга. Якову сразу же понравился сибирский земляк: кракшастый, чуть выше среднего роста, лобастый, с глубоко посаженными карими глазами и чуть угрюмым взглядом, широколицый и скуластый, как горноалтаец, и порывистый в движениях, он непривольно притягивал к себе и звал за собой.

Утро было хмурым, прохладным — именно предсентябрьским. Низкая облачность, как и накануне, гнетуще нависла над землей. Холодная сырость каплями повисла на листьях деревьев и кустов, растущих вдоль забора скотного двора, мелкой мокрой пылью осела на волосы, лица и одежду стоящих людей. Ни криков горластых петухов, ни лая собак, ни других звуков, присущих деревне, просыпающейся ранним утром. Гнетущая тишина...

Вскоре на территорию скотного двора автоматчики пригнали еще одну большую группу военнопленных. Среди них Яков увидел сво-

его взводного и несколько солдат их роты. Одному из ребят он чуть заметно кивнул.

Показалась группа немецких офицеров в сопровождении нескольких автоматчиков в черной униформе. Офицеры и автоматчики прошли вдоль шеренги и остановились чуть поодаль ее середины. Один из офицеров что-то гортанно выкрикнул. Другой офицер четко, по-русски, без акцента перевел:

— Евреи, командиры и коммунисты — два шага вперед!

Шеренга заволновалась, закачалась, но никто не вышел. Переводчик повторил:

— Евреи, комиссары и коммунисты — два шага вперед! Смотрите — хуже будет...

Из строя вышел взводный Якова и с ним еще двое. Переводчик, ткнув пальцем взводному в грудь, спросил:

— Комиссар?

— Взводный, — мотнул тот головой.

— Вернись в строй.

Затем офицер, переводчик и двое автоматчиков медленно прошли вдоль шеренги. Офицер внимательно оглядывал понуро стоящих пленных, против некоторых приостанавливался и тыкал в них пальцем. Автоматчики вытаскивали их и отводили в сторону. Набралось человек пятнадцать, в основном смуглые, к ним присоединили тяжело раненых и, подгоняя дулами автоматов, поставили у стены телатника. Когда автоматчики вскинули оружие, до Якова дошел смысл отбора. Он зажмурился и втянул голову в плечи. Загрохотали автоматные очереди. Рядом скрипел зубами и, шевеля побелевшими губами, глухо матерился Иван. Немцы деловито добились у стены раненых. Затем пятерым пленным ребятам крепче приказали вырыть яму и закопать расстрелянных.

Отбрав еще несколько военнопленных из шеренги, немцы заставили их развести в подсобке при телатнике огонь под чанами, в которых когда-то колхозники готовили пойло для скота. В чаны натаскали воды, на брошенных огородах накопав несколько ведер картошки и других овощей, и через полчаса пленным раздали в ведрах примитивное варево из плохо промытой репы, капусты, свеклы и картошки в «мундире».

Час спустя колонна военнопленных под конвоем автоматчиков потянулась из полусгоревшей деревни на запад. Пленным позволили взять с собой ведра, которые многим спасли в пути жизнь, не дали упасть от измождения.

В ведра пленные складывали все ценное, что удавалось поднять в пути из-под ног: булочки, щепки, колоски, полусгнившие затоптанные овощи и фрукты, запыленные куски хлеба в тряпицах, оставляемые на дорогах сердобольными женщинами деревень, через которые проходила колонна.

Так их гнали, минуя разрушенные города, более двух недель, присоединяя к колонне все новые и новые группы пленных, пока их численность не превысила несколько тысяч человек. Установилась сухая и жаркая погода. Изматывала жажда. От палящих лучей солнца у Якова усиливалась головная боль. Многие пленные не выдерживали и падали. Их подхватывали более выносливые, но конец обессиленных был неизбежен — их пристреливали конвоиры.

Иван постоянно шел рядом с Яковым и частенько хватал его, не давая упасть, когда у того темнело в глазах от боли в затылке, подносил к его губам бутылку степной и мутной водой, смачивал губы и виски, приводил на ходу в чувство.

Колонну пленных гнали без дневных привалов и без пищи с восхода солнца и до вечернего заката. На ночь обессиленных и шатающихся людей заталкивали в заганы из колючей проволоки с вышками, без навесов и каких-либо строений, где можно было бы укрыться от непогоды или справить нужду. К загонам в бочках подвозили мутную, вонючую воду, в мешках или ящиках — начинающие портиться овощи: капусту, репу, зерно, свеклу и картошку, которые военнопленные варили в ведрах или съедали сырыми.

Ночами Иван запальчиво шептал Якову:

— Бежать! Бежать! Бежать надо!.. Пока нас не угнали к черту на кулички. Ты, Яш, примечай каждую оплошность конвоиров, которой бы можно было воспользоваться при побеге. Падла, как мы с тобой промахнулись тогда в телат-

нике!.. Нужно было просто зарыться в солому на рассвете и переждать. Увели бы колонну, мы бы вылезли, и ходу к своим... Ну, почему эта мысль пришла мне так поздно?! Однако удобного момента для побега все не представлялось. На восходе солнца пленных прикладами и пинками поднимали с земли, выгоняли из загона, строили в колонну и гнали дальше. А в загоне похоронная команда подбирала и выволакивала за колючую проволоку не менее двух-трех десятков военнопленных, скончавшихся от ран и истощения, которых хоронили тут же, закапывая в общей яме.

Колонну пригнали на полуразрушенную станцию, загрузили в телатники так, что, даже потеряв сознание, упасть на пол было невозможно: человеческие тела будто спрессовались в сплошную массу. С частыми и длительными остановками состав полз на запад почти сутки. Остановился только на подъезде к узловой станции, забитой составами с военными грузами.

День был на исходе, солнце клонилось к закату. Жара сменилась предвечерней прохладой. Пленных выгрузили из телатников и усадили на землю недалеко от насыпи. Вокруг расстилались поля, очерченные лесополосами, кое-где квадраты их нарушали небольшие дубовые рощи и березовые колки, зелень которых уже тронула желтая позолота — предвестница приближающейся осени.

Яков сидел, бессильно уронив голову на скрещенные руки. Тупое оцепенение охватило его: не хотелось ни думать, ни двигаться. Яков чувствовал, как последние силы покидают его, а вместе с ними исчезает всякое желание жить и бороться за эту жизнь. Остатки контузии, постоянное недоедание, изнуряющие дневные переходы и особенно последние сутки без доступа свежего воздуха надломляли его волю окончательно. Если бы не Иван с неумолимой энергией и железным здоровьем, Яков давно бы свалился от измождения и был закопан в общей яме. Вот и сейчас Иван, сидя рядом, то и дело толкал Якова в бок и шептал:

— Надо бежать сегодня же. Слышь, сегодня. При погрузке в вагоны надо улучшить момент и проскользнуть к кустам орешника. Да очнись ты, наконец, размазня! Ты слышал, что я тебе сказал? От меня ни на полшага — я дам сигнал...

Группа военнопленных очищала телатники, выволакивала из них трупы, спихивала под откос. Другая группа стаскивала к небольшому овражку и, раскачав за руки — за ноги, сбрасывала на дно. Вскоре овражек заполнился почти до краев, и пленные принялись закидывать тела землей.

Солнце село. Автоматчики, прохаживающиеся вдоль сидящей колонны, занервничали. Пленных поднимали и под окрики — «Шнель! Шнель!» — стали спешно загонять в вагоны. Иван горячо зашептал Якову на ухо:

— Я постараюсь устроить небольшую свалку у дверей, а ты, как только дерну за руку, падай под вагон и замири между колес. Я за тобой. Начинает темнеть, и не должны заметить...

Подсаживая друг друга, пленные взбирались внутрь телатников и, когда Яков с другом приблизились к дверному проему, Иван вдруг засуетился, заорал на напугавших созданий матом:

— Твою мать!.. Куда прете?! Ну, куда прете?! Что, на тот свет боитесь опоздать?!

На какое-то мгновение случилось замешательство среди пленных, движение чуть замедлилось. И тут Яков почувствовал, как Иван слегка дернул его за запястье. Холодея и будто теряя сознание, Яков скользнул спиной по стенке телатника и сполз на гравий насыпи, перекатился под вагон и распластался между колес. Сердце Якова, будто разбухнув до невероятных размеров, бешеными толчками сотрясало грудную клетку и казалось, вот-вот разорвется на куски. Дыхание с булькающим хрипом вырывалось из горла, а пульсирующая боль в затылке вновь мучила сознание. С трудом справившись с минутной дурнотой и дыханием, Яков выглянул из-за колес на противоположную сторону. Рядом зашуршал щебенкой Иван. Тяжело дыша, он слегка похлопал Якова по спине и тоже чуть выглянул из-за колес. В вечерней синеве чернели недалеко от насыпи кусты орешника и такой же темной полосой выделялась лесополоса, наискосок уходящая от железнодорожного полотна.

— Вот по этим кустам нам и нужно добираться до лесополосы, — зашептал Иван.

Справа через три вагона расхаживал автоматчик, второй слева находился еще дальше, почти в голове состава.

— Как только этот, — Иван кивнул вправо, — повернется спиной, сползаем вниз, и в кусты...

Кажется, прошла целая вечность, а автоматчик все топтался у четвертого вагона, прикуривал и никак не хотел поворачиваться спиной к беглецам. Наконец, он медленно начал удаляться к хвосту состава. Яков перевалился через рельс и заскользил по откосу вниз на животе. Шорох и перестук скатывающейся по склону щебенки казались грохотом лавины, низвергающейся с горной вершины. Яков представил, что этот «грохот» слышит автоматчик и уже бежит к их вагону. С таким же «шумом» сползал следом Иван.

И вот они — долгожданные кусты. Яков ужом заскользил меж кустов, не рискуя приподняться на колени. А Иван не выдержал, вскочил и метнулся в густые заросли орешника. Тут же с насыпи раздался окрик: «Хальт!» — и топот автоматчика по траве и шпалам. Ударил автоматная очередь. Пули защелкали по веткам и листьям орешника, взвизгнули рикошетом. Иван сдавленно и еле слышно вскрикнул, присел рядом с Яковым. Было уже довольно темно, и Яков не увидел, как от боли исказилось лицо земляка, как он прижал ладонь к животу, и даже не услышал вскрика Ивана.

— Черт! Нас, кажется, засекали. Уходим в лесополосу! Преследовать в ночь не рискнут, а нам нужно уйти от железной дороги как можно дальше.

Иони, пригнувшись, побежали, лавируя между кустов. Бежали долго, вернее, под конец уже, хрипло дыша и спотыкаясь, брели через поля, от одной лесополосы к другой, от рощицы — к березовой колку, уходя все дальше и дальше от станции.

Тут Яков заметил, как стал сдавать Иван: он все чаще останавливался, хватался за ветки, прислонялся к стволам деревьев и просил:

— Подожди, давай передохнем..., и посмотри, нет ли где-нибудь поблизости воды..., горит все внутри...

— Что с тобой? — настороженно спросил Яков. — Ты же всегда был крепче меня и злился, когда я раскисал?

— Меня зацепила очередь охранника. Я думал, царапина, но кажется, серьезно... — прохрипел Иван, сползая по стволу и садясь на землю.

Яков закатал грязную и набухшую от крови гимнастерку Ивана. Рана оказалась сквозной, и это точно не царапина. Трясущимися руками Яков разорвал свою нательную рубашку на ленты и перебинтовал Ивана.

— Идти можешь? — наклонившись, тихо спросил он. — Нам нужно срочно в какой-нибудь населенный пункт. Иначе... У тебя серьезное ранение, и нужна хоть какая-то помощь...

Но Иван от потери крови уже начал терять сознание. Яков попытался тащить его, однако выдохся через несколько метров.

...Иван умер на рассвете...

Поняв, что лишился лучшего друга, а вернее — старшего брата, который все решал, защищал и вел за собой — Яков, чтобы не закричать, катался по земле, бил по ней кулаками, рвал, грыз зубами траву и содрогался от беззвучных рыданий. Он не помнил, как успокоился и провалился в забытие.

Очнувшись, когда солнце уже поднялось над вершинами деревьев, и его лучи, пробиваясь сквозь кроны, золотыми пятнами окрасили траву и опавшую листву в самых затененных местах лесополосы.

Острым суком вырыл углубление под молодой тоненькой березкой, уложил тело Ивана и присыпал его сухими листьями, травой, землей и ветками. По щекам ползли слезы.

Днем, осторожно и медленно передвигаясь по лесополосе, Яков пытался утолить голод ягодами шиповника, костянками, желудями дубков и недозревшими кистями рябины, от горечи и кислоты которых оскомила перекашивала рот и на какое-то время совершенно отшибала существование. Выходить на убранные поля, чтобы поискать колоски и осыпавшееся зерно, он опасался. Приближаясь к краю лесополосы, он несколько раз видел проезжающие недалеко по дороге крестьянские телеги с одиночными возницами, но выходить навстречу и просить помощи Яков боялся. Он понял, что находится очень

далеко от линии фронта, где-то за пределами Советской страны, и потому решил — идти на восток только ночью.

Полуденное солнце загнало его в густой орешник, где, свернувшись калачиком, Яков задремал. Его подбросило чувство опасности: в шелест листьев вплелись какие-то посторонние звуки. Яков сел и раздвинул ветки: недалеко какой-то мужчина в поношенной одежде с корзинкой ворошил прутиком слезавшиеся прошлогодние листья, видимо, искал грибы. «Грибник», — обрадовался Яков и тихо позвал:

— Э-э-й!

Мужик от неожиданности дернулся и, обернувшись, попытался. Яков вновь позвал:

— Э-э-й! — и полез из кустов.

Мужик, окаменев, остановился и с возрастающим любопытством разглядывал грязного и изможденного Якова, вылезшего из своего укрытия. А тот, жестикулируя, пытался растолковать ошарашенному грибнику, кто он такой:

— Я бежал из плена. Я русский. Скажите, где я нахожусь? Далеко ли до фронта? Помогите мне одеждой и продуктами. Укажите, куда идти?..

Мужик, внимательно слушавший Якова, вдруг заулыбался, закивал и быстро-быстро заговорил на каком-то непонятном языке. Из его тарбарщины Яков понял только несколько слов:

— О-о! Юси... пленный... я-я... еда... пить... ти плех здоровья... Флонт... О-о! Талеко...

Мужик сообразил, что Яков ничего не понимал. На миг задумался и, тщательно подбирая и ужасно коверкая слова, вновь заговорил:

— Я — Литва. Русия там... талеко, — махнул он рукой на восток... — Ти плех столовая. Флонт талеко. Нато кусать. Посли мая усатыпа... я сплячу тьебя в сено и там кусать... Потом ти пойдеш на флонт.

Небольшой хутор оказался совсем рядом с лесополосой. Мужик подвел Якова к большой скирде на задворках хозяйских и помог ему вырыть в соломе небольшую нору. Вначале в нее влез сам, расширил, тщательно обдергав солому с боков, затем сделал мягкую подстилку. Улыбаясь и похлопывая Якова по плечу, подбодрил:

— Все холосо. Плячься. Я плинесу кусать.

И вскоре принес кринку молока и большой кусок мягкого запашистого хлеба. Такого вкусного хлеба и жирного молока Яков, казалось, не ел никогда в жизни, хотя родился и вырос в деревне Алтайского края — богатейшей хлебницы Сибири. И то ли от теплоты, разлившейся по телу от сытости желудка, то ли от внезапно нахлынувшего счастья, свалившегося на него при встрече с замечательным грибником, добросердечным литовцем, хозяином хуторка, то ли от уюта норы в соломе, Яков разомлел и молниеносно уснул.

А через час, на закате солнца, к хутору подъехала машина. Из нее выскочили около десятка полицейских во главе с немецким офицером. Они быстро окружили скирду.

Яков проснулся от того, что его кто-то грубо схватил за ноги и потянул из норы. Не успел он придти в себя и что-то сообразить, как его волокли наружу и, заломив руки, поставили на ноги.

— О-о, русский зольдат, — осклабил офицер, — топро позаловать наш тихий улол, — и видя, как Яков ошалело хлопает глазами, расхохотался.

А Яков все никак не мог понять, что происходит, откуда взялись здесь немцы и как он сам оказался здесь? Увидев рядом с офицером хозяина хуторка и столкнувшись с его колючим, ненавидящим взглядом, он, холодея, понял все, произвольно дернулся. И тут же получил жесткий удар кулаком в лицо от полицейца.

Через несколько минут его, избитого, со связанными руками за спиной, стонущего и скрежещущего зубами не столько от боли, сколько от сознания жуткой человеческой подлости и предательства, бросили в кузов и повезли в ближайшую полицейскую управу.

...И Якову еще десятки раз придется столкнуться не только с человеческой подлостью, низостью и трусостью за страшные годы плена, но и с мужеством людей, которые погибли рядом с ним в каменоломнях при строительстве подземного военного завода в горах и в концлагере с постоянно чадающей трубой крематория...

пос. Абагур-Лесной.

Сергей ВДОВИН Сон

Солнце палило нещадно. Горячий воздух, казалось, обжигал внутренности. Пот заливал глаза, но руки заняты, а остановиться, вытереть лицо некогда. Вперёд и только вперёд. Быстрее отсюда. Кишлак словно вымер. Никого не видно, но затылком, руками, ногами, каждым своим нервом он чувствовал на себе чьи-то ненавидящие, расчётливо-холодные глаза. От этих глаз некуда спрятаться.

Все вокруг, казалось, буквально пропитано этой ненавистью, которая, как натянутая струна, звенит на высокой неслышной ноте, готовой лопнуть, оборваться выстрелом. Откуда будут стрелять? Откуда? Может, вон из того тёмного оконца, а может, из-за этой двери, а может... нет, лучше не смотреть. Вперёд, пока почему-то дают шанс. Быстрее вперёд... Ноги почему-то не слушаются. Как в замедленном кино...

Шаг, ещё шаг - и нет никакой силы заставить себя идти быстрее.

От тупого бессилия хочется плакать.

Николай знает, что это сон. Он видел его уже не один раз. Уже потом, просыпаясь, всегда долго сидел в темноте с колотящимся, готовым выпрыгнуть сердцем, весь мокрый, вымотанный.

Нужно проснуться, нужно только проснуться!

Он сделал над собой усилие, но сон сильнее, сон влечёт, затягивает, и уже не понять, сон это или явь.

Нет, это не сон. Во сне солнце не может быть таким горячим. И улица этого пустынного кишлака, по которому они шли, и руки, оттянутые РДВ (резервуар для воды - резиновая ёмкость 12 л - авт.), и мелкий камень под ногами - всё настоящее.

Тишина. Вокруг словно вакуум. Слышно только собственное тяжёлое дыхание да хруст камней под ногами.

Тишина нехорошая. Она готова оборваться выстрелом. Откуда будут стрелять? Откуда? Наверное, сразу в голову. А может, в живот? Нет, не думать. Вперёд, пока дают шанс. Быстрее, но ноги...

Шаг, ещё шаг. Какая длинная улица.

За спиной идёт Олег. Почему Олег, ведь они не дружили? Почему не Яшка, друг, с которым они всегда и везде были вместе? Но сзади - Олег, и у него тоже, как и у Кольки, руки оттянуты РДВ.

Прорвав тишину, в уши ворвался звук работающего на холостых оборотах двигателя вертолёт. Самого вертолёт не видно, он стоит за кишлаком, на поляне. Там ребята, их тоже не видно, их отделяют стены дувалов и эта улица, по кото-

рой осталось пройти метров двести.

Шаг, ещё шаг - двести метров! Шаг, ещё шаг.

Почему всё как-то не так, неправильно? Почему они пошли за водой только вдвоём? Руки заняты, автомат за спиной, и если что, его не успеть перехватить. Хотя какая разница, всё равно не успеть. Ведь стрелять будут в голову, а может, в живот? Нет, лучше пусть сразу в голову. Почему они идут прямо посередине улицы, не прячась, и почему вдвоём?

Солнце. Смахнуть бы пот - руки заняты, и нельзя остановиться. Идешь - живой, остановишься - смерть.

Шаг, ещё шаг - сто метров! Шаг, ещё шаг...

На затылке чей-то холодный, расчётливый взгляд. Почему автомат за спиной?

Шаг, ещё шаг...

Бросить бы всё и бегом, но нельзя, их ждут с водой.

Шаг, ещё шаг...

Какая длинная улица!

Наконец, улица позади. Остаётся пройти метров пятьдесят по какому-то полутёмному коридору направо и налево, вдоль которого пустые дверные проёмы. Он заканчивается ветхой, разбитой дверью. Там - конец пути. Там - вертолёт, ребята, уже можно услышать их приглушённые голоса, смех.

Паутина, скрывающая ноги, отпустила. Тело опять стало упругим, послушным. Страх ушёл. Исчезло ощущение чужого взгляда на затылке.

Они шли вдоль коридора, осторожно заглядывая в дверные проёмы. Пусто. Никого.

Вдруг, в одной из комнат, они увидели... булочки! Много наваленных кучей посередине комнаты булочек! пышные, с золотистой запечённой корочкой, обсыпанные маком. Такие Николай очень любил в детстве. От их тёплого духа даже закружилась голова. Откуда они здесь? Колька обернулся к Олегу:

- Вот здорово! Давай возьмём. Мужики обрадуются.

- Что-то мне это не нравится, - Олег тревожно оглянулся. В коридоре по-прежнему никого не было.

- Куда они здесь?

- Какая разница. Давай, клади их в мой РД (ранец десантника - авт.).

Олег набил Колькин РД доверху, и они пошли дальше. До выходной двери оставалось метра два-три, когда, заглянув в последнюю боковую дверь, Колька опять в удивлении остановился:

- Чудеса! Вот ребята удивятся... Тёплые булочки с холодным молоком.

На этот раз в комнате были кучей навалены бутылки с молоком.

Холодные даже на вид, запотевшие, словно только что из холодильника, поллитровые бутылки, такие же, как дома.

- Олег, мне брать уже некуда. Клади к себе.

- Хорошо, - Олег наклонился к бутылкам.

Колька постоял немного рядом, потом открыл дверь на улицу. Обдало свежим ветерком. Он вышел на крыльцо. Поставил у стены свой РДВ и сел, положив на колени автомат, закурил. На поляне, около вертолёт, сидели ребята. Увидев Кольку, они что-то закричали, замахали руками. Видно, торопили.

«Сейчас придём», - подумал про себя Колька и, слыша, как Олег, набирая молоко, звякает бутылками, улыбнулся: «Всё хорошо. Зря только на себя страху нагонял. А мужикам сюрприз будет!».

Порывом ветра качнуло дверь и, скрипнув, она тихонько закрылась. Сначала Колька не придавал этому значения - Олег откроет, но прошла минута, другая, а дверь не открывалась.

- Олег, - почему-то тихо позвал Колька. За дверью тишина.

- Олег?

Ответа не было. В душе волной поднялось тяжёлое, нехорошее предчувствие. Встать и сразу открыть дверь было страшно. Колька, осторожно опустившись с крыльца, лёг животом на ступеньки, так, чтобы когда откроется дверь, со стороны коридора виднелась только его голова под порогом. Выставил перед собой автомат. Дотянувшись рукой до нижнего среза двери, открывая, потихоньку потянул её на себя, стараясь рассмотреть в постепенно увеличивающуюся щель, что там, внутри.

Вдруг по двери изнутри сильно ударили ногой. Дверь, взвизгнув петлями, пронеслась над Колькиной головой, едва не ударив его.

В груди всё словно завернулось и куда-то оборвалось. Обдало холодом. В мозгу отпечатались с мельчайшими подробностями: грязный халат; грязная чалма; лицо, заросшее жёсткими чёрными волосами до самых глаз; ощеренный, с гнилыми зубами рот; дикие, ненавидящие глаза и закопченный, исцарапанный ствол автомата, нацеленный прямо в Колькин лоб.

Время опять словно замедлилось. Колька видел, как палец душмана на курке автомата стал медленно... страшно медленно сгибаться. Колька нажал на курок своего автомата, но выстрела не последовало.

Мозг словно обожгло - предохранители! Автомат стоял на предохранителе! Палец душмана, выросший до огромных размеров, всё сгибался и сгибался.

Колька, срывая ногти на пальцах, лихорадочно пытался передвинуть рычажок предохранителя на своём автомате, но его заклинило намертво.

Слабая от страха, чувствуя на пальцах кровь, Колька всё дёргал и дёргал предохранитель, а в лоб ему смотрел закопченный ствол чужого автомата, и были медленно сгибающийся палец и налитые ненавистью глаза душмана...

- Коля, Коля! Что с тобой? - слышался голос.

Корчась от страха, ничего не понимая, он смотрел на встревоженное лицо жены.

- Коля! Да что с тобой?

Он медленно соображал: где он, что с ним...

Страх всё ещё цепко держал за горло, и пальцы всё рвали и рвали, пытаясь сдёрнуть с места, рычажок предохранителя...

Из военной лирики

Он на меня бежал,
Совсем еще пацан.
Он на меня бежал,
Крича что-то Аллаху.
И видел я в прицел,
Как сильно он устал,
Да и не мудрено -
Четвертая атака.
Уже в четвертый раз
Разорван перевал
На прильхы и своих,
На правых и неправых.
Уже в четвертый раз
Обвалом на обвал,
Ударом на удар
И яростью на ярость.
Свихнувшееся небо,
Безумная земля,
Ну, почему пацан,
Ну, почему же я?
Все без затей, у выбора
Граненые края:
Иль ты убьешь,
Или убьют тебя.
И я кричал ему
Прицелом автомата,
И я кричал ему
До немоты в груди:
Не заступи черту
Последнего заката,
Ту, что провел я
На его пути.
А он не понимал,
Совсем еще пацан,
Он падал, но вставал,
Он все ко мне стремился.
Я не отвел прицел
И душу разорвал.
Жаль, парень, что и ты,
И я на свет родился.

Задавлен темнотой,
На дальней сопке пост,
Пунктирною чертой
Под ним бетонный мост.
Чужая сторона,
Чужой развал дорог,
И нервы, как струна,
И командир, ох, строг.
Слипаются глаза,
Но ночь еще стоять.
Эх, горькая слеза,
Нельзя, солдатик, спать.
Нельзя - один ответ.
От холода продрог,
Из дома писем нет,
И правый жмет сапог.
Задавлен темнотой,
На дальней сопке пост.
Не спит, залит тоской
Окопчик в полный рост.

Там...

Там было проще. Там война.
Там, если пили, то до дна
и боль, и радость,
Пусть старея раньше срока.
Если рубили, то с плеча,
И мотом крыли сгоряча,
Не признавая полуслов,
полунамека.

Там легче было не солгать,
Там легче было не предать,
Там проще чистым быть,
Хотя война жестока.
Там верный друг и автомат,
А с ними черт тебе не брат,
Там вера в Правду,
Вера Родине далекой.

Там проще было. Там война,
Там жизнь и смерть всему цена,
Разменной мелочи
в карманах не держали.

Там проще было. Там война,
И не моя тому вина,
Что в двадцать лет
Другой мы жизни не видали.

Выйду в ночь,
Как на тропу войны,
Как когда-то шел на перевал.
Выйду в ночь
С боязнью тишины.
Тишина обман, уже давно обман.
Мне спокойнее,
Когда вокруг кипит,
Когда занят делом, не тоской.
Мне спокойнее,
Когда душа грешит.
Значит, я живой, я все еще живой.
А живой...
Так значит, будем жить
За себя и за того, кто пал.
Если пить, то пить,
Взахлеб любить,
Ну а бить, так сразу наповал.

Выйду в ночь,
Она не слабакам,
И развею на душе туман.
Как когда-то
По чужим горам,
Я опять иду на караван.

Тропка к дому

Тропку к дому занесло,
Да не снегом, а песком.
Тропку к дому запуржило
Злым солдатским ремеслом.
Заглушило русским матом
Да багровой пеленой,
Подружило с медсанбатом
С плащ-палаткою женой.

Тропка к дому - крик печали
Да надгробная свеча,
Тропку к дому помечали
Цинк, да запах сургуча.
Улетали в путь неблизкий
Похоронные листы,
Вырастали обелиски
Да могильные кресты.

Тропка к дому - дни и ночи,
Перечеркнуты войной,
Да скупая пара строчек:
Здравствуй, мама, я живой.
Тропка к дому - сны солдата.
Все когда-нибудь пройдет.
Все пройдет, и нас, ребята,
Тропка к дому приведет.

Ну, сколько можно
Воевать, братва?
Быть может, хватит,
И пора остановиться?
Давным-давно
Закончилась война,
А наши лица,
Все воюют наши лица.

Казалось...
Не жалеем ни о чем,
Но что-то гложет,
Что-то точит вены,
И через край плеснувшись,
Палачом берут за горло
Беленые стены.
Кто раньше, кто позdney,
Но каждому дано
Опять сорваться
В пропасть перестрелки, рванув
Не за гранатное кольцо,
Рванув за душу,
Обрывая сердце.

Чем реже, тем сильней
Болит душа,
Нас загоняя в бой
С самим собою.
Как на весах,
На лезвии ножа
Свою мешаем кровь
С чужою кровью.

Ну, сколько можно воевать?
Братва...

г. Калтан.

Аделья МАЧКОВА

Всё – Красота, что в жизни свято,
На всё пролит волшебный Свет.
Природа Красотой объята...
Мы видим от неё лишь след.

Прекрасна всякая пора.
И в самом деле
Весной все краски за окном,
как акварели.
В прозрачной дымке тонет лес,
листвой клубится;
А осень золотом летит,
она – жар-птица.
Вот опустел осенний сад.
Грущу? Не очень.
А на дворе то дождь, то град,
морозы к ночи.
Зима набросит снег на дом,
и, между прочим,
Сугробы слепит за углом,
как белый сочень.
Прекрасна всякая пора.
Да, в самом деле.
Но лучший стих из-под пера...
под звон капли.

Весна. Родился первый лист,
По-детски клеек и душист.
Он зиму спал на ветке в почке;
И вот, обласканный теплом,
Проклюнулся из оболочки,
Зелёным шевелия крылом.

Уже растаяли снега,
И сок с берез слезой скатился,
Под яркой зеленью луга,
И к новой жизни лист родился.

Вновь пробудившись ото сна,
Отдав зиме мечты и грезы,
Стоит, по-девичьи стройна,
Листвой обвитая береза.

Дрожит на ветке каждый лист,
Вбирая воздух с упоеньем.
Лихой, с веселым вдохновеньем
По лесу льется птичий свист.

Густеет воздух, зноем пышет.
Лес замер, кажется, не дышит,
Но прячет всех на целый день
В свою спасительную тень.
В движении зеркальных вод
Дрожит поблекший небосвод.
На небе солнце раскалится,
И зноем по лугам пролилось,
А, утомленная жарой,
Трава к прохладе стан склонила;
Ее росой земля умыла,
Остыв от ласки огневой.

Вдали шумело, грохотало...
Но ветру, видно, было мало,
Ему наскучил летний зной,
Он поиграть решил с грозой;
И тучи чашей не пролитой
Нависли прямо надо мной.

Все замерло и потемнело.
Пространство словно онемело.
Вдруг в тучах

светом полыхнуло,
И чашу вмиг перевернуло;
Та опрокинула стеной
На землю дождик проливной.

Вода летела водопадом
Над домом, речкой,

нашим садом,
Плескалась в лужах, пузырилась,
Стучала каплями в окно...
А мне хотелось лишь одно –
Все чтобы снова повторилось.

У августа иная статья.
Здесь трав цветущие разливы,
И созревающие нивы
Готовят золотую кладь.

Медовым запахом трава
Кружит и голову дурманит.
Напева грустные слова
По вечерам печалью манят.

Уже листва покрылась златом,
Туманы гуще над рекой.
Ковер из трав косцами скатан,
Хрустит негромко под ногой.

Ах, осень – золото лесов!
Летающих птиц последний зов.
Прощальный крик
тревожит слух,
А у земли пьянящий дух!

Лес стелит запахи свои:
Созревших трав, листы, хвои...
Купаюсь в них и пью до дна,
Хмелея, точно от вина.

В опавших листьях под сосной
Гриб притаился молодой;
Там, где увядшая трава,
Видна под шляпой голова.

Смотрю на чудо, чуть дыша:
Роса катится не спеша
На край листа, как на карниз.
Повисла и скользнула вниз.

Вот пенёк застыл лохматым зверем,
Как страж у входа в древний терем,
Где злато, бархат и парча...
Здесь куст сгорает, как свеча;

Там паутина нитью тонкой
Засеребрилась, чуть дрожа;
И заливают трелью звонкой
Простор лесные сторожа.

С деревьев желтая листва
Давно на землю облетела,
Где головы поднять не смела
Дождем прибитая трава;
И, обнаженные, стыдливо
Кусты стояли молчаливо.
На ветке лист один качался,
То к ней он робко прижимался,
То трепетал, шумел и рвался
И все решить никак не мог –
Взлететь или упасть у ног.
В сомненьи мучаться устал,
Взлетел – и под ноги упал.

Осень

Под ярким, но холодным светом
Убор, что был зеленый летом,
Сегодня золотом расшит.
И каждый куст в саду спешит,
Спешит успеть, а как иначе,
Наряд одеть, что побогаче:
Расшитый красный сарафан,
Парчу и бархат, и сафьян,
Но ветер ласковой рукой
Рассыпал платья над тропой.

Вот, Богу только лишь подвластный,
Упал на землю день ненастный
Туманом над рекой застылым,
Дождем холодным и унылым,
Что сыплет капли целый день.
Сорить водой ему не лень.
День ото дня тепло все тает,
Жизнь затаилась, замирает.
И я сижу намокшей птицей
Над отсыревшей половицей,
Лишь от веселого словца
Парок клубится у лица.

Октябрь

Дождь осенний стучит по крыше,
Словно дятел, то громче, то тише.
Под ногами захлюпали лужи,
В ожидании ноябрьской стужи.
Лист на ветке повис лоскутком,
Вдоль тропы побуревший кленер,
Осень желтым махнула платком,
И легко повернула на север.

Все ожидает зимней стужи.
Уж наступили холода,
И первый заморозок лужи
Накрыл прозрачной коркой льда.

Сквозь пелену свинцовых туч
Все реже виден солнца луч.
Снежинки первые кружат
В когда-то яркой синеве.

И листья, съездившись, лежат
На примороженной траве.
Спешит, идет на встречу с нами
Зима неслышными шагами.

Славино

Застыла волнами река,
Сверкнув, упала в облака,
Что опустились к тонкой льдине,
Уснула, словно на перине,
Тая в глубинах темных вод
Лазурно-чистый небосвод.

День был прозрачен и лучист,
И лес, облитый солнцем, чист:
В янтарь одетая сосна,
Береза белая красна,
Стоит, как статная девица –
В парче серебряной царица.

Расшиты блеском рукава...
Какие мне найти слова,
Как описать все торжество,
Зимы морозной волшебство:
Сугробы на еловых лапах,
И все макушки в белых шляпах.

Звонящий лес, метелей свист
Возможно ли
нарисовать на лист?!

Каприз

На глазах всего народа,
Исполняя свой каприз,
Подарила нам природа
Удивительный сюрприз.

Средь зимы родилось лето
(Это было, было это),
Ливнем смыл пушистый снег,
Обмывала новый век.

Птицы звонкие запели,
Верить смели и не смели.
Луж блестели зеркала.
Засияло солнце в небе,
Раскалившись добела.

Но зима свое взяла,
И закончился каприз.
Закружили снег метели,
А застывшие капли
Зазвенели о карниз.

Дом врос в сугроб до самых окон,
За ним сарай, как белый кокон.
Столбами дым от труб печных,
Пустынно в улицах ночных,
Лишь фиолетовую тень
Бросает вдоль дорог плетень.
Сквозь пелену тумана, туч
Пробился первый солнца луч;
И что-то с красками случилось,
Ночь, вдруг бледнея, растворилась.
Искра под солнцем белизной,
Снега лежали предо мной.

В проталине замерзших окон
Мелькнул искристый белый локон.
То две березки, две соседки,
Покрыты инеем все ветки.
И хвастать каждая готова
Своей искрящейся обновой.

Проплыла елка в шубе снежной.
И сном покойно безмятежным
Под снегом поле отдыхает.
А солнце блеском осыпает
Леса, овраги и поля.
В дожде серебряном земля.
Волна бескрайних белых вод,
Сверкая, льется в небосвод.

Раздолье белое струится,
Даря покой и благодать,
И небеса стремятся слиться
С землей, уж грани не видать.
Снега сверкают по отрогам,
Там горы – шапкой в небосвод.
Природа вся восходит к Богу,
Она лишь там предвечный плод.

Фотоэпоп Светланы ЯСТЕБОВОЙ.

Мороз трещит всюю. Зима.
В сугробах тонет чай-то след,
На ветках иней-бахрома
Лежит, как нежный вешний цвет.

На улице метель поет,
А мне мечтается о том,
Как солнце жаркое зальет
Поляну и замерзший дом.

Зеленой легкой дымкой лист
Опутает все деревья,
И небосвод глубок и чист,
И ярким бархатом трава.

Все оживет и запоет,
В движеньи к жизни зашумит.
А здесь пока мурлычет кот,
На своде лампочка горит.

Как хорошо в морозный день,
Когда дремоту свяжет лён,
Сесть у натопленной печи.
Духмяно пахнут калачи,
Налит на блюдцах мед душистый,
Янтарный, желто-золотистый;
Шумит на печке грозно чайник,
Как рассердившийся начальник.
Мелькают блики на стене
От дров, сгорающих в огне.
Еще какое-то мгновенье
Сияли золотом поленья,
Но вот, сверкнув последний раз,
Прикрылся пеплом красный глаз.
То, что березой прежде было,
Нам верно службу сослужило.
Пусть на дворе мороз трещит,
А нам тепло, и чай налит.

Весна

Зимы порядок не нарушен,
Но день за днем он стал послушен
Порывам света и тепла.
Сугробы рыхлы, и метла
Их наметает реже, реже.
Снега белы и внешне те же,
Но в них уже ворчит шутя,
Растет весеннее дитя.

Вода сугроб рыхлит шутиливо,
Под солнцем тает серый снег.
Идут девчонки торопливо.
Порой переходя на бег.

Дробятся лужи башмаком.
Сверкает все от капель звонких,
Что вниз летят с сосулеч тонких.
И небо – голубым платком!

Вот теплый воздух заструился
Среди берез и тополеи
И ласковой волной пролился
Над необъятностью полей.

Забыв о холоде и стужах,
Веселый молодой апрель
Был как дитя,

плескался в лужах,
И рассыпал везде капель.

Для новой жизни из Вселенной,
Приливом вечной чистоты,
Весенний бриз прибрежной пеной
Леса забрызгал и сады.

Став на земле весенним сказом,
Кусты цвели все вдруг, все разом,
А в подвенечном платье белом
Сад шелестел пока несмело
Листом и ветками с цветами,
И сыпал белый снег над нами.

Перед рассветом ночь темнее,
Ее прохлада пьет река.
Туманы белые, густые,
Окутывают берега.

Вот посветлел во тьме ночной
Край неба робкой полосой.
Еще мгновенье, темный свод
Залит волной лазурных вод,
И над землей, объята сном,
Осталась лишь луна пятном.

Широкий, алым рукавом
Стирая лик ее печальный,
Восходит солнце с торжеством,
Кольцом сверкая обручальным.

Цвет алый, растворяясь, тает
Лазурь вновь небо заливают,
И вновь смывается волной
От солнца бледно-голубой.

Так краски разные творя,
Спускалось солнце с алтаря;
Пожаром по лугам разлилось,
И за гору огнем скатилось.

г. Новокузнецк.

Родилась в Новосибирске, а с 1974 года живет в городе Белово. Работает в Центральной городской библиотеке. Всю жизнь мечтает путешествовать.

Стихи начала писать в детстве. Взрослела Ирина - возросла её стихи. Выпустила сборник «Шалости юности.»

Ирина ПЕРЕВОЗКИНА

Сухая гроза

Гроза перекадилась через город,
Всю ночь гремела, не давая спать.
А легкий летний снег, сухой,
как порох,
Лавиной с тополей сошел опять.

Я умру от тоски-недуга,
Не сказав никому ни слова...
Но приходит ко мне подруга,
Изливает мне душу снова.

Как устала я быть жилеткой,
Чтобы впитывать чьи-то слезы!
Надо мной посмеется лето
И под сердце вонзят занозы.

Я давно потеряла друга
И «любовь» для меня - лишь слово.
Но приходит ко мне подруга,
Чтоб в жилетку поплакать снова.

Еще дай бог нам всем и пить, и петь,
Менять струну, порвавшуюся звонко...
Мне кажется: я все еще девчонка,
Которой так не скоро умереть.

Мне кажется - я все еще живу
В том светлом мире, где повсюду лето,
Где столько не испытано, не спето,
Но я узнаю это - наяву.

Мне кажется - все будет впереди,
Я жизнь пишу еще начерновую,
Своих друзей к подругам не ревную,
Поскольку верю в искренность любви...

Еще дай бог нам всем хотя бы раз
Под крышей неба, под стенами сосен
Собраться вместе... А злодейка-осень
Уже подкарауливает нас...

Конец юности

Повзрослев на исходе столетия,
Объявить благодарность Судьбе:
Делать новое тысячелетие
Выпадает и мне, и тебе.
За делами забыв про рассветы,
На денек замедляем свой бег
И шалить безоглядно, как дети,
Иногда позволяем себе.

Когда случаются аварии в любви,
Мне песня вновь протягивает руку,
И ей я доверяю, словно другу,
Который никогда не подводил.

Когда в душе отчаянье живет,
Когда в глазах снега - золы чернее,
Живу и выживаю только с нею,
И слышу только тех, кто ТАК поет.

И, пережив очередной финал,
Струну у сердца подтяну потуже
И на замок свою закрою душу,
Чтобы никто об этом не узнал.

Бегство

Спасаясь бегством...
От чего?
От губ, которые любила,
От глаз,
которых не забыла,
От обаяния твоего...
Спасаясь бегством.
В никуда,

В очередную авантюру.
Порой корю себя, как дуру,

Считая смятые года.
Спасаясь бегством...

от себя,

От мыслей, что идут по кругу,
Что потеряла я не друга,
Гораздо большее - ТЕБЯ.

Ни единой строкой не лгу:
Ты мне был всех людей дорожее.
Но теперь на моем снегу
Твоего следа быть не может...

Запах сентября

Пахнет сентябрем -
звездами краткими,
Мелким дождем,
фруктами сладкими,
Жухлой травой
в парке нехоженом,
Новой главой
жизни несложненной.
Это лишь июль -
лето цветущее
Хочет всплывать
дождем шуточным.
Будут еще дни -
жаркие, яркие,
Каждый из них -
словно подарки нам.
Мы с тобой вдвоем -
большого надо ли?
И звезды
дождем
падали, падали...

К твоим ногам, забыв про годы,
Виня или хваля Судьбу,
Откинув гордость и свободу,
Листом осенним упаду.

За краткий миг познания рая,
За ласку губ и чуткость рук,
За то, как ты шептал «родная» -
С тебя снимаю грех разлук.

Сейчас мы дальше, чем до встречи,
Но благодарна я Судьбе
За тот июнь, клубнику, вечер,
Что привели меня к тебе.

Сон

Кого из двух целую,
О ком из них пишу?
Сама перед собою
(Я чувствую) - грешу.
Одни глаза и руки,
А губы - не его...
И в тягостной разлуке
Все жду я. Но кого?
Один - журавль в небе,
Другой - в руке Жар-птица.
Бывает же такое:
Пригрезится, приснится...

Не повторяется любовь,
Как ни зови, как ни надейся...
Он далеко. И маюсь здесь я

Покуда не увижу вновь.
Хочу поверить, что люблю,
Хочу парить, от счастья таять,
Хочу дарить... Терзаю память
И всплески нежности ловлю...

Жизнь - это бусы, которые рвутся, бывает.
Кто-то уедет, а кто-то, увы, умирает.
Так и теряются бусинки -

годы и бусинки - лица...

Было давно ожерелье в три круга,
А нынче браслетик теснится.

Воспоминание о востоке

Низкое солнце заката,
Хмурый бархан за спиной...
Все это было когда-то,
Все это было со мной.

Стелется лента дороги.
Пруд. Тополя. Чайхана.
Гор Тамдытау отроги.
Южное небо. Луна.

Ветер. Ночная прохлада.
Жаркие дни сентября.
Ослики. Дыни. Халаты...
Все это видела я.

Несколько суток знакомства,
Годы и годы вдали.
Но позабыть непросто
Горы, Бахмал, Навои,
Яркий ковер Ташкента,
Зов неизведанных стран...
Там бирюзой сверкает
Древний седой Самарканд.

Меньше недели вместе -
И расставаться нам.
Здесь нас собрали песни,
Узбекистан, Заравшан.

Память размоет лица,
Вычеркнет имена...
Будет всю жизнь мне снится
Сказочная страна.

В архиве

Держу газетные страницы,
Что пролежали много лет:
Совсем другой эпохи лица,
Совсем другой идеи свет...
Мы вовсе не были наивны,
Мы просто верили в добро...
Совсем не те слова у гимна,
Совсем не тот событий ход.
Для телевиденья программа
В одну восьмую полосы...
До коммунизма оставались,
Казалось, сущие часы.

Странный день

Станный какой-то день
Выдался у меня:
К солнцу тянулась тень,
Дым был, но без огня...
Жду я чужих звонков,
А от тебя не жду.
Выбор мой стал таков:
Горем залить беду.
Тает последний снег.
Вновь до зимы - прощай!
В прошлом спасенья нет,
Я прогоню печаль.
... Солнце вошло ко мне
Лучиками звеня, но...
Станный какой-то день
Выдался у меня.

г. Белово.

Ольга БЕККУЛИЕВА

Живёт и работает в Таштаголе, окончила Кемеровский государственный институт искусств и культуры. Стихи пишет с раннего детства. В 2004 году выпустила свой первый сборник стихов «Я нарисую твой портрет...» Увлекается музыкой и пением. Окончила музыкальную школу.

Я нарисую твой портрет.
Он будет очень непохожим...
Ты будешь принцем тёмнокожим,
А может нет...
Твои печальные глаза -
засветятся, как аметисты,
И взгляд твой будет серебристым,
хоть так нельзя...
Остатки фраз, осколки слов
Вложу я в твой портрет небрежный.
И чтоб он получился нежным -
Вложу любовь.

Осень

Осень. Золочёная пора.
Осень. Отмирающее утро.
Гаснут в небе блики перламутра,
И холодный дождь идёт с утра.
Осень на пороге, на дворе...
Души, словно листья, опадают...
Я же, почему-то ожидаю,
Что апрель наступит в сентябре.
Осенью, как летом, я одна
Медленно по улицам блуждаю.
Но придёт, придёт - я точно знаю -
В сентябре - весна!

Рисунок

Листок из старого блокнота...
На нём так мало и так много:
Скрипичный ключ, шальная нота,
Три кратких слова. В них тревога.
Набросок силуэта в профиль,
Обрывок фразы недопетой.
Над этим лёгким силуэтом
Дымящаяся чашка кофе.
И чей-то лоскуток вуали
Летит над нежною строкою.
Романс сентябрьской печали,
Тоска по счастью и покою.

Мечта

Если б я была знаменитой,
Если б я известной была.
Я б имела лунные нити
И озёрные зеркала.
Мне б доступно было мерцанье
Луны и полнотных звёзд,
Гусарской шпоры бряцанье,
Увядший плющом погост...
Старуха в саване белом,
Первый крик ребёнка в тиши.
И моё не вечное тело,
С тонкой свечкой вечной души!

Тебе

Солонку на чёрном хлебе
Сейчас я тебе подарю,
Осколок луны в чёрном небе
И утреннюю зарю,
Ночь в бархатном одеянии,
Дождиками вышитый день,

Вечернее ожидание,
Мою прозрачную тень.
Тебе подарю я рощи,
Луга и сосновый лес...
Всё будет намного проще,
В стране из моих чудес!..

Хрупкая соломинка надежды
Не даёт мне в грусти утонуть.
Мне уже не быть с тобой как прежде.
Глаз твоих влюблённых не вернуть.
Краткое, безоблачное счастье
Вдруг угасло трепетной свечой.
Всё вернуть назад не в нашей власти.
Мы уже не связаны с тобой.
Всё! Любви проиграна пластинка.
Больше не друзья, но не враги?
Лишь цела надежды паутинка.
Ты ей сохранишься помощи.

Наедине

Голубой абажур. Ночник.
Прекрасной музыки дрожь.
Ты ко мне губами приник
И моё дыхание пьёшь.
Голубой неистовый взгляд,
В нём сквозит отчаянья тень.
Нас с тобой опять разлучат.
Есть у нас всего один день.
Голубая лампа в ночи
Льёт печальный, искренний свет.
Мы под музыку помолчим.
Только я и ты. Мира нет.

Жизнь - это сон.
В нём чёрные провалы.
Сквозь щели пробивающийся свет.
Я у тебя минуты воровала
И красила их в ярко-нежный цвет.
Свои часы ты проводил со мною,
Они меняли запах, цвет и вкус.
Теперь я под насмешливой луною
Остаться в одиночестве боюсь.

Жизнь - это сон.
В нём сказки и кошмары.
Ты тоже мне приснился.

Ну и что ж.
В таинственные ночи, будуары
Меня ещё не раз ты уведёшь.

Фантазия

Выключу вечером солнце,
В облаке кран заверну,
Сумрак повешу в оконце,
Время назад поверну.
Станет котёночком кошка,
Станет травой молоко,
Суп грибной спрыгнет в лукошко,
В лес убежит далеко...
Семечком дерево станет,
Речкой ленивою - душ.
А из кровати протянет
Ручки мой маленький...муж.

Вдохновенье слетело воздушно
Лепестком ночного цветка.
И повеяло в комнате душной
Ароматом того лепестка.
Так легко и свободно дышалось,
И отпала нужда говорить...
Так мечтательно-нежно
молчалось,
И хотелось любить
И творить.
И красивые чистые ноты,
Что легки, как осенний луч,
Я расклею в своём блокноте
И запру на скрипичный ключ.

г. Таштагол.

Анатолий ГУЛЯЕВ

Однажды,
в полёте
мотор отказал

Быль

«Над аэродромом тишина
И печальный свет Кассиопеи.
Здравствуй, вертолётная страна,
Думал, что к тебе я не успею...»
Валерий Козлов (г. Кемерово)

В аэропорту города Таштагол авиакомпания «АэроКузбасс» на вертолётах «Ми-8т» обслуживает жителей труднодоступных поселков Горной Шории. В военной авиации, в которой я прослужил более двадцати пяти лет, о подобных работах говорили так: «Возим уголь, возим лес и...офицеров ВВС». Кроме обслуживания населения авиакомпания «АэроКузбасс» занимается спасательными работами.

В июле направили меня в командировку в Таштагол. Работаем, а тридцать первого июля начальник аэропорта предупредил о возможном перелёте вертолёта на следующий день на базу в Новокузнецк, потому что вертолёт дорабатывал свой межремонтный ресурс, к тому же «подходил» к замене и несущий воздушный винт.

Перед оформлением командировки я получил устное распоряжение от своего начальника о целесообразности моего прибытия на базу со своим бортом: для замены несущего винта.

Начало нового месяца, первое августа, выпало на пятницу, начиналась она у нас с подготовки к дежурству и ожидания... Когда подготовка вертолёта подходила к завершению, поступила команда:

- Подготовить вертолёт к полёту по «сан. заданию».

Следом за первым распоряжением последовала команда от командира экипажа об установке в фюзеляж вертолёта дополнительного топливного бака, поскольку полёт будет продолжительным...

В десять сорок свистящий рёв авиационных двигателей и хлопающий шум воздушных винтов вертолёта пробудил ото сна успокоившееся за ночь девственное таштагольское небо. Поднявшись в воздух, немногим выше окружающих город гор, вертолёт лёг на курс Междуреченска, там, на площадке поискового спасательного отряда, была выполнена первая посадка.

Уточнив обстановку и взяв на борт двух спасателей, командир экипажа Андрей Нечипорович вновь поднял в воздух свою винтокрылую машину. Курс взяли в район Лужбы, к Поднебесным зубьям, и небезызвестной своей красотой Золотой долине, где, якобы, какая-то туристка...то ли ногу сломала, то ли ещё как-то травмировалась.

Мне можно было остаться в Междуреченске, на базе спасателей, и там дожидаться возврата вертолёта. Но какой-то внутренний голос подсказывал, что нужно лететь с бортом: вдруг в заранее запланированном поведении какие-то изменения...

В авиации такое случается, и нередко. К тому же бортовой механик, Володя Чураков, ставший за время командировок другом, посмотрел на меня так, что оставалось на земле для меня являлось бы чем-то наподобие предательства.

- Зубья Поднебесные собственными глазами увидишь, Золотую долину. Не видел ведь ни разу?... - зычно крикнул он мне.

В молодые годы, служба в ВВС, я, как Чураков, летал немногим более семи лет в качестве бортового техника-испытателя на тяжёлых военных самолётах. Поэтому порой доводилось испытывать чувства какой-то раздвоенности и угрызения, когда смотрел вслед

улетающему самолёту, с которым длительное время бывал неразлучным. Летательный аппарат в собственном воображении как бы одухотворялся, и тогда, видя его силуэт, растворяющийся в пространстве, почему-то думалось, что я в чём-то предаю его. Нечто подобное, совсем уже забытое, вновь возродилось во мне и в этот раз.

Возможно, причиной тому стал Володя Чураков...

Очередная посадка после взлёта из Междуреченска была произведена в Золотой долине, сплошняком покрытой цветами светло-фиолетового Иван-чая.

По пути к ней во все глаза смотрели на медленно плывущие под нами заросшие лесом высокие горы, между которыми кое-где бежали куда-то горные речушки, кажущиеся с высоты птичьего полёта небольшими ручейками.

Всё видимое под собой заколдовывало и, как мне думалось, не только своей первозданной красотой, но и - как всё опасное для тебя в данный момент. Поскольку, если быть искренним, то, наверное, у каждого человека в таком полёте исподволь появляется в голове мысль: «Не дай Боже нам приземляться здесь аварийно...».

Последнее, само собой, подменяется смысловым значением: «Падать - с небес...на горы». Не говорю уже о самих «Зубьях Поднебесных», вдоль которых и пролегал маршрут нашего полёта.

Словом, всё видимое, перерабатываясь в организме человека, проникает в кровь, которая, попадая в жилы, бежит по ним сплошным адреналином.

Наверное, это же влечёт сюда туристов, которые сломя голову карабкаются на скалы, нередко срываются с них. Падая, ломают руки, ноги...разбиваются насмерть.

Если же везёт падавшим со скал, и они восстанавливают своё здоровье, то непременно вновь возвращаются сюда и с прежним задором в глазах смотрят на не поддавшиеся когда-то горы.

Именно по этой причине «жизненный ручей» всех летящих в нашем вертолёте тоже прибежал сюда...

Пока летели к Золотой долине, накоротке познакомился со спасателями: командиром отряда - Яковом Михайловичем Малявко и ведущим спасателем отряда, заодно и «лекарем» - Сергеем Прокопьевичем Рудомётовым, которые по перемене, словно экскурсоводы, пояснили мне, впервые летевшему над всем видимым, где, что и как...

Посадка на Золотую долину оказалась безрезультатной: выяснилось, что пострадавшая, из-за которой пролетели столько километров, находится в другом месте.

Вновь взлетаем, идём в обратном направлении - вновь мимо Зубьев. Сергей Прокопьевич, фотографируя самые интересные фрагменты земного ландшафта, заодно рассказывает о них - для лучшего усвоения:

- Вон та гряда, - громко говорит он с нескрываемой иронией, показывая рукой на проплывающие на приличном расстоянии горные нагромождения, - называется Дураками. - После чего начинает пояснять отличия одного скального нагромождения от другого, хотя, на мой взгляд, они мало чем отличаются друг от друга.

Вдруг его пояснения перебил непонятный громкий хлопок над нашими головами. После чего наступило общее молчание и напряжённость.

«Пампаж...двигателя?! - молнией пронеслась в моей голове мысль - как у врача, установившего, неожиданно для себя, смертельный диагноз своему пациенту, возможно даже - самому себе или самому близкому человеку, после чего вожаком и безнадёжно сомневающимся в принятом умозаключении...»

Мои мысли прервал душераздирающий металлический скрежет в том же месте.

«Что-то...клинануло! Двигатель или редуктор?» - вновь прострелила голову холодящая мысль, вносящая ясное понимание и в вечно неразрешимый вопрос «о жизненных перспективах»...

«Далее, по всей видимости, начнём падать - и!..» - подумалось вновь, когда вертолёт начало дёргать из стороны в сторону в боковом направлении.

Нервно повернув голову, посмотрел в блистер входной двери. Вертолёт, сильно раскачиваясь из стороны в сторону, быстро терял

высоту, но потери стабилизации полёта и беспорядочного падения явно не было. Какой же по счёту у меня этот случай?

...Начал вспоминать давно пережитое.

Хорошо помнился первый. Тогда я, совсем ещё молодой лейтенант, только-только начавший самостоятельно летать на самолёте «Ил-14» в качестве бортового техника, впервые попал в сложную ситуацию в полёте. При заходе на посадку, на подмосковный аэродром Чкаловское, у самолёта по непонятным причинам начала падать скорость, в какой-то момент казалось, словно он завис в воздухе, внизу же сплошняком глядели в небо сотенные жилые дома... Тогда думалось: «Всё...кранты!».

Теперь же, несмотря на подсознательно предполагаемый неблагоприятный исход, тревожных мыслей в голове не было, возможно, организм привык уже к подобному - верилось в надёжность вертолёт и в лётчиков...

- Левый двигатель отказал! Идём на вынужденную посадку! Ремнями пристегнитесь! - прорезал внутреннее пространство вертолёт громкий человеческий крик.

Кричал Чураков.

Смысл сказанного бортовым механиком был предельно ясен, тем не менее, до моего сознания слова сразу как-то не дошли, поскольку мысли витали за пределами вертолёт.

Непроизвольно взглянув на спасателей, сидящих на противоположной от меня стороне - по правому борту, увидел, что они оба пристегнуты ремнями, сидят молча и сосредоточенно, словно два оловянных солдата. Тут-то и до меня дошло, что нужно пристегиваться. Не глядя, схватил руками привязные ремни и потянул на себя, но они не «пошли» - замками были зажаты между сидением и бортом вертолёт. Чтобы достать, надо подняться на ноги, приподнять сидение и высвободить их.

Мельком посмотрев наружу, через окно входной двери, понял, что времени на это у меня уже не осталось: вертолёт стремительно нёсся к земле, до соприкосновения с мелькающими под нами огромными валунами и каменными глыбами оставалось не более полутора метров. Со всей силы зажал в кулаки выступающие наружу части ремней и плотно прижался спиной к борту вертолёт.

Через мгновение ощутил резкий удар колёсами вертолёт о землю и подскок, потом ещё...ещё удар и подскок, затем резкий разворот в левую сторону и резкая же остановка, после чего...спокойствие, с приятным слуху, виновато оправдывающимся посвистыванием исправно работающего двигателя и несущего винта...

Можно или нет называть первое августа вторым днём рождения для всех, кто летел на борту нашего вертолёт в этот день? Наверное, можно! И это не высокопарная фраза. Поскольку, без прикрас, ситуация действительно была сложной.

Любое, изначально незначительное отклонение от нормы, может привести к катастрофическим результатам, а может - наоборот,

стабилизироваться, войти в нормальное русло и не иметь никаких последствий. Так говорит статистика!

Так получилось и в нашем случае.

Выйдя на землю, мы начали обниматься и поздравлять друг друга. Но самые тёплые слова благодарности и признания были адресованы командиру экипажа - Андрею Таудешевичу Нечипоровичу.

Служа в военной авиации, я нередко слышал после посадки самолёт выражение: «Спасибо командиру, что не убил!», которое, на мой взгляд, пропитано сарказмом. В то же время, в подобных нашему случаю ситуациях более ёмко не скажешь. Получается, что в

этом выражении - истина, пусть грубоватая, но без прикрас и подрисовок!

Несколько успокоившись и придя в себя, осмотрели вертолёт и его путь вдоль каменной косы горного ручья. Коса, на которой мы оказались, была сплошняком завалена огромными валунами, а ведь о них можно было разломать не только стойки шасси вертолёт, но и сам вертолёт. Кроме валунов, поперёк косы лежало и большое дерево, вывороченное внешней водой, через которое вертолёт перескочил при первом подскоке. В общем, мест, где можно было переломать свои шеи, было достаточно. В нашем же случае, кроме вышедшего из строя заклиненного левого дви-

руководством командира вертолётной авиационной эскадрильи «Аэрокузбасса» Владимира Викторовича Кобелева неисправный двигатель был вручную заменен на исправный, и в десять часов утра седьмого августа вертолёт взлетел с каменной косы.

Солнце, поднывавшее над горами к моменту взлёта вертолёт, начало прогревать землю и воздух, от воды клубами поднимался пар, тут же превращаясь в низко ползущие над землёй облака. Удаляясь и поднимаясь вверх - по горам, облака цеплялись своими бородами за их вершины, в том числе и за видневшиеся вдали Зубья. Люди во все глаза и с нескрываемой грустинкой смотрели на полю-

бившиеся им дикие места, с которыми наверняка им уже не придется встретиться... Хотя, как знать: «Горы будят у нас... Горы просят остаться!..», как пел великий наш соотечественник Владимир Высоцкий.

Послесловие: адресом временной семидневной прописки нашего вертолёт по месту своей вынужденной посадки стала каменная коса горного ручья Казыр, которая находится выше устья ручья Чебылук (между устьями слияния Большого и Малого Казыра). К слову сказать, как пояснили спасатели, название «Казыр» переводится на наш язык как «бешеный». По весне вода в ручье поднимается более чем на два метра, тогда действительно Казыр становится «бешеным»: выворачивает из берегов валуны диаметром более метра и вековые деревья и несёт их до тех пор, пока не выдохнется и не успокоится. Нас же он встретил очень гостеприимно и мило, буйного своего нрава не показывал, поэтому мы назвали его Ласковым...

Как бы подводя черту под всем сказанным, хочется добавить ещё одну не прописную авиационную истину: в авиации мелочей не бывает, поэтому каждый, кто поднялся на борт любого небесного корабля, чтобы поплыть на нём по воздуху, всегда должен помнить, что спасение его, если что... (не дай Боже, конечно), прежде всего начинается с него самого, с того, как он сам побеспокоится о себе, о своих ремнях безопасности...

Что же касается безопасности передвижения на воздушном транспорте, то по статистике оно более безопасно и надёжно по сравнению с наземным транспортом, к примеру - с автомобильным...

И ещё, что касается времени: в процессе расследования рассказанного вам события, по материалам объективного контроля (так называемого «чёрного ящика») выяснилось, что время полёта вертолёт от первого хлопка - до момента посадки на каменную косу не превысило и одной минуты. Нам же казалось, что летели значительно дольше...

Не зря, видимо, учёные-физики говорят, что время - относительно. И в самом деле, иногда кажется, что прожитые годы, а то и десятилетия пролетают, как одно мгновение, но нередко бывает и обратное, когда одно какое-то мгновение тянется, словно целая жизнь.

Фото автора.

гателя, всё остальное было целёхоньким. «Знать, не нужны пока на небесах наши души, знать, пока что мы тут, на Земле, потребуемся», - шутя, говорили мы тогда друг другу.

Спасательный вертолёт, теперь уже за нами, прилетел к вечеру. Александр Петрович Кривопишин, председатель комиссии по расследованию инцидента - так на официальном языке называется всё то, о чём я рассказывал, после ознакомления со всем произошедшим, так же, как и мы, поблагодарил командира экипажа.

«Ну вот, Андрей, ты и реабилитировался...» - сказал он, имея в виду инцидент, когда при взлёте с площадки ограниченных размеров Андрей Таудешевич немного зацепил несущим винтом крону дерева...

Целую неделю простоял наш вертолёт на месте вынужденной посадки. В течение трех последних дней усилиями специалистов инженерно-авиационной службы авиационно-технической базы авиопредприятия «АэроКузбасс» под руководством начальника вертолётного цеха Евгения Юрьевича Комарова и начальника смены Сергея Александровича Полякова, а также двух лётных экипажей под

Бобыль доля

Рассказ

Приехав в очередной отпуск на свою малую родину, к матери, я, как изголодавшийся, набросился на дела, которые необходимо было делать в отчем доме...

Когда всё основное было сделано, то я, как показалось моей маме, немного приуныл. Нет, я не сползая из угла в угол, не зная, куда себя деть: гулял по оставшейся скудной нашей природе и пописывал свои рассказы...

- Сходил бы ты к Фёдору Даниловичу, проведывал бы его, да поговорил бы с ним: заболел он сильно — помирать собрался, - сказала мама, явно желая скрасить серую отпускную жизнь.

Я не стал возражать ей, и не потому, что был послушным сыном, нет, просто я и сам собирался навестить соседа, которого знал с раннего детства и с которым прежде связывало меня нечто вроде дружбы старого и малого...

Юрьев был, что называется, коренным усятским. Он, как плоть от плоти, вырос из предшествовавших ему поколений усятских мужиков, был похож на них и в то же время чем-то отличался. Это и притягивало меня к нему.

Схожесть его со всеми заключалась в том, что в молодые годы, да и позднее, он изрядно «закладывал за воротник». При этом нередко буянил: гонял по Усятам свою Юрьиху и поматеривал соседей... А отличался тем, что был идейным: как член партии, душой болел за Державу и постоянно думал о том, почему мы так медленно идём вперёд, к той цели, за которую он, не жалея себя, прошагал по фронтам Великой Отечественной войны от первого и до последнего её дня.

Иногда Фёдор Данилович задавал себе и такой вопрос: «А туда ли вообще мы движемся?». Задумываясь над этим глобальным вопросом, опускался из заоблачных высот на грешную землю, выискивал недостатки в обыденной жизни и, став к перильцам своего высокого крыльца, начинал раздавать «всем сестрам по серьгам» на чём свет стоит...

Но к тому моменту, о котором я веду речь, Фёдор Данилович был уже не тот: состарился и болел - ноги его мучили. По годам было ему где-то около восьмидесяти или немногим за восемьдесят.

Однажды, когда мне было около десяти лет, в порыве пионерских чувств я поймод одиноким своим соседям — старикам Юрьевым — вспахать на огороде землю и посадить картошку. Позднее тоже помогал, но нечасто.

Именно с того, первого раза, со стороны Юрьевых появились ко мне какие-то симпатии, даже когда я явно совершал что-то дурное, они этого не замечали, хотя в отношении других моих сверстников были непримиримы.

Фёдор Данилович был участником Великой Отечественной войны, воевал с первых её дней и до окончания, даже немногим более того. Воевал он на одном участке фронта вместе с братом моей мамы, моим дядей. Так вот, этот мой дядя при каждой встрече, когда упоминал Фёдора Даниловича, характеризовал его исключительно с положительной стороны - как наимхрабейшего воина и верного друга. Возможно и это тоже притягивало меня к Юрьеву.

«Служил Фёдор Данилович на протяжении всей войны конным связным при командире дивизии. Всю свою службу провёл в седле: скакал на коне то в одну сторону линии фронта, то в другую. Каждый день мог быть убитым. Наверняка, пожелай он поменять свою фронтовую специальность - поменял бы, а он нет - скакал и скакал...», - рассказывал мне мой дядя.

До войны Юрьев был женат, рос у него в Усятах маленький сынишка — Юрка. Пока Фёдор Данилович воевал, жена его, работая в тылу, в колхозе, надорвалась и сильно заболела. Когда же война закончилась и её Фёдор, живой и невредимый, вернулся домой, жена умерла, оставив ему подростка-сына.

Долго плакал тогда и переживал о своей любимице Фёдор, но жизнь взяла своё: работая инспектором на железной дороге, в одной из командировок под Новосибирском он случайно встретил другую женщину, которая ему приглянулась и которая без долгих уговоров согласилась стать его женой.

Привёз её Фёдор в свой дом. Новой его женой стала Федосья Михайловна - маленькая, худень-

кая и кроткая женщина, которую с первого дня её появления в Усятах все стали звать Юрьихой.

Не смогла Федосья родить Фёдору ещё хотя бы одного ребёночка, но для Юрки стала она настоящей матерью. И всё было бы хорошо в их жизни, но, став взрослым, их единственный сын, работая в милиции, случайно застрелился из своего табельного оружия. Похоронив сына, остались Фёдор с Федосьей одни одинёшеньки на всём белом свете...

«Бабе - цветы, детям — мороженое...», - эта бессмертная фраза, произнесенная Анатолием Папановым в одном из самых популярных фильмов моего детства, невольно вспомнилась мне, когда я собирался в гости.

- Бабе Фене — конфеты, печенье... Деду Фёдору — бутылочку водочки и всё, что к нейлагается, - решил я.

Прежде чем войти в их дом, постучался в дверь и, услышав в ответ: «Не заперто!», чинно перешагнул порог.

- Фёдор Данилович, к нам Ваня пришёл, - заикаясь и кое-как выговаривая слова, сообщила о моем появлении жене, находящемуся во второй комнате, совсем состарившаяся Федосья Михайловна, когда увидела меня в проёме двери.

- Ваня?... О-о, сейчас выхожу, - услышал я голос самого Юрьева. После чего зашрипела панцирной сеткой железная кровать и, по всей видимости, он, кряхтя, сел, а после, поднявшись на ноги, покачиваясь, вышел навстречу. Мы по-свойски обнялись...

- Ну, что же ты, старина, хандришь тут без меня?! - шутиливо, строгим тоном спросил я Фёдора Даниловича, когда мы пропустили с ним по одной стопочке принесённого мной спиртного.

- Война, война достала-таки меня, Ваня. Через столько лет! - ответил Юрьев и повёл свой рассказ, из которого кое-что мне доводилось уже слышать от него или от своего дяди. - Свойной встретился я на севере, под Мурманском - на Корельском фронте, в четырнадцатой армии.

В болотах и снегах приходилось сутками просиживать. Несколько раз обмораживал ноги. Но тогда всё обходилось, можно сказать, «лёгким испугом»: в медсанбате несколько дней помажут их какой-то мазью - и снова на коня... Сколько уже лет прошло, и вот теперь они начали отмирать: кровь к ним не подходит. Врачи говорят, что может начаться гангрена.

Представляешь — гангрена, через столько лет после войны! Снова мажу их разными мазями. Если улучшения не будет, то эскулапы отрезать мне их собираются. Иначе, говорят, заражение крови и смерть! Вот такие мои жизненные перспективы. Но я думаю, стоит ли безногим умирать? Лучше уж так! Кому я, безногий, нужен, кто за мной, обрубок, ходить будет? Бабка моя, сам видишь - «божий одуванчик», стану и я, как мешок с навозом, что тут тогда будет?

Иногда дурные мысли в голову приходят - руки на себя наложить хочется. С другой стороны, я ведь солдат, а солдат смерть свою встречать должен в бою. Получается - самоубийство, для меня - как дезертирство с поля боя, этого я допустить не могу ни при каких обстоятельствах...

Вот и выходит, что круг моих дней - начало и конец - замыкаются: я бобыль, один одинёшенько, словно пест в ступе, и никому не нужен, как старая гнилая солома возле стойки, как забор без жердей и без тына. Зачем я живу, в чём смысл моих дней? - высказал он свои невесёлые мысли и грустным взглядом посмотрел в мою сторону, как бы сверяя их с моим мнением.

- Ну, зачем вы так говорите, Фёдор Данилович, вы мне нужны, вы нужны всему нашему подрастающему поколению. Если не будет связи поколений, что же тогда будет? - ответил я, стараясь развеять грустные его мысли.

- Ладно, действительно, не будем об этом говорить. Спасибо и за то, что я вам нужен. Однако же, вернёмся к делам фронтovým, - перебив меня, продолжал свой рассказ Юрьев. - В общем, воевал я неплохо. Но не подумай, что хваюсь: награды у меня есть, много наград - и все заслуженные, поскольку конный связной у командира в седле днюет и ночует: то в одну сторону с пакетом, то в другую.

Три раза коней подо мной убивало, а мне хоть бы хны — упаду, чуть-чуть поцарапаюсь, и всё на том. Шесть государств проехал на четве-

рономом друге. Войну в Дании закончил, во Втором Белорусском фронте под командованием маршала Рокоссовского, в составе девятнадцатой армии остров Борнхольм брали: две стрелковые дивизии нашей армии, в том числе мою, погрузили на корабли - и вперёд! Война уже закончилась, а мы всё воюем.

Ох, и крепкий орешек оказался этот Борнхольм! Много наших ребят там полегло, а я снова живым остался. Сухим из воды вышел, в прямом смысле этого слова, поскольку эта военная операция была морской — десантной. По Балтийскому морю на кораблях шли. А море, всё сплошь, как винегрет капустой, утыкано морскими минами немцев и наших союзников. Во, думаю, ситуация: на суше не убили, так в море утопят! Но и там обошлось...

Когда я демобилизовался, комдив сказал мне: «Фёдор, наград у тебя чуть меньше, чем у маршала Жукова, оставайся в армии, я из тебя уважаемого человека сделаю, в офицерскую школу отправлю...». А я, куда там, категорично — нет! Только домой, только в родные Усяты. И понять меня, конечно же, можно было: ведь столько лет - и каких лет! - не был на родине. Скажи мне тогда, что поеду домой с одним условием: неделю живу, а потом меня расстрелявают, то и на это согласился бы. Такой великой была тоска и желание. Семья ведь у меня тут жила, да и всё остальное тоже тянуло, как магнитом.

Словом, приехал я в Усяты, похоронил первую свою жену, а потом и сына... Позднее много раз жалел о том, что не послушал своего командива. Насчёт наград моих он шутил. Их у меня не мало, но, конечно же, не столько, сколько было у маршала Жукова. А вот насчёт офицерской школы говорил серьёзно, наверняка отправил бы туда меня учиться. Но — увы!.. Зато ты, Ваня, правильно сделал, что в военное училище пошёл учиться - человеком стал! — перевёл он разговор на меня.

- Да, я не жалею об этом, дядя Федя, - чисто-сердечно ответил я. — Но сейчас армия уже не та, в которой вы служили. Ваша - была победительницей, родной для всего народа, как любимое дитя для каждого человека. А моя — падчерица. Кусают её, рвут на части, пинают — все, кому не лень. Я этого не понимаю.

К слову, расскажу вам один забавный эпизод, связанный с моей офицерской службой. В армии сейчас, как, впрочем, и на войне, наверное, тоже, не все офицеры по тем или иным причинам получают продвижение по службе, майорами или подполковниками не все становятся.

Многие, прослужив по двадцать и более лет, увольняются капитанами, а то и старшими лейтенантами. И не потому, что они плохо служат. Нет, просто у них должности такие, или образования нет соответствующего, в общем - причин много. Так вот, один мой знакомый, которого зовут Василием Алексеевичем, прослужив в армии двадцать пять лет и готовясь к увольнению в запас, то есть на «заслуженный отдых», поведал мне интересную историю из своей жизни.

Окончив военное училище, примерно лет через двадцать после того, как вы демобилизовались из армии, приехал он в свой родной городишко где-то на Украине - в новенькой лейтенантской форме, в новеньких хромовых сапогах... И в таком виде каждый вечер выходил на «брод», то есть на центральную улицу, по которой тёплыми летними вечерами важно прогуливалось почти всё население этого небольшого городка. Все мамы, гуляющие там тогда со своими дочками, почтённо здоровались с ним, обращались к нему только по имени и отчеству — Василий Алексеевич!.. И вот, проходит ещё двадцать лет - приезжает этот самый Василий Алексеевич в тот же самый городишко, идёт по тому же самому «броду» и встречает одну из тех самых мамаш, гуляющую уже со своими внучками. Узнают друг друга.

- Васёк, это ты, что ли? — громко спрашивает его эта мамаша-бабуся. — Всё в капитанах ходишь! Как же хорошо, что я не всучила тогда тебе свою Глашенку...

Представляете, когда лейтенантом был — по имени и отчеству называли, в капитанах подзадержался — Васёкой кличут! Такое теперь мировоззрение у большинства. А вы говорите — человеком стал! Дальше, думаю, ещё хуже будет. Вот такая она теперь, офицерская служба.

- Я, Ваня, тебя понимаю, но поверь мне — старому вояке, это явление временное, люди сегодня обезумели. Это пройдёт, поверь мне — прой-

дёт! — высказался, чуть ли не уговаривая меня, Фёдор Данилович. — Ну, давай ещё по стопочке, - снова перевёл он наш разговор в другую сторону, наполнив стаканчики.

В общем, долго в тот вечер просидел я со своим соседом. Переговорили обо всём, в свой отчий дом вернулся поздним вечером. А через неделю уехал к месту своей службы.

Оттуда написал и отправил письмо о бедственном положении стариков Юрьевых главе администрации своего родного города, просил, чтобы им оказали помощь. Позднее узнал, что по моему письму к Фёдору Даниловичу приезжала комиссия, предлагали перевезти в Дом престарелых, но старый солдат от этого предложения наотрез отказался, заявив, что умирать будет в своём доме!

Позднее в очередной свой приезд от своей матери услышал я и концовку этого моего рассказа. Ампутировали-таки Фёдору Даниловичу одну ногу, вторую — он не разрешил, умер, как и говорил мне, от гангрены. В складчину похоронили его соседи на краю усятского кладбища.

Федосья Михайловна, немощная старушка с трясущейся головой, кое-как передвигавшая по земле свои ноги, осталась одна. Каждый день она ходила по соседям: то в бане помыться, то ещё по какой-то нужде.

Некоторые из соседей предлагали ей остаться у них переночевать или даже пожить немного, но она всегда отказывалась. - Нет, что вы, - отвечала она, сильно заикаясь, - ко мне почти каждую ночь Фёдор Данилович приходит. Вот придёт, а меня дома нет - что он тогда подумает? Нет, домой пойду...

В один из зимних вечеров Фёдор Данилович в очередной раз пришёл в свой дом: молодой, в длинной железнодорожной шинели нараспашку. Покашляв на крыльце, обил о порог наружной двери грязь со своих сапог, после чего вошёл в дом.

- Ну, что, Феня, собирайся — со мной пойдёшь, - велел он жене. — Да надень-ка, голубушка, на себя своё самое лучшее платье — то, которое я подарил тебе, когда ты согласилась замуж за меня пойти и в Усяты со мной поехать. Помнишь — голубенькое, в горошек?!

- Да, да — помню! Сейчас я его найду, оно у меня в сундучке, на самом дне лежит, - не колеблясь, начала исполнять волю своего мужа Федосья. А куда ты поведёшь меня сегодня, Фёдор? {Федосья Михайловна всю свою совместную жизнь с мужем называла его только по имени и отчеству, а тут впервые назвала только по имени}.

- В берёзовую рощу пойдём — соловьёв слушать! — ответил он.

- Так они же у нас не водятся? — с изумлением вымолвила она.

- Почему же, помнишь, в тот вечер, когда ты впервые приехала со мной сюда, у нас под окном на черёмухе всю ночь соловей пел?

- Да, да, тогда - помню! — ответила она.

- Вот и сейчас — прилетели и по-ую-у-т! — сообщил своей жене Фёдор Данилович.

Федосья Михайловна собралась, как ей муж велел, подошла к зеркалу и посмотрелась в него.

- Ба-а-а, так я тоже помолодела! — весело воскликнула она и вышла на крыльцо вслед за мужем. — Фёдор, так где же соловьи? — вновь спросила она, когда они вышли с ним за калитку своего дома и немного поднялись на взгорок.

- Во-о-н в той роще на горе, — ответил он.

- Фёдор, так там ведь — кладбище? — со страхом в голосе промолвила она.

- Вот там и поют! — ответил он ей и, громко засмеявшись, по-молодецки побежал вперёд, да так, что полы длинной и распахнутой его шинели развевались по ветру.

На утро следующего дня соседи нашли Федосью Михайловну в сугробе — замёрзшей в ледяшку. Она была одета в выцветшее от времени старенькое голубое платьице в горошек, как карабкалась на сугроб — так и замёрзла.

При этом выражение её морщинистого лица было счастливо, оно явно улыбалось, как бы говорило, что теперь её с Фёдором Даниловичем никто и никогда не разлучит...

Услышав об этом, я расстроился, пошёл к дому, в котором жили когда-то одинокие старики — Фёдор да Федосья, сел на брёвнышко, на котором любили сидеть и они, и в ушах зазвучали незабываемые слова песни Фёдора Даниловича: «Я бобыль — ни кола, ни двора, словно перст, я один, в чём же смысл моих дней?..»

г. Прокопьевск.

«Любовью человечество спасётся...»

Представляем вам, уважаемые читатели, стихи благовещенской поэтессы Светланы Аркадьевны Борзуновой.

Ее юность прошла в старинном студенческом Томске. Там она окончила университет, писала стихи, стала журналистом, родила двух сыновей. Последние двадцать лет своей короткой жизни Светлана Борзунова прожила в Благовещенске. Здесь к ней пришла настоящая известность и слава большого поэта.

В стихах С.А. Борзуновой отразился трагизм ее жизни – неустроенность, семейные хлопоты, постоянное безденежье, годы вынужденного молчания, когда «неизданные стихи колом вставали в горле и умирали от невостремленности», вечный разлад между засасывающим бытом и душевным подъемом. Поэт, журналист, хрупкая женщина, очарованная душа – Светлана Борзунова писала о любви – к человеку, миру, Богу. В ее стихах любовь – это страсть, которая дает новые силы, от которой вырастают крылья и слагаются стихи, страсть, от которой обгорает душа, чтобы вновь, как птица Феникс, возродиться из пепла. Стихи о глубоко личном, переплавленные в горниле души и таланта, становятся выражением чувств других людей. А это бывает только у настоящих поэтов.

Светлана Борзунова умерла в конце 2006 года. В 2007 году в ряде сибирских городов (Томск, Новокузнецк) прошли вечера ее памяти.

Светлана БОРЗУНОВА

Значит, помнишь еще?
То дерзка, то застенчива,
прибегала,
ни слез, ни любви не тая.
Этой девочки нет.
Есть усталая женщина,
у которой работа, заботы, семья.
И дается все это
ей, верно, недешево,
хоть она и хранит
независимый вид,
если ныне ее
навещают непрошено
неумелые мысли
о первой любви.

Любовь не проходит,
но вечной любви не бывает.
Душа устает,
и не нужно ее укорять.
Давай помолчим.
Я уеду последним трамваем,
пока еще больно,
пока еще есть что терять.
И годы спустя
эту книгу с трамвайным билетом,
что вместо закладки,
открою на той же строке.
Любовь не проходит.
С годами становится светом,
дорожкой лунной
на быстротекущей реке.

Ладони напряженьем сведены,
от холода и страсти онемели.
Мы в наших заблуждениях честны,
но, к сожаленью, далеки от цели.
О, мы умеем рваться напролом,
сминая тундру траком вездехода...
С упорством нашим, как с привычным злом,
почти смирилась дикая природа.
Дорога далека и нелегка –
а мы пройдем, исполним, наверх стоем.
Мы строим путь сквозь звезды и века...
Но после нас цветы не вырастают.

Я из другого круга ада.
Тебя случайно повстречала.
За эту тонкую ограду
мне проникать не подбало.
Мне по одной брести дороге,
тебе терпеть иную муку.
Нас обрекли глухие боги
на неизбежную разлуку.
А мы грехов своих не помним,
за что наказаны – не знаем.
Напрасно тянется на помощь
к другой душе душа родная.
Все решено бесповоротно:
ни искупленья, ни пощады.
И наша встреча мимолетна:
я – из другого круга ада.

Ах да, на небе бывали звезды,
и небо было
то чудно-нежным, то чудно-грозым,
ведь я любила.
Я точно помню, что так бывало.
И даже часто.
И я отчетливо понимала,
что значит счастье.
Теперь же прожитый день провалом –
то ль был, то ль не был.
... А ты не помнишь, когда не стало
на небе неба?

А дома стены помогают почти не думать о тебе,
меня привычно замыкая
в однажды выбранной судьбе.
Незыблемо-монументальны,
конкретны пол и потолок –
Совсем не то, что нервальный,
к тебе бегущий катерок.
Река – во сне ли, наяву ли,
воды и неба бирюза,
Цветные искорки июля
в твоих растерянных глазах...
Ни слов, ни снов. Но непонятно,
от водной ряби или от слез
Мигал фонарь, когда обратно
меня все тот же катер вез.
А утро было трезвым-трезвым.
Мне дом простил, как человек,
Мой сумасшедший, бесполезный,
несостоявшийся побег.

Домашняя симфония

Раньше всех просыпается в доме сорока
и стрекочет пронзительно: время вставать.
Первый солнечный зайчик скрывается с окон
и бежит торопливо ко мне на кровать.
Потянувшись со сна, поднимается кошка.
Деликатно мурлычет: хозяйка, корми.
Вот и чайник шипит. Тихо звякает ложка.
Просыпайтесь, детеныши. Время к семи.
Шепот, шорох, движенье, хихиканье в спальне.
Телевизор вступает: «Посол из Мали...»
Резко хлопают двери. Журчит умывальник.
Поднялись, подрались, помирились, ушли.
На короткое время настала заминка.
Но недолго царят тишина и покой.
И в симфонию звуков вступает машинка,
выводя торопливо строку за строкой.
Вот и день пролетел. Вот и ночь недалеко.
Разговоры стихают. Ложиться пора.
Самой первой в дому засыпает сорока.
А машинка стрекочет почти до утра.

Все пройдет: и тщеславье, и гордость
под обыденным грузом невзгод.
Лишь любви еле слышный голос
через годы тебя позовет.
Все пройдет и назад не вернется.
Ляжет снег, установится лед.
Но любовь, уходя, обернется
и озябшей ладошкой махнет.

Ты не стоишь моей бессонницы.
Я не стою твоей любви.
В бутафорских кустах схоронятся
механические соловьи.

Дернешь ниточку – зачирикают,
заводную испустят трель.
До чего же забавы дикие
у тебя, сорванец-апрель.
Все дороги твои – неторные,
неуютно на них одной.
И шевелятся мысли черные
под закрашенной сединой.

Конечно, я придумала тебя.
А ты – иной. И не похож нимало
на образ тот, что, мучась и любя,
я от тебя в отрыве сочиняла.

Подмеченные точные черты
меня порою вводят в заблужденье.
Как в юности – до головокруженья,
до сладких слез, до горькой немоты –
мне нужен ты.
Придуманный? Реальный?
Сама не знаю. Третьею сигнальной
системой ты включен в мои мечты.

Печальны ночи. Дни мои пусты
без вымысла. Тебя в природе нету.
Но искра догорающего света
чуть раздвигает полог темноты
и создает иллюзию движенья.

Спасибо за тебя воображенью.
Ты все же был. Пусть это был не ты.

Не время и не место для любви...
(Зато всегда для ненависти время).
Но ты поверь, осмелюсь, позови
и, отклик слыша, выдели меж всеми.
Услышь за митинговой толчеей,
в автобусной непроходимой давке,
в толпе, остервеневшей у прилавка,
услышь, поверь в тишайший голос мой.
А следом мир – измученный и злой –
на голос вечных истин обернется.
Любовью человечество спасется,
а вместе с ним, возможно, мы с тобой.

Зима снегами белыми цвела,
метель неутоленная кружила,
когда я плод запретный сорвала
и на двоих его переломила.
Путь в нищий рай, лишенный шалаша,
открытый всем ветрам и всем напастям.
И жизнь спустя в изгнании душа
не позабудет терпкий привкус счастья.
Мои слова – от нежности – тихи,
но одолеют холода и выюгу.
Суровый Бог отпустит нам грехи
за то тепло, что дали мы друг другу.

По кромке правды, по границе лжи
влачу свой груз ненужных оправданий,
угадывая чьих-то ожиданий
красивые до фальши миражи.
Я разучилась быть сама собой.
Какая роль заказана на завтра?
Хозяйки? – Я бегу готовить завтрак.
Ах, я ошиблась – дамы деловой? –
Где мой портфель?..
На что уходит жизнь?
Я – зеркало с размытым отраженьем,
живу во власти чуждых наваждений,
чужих идей и помыслов чужих.
А где же я? Ведь так сойти с ума
вполне всерьез немудрено, не так ли?
Кто режиссер жестокого спектакля?
Не может быть – неужто я сама?..

«Подай мне слово или руку,
услышь, как милости подай...»
Вползает в гору по проулку
ночной непрошенный трамвай.
Как неуместно, как некстати,
но что теперь, но что теперь?
Еще на миг гордыни хватит
вскочить в распахнутую дверь
и, обернувшись на подножке,
легко махнуть тебе рукой.
Непроизвольно вслед рванешься,
но шаг не сделаешь второй.
Не для минутного порыва
побег из собственной судьбы.
И разведут руками криво
мне вслед фонарные столбы.
... О, как заплачется легко мне
по отгоревшему огню.
Я буду долго, больно помнить.
Не напишу. Не позволю.

Молю: мгновение, продлись!
Побудь еще со мной, любимый.
Пусть несентиментальна жизнь
и время неостановимо.

Не убирай ладонь с плеча,
еще помедли напоследок.
Дай мне впитать тепло луча,
легко скользящего меж веток.

Позволь щекой прильнуть вот тут –
где бьется жилка у запястья.
Пусть в плоть и кровь мою войдут
земные биотоки счастья.

И птицы трель, и тень листа
уйдут, растают, не собрать их.
В руках такая пустота
после разомкнутых объятий.

Самое главное в мире – сентябрь.
Тайнство листьев, до срока опавших.
Шепот дождей, ни на что намекавших,
луж твоих чистых бегущая рябь.

Самое главное в мире – апрель.
Почек созревших божественный запах,
поступь весны на пружинистых лапах,
пестрых и жадных лучей канитель.

Самое главное в мире – конец.
Самое главное в мире – начало.
А в середине я вечно скучала.
Крайности, крайности – смысл для сердец.

Уже не тянет тратить время в спорах.
Уже не манит острый вкус борьбы.
Проходит жизнь, и нам уже за сорок,
нелепо ждать подарков от судьбы.

Но мягкий лепет музыки печальной
все беспощадней разрывает грудь.
Трудней дыханье, взгляд сентиментальной.
Короче путь и безнадежной суть.

И будет горечь и досада,
пока не поздно, удержишь.
Не приходи ко мне, не надо,
в мою запутанную жизнь.

Геннадий БУРЛАКОВ

Портреты и зарисовки на ходу

Я не мыслю себя без Отчизны,
Без милой России,
Без просторов огромных,
Разлива весеннего рек.

Мне Россия дала вдохновенье,
Дыханье и силу,
Я ей сердце отдал,
Ей в любви присягнул я навек.

Не тщусь вас изумить
изысканной строкой,
В амбиций грех впадая
понапрасну.
Но коль мой стих на миг
похитит ваш покой,
Я буду горд и бесконечно счастлив.

В ее лице спокойствие волны,
Когда она на брег скользит небрежно.
И на песок упавши пенно, нежно,
Вдруг тает, как поутру свет Луны.

В речах ее намек даже нет
На то, что, может быть, она сердита.
Да будь такой всегда! И как поэт
Сказал: «Останься пеной, Афродита»...

Лариса — чайка
(греч.)

Как чайка над волной морской,
Вы и смятенье, и покой,
И горизонт, и берег близкий,
Неповторимая Лариса.

Я яблок не ношу в кармане,
Но будь на месте я Париса,
Скажу Вам прямо, без обмана,
Я б выбрал Вас, лишь Вас, Лариса.

Дыханье Ваших уст
Мне как родник желанный,
Что путника в жару
Прохладою манит.
Сошедшая с небес
Богиня, донна Анна,
Вы сердца моего
И компас, и магнит.

Коренной новокузнецкий. писать стихи начал, как и многие в школьные годы. Это увлечение не оставляет и по сей день. Автор и исполнитель своих песен Геннадий Васильевич неоднократно был дипломантом фестивалей авторской песни. Печатался в газетах «За алуминий», «Земляки», «Сельские вести». Вышел в свет сборник его стихов «Ты гори, костерок», кроме этого, его стихи вошли в коллективные поэтические сборники «Я подарю тебе нежность», «Небо все выше». Геннадий Васильевич выступает с вокальной группой «Кузнецане».

Есть что-то от Джоконды в ней,
Когда ее полуулыбка,
Как будто луч между теней,
Блуждает призрачно и зыбко,

Когда души ее окно,
Вселяя смуту и тревогу,
Не то чтоб приотворено,
А лишь расшторено немного.

Она нежна, как взбитое суфле,
Как мотылька порханье над волною.
Так розы цвет в нежнейшем хрустале
Бывает нежен, озарен Луною.

Увы! Цветку сему недолго цвести.
Жесток наш мир —
все пожирает тленье.
Теперь же я не в силах взгляд отвести.
Так длись же, длись,
прекрасное мгновенье.

Сережки, перстеньки, колечко,
В нем бриллианта пустячок.
Тату цветное на предплечии,
А ниже... О! Пардон! Молчок.

Там, ниже, на точеной ножке
Цепочки золотится след...
Лишь портит хладный взор немножко
Сей интригующий портрет.

Еще штришок — в пупке заколка.
Ну что ж, картинка хороша...
Под мишурой не видно только,
А есть ли в девочке душа?

Щедра художника рука.
Среди цветов благоуханья
Вы — легкий трепет лепестка,
Его тончайшее дыханье.

Да надо ль сравнивать с цветком?
Ведь этих милых черт небрежность
Без слов мне говорит о том,
Что здесь живет любовь и нежность.

Девушке по имени Вероника

Отчего так сердце стучится,
Будто гость запоздалый в дверь?
От того ль, что взгляд твой лучистый
Не дает мне покоя теперь?

От того ль, что губ твоих нега
Отняла мой покой и сон?...
Ты — колдунья, ты сказка, небыль.
Я тобой уворован, пленен.

Ты на небо ночное взгляни-ка,
Я не верил, да видел сам,
Свои волосы «Вероника»
Пораскинула по небесам.

Подражание романсу

В минуту чудную святого вдохновенья
Из света и добра Господь тебя ваял.
И замер сам, остановив мгновенье,
Созданье возлюбя,
восторженный, стоял.

О! Как я был смешон
в невежестве безверья,
Не зная жизни суть, не ведая Творца...
Ты — ангел чистоты,
над кем не властно время,
Ты — демон страстных мук,
сжигающих сердца.

Тебя не вижу я,
томлюсь тоской напрасной
И жажду встречи вновь,
пылая от любви.

Лампадою в ночи
мне облик твой прекрасный,
Я мотыльком лечу,
ты только позови.

Пускай в твоём огне
не сохраню я крылья,
И за грехи мои меня повергнет Бог...
Лишь об одном молю — травую,
пеплом, пылью
Позволь мне рядом быть,
твоих касаться ног.

Зеркало и я

Нет! Все ты лжешь, стекло,
Должно быть, ты кривое,
Крива душа зеркальная твоя.
Старик в тебе в морщинах
И с седой головою —
Совсем — не я.

Души прекрасные порывы
Терзают плоть, пока мы живы.

Россия право нам дала на труд,
Да к старости подкинула задачу:
Когда за все проценты с пенсии сдерут —
Существовать приходится на сдачу.

Когда по жизни мы неслись
К судеб своих реализации,
То обстоятельства стеклись,
Как две струи канализации.

Ни кофе не хочу, ни чая,
Который день я по тебе скучаю.
Да что там дню! Все ночи до утра
Я без тебя, как без собаки конура.

Мы в этот мир пришли
любить и сострадать,
Хотя, порою, он достоин
укоризны.
Растим цветы любви,
как божью благодать,
Средь суевы мирской,
среди бурьяна жизни.

Я всё ещё во сне летаю,
Лелея истину одну:
Я подрастаю, подрастаю.
Вот только жаль, что в толщину.

Мой город

Кузнец мой!
Три века острогом тебя называли,
Как зуд комариный,
кандальный звучал перезвон,
Здесь ордам кочевников прадеды
путь преграждали,
Из камня воздвигнув
от врага прочный заслон.

Но там, где веками урманы
с болотами были,
Тайгу отодвинув, заводов
громады выросли.

Забилось стальное,
могучее сердце Сибири,
Рабочее сердце
Кузнецкой рабочей земли.

Мой город любимый!
Среди городов величавых
Скромны, может быть,
твоих улочек тихих черты,
Но ныне и присно горды
мы той честью, той славой,
Что в годы суровые выковал,
выстрадал ты.

Ты рос, ты мужал,
становился и выше, и краше.
И тысячи судеб призванье
в тебе обрели.
Твоя биография и биография наша
Уходят корнями вглубь этой,
Кузнецкой земли.

Так здравствуй на долгие,
долгие годы, мой город —
Трудяга строитель, шахтёр,
металлург и кузнец.
Ты — доля моя и надежда,
и сила, и гордость,
Мой город рассветный,
любимый мой Новокузнецк.

А. Мачковой.

То золото листвы
блеснет в ее стихах,
То бриллиантом вдрут
слеза росы прольется.
Мелодия стиха светла,
нежна, тиха,
Но в сердце долгим эхом остается.

Пусть дар, что Богом дан,
да не покинет Вас.
Пусть легок будет слог,
а мысль свежа, упруга.
Признания в любви
примите без прикрас
Собрата по перу
и любящего друга.

Был воздух прян и банно-липок,
Немилосердно солнце жгло,
И время медленной улитой
Лениво к полудню ползло.

Цветы почти уже лежали,
К траве поникнув головой.
Земля — наложницей дышала
В истоме страсти роковой.

Все тщетно жаждало укрыться,
Не в силах пекла превозмочь...
Но вот, на грома колеснице,
Накрыла Солнце тучи ночь.

Потом протяжно, как из скрипки
Извлек тончайший стон смычок,
Подуло, и уже не липкий,
Вскружились разом, как волчок,

Сорвался воздух в пляс удалый,
Взмывая пыли хоровод.
Вновь гром литаврами ударил,
И раскололся небосвод.

И ошалев, хмельной от страсти,
Дождь наземь пал миллионом стрел.
Землей стоимившейся он властно
В соитие бурном овладел.

И вдруг иссяк... И отжужжали
Дождинок пчелы, лить устав...
Земля счастливая лежала,
Блаженно руки разметав.

Из старой тетради

Вновь ужьем километры
в кильватере выются,
Вновь бегу я из дома незнамо куда.
И дела неоконченными остаются...
Якорь поднят. Пора!
А дела — ерунда.

Выбран галс, парус ветром
наполнен упруго.
Все туманней, все призрачной
кромка земли.
Не грустите, друзья,
не печальтесь, подруги,
К новым далям свои увожу корабли.
Видно не по плечу мне уюта вериги,
Скину их, как бросают листву тополя.
Предо мной океан —
непрочитанной книгой,
Ветры в мачтах поют:
«До свиданья, земля!»

Когда случится Страшный Суд,
С чем я предстану перед Богом,
Каким прольется жизнь итогом,
Чем я наполнил свой сосуд?

Когда начнут меня пытаться,
И не солгать, и не сплукать...
И набело уж не поправить
Судьбы потрепанной тетрадь.

И если будет суд суров,
Пусть он и справедливым будет,
Ведь мы не Ангелы, а люди
На перекрестии ветров.

Какой дорогой повлечет
Меня без весел и ветрила?
Постылым буду или милым?
Гадаю — нечет, или чет.

Дай мне, Боже, сил
Суд твой вынести.
Если грешно жил —
Ты меня прости.
Вверх не лез из жил,
Почестей не ждал,
Денег не скопил...
Но друга — не предал.

Близка, близка весна, и на дорогах
То здесь, то там вдруг заблестит вода.
И вновь газоны зеленой природа
Покроет в посвежевших городах.

Ну, а пока капли звон не слышен,
Но птичий хор всё явственней звенит.
И солнце скаждым днём всё выше, выше,
И с каждым днём всё толубей зенит.

Рисунки Владимира ВАСИЛЬЕВА.

Дамир ИБРАГИМОВ

Отпечатки сапог
на крутых перевалах,
Словно давняя память
туристских привалов,
Дым костра поднимается
синей стеной
Над тайгой и дико ревущей рекой.

Отзвук песни крылатой,
Звон гитарной струны
Льётся в красках заката
Через мост тишины.

Над вершинами солнце садится.
У костра разговор — нам не спится.
Раскрывается с миром
таинственным связь,
Словно светлой молитвы
незримая вязь.

Светлый мир приключений,
Нежный лик чистоты
Нас выносят теченьем
На просторы мечты.

Умолкли фавнов голоса
В зелёных девственных лесах,
Исчезла вера в чудеса,
Уже не светится в глазах.

Но всё же в потаённых снах
Ещё умеем мы летать.
Не гаснет, вечная, в сердцах
Надежда к истине восстать.

Восстань же, словно детский смех,
Из недр и внутренних глубин,
Дух, что любовью свяжет всех,
Святая сущность, исполни.

Вернитесь из небытия,
Герои доброй старины,
Прорвитесь к нам через века
На крыльях светлой тишины.

Пусть нимфы запоят в лугах
С приходом Матери-Весны,
Исчезнет застарелый страх
Зимы душевной пустоты.

И снова светится в глазах
Святая вера в чудеса,
В зелёных царственных лесах
Мы слышим фавнов голоса...

Дорогие сердцу нас зовут
Древние зелёные леса,
Тайны, что своей разгадки ждут,
Добрых великанов голоса.

Не манят большие города,
В многолюдье лживость и обман.
А в горах - святая тишина,
Крыльями раскинулся туман.

На далёкой потайной тропе
Можно повстречать кентавра след,
Выбиты на мраморной скале
Руны позабытых Саг и Вед.

Наполняясь влагой дождевой,
Что-то шепчет сказочник-ручей

Я родился в один день со
Львом Толстым, но в другую
эпоху. В Новосибирской об-
ласти есть такое село - Казан-
ка, - это и есть моя Родина.

Жил в Алтайском крае, в
Бийске, затем моя семья пе-
реехала в Новокузнецк.

С удовольствием посещаю
литературное объединение
«Гренада». Стихи начал пи-
сать с 2004 года.

Любимые поэты: Гумилев,
Блок, Мандельштам.

О делах Богини Золотой,
О преданьях легендарных дней.

Полыхает огненный закат,
Выси, словно сполохи огней,
С неба очи дивные глядят,
Проникая в сути всех вещей.

Знаем, что не каждого зовут
Тихой, светлой радости леса,
Там любви проложенный маршрут
К сердцу, что смогло постичь себя.

Крылатые люди приходят во снах
С сиянием мудрости в кротких глазах,
В улыбках — мерцанье далёких планет,
От вечного синего неба привет.

Пророчески ясные вещие сны
Под кровом царицы ночей - Тишины,
На смене великих времён и эпох,
Для тех, кто душой не ослеп, не оглох.

Когда нам глаза открывает рассвет,
На многие вещи мы знаем ответ:
Крылатые вестники Мира Любви
Во снах нашептали нам тайны свои.

Их ветры терзают лихие,
Безумствуют злые стихии.
Но путник, упрямый и смелый,
Стремится в святые пределы.

Надмирные снятся просторы,
Им чужды уютные норы,
Под звёздами слаще привалы,
Безмолвные гор перевалы.

Раскатами дальнего грома
Им небо твердит, что огромно
Пространство влекущей их цели,
Но всё же дерзнули, посмели.

Шаги их по краю Вселенной
Отваги полны дерзновенной.
Из мира оков и печали
Ушли они, к свету восстали.

Пропой же им, ветер-бродяга,
Что их не напрасна отвага.
Примите же тех, кто искали,
Бессмертные синие дали.

Не зря их терзали стихии,
Свирепые бури шальные.
Стремится в святые пределы
Искатель, упорный и смелый.

Сквозь года и века
Он ведёт караваны;
Цель ещё далека:
Путь скрывают туманы.

Провожатый седой
С пронизательным взглядом,
Из легенды святой,
Ты всегда с нами рядом.

Со страниц древних книг
В свете мудрой улыбки
Он с любовью глядит,
Бережёт от ошибки.

Старый посох в руках,
Пыль дорог на одеждах.
Он читает в сердцах
Всё о наших надеждах.

На тропинках земных
И на звёздных орбитах,
В наших душах людских
Он участвует в битвах.

Наш святой проводник
С пронизательным взглядом,
Ты повсюду проник,
Ты сейчас с нами рядом.

Я полюбил вечерние купанья,
Когда вокруг не встретишь
ни души,
С рекою тела моего слиянье
В таинственно мерцающей тиши.

Я мысленно водой
перерождаюсь,
Срываюсь с ледников
далёких гор,
В стремительный поток
преображаюсь,
С кипеньем вырываюсь
на простор.

Я зову океана подчиняюсь,
Теку в него, как всякая река,
Потом под солнцем быстро
испаряюсь,
С ветрами улетаю в облака.

Я падаю, дождями проливаясь,
Над утренними травами паря,
И в новых руслах
радостно вращаясь,
Теку опять в великие моря...

Атмосферу вокзалов
Выдыхая, спеша,
Поднимаю забрало,
Где укрылась душа.

Стонут ветры-шаманы
В колдовской стороне.
Развернулись туманы —
Повернулись ко мне.

Горы слушают, стоя
В серебристом столбе,
Снежным куполом края
Сны, что прячут в себе.

Паутину сомнений
Я молчанием рву.
Ароматы растений
Тихо в сердце вберу.

Поделились со мною
Чистым звоном леса,
Напоили собою
Облака-небеса.

Я крошечный атом
В масштабах вселенной,
Любуюсь закатом,
Как огненной пеной —
Небесною пеной.

С оглядкой на вечность
Мгновенья проходят,
Играя в беспечность
Закаты уходят...
И снова приходят.

Пугают масштабом
Своих устремлений
Явления закатов,
Священных мгновений...
В обычном мгновенье.

Мы спускались с поднебесной кручи,
По пятам за нами стлались тучи.
За спиной предупреждающе
гроза
Грохотала, хоть зажмуривай глаза.

Мы к границе голубого неба,
Как голодный за краюхой хлеба,
Убегаем от неистовства дождя,
Под гору быстрее туч летя.

Мост разбитый через речку Чуя,
Где она, неистово бушует,
Словно жертву новую ждала,
Одолели. И гроза не догнала,

Отвернула; небосвод наш светел —
Постарался наш приятель ветер,
В сторону всю хмарь её увёл —
Поливать сады таёжных сёл.

Небо шутку разыграло с нами —
Радуга над влажными горами.
Гонка кончилась,
перевозу дыханье,
В сердце льётся трав благоуханье.

И вдали чуть слышно грохотанье.

Инди́йский танец

Мелодичная пляска,
Руки в гибком кольце,
Равнодушия маска
На красивом лице.

На отточенном танце
Отдыхают глаза.
В розоватом румянце
Танцовщицы краса.

Тайной магией знаков
Овладела она,
От которой, заплакав,
Дрогнет духа струна.

Строит страстным движеньем
Мост сквозь время святой;
О, каким напряженьем
Дышит танца покой.

Рождён для весёлых игр,
Не бойтесь меня — я тигр.
Все Васюшкой меня зовут,
Сметанку в миску кладут.

Не царапаюсь я, не кусаюсь,
А к Машеньке тихо ласкаюсь.
Нам бы в Индию с ней убежать,
Мышку серую в джунглях искать.

Но вновь меня Маша на ручки берёт,
По головке погладив, в коробку кладёт,
И я гордый тигринный смирю свой нрав.
Буду снова котёнком, скажите: я прав?

Не тыква, запряжённая мышами, —
Карета с воронами скакунами.
Волшебной палочки искрит
прикосновенье —
Ты изменилась в это же мгновенье:

С лица исчезли сажа и усталость,
Но сердце чутким, трепетным осталось.
И Золушка не в затрапезном платье
Спешит на бал к судьбе своей в объятья.

Ты позабыла, кто ты и откуда,
Глаза сияют, ожидая чуда.
Не Золушкой — таинственной принцессой
Тыходишь под волшебною завесой.

Наградой за былые униженья
Дано от Крёстной Феи разрешение:
Пока часы не будут полночь бить,
Принцессою заморскою побыть...

В его глазах немое восхищенье,
В твоих сейчас — тревога и сомненье;
Он принц, а ты невзрачная
простушка...
Для счастья в этом кроется ловушка.

А может быть, не стоит волноваться?
Взять и во всём без трепета признаться?
Но полночь — как она неумолима:
Ты убегаешь, зная, что любима

И от него уже неотделима.

Природе—Матери

Расстелила
скатерть-самобранку
На зелёном травяном ковре,
Ягодой кормишь спозаранку
Сыновей на утренней заре.

Напоила ключевой водою,
Все тревоги в сердце уняла,
Ледяной прозрачною росой
Душу им отмыла добела.

Дочерей весёлых украшавшь
Синевой степного василька,
В волосы их длинные

вплетаешь
Ароматы нежного цветка.

Небо потемневшее взрывая,
Мир питаешь трепетом грозы,
Буйные мелодии вливая
В безмятежность лесополосы.

Ночью опускаешься
бесшумной,
Светлых таинств
тишины полна,
Сладостною арфой
многострунной
Увлекаешь нас в стихию сна.

В потаённой лосиной сторонке
Голоса грибников так звонки.
Их «ау» на лесной тропинке,
Где маслята стоят, как картинки.

На пеньке смеются опята:
«Кто нас первый найдёт, ребята?»
Рвётся гриб — волной ликование
В развесёлом соревнованье.

Вырастают грибные дивизии,
Пополняя запасы провизии.
Грибники, молодые и старые,
Разрезвились, как дети малые.

Но крамольные разговоры
Меж собой ведут мухоморы:
«Как глупы бедолаги эти —
Нас красивее нет на свете!»

Какие знакомые лица
В этом городе незнакомом!
Возможно, что это снится,
Или просто я снова дома.

Вот эта девушка в белом
Совсем как сестра моя,
На лице её загорелом
Улыбку читаю я.

И эту крошку в коляске
Забить, ну никак нельзя,
Знакомые ясные глазки —
Мы давние с ней друзья.

Гляжу на лица прохожих,
Чертёв изучаю их,
В несхожести очень похожих
На близких далёких моих.

И мир, неохватно-привольный,
Смеётся из-под ресниц,
Мною сейчас довольный
В миллионе знакомых лиц.

Я почувствовал сердцем своим,
Мерой Духа себя проверяя:
Не совсем я уже нелюдим,
И вокруг не враждебная стая.

Я не прежний сейчас — я другой;
Но намного ли лучше? — Не знаю.
Сам себе становлюсь я судьбей,
Адвокатом себя защищаю.

Разглядев недостатки свои,
Над собой научился смеяться.
Чтобы легче текли мои дни,
Перестал я ошибок бояться.

г. Новокузнецк.

Литературное объединение «Гренада»: Молодые голоса

Новокузнецкое городское литературное объединение «Гренада» существует уже 42 года. В истории «Гренады» были периоды и подъема, и замиранья творческой жизни. Особенно трудными были для литобъединения 90-е годы. Но «Гренада» не только выстояла – она достойно ответила на вызов времени. С 1999 года она работает стабильно при Союзе писателей в Доме творческих союзов, являясь чем-то вроде литературного института в Новокузнецке. Ядро «Гренады» - пишущая молодежь, талантливая, ищущая истину, соединяющая традиции и новаторство.

«Гренада» проводит литературные встречи, чтения, поэтические вечера как в Доме творческих союзов, так и на других культурных площадках Новокузнецка. Гренадцы – частые гости в образовательных учреждениях, особенно в тех школах, где работают свои литературные студии (лицей №27, гимназия №32, гимназия №44).

Уже 5 лет с «Гренадой» сотрудничает молодежная литературная студия «Берег» Новокузнецкого филиала – института Кемеровского государственного университета. Многие молодые литераторы «Берега» являются одновременно активными авторами литобъединения «Гренада».

Важнейшей стороной творческой жизни «Гренады» следует считать литературную учебу: по два трехчасовых занятия в месяц отводится на конкретную работу со словом. На таких занятиях идет разбор и анализ текстов, проходят чтения новых произведений, отбираются рукописи для городских и областных семинаров молодых авторов.

Лучшей, хотя и весьма строгой формой литературной учебы является, конечно, семинар.

«Гренада» проводит внутренние семинары, городские, областные. Участвует в межрегиональных литературных форумах, во всероссийских совещаниях молодых писателей.

Семинар – это всегда испытание, экзамен для начинающего автора. Благодаря советам и строгим оценкам старших коллег и профессиональных писателей новичок в литературе начинает понимать, что он вовсе не единственный талант или звезда на литературном небосклоне, что литература бурно развивается, требует труда, самоотверженности, любви к Слову.

Перед пишущим человеком стоят серьезные задачи. Семинары заставляют ориентироваться на лучшие образцы современной и классической поэзии и прозы.

Нет смысла писать по принципу «И так сойдет!» и считать, что «сейчас все равно никто ничего не понимает!» Нет смысла рассчитывать на заниженные требования каких-либо низкопробных изданий. И что пользы автору, если он пополнит однообразные ряды унылых графоманов?

Настоящие поэзия и проза найдут дорогу к настоящему читателю. К этому и надо стремиться.

Благодаря постоянной работе над словом, благодаря семинарам самых разных уровней в «Гренаде» сложилась сильная и яркая группа молодых авторов, которые активно печатаются, выступают, участвуют в ответственных городских и областных культурных мероприятиях.

Это прозаик и поэт Дмитрий Хоботнев, поэты Владимир Зотчик, Дамир Ибрагимов, Максим Шулаков, Виктория Трегубова, Виолетта Никулина, Александр Томский и другие.

Не все молодые литераторы имеют возможность посещать «Гренаду» регулярно, жизненные обстоятельства складываются по-разному, но тем более радостным бывает иной раз появление на занятиях давно знакомых гренадцев, «исчезнувших» на некоторое время (Дмитрий Семенов, Елена Острых). Они возвращаются с достойными произведениями, над которыми работают, помня правила «Гренады».

С некоторыми авторами «Гренады» газета познакомит читателей сегодня. А вообще, неплохо было бы открыть в «Усятской россыпи» рубрику «Гренада».

**Любовь Никонова,
руководитель Новокузнецкого городского
литературного объединения «Гренада»,
член Союза писателей России.**

**Ксения
Андрейченкова,
НФИ КемГУ, литературная студия «Берег».**

Моя деревня

За окном моя деревня:
домики-игрушки,
Словно сахарною пудрой,
их посыпаны макушки.
За калиткою, свернувшись,
тихо дремлет старый пес,
Снится, будто кто-то добрый
ему косточку принес.

Побегу скорей на горку
к озорной я ребятне.
Нас морозы не кусают
в этом чудном декабре.
Слепим снежную мы бабу –
нос морковкой и метла...
Лишь бы мама не узнала,
задержались дотемна.

За окном моя деревня:
огоньки-хлопушки.
Из трубы идет дымок,
крутятся вертушки.
Всё родное, всё моё:
сосенки, да ели,
Песни, пляски, детвора,
белые метели.

Новокузнецк

Новокузнецк, великий град!
Пришельцам всяким будешь рад,
Встречалешь их теплом сердец,
Не стар ещё и не юнец.

Хоть и минул немалый срок,
Душою молод, видом строг,
Горят в ночи твои огни,
Путь освещаю до зари.

Сквозь лабиринт бетонных стен,
По крышам с россыпью антенн
Гуляет ветер, мчитесь вдаль,
Внимая городу печаль.

Но не печален он, не тих.
Весь его образ, словно стих,
Все звуки - музыка, сонет,
Родней его, прекрасней нет.

Встречай меня, великий град,
В тени твоих побед, наград
Я лишь прохожий человек,
Таких высот не знал вовек.

Но судьбы наши вдруг сплелись,
Тебе желаю взмыться ввысь
И краше быть, и процветать,
Пусть будет нам, о чем мечтать.

Ну а пока, дождемся мы,
С лучами солнышка, весны.
Новокузнецк, великий град,
Тебе всегда я буду рад!

Надежда Будаева Кошка

Ты - тихое речное существо,
Я - кошка.
Воды я не люблю
И плавать не умею.
А плещешься ты тихо,
Дышишь жабрами.
Я - злюсь,
Я выпускаю коготки,
Клыки мои остры...
Ты - заводь.
Вот ты всплеск...
Нет...глубина,
А я лежу и грею морду у огня.
Люблю прийти под вечер
И из миски налакаться.
А ты тихонько плыть себе,
Заснуть,
Перевернуться с боку на бок,
А, может быть, побрызгаться
Немного,
Поговорить о чём-нибудь
С рыбешкой...
Я жду. Да сколько можно?
Ни заводь, ни фонтан, ни глубина
Не греют кошку...

Мы бесконечны

А всё хорошее во мне течёт свободно,
Ему препятствий больше нет.
А я, как ветер...
И бесконечна та, что стоя у воды
Смотрелась в зеркало живое...
А я, как небо...
И бесконечна та,
что руки к небу поднимала.

А я, как солнце...
И бесконечна та,
что в тишине ночной молчала...
Мы – бесконечны,
Мы – едины,
Нам никогда не станет мало...
Она, как ветер, руки к небу поднимала,
Она, как солнце,
в тишине ночной молчала,
Она, как небо, отражалась у воды...
А всё хорошее всегда текло свободно.
Ему препятствий не было и нет,
Ему скрываться незначем и негде,
Как солнцу, ветру, небу и воде.

Юлия Ибрагимова

Свет. Лучи легко струятся
по ромашкам на меже.
Бабочки вокруг кружатся.
Солнце высоко уже.
Я спешу на пруд купаться,
я бегу, не чуя ног:
За спиной моей остался за забором
верный дог.
Старый стал, сидит в ограде,
плохо видит добрый пёс.

И в глазах его усталость,
и догрызть не может кость...
Дог, мой дог, с тобой росли мы,
в лес ходили и к пруду.
Рыбу вместе мы ловили,
ты тащил мою уду.

А теперь ты стар, я молод,
слаб ты стал, а я – силен.
— Дорогой дружище, дог мой,
для чего ты был рождён?
Был рождён чесать за ухом,
сладко спать и мясо есть?
Нет, ты должен был ребёнку
показать, что дружба есть.

Приласкать ты мог в печали
и в веселье поддерживать.
— Помнишь: на меня напали,
как ты начал их кусать!
А сейчас ты тих, печален.
Жалко мне тебя порой.
— Дог, я быстро искупаюсь,
скоро я вернусь домой.

Почешу тебя, поглажу,
накормлю, поговорю...
С благодарными слезами
взгляд собаки уловлю...

Тряпичные куклы-подружки
Во сне оживают опять.
Ах, детства бывшего игрушки,
Люблю я о вас вспоминать.

Чудес ожиданье и трепет
Игра вызывала всегда.
Восторг свой и радостный лепет
Забывать не смогу никогда.

Невинны ребячьи забавы.
Просты и наивны мечты.
Во взрослости так не хватает
Нам детской в сердцах доброты.

Виктория Трегубова

На столе светильник-кошка
Молоко бумаги лижет,
Мама спящему сыночку
Сказку радостную пишет.

О чем пыхтят когтистые драконы,
Над златом рассыпаясь на фотоны?

Козлодоистов небо.
Полон тлен сиянья дня.
И огромная река
Расплескалась в своем чреве.

Я плещу шагами следствий.
Пересилила стеснения.
И огромные, как небо,
В нем самом же облака.

Я иду себе, порхаю
На земли и в небеси.
И громадные стихи
Я срываю, словно храмы.

Перед битвой

Дай мне воды обгорелой –
Вывою новое тело.
Сделаю тело теленком –
И на закланье второе.

Хлебами пишет шерсть земли
И мхами о прохладе дышит.
На четвереньках у ручья,
Воды бурления испивши,
Встаю в свой рост.

Разрыта и раскрыта.
Краска
На почве из чернющих точек –
Как чепчик, беленький цветочек.

Как ссохшийся сухарик,
Как серенький медяк,
Лежу под небом, как пустяк
В руке России. О, Владыко!
Как рабство райское здесь дико.

Даришь бусы.
Бусинки – дробинки
Убивают свободу.
Я стизываю жемчужные слезинки со щек,
Но с швей не могу снять
драгоценную удавку,
Тогда обвиваю твою шею руками.

Грузинский ухажёр

Зубы-арбузы,
Глаза-мимозы.
Широкие чувства
Пакетами носишь
Мне в сердце.
И я, славный шарик,
Воздушная сладость,
Твоя шоколадка,
Меня не осталось.

Елена Берг

Созерцающая насмешку огня,
Ты взамен обретаешь меня.
Ничего не сокрыть в небытии,
Не пытайся от рока уйти.
Заглянув лживой правде в глаза,
Разразится над миром гроза,
Словно золотом вспыхнет костер,
Озарив поднебесный шатер.
Брызги солнца и капли дождя
Просветят душу, тело пройда.
Зародится таинственный дар,
Разгорится сильнее пожар!
Не надейся на бранный конец!
Кто правдив, тот поистине лжец!
Хоть плетями, хоть палками бей!
Человек, он все тот же плебей!
Вера с разумом в вечной борьбе,
Даже страшно поверить себе.
Сохрани же зачатки любви
В пылком сердце и буйной крови!
Снизойдет откровенье небес,
Обойдет стороной смертный бес!
Все во власти Иисуса Христа!
Под надежной защитой креста!

Кто я вам, чтобы вы обо мне вспо-
минали...?
Кто я вам, чтоб ночами подолгу не стали
И мечтали, как будто во сне...
Обо мне, обо мне, обо мне!
Нет, никто, лишь спешащий прохожий,
На меня он как будто похожий.
Манекен из смотрящих витрин.
Он один, как и я...он один.
Грешен пусть и немного спесив,
Для других же чертовски красив.
Он лишь образ, идущий за мной,
Потерявший навечно покой.

Виолетта Никулина Стекланная ночь

Стекланная ночь, и небо так звёздно...
Нам что-то менять
в отношениях поздно.
Мы оба алупили, мы вместе неправы.
Грустят в сопричастности росы и травы.
Заплачут берёзы, роняя сережки.
Польнь с лебедой позастелет дорожки.

Литературное объединение «Гренада»:

За летом последует рыжая осень.
В природе появится
первая проседь.
И птиц косяки, улетаая на юг,
Кружат над селеньем,
свершая свой круг.
Я им адресую «пустые» слова.
И чахнет в тоске эта осень-вдова.

Я хочу сиреневую розу – с льдинкой
На снегу в твоём саду найти.
Чтобы эта роза подсказала
мне тропинку,
По которой я могу к тебе пройти.
Я хочу, чтобы букет фиалок синих
В полночь мне ты
как подарок преподнёс.
Необычно, но фиалка –
это моё имя.
Мне оно дороже нежных роз!
Я хочу, чтоб вкупе с нежной гаммой,
Ты мне просто свои чувства подарил.
Как своей любимой...самой-самой...
Чтоб Создатель нас благословил.

Я – водолей, роса, туман и сырость.
И для алкающей земли –
я божья милость.
Я – снег, сосульки, лёд –
сезонные осадки.
Я – пар в дыхании.
Погодные порядки.
Я – исключение
в порядке исключений.
В пульсации стихий –
гроза для всех течений.
Я – жизни колыбель.
Отзывчивость на требы,
Я – звонкая капель.
Я – капилляры неба.

Я не хочу грустить о том...
Что моё сердце пережило.
И я не плачу под зонтом...
То песню дождь поёт уныло.
Я не хочу грустить о том...
В чём, может, я не состоялась.
Я просто в парке под зонтом
Среди прохожих затерялась.
Я не хочу грустить, а всё ж...
Печаль в глаза мне заглянула
И под баюкающий дождь
Слезинкой на щеке заснула.

Елена Таах

Я снова в молчаньи
под сводами храма,
О, Боже, покорно склонюсь
пред Тобой.
Вдохну с болью тонкий
бальзам фимиама,
Курящийся ладана дым голубой.
Позволь, Богородице, пасть на колени,
Стекая расплавленным воском свечи,
По капле к ногам Твоим
в скорбном молении.
О, Дева Пречистая, боль излечи...

И крик мой безмолвный к Тебе,
Мать Божья,
Позволь облегчить покаянной слезой.
Избавь от хулы, поруганья, безбожья
И защиты. Благодатью укрой.

Заблужусь в постылых лабиринтах,
Затрусь в мерцании светил,
Пылью звезд запорошу тропинки,
И тебя согрею я в пути...

Звездопадом небосвод прольется,
Оросив родник в твоём саду.
Сквозь золу росток живой пробьется.
Позовёшь. Быть может... я приду...

Отпусти... если лед и стужа.
Отпусти... если март завьюжен.
Разорву я вериг оковы,
И умчусь на просторы снова.

На вечерней заре лучистой
Обращусь слезою к Пречистой.
Отпусти, попрошу, как прежде.
Отпусти... но оставь надежду...

Над замыслом Творца мы, –
смертные, не властны.
Но все ж романтики от мысли
сей бегут
И заверяют, что нить жизни
безучастно
Скупые мойры в вечности прядут.

Но в монотонности
их светных движений
Надорвалась трепещущая нить,
И, чей-то путь меняя без сомненья,
Лаксис узелок успела свить...

Владимир

Зотчик

Обычный ветер

Обычный ветер. Обычный вечер.
Обычный свет из оконных лампад.
Звучит под вечер неясный клечет.
Обычный птичий. Им полон сад.

Обычный ветер вздохнет уныло –
Над всем, что было, и тем, что есть.
Один на свете. Незримый ветер
Поднимет в воздух былого спесь.

Вздохнет уныло и скажет ветер,
Смеясь над смертью: «Бессмертно всё!»
Последней летней искрой осветит
Костер погасший ее лицо.

Дана мне жизнь...

Дана мне жизнь, одна святая жизнь.
И я, о Боже мой, понять ее пытаюсь.
Умру ли я? Страшна мне эта мысль.
Спаси меня, о Боже! Я раскаюсь!

Ответ ищу в простых, земных вещах:
Зачем душе безмолвная природа?
Зачем любовь, ребенок на руках,
Зачем я в поисках ответа трачу годы?

А, может, для того я создан был и есть,
Чтоб только, облачась
в достойные седины,
Разок-другой торжественно прочесть
Мораль давно не молодому сыну.

Водиться с внуками, вздыхая о былом,
Сгоревшем полностью,
как солнце в небосклоне.
И, в общем, быть ворчливым стариком,
Пока семья меня не похоронит.

Дана мне жизнь, одна святая жизнь,
И я по ней, о Господи, скитаюсь.
Зачем она? Страшна мне эта мысль.
Однако жить я все равно пытаюсь...

Парк

Застигнутые тьмой,
мы оказались в сказке,
Обрел унылый парк
неведомые краски.

Затихло все округ, сплелись
в одно мгновенье
И стали так легки в ночи
сердцебиенья...

Сияние чудес,
лазурный отблеск звездный,
И миллион огней,
как золотая россыпь...
Гармония и я, порыв к
стремленьям лучшим,

Всей нежностью Земля
переполняет душу.
Оставь же боль и страх,
примли эту сказку,
Смотри: унылый парк горит
в волшебных красках.
Витают подле нас страстей
полночных гений,
Чтоб сердцу подарить
часы святых видений!

Осень

Грустно от того,
что вновь природа плачет,
В тихом сквере утром
появилась осень.
Этот мир чудесный
увяданьем начат,
За окном туманным –
золотая проседь.

Этот дух осенний
вновь пронизан всюду –
Добрый друг и спутник
пасмурного дня,
Я, как в детстве, верю,
словно сказке – чуду,
Что дыханьем осень оживит меня.
Надо мной пронесет лист
опавший ветер,
В тихом сквере утром
твой уставший лик...
И никто на свете,
спросишь – не ответит
На вопрос –
откуда этот лик возник...

Максим
Шулаков

Чайная печаль

«Чай выпит.
Я встаю из-за стола.»
И. А. Бродский «Чайпитие»
1

Я в комнату свою вошёл
И сел за деревянный стол.
Налил горячий горький чай,
Смотрел в окно: куда-то вдаль.

Как будто не было домов,
Людей, деревьев, облаков,
И солнца приглушённый свет
Не освещал мой кабинет.

Я замер, всё глотая чай
(А в сердце странная печаль
была, как этот чай, горька),
И в голове текла река

Спокойных мыслей и идей.
Лишь изредка грядя каменной
Раздваивала их поток...
И чая терпкого глоток

(Последний, вроде) сделал я.
И безграничные поля
(И на земле, и в небесах)
Заполнил пресловутый страх

О том, что глубину миров,
Как ночи тлеющий покров,
Накроет чайная печаль,
Оставив жгучую печать...

2
Сгустился вечер, будто чай... Остыло
Воздушное пространство над землёй.
Не видно светозарного светила
Уже над нашей головой...

Всё замерло в таинственном порыве,
Готовясь к всеобъемным холодам,
Что ночь прольёт... А я в своей квартире
Смотрел на ламповый вольфрам.

Он обдавал меня лучами света,
Казалось, гладил желтизной мозги
И будто ветер, что срывает с веток
Давно засохшие листки,

Смывал рекой искусственного солнца
Былую радость, оставлял – печаль...
Настала ночь. Луна молочно льётся
По капле в недопитый чай...

Я поэт!

Я божий посланник
И вечный изгнанник,
Я эхо от грома
И молнии блеск!
Я ненависть шторма
И шёпот небес...

Я воин великий
И камень безликий.
Я мрак пустотелый
И солнечный свет.
Я живость растений.
В итоге – поэт!

Возвращение
к корням

«Как хорошо, на родину
спеша,
поймать себя в словах неоткровен-
ных
и вдруг понять, как медленно
душа
заботится о новых переменах.»
И. А. Бродский

Вернулся я в родимые места,
Где пролетело лучезарно детство.
Рябые листья каждого куста
Осенним шумом тысячи приветствий

Протяжно шлют. И воздух свеж и чист,
Как воды озера лесного, мягок.
Уже не слышен звонкий птичий свист.
И небо, как бумага без помарок.

Всё изменилось, даже не узнать
Тех мест, где я ребёнком славно бегал.
И где, не успевая исчезать,
Лилась с небес божественная нега...

Теперь печально осень бродит здесь.
Всё овеет холодом дождливым.
Знакомый тополь облетел уж весь.
И у пруда рососою плачут ивы.

Но, несмотря на сотни перемен,
На осени тревожное дыханье,
Родимый город в благодатный плен
Берёт моё уставшее сознание.

И оттого в душе живёт весна
(смятым солнцем, сбавыми цветами),
Воспоминаний нежная волна
Меня накрыла... Листья опадали...

Освещение

1
На мир опустилась громадная тень,
Срынаньем сжирая пространства земные!
И в ночь ядовитую солнечный день
Замг превратился! Теперь мы слепые...

С тоскою взираю на то, что вокруг:
На толпы людей, утонувших во мраке,
На грани вещей, потемневшие вдруг...
Тяжёлые капли на снежной бумаге

В ответ оставляю из жалости я.
И мрачно пространство.

А время застыло.
Бесчинствует ночь, преступленья творя.
В пустых небесах растворилось светило...
2.

Но, вот, неожиданно вижу пятно
Чистейшего, белого, мягкого света.
Хоть тьма громогласна, не гаснет оно.
И сердце моё этим светом согрето.

К нему направляюсь сквозь
грозную тьму,
Её разрывая на мелкие части;
В душе сохраняя надежду одну
На вечное солнечно-яркое счастье.

3.
Но вдруг натякою на царственный ров,
Чертой, широчайшей и угольно-чёрной,
Разбивший пространство
наземных миров
На две полуплюскости с разной формой...

И эта глубокая пропасть была
Последним препятствием перед слиянием
С божественным светом, с волною теп-
ла
И систижно верным, святейшим сиянием.

Ведомый таинственной силой извне,
Как облачко лёгкое, перелетаю
Тупропасть, рычащую злостно во тьме,
И я в белоснежном свету утопаю!..

Александр
Томский

Весна

В танце страстном, вычурном и нежном
Белизны, наверное, белей
Лепестки деревьев белоснежных
Облетали медленно с ветвей...

То снижаясь, то опять взлетая,
С легким ветром наперегонки,
Белым снегом землю накрывая,
Опадали тихо лепестки...

Будто выюга городу приснилась
И, забыв обычные дела,
Белым снегом снова возвратилась,
И дорожки в парке замела.

И среди ее великолепия,
Улыбаясь неба синевой,
Облака ловило легкой сетью
Озерцо водицы дождевой...

И цветы от веток отрывались,
И, кружась, летели свысока,
И на воду тихо опускались,
А казалось: прямо в облака...

Возвращение

За прошедшую неделю
Изменилось все вокруг –
Незнакомки похудели,
Раскачался лучший друг.

Засияли снова крыши –
Заблестел на них металл –
Город чище стал, и выше,
И, как будто, больше стал...

Стало больше остановок,
Светофоров и ларьков,
Зазвучало больше новых,
Незнакомых – языков...

С высоты исчезли тучи –
Не могу никак понять:
Может, город станет лучше,
Если чаще уезжать?..

Шестое чувство

Я приду к тебе однажды –
В предзакатный, лунный час –
И ничто не будет важным,
И ничто не тронет нас...

Я приду чуть-чуть смущенным,
Извинившись – про себя,
Не оставшись не прощенным,
Ни забытым – для тебя...

Чтоб услышать, как ты дышишь,
Чтоб поправить прядь волос,
Я приду к тебе – неслышно,
И, наверно, - не всерьез...

-Я люблю тебя, родная, -
Улыбнешься ты во сне, -
Прошептав тихонько: – «Знаю»,
И придвинешься ко мне...

г. Новокузнецк.

Детские литературные студии**Слово стучится к самым юным**

В то, что сочиняют дети, следует вникнуть, вдуматься. Детские литературные студии сейчас не новость, но всегда будет новостью всякое маленькое открытие того или иного юного автора. В слове и словом дети создают свой особый мир: красочный, веселый, причудливый. В их произведениях часто присутствует момент игры, шутилки абсурдности или мистификации — но в то же время они остаются авторами достаточно серьезными, мыслящими, имеющими свое суждение о том или ином явлении. Душа каждого маленького поэта — это не что иное, как чудесная, восторженная, стремительно развивающаяся живая метафора.

В предлагаемой подборке представлены творческие работы воспитанников новокузнецких детско-юношеских литературных студий «Фесковские литераторы» (от старинного названия поселка Байдаевка — Фески; лицей №27), «Зернышко» (гим. №32), «Созвездие Лиры» (гим. №44). Культура начинается со Слова. А Слово сейчас стучится к самым юным. Войдем же осторожно в их яркий блистающий мир, помня, что от прикосновений нашего взрослого опыта он не должен потускнеть.

Любовь НИКОНОВА, член Союза писателей России, руководитель студий «Фесковские литераторы», «Зернышко», «Созвездие Лиры».

г. Новокузнецк.

«ЗЕРНЫШКО»

гимназии №32

Павел Тонкаев, 12 лет

Ежи

Жили-были ежи
У богатой госпожи.
Госпожа с ежами играла,
Неприятности забывала.
Госпожа веселилась, смеялась
И колючек ежей не боялась,
Так как имела надежные вещицы —
Две ежовые рукавицы!

Знание

Нужно создать учение
И придать ему значение.
Следует приобрести знания.
На это есть основания.
Знания — это ума явления
Самого разного направления.
Попробуй выполнить задание —
Получится мыслящее создание!

Елизавета Диброва, 10 лет
Два ларца

Нашел в развалинах дворца
Он два загадочных ларца.
В одном ларце был сад зеленый,
В другом — зима и вечный лед.
И он, их чудом покоренный,
Не знал, что с ним произойдет.
Вблизи деревья зеленели.
Вдали они заледенели.

Безумная мечта
Волнуюсь. Думаю. Иду
К своей мечте безумной.
Я скоро окажусь в саду,
Где есть цветочек юный.
Боюсь раскрыть его секрет:
Сорвать растение или нет?

Анастасия Плешкова, 16 лет
Черепашьи бега

«Внимание! Внимание!! Сегодня у нас, не побоюсь этого слова, международный конкурс черепашьих бегов. Спортсмены вышли на старт. Все только начинается...», - кричало радио в моей комнате.

«Черепашьи бега», - произнесла я вслух. Мне порой кажется, что наша жизнь — это и есть бег в никуда. Мы стараемся обогнать друг друга, забыв о чести и морали, делаем все, чтобы стать первыми, ломаем чужие панцири, стараемся не слышать криков о помощи... Ведь наша цель — победа, а она, как известно, оправдывает средства. Вот только когда ломают наш панцирь, мы плачем от боли, ищем понимания и сострадания, но никто не обращает на нас внимания, ведь своя победа дороже жизни другого.

Возможно, это осень придала моим мыслям грустный ход. Я уста-

ла. Я уйду из этого соревнования. Унесите мой панцирь.

Муза

Она пришла, как только он родился. Когда-то они вместе играли и создавали прекрасные картины, которые поражали всех своей простотой и мудростью. Он восхищался своей Музой: она была прекрасна и полна сил. Но шли годы, и теперь его лучшей подругой была не Муза, любившая действовать, а Лень, предпочитавшая отдыхать от праведных дел. Образ вдохновенной Музы постепенно становился все слабее и незаметнее, но самое страшное произошло с ее крыльями. Каждый день, бесцельно проведенный художником, - это одно отравленное перо Музы. Он не обращал внимания на боль и муки своей старой подруги, ведь его собственная Лень заслоняла весь мир. Порой он начинал мечтать о картинах, которые будут им написаны в будущем, при этих словах Муза вновь расправляла свои сильно поредевшие крылья, но тут же появлялась Лень, и его мечты оставались застывшими словами, шрамами на душе Вдохновения.

Однажды Муза сказала: «Я уйду от тебя к новому творцу. Ведь я гибну без работы. Творчество — это процесс созидания нового человека при моем мимолетном дыхании. А ты...». Ее остановил смех художника: «Иди, мне не нужна Ты, ведь Я — Талант! Поэтому Я смогу прожить и, тем более, создавать без твоей помощи!»

Она ушла, грустно улыбнувшись ему в последний раз...

Дарья Трясина, 15 лет
Все оставили тебя, а я люблю...

Когда тебе будет очень плохо, твоя душа начнет сгорать, а сердце обливаться кровью, ты знай, что ты не один, я всегда с тобой. Что бы с тобой ни стало, что бы ты ни сделал, я всегда буду тебя любить. Пускай все оставят тебя, все забудут, проклянут тебя, а я, наоборот, приду. Мое сердце будет стучать с твоим в такт, душа моя будет с твоей, мысли станут твоими. Я отдам тебе свою жизнь, умру за тебя. Я знаю, ты меня прогонишь, разлюбишь, предашь, но я не могу жить иначе. Я не покину, не забуду, не прокляну, как те, в которых ты верил. Их любовь — лживая маска, моя — отклик души. Пускай я пропаду, отдав тебе всю силу, всю энергию, пускай потом ты оставишь меня одну, но я от тебя никуда не уйду.

Постарайтесь уподобиться обыкновенным земным камням

Когда вы чувствуете, что не можете справиться с несправедливостью, окружающей вас повсюду, с предательством и унижением, постарайтесь уподобиться обыкновенным земным камням. Вы, наверное, часто задаете себе вопрос о том, как люди могут делать так больно другим, как делают. Вам с каждой секундой все тяжелее осознавать свою беспомощность, одиночество перед мощным и безжалостным миром. Усталость от борьбы, жизнь на краю пропасти душат вас, и с каждым днем все тяжелее дышать. Борясь против мнений всех, вы неизбежно проигрываете, но не оставляете свои принципы, гадая, хватит ли вам сил снова их отстаивать?

Самый лучший и надежный способ — стать камнем. Люди всегда сбивают их, идя по своему пути. Единственные приоритеты камней — их твердость и бесчувственность. Постарайтесь отбросить все свои чувства, не бояться, не плакать, не думать о дне, который еще не наступил и который вам еще предстоит пережить. Вас будут переступать, кидать, бросать люди, торопящиеся занять место под солнцем, но вы будете твердыми и не позволите уничтожить вас. Это время все равно будет тяжелым для вас, но именно это спасет вашу жизнь. Когда все займут нагретые предшественниками маленькие местечки, сметя их, вы останетесь в глуши, среди неизвестных мест. Тогда добрые камни обязательно вам помогут. Потом, оправившись от всех потрясений, вы превратитесь в цветок, способный самостоятельно жить, добывать для себя все нужное. Вы станете гордостью того места, где живете, вас будут оберегать, любить и уважать, а потом постепенно вся округа, все ваши недруги узнают о вас. Затем само солнце начнет напирать на вас свои целительные, согревающие лучики. Тогда вы поймете, что были правы, оберегая себя от злобы и несправедливости мира.

«Я не утратил прежний свет...»

«Я не утратил прежний свет», я еще могу дарить радость людям.

Я был непреклонен перед гнетом грозной судьбы. Сейчас все позади, я живу свободно, но память о прошлом всегда будет кровоточащей раной в моем сердце. Грустно думать о том, какой могла бы быть моя жизнь, грустно думать о том, чего не было. Но жить дальше, стремиться к победам — вот то, что поможет мне сейчас. Я не забыл и не предал тех, кого любил, и тех, кто меня любил.

Любовь — единственный луч света в моей темной жизни.

«СОЗВЕЗДИЕ ЛИРЫ»
гимназии №44

Михаил Леонов, 12 лет
Время

Все проходит, как ночь,
Когда мгла разлетается прочь.
Ночь опять наступает,
Когда солнце-звезда угасает.
Лето входит в пределы зимы.
Это битва света и тьмы.
Небеса покрываются облаками вражды,
Но вражда погибает от света звезды.
Неужели такое будет всегда?
И ответ получается «Да!»

Неужели отступит наш свет?
И ответ получается «Нет!»

Все летит, и летает, и мчится.
Время пройдет, все может случиться.
Солнце растает, как лед.
Небо изменит свой цвет навсегда,
Потому что в нем вспыхнет другая звезда.
Ее излучения, как синий сапфир,
Заполнят наш смутный,
враждующий мир.
Все летит, и летает, и мчится.
Станный полет!
И близка временная граница,
Что проходит сквозь солнечный свод!

Роман Больных, 12 лет

Про богатые клады
Люди пишут доклады.
Существуют сводки
Про волшебные находки.
Дают советы,
Как хранить дорогие монеты.
Слагают сказы
Про недоступные алмазы.
Это красивые слова.
Ими играет молва.
А еще надо,
Чтобы в них содержалась правда!

Самое великое чудо

Самое великое чудо
Почему пришло и откуда?
Эта странная сила чудесна,
И таинственна, и неизвестна.
Можно подумать, невелика она ростом,
Но сладить с ней, ой, как не просто!
Противиться силе сей невозможно,
И подходить к ней надо осторожно.
Порою жестока, но чаще красива.
Любовь — вот как зовется эта сила.

Редкое явление

Очень редкое явление —
Мистическое дуновение.
Явится ангел блестящий,
Не иллюзорный, а настоящий.
Не очень понятны его мотивы.
Но светом струятся одежды переливы.
Нежгучее пламя колеблется ровно...
Вот ангел! А все остальное условно!

Михаил Чугаев, 14 лет

Роза

Жила-была на свете роза,
Она любила яркий свет,
Она раскрыла тайны лет,
Не знала, что такое проза.
Вокруг цветы и травы были,
Она любила блеск росы.
Святые капельки слезы
Ей утром цвет ресниц омыли.
Зеленый жар шальной поляны...
Она хотела вечно жить,
По линиям планеты плыть,
Не зная про боль, забыть изъязны.
Вдруг — человек, большая тень...
Поляна красотой пылала,
И роза ничего не знала.
То был ее последний день...

Осознав цвет неба голубого
И поняв оттенки утреннего блика,
Он не сделал ничего другого,
Он не пользовался методами тыка,

Он поссорился, забыл своих друзей,
Его предал самый близкий человек,
Сузил его общенья круг,
И остался одиноким он навек.

Все молчали, мимо проходили,
Будто б зная не знали, позабыли.
Он исчез... как вспышка в небе синем,
От него остался только иней...

Но о нем напомнили три вещи:

Текст, бумага, цифр сочетанья...
Ярко солнышко лучами блещет
И одолевает расстоянья...

Провода

Провода разрешили небо,
Отражается в окне от лампы след.
На деревьях спят остатки снега,
И в душе они пробудят тусклый свет...

Я хочу кричать... но голос сорван!
Хочется любить... ты далеко...
Непонятно, странно, больно словно...
Понимать, что ты никто, не так легко...

Жёлтый кот

Летел по небу желтый кот,
Сквозь облака и просто тучи,
Свет освещал его живот —
Он не нашел занятия лучше.

Летел чрез горы и пруды
И красоте дивился ив,
Ведь только желтые коты
Всегда приносят ПоЗиТиФФФ!!

Весенний дождь нагнал холодное
волнение,
Сплетенья грубых туч нарушили
покой.
То пасмурно-цветное воскресенье,
Забыв про все, я пережил с тобой...

Твои дрожащие волшебные ресницы
В душе тревогу нежно убивали.
Такое только в сладком сне
могло присниться —
Твои глаза мне сердце страстно обжигали.

В моих объятьях ласково блистая,
Боялась ты растаять, словно лед.
А я, наверно, все-таки растаял,
Как маленький влюбленный идиот...

«ФЕСКИ»

лицей №27

Сергей Горюшкин, 12 лет
Золото Кузбасса

Искатели опять идут туда,
Где залегают ценная руда.

И самой знаменитой из находок,
Должно быть, станет новый самородок.

Вид самородка, вес его и масса
Умножат славу золота Кузбасса.
Но между тем, богатство есть иное:
Оно, как солнце, светится цветное,
Не знает, где начало, где конец,
Живет в месторождениях сердец.

То щедрое сияние души.
Его лучи добры и хороши.
Соединяясь с золотом природным,
Оно становится богатством
всенародным!

Давид Кургинян, 11 лет
Мир человека

Белые мысли снега,
Синие мысли неба,
Зеленые сны лесов,
Сине-зеленые чувства моря,
Черно-белые замыслы гор,
Цветные фантазии звезд
И золотое сердце солнца
Наполняют жизнь человека.

Растения в доме

Таится много откровений
В системах комнатных растений.
Цветок беседует с цветком.
Фиалки украшают дом.
И дарит нашим взорам радость
Узорный тонкий аспарагус.
В гостинных светятся вразброс
Бутоны пышных чайных роз.
Но здесь не только украшение,
А и проблем больших решение:
Растения из рая родом
Нас освежают кислородом,
И в помещении закрытом
Очистит воздух хлорофитум.

Алоэ в случае нарыва
Залечит воспаление живо.
А из герани препараты
Целебным запахом богаты.
И кактус, современный гений,
Нас защитит от облучений.
Так обратим свое вниманье
На эти чудные создания!

Татьяна Рогозина, 11 лет **Музыка мироздания**

Колышутся звезды,
Весь космос звучит,
Небесная флейта
Поет и журчит.
Звезды над чащей –
Как ветер летящий.
Я постигала
В цветении роз
Их ослепительный яркий гипноз!
Звезды и розы,
Как вы красивы!
Нравятся мне мироздания мотивы!

Анна Кумсиева, 11 лет **На лугу**

Красивый луг,
Блестящий луг.
И зеленеет
Все вокруг.
Пасутся на лугу коровы.
Они спокойны и здоровы.
И самобытны и не хмуры.
Их золотистые фигуры.
А рядом с ними – два коня,
Как два струящихся огня!
Тут же речка протекает
И на солнышке сверкает!

Александра Русскина, 9 лет **Вечный город**

Не каждый город может быть вечным. Но бывают действительно вечные города. Например, если в городе есть какое-то старинное здание или сооружение, то это уже вечный город, потому что старинное здание или сооружение уже было здесь несколько веков назад. Наш город Новокузнецк можно смело назвать вечным городом: ведь у нас есть старинная Кузнецкая крепость и старинный Преображенский собор.

Когда-то эти строения лежали в развалинах, но и развалины говорили о вечности, т.к. были целы некоторые древние камни.

Потом крепость и собор были восстановлены и еще больше приблизились к нам вечность.

Но помните: если этих строений когда-нибудь не станет, то не станет и вечности, не будет на свете вечного города. А так хочется, чтобы наш город вечно был вечным!

Дарья Кондакова, 10 лет **Город доброй магии**

Я очень довольна городом, в котором живу, - Новокузнецком, но все-таки было бы лучше, если бы он изменился. В нем появилась бы добрая магия.

Воздух стал бы гораздо чище, потому что не нужны были бы машины и мотоциклы – ведь все умели бы летать! Люди бы стали больше отдыхать, и никто бы не нервничал. Никто не нуждался бы в деньгах. А если в мире появилась бы злая магия, то новокузнецкие волшебники уничтожили бы ее. Кузбасские маги никогда не помогали бы злым силам и не изменяли бы своему обществу. Отдельно хочется сказать о воздушных цирках.

Представьте: они не находятся на земле – парят в воздухе. Зрители сидят на облакообразных диванчиках и едят бесплатное мороженое. Деревья и кустарники висят в воздушном пространстве: их корни не нуждаются в воде – они заколдованы. Жаль, что сейчас ничего этого у нас нет, но вдруг в будущем все из моих мечты станет реальностью?

Всюду звездочки-сердца
На башнях Южного дворца,
Ну а Северный дворец –
И без звезд, и без сердец.
Вдруг пришел один мудрец,
Создал множество сердец.
Все влюбленные сбегались
И надолго там остались.
Они пели, танцевали
И друг друга целовали!

Александр Масалов, 11 лет **Звезда**

Была звезда нетленная.
Ее дом – это вселенная.
Звездочки малые
Подружились с ней.
Лучи ее алые
Делали их веселее.
Под звездой, на планете Земля,
Были у них друзья.
Жили друзья в горах каменных,
Любовались красотой
звезд пламенных.

Коровки

Жили-были коровки,
Любительницы газировки.
Газировка стала дорога.
Коровки решили продавать рога.
Набрали денег кучу.
Купили бутылок с газировкой тучу!
Но цены продолжают расти.
Коровкам надо рога запасти!

Новинки

Много нового и интересного,
И красивого, и полезного,
И чудесного, и небесного,
И забавного, и прелестного,
И ужасного, и прекрасного,
И неясного, и опасного...

Много новых существ.
Много новых веществ.
Их обновленный порядок
Не выпадает в осадок.

Мария Заречнева, 10 лет **Новый смысл жизни**

Ты живешь не просто так.
У тебя есть право
Свой оставить в мире знак.
Это не забава!
Жизни смысл в твоей душе
Появился новый.
Не теряй его уже.
Он – как лист кленовый:
Улетит, и не поймаешь...
Смысл – твой конек.
Жизнью сам ты управляешь.
А кто тебе поможет?

Необыкновенный человек

Необыкновенный человек –
Тот, кто горы поднимает,
Тот, кто в небе
С птицами летает.
Необыкновенный человек –
Тот, кто и рисует, и рифмует,
Кто изделия улучшает
и шлифует...

Но один такой есть человек
Необыкновенный тем,
что он всех любит.

Петр Норец **Театр человечества**

Зимняя ночь с заполненным городскими огнями небом обнимала и кутала в невесомые древние саваны холодного, напитанного запахами снега ветра. Необычно тихая и темная.

Вот в такой мир хочется вслушаться. И я вслушивался. Без пальто, в одном костюме стоял на театральном балконе и проваливался в себя, уже не замечая застывшего мира. Вот в таких ситуациях чувства имеют свойство обостряться, и сейчас я услышал аплодисменты так, словно они были у меня в голове, а не этажом ниже, за тяжелой дверью театрального зала.

Хлопали долго, минуты две-три. Рассказывали, что потом в вестибюле обсуждали мою пьесу даже с гардеробщицами. Наверное, это успех.

Я старался не читать критиков: вдруг да найдется и на меня свой Латунский. Не нашлось – все хвалили, замечая только, что «Присутствует нехарактерная для жанра доля фарса».

Потом стали ходить все меньше. Нет, я понимаю, что прошел год, и я мог бы написать и поставить еще пьесы. Мог бы – да не мог. Не чувствовал. А иначе-то никак не напишешь. В итоге на мою пьесу приходила пара десятков человек, и ее решили заменить чем-то более популярным. Театру ведь надо жить.

Да, прошел ровно год, и опять я здесь, в театре, слушал тишину, бродя по пустому вестибюлю.

А я ведь так и не посмотрел спектакль по своему произведению. Боялся? Точно – боялся. Зашел. Несколько человек в партере и еще немного на балконе. Есть где присесть. Может, я задремал – в последнее время жутко устаю без причины – и не заметил, как спектакль окончился. Свет зажегся одновременно со вспыхнувшими аплодисментами, они вырвали меня из полудремы.

Он окликнул меня у гардероба. Невысокий, сутулившийся, в овальных очках и с торчащими волосами. С невероятно красивым от морщин лицом. Он смотрел, чуть опустив голову, прищурив левый глаз.

– Вы творец пьесы? – говорил он, надевая пальто. По вам же сразу видно, что вы ее автор. Я сразу узнал. Другое-то не узнали... Не захотели. Да и не нужно на самом деле.

Мы уже оказались на улице, фонари не горели.

– А я на вас с премьеры хожу. Захватило, красиво. Вот верите – никогда на один спектакль так много раз не ходил. А пойдете, я вас каркаде угощу.

Странный этот кто-то, другой бы уже, пожалуй, разобиделся на мою молчаливость, а он – нет. Вместо этого сам говорит. Пригласил на мой любимый чай. Когда некуда торопиться, да и даже когда есть куда, пожалуй, нужно пойти с таким кем-то.

– Пойдемте. Вы далеко живете? Кстати, как ваше имя?

– Яхве. А живу недалеко, там, на соседней улице старый двухэтажный дом.

Дом был старый, наверное, еще николаевских времен или ранних годов СССР. Побелка уже облупилась, но не было видно ни одной трещины на стенах. Гранитная лестница с деревянными перилами привела нас к двери, обитой покрытыми лаком досками. Ключ приятно проучрал в замке и открыл освещенную торшером прихожую. Приятный запах фиалок и теста опрокинулся на меня, только я переступил порог. Он за-

шел следом, тихо закрыв дверь.

– А там всё правда? – спросил он, идя по коридору.

– Интересно ведь, да? – он обернулся и улыбнулся. – Правда упрощенная может быть правдой? Наверное, абстракция, и без нее в книге не обойтись.

Мы вошли в светлую комнату со столом, засыпанным мукой, на котором стоял накрытый полотенцем поднос.

– Хотел испечь, а потом вспомнил, что спектакль сегодня. Вот оставил. Садитесь, сейчас чаю налью.

– А как же канонический образ... – я смотрел на него, как он ставит чайник на плиту, рассыпает лепестки чая по кружкам. Думал о пьесе... она ведь была о нем.

– Да, я знаю свой образ. И знаю, почему он возник. А вы знаете?

Он сел рядом, снял очки и облокотился на стол.

– Все ведь понимают, в чем их ошибки – вот неадекватность, как пример, или неучтение деталей – тоже. Понимают и эти, и другие, но признать не хотят...

Засвистел чайник, он встал, разлил кипятка по кружкам, принес их.

– Пойдемте в зал, там удобнее говорить.

Комната встретила нас мягким дневным светом светильников, развешанных над горшочками с фиалками, которые заполняли подоконник и большую часть полок в шкафу. Самые разные: фиолетовые, белые с синими узорами, розовые и волнистые, с участками, доходящими до черного.

– А вот они мои «все». Знаете, любовь очень странна... – он размешал сахар в чае, сделал глоток и, причмокнув от удовольствия, чуть склонив голову, заговорил: – Признать не хотят, что всё зависит от них же самих. Вот и создали образ, который по образу и подобию сотворил их. И стремятся к нему, а себя-то не признают, и стремление это от того и пустое. Но про образ и подобие это верно написали. Кто сказал, что Бог не может совершить ошибку? Может, и молодым тоже бывает...

Он снова наклонился к чашке с кисловатой красной жидкостью, а я слушал и разглядывал цветы, которые тянулись к нему разноцветными головками.

– Хотя может, приснилась мне эта молодость? Не знаю... Все учел, а себя нет. Как молодой писатель, вот как вы когда начинали – стремились писать ради самого процесса, и я хотел творить так же. Вот он образ и подобие.

Теперь я смотрел на него, прямо в глаза, как героиня моей поэмы смотрела в глаза того, развернутого на бумаге Бога...

– Не признав себя, нельзя понять любовь, ведь только признав и поняв себя, можно принять и понять другого человека... Да, человека. И не как иначе.

– Да, никак иначе. Я понял это и, наверное, тогда и начал этот поиск.

– Понимание... Да, именно оно, а дано всем понять и начать искать? – я отставил чашку с остывающим чаем, от возбуждения тряслись руки. Вновь пробежался взглядом по цветам и снова посмотрел на него. – А почему театр?

Теперь он молчал и смотрел на меня, потом встал, прошелся по комнате и, остановившись у окна с белыми фиалками, заговорил:

– Потому что именно так я полюбил людей. Каждую судьбу примерял на себе, жил каждым человеком. Так искал себя и понимал людей. И полюбил их через это. А потом увидел эту пьесу, где игралась уже моя судьба... Знаете, в чем странность любви? Я люблю людей... Человечество. В меня же только верят. Конечно, есть те, кто и вправду любит, но большинство просто верит. А дано ли им понять, что к идеалу можно прийти, лишь приняв себя и полюбив других? Они сами должны себе это дать. Поэтому я и называю эти фиалки «всеми» – я люблю их, а они любят меня.

– А разве этот образ не тяготит и не хочется показать правду?

– Если Бог станет человеком, он перестанет быть Богом, а если человек станет Богом, он останется человеком. Ведь увидев правду – перестанут верить. Какой же это Бог, который так похож на них? А потом создадут нового. Прямо из того, кто первым на эту роль попросится, и создадут. Человек понимающий вряд ли ведь захочет этого. Пойдет туда властолюбивый и не признающий ошибок. Этого я и боюсь. – он улыб-

фотограф Людмила Тимошенко.

нулся, встал и поманил меня за собой. Мы вышли в прихожую. – Поэтому если вера дает добро, то пусть будет вера, а правда подождет. А вам спасибо.

– Мне уже пора? – я стоял у двери, не решаясь прикоснуться к ручке и открыть ее, стоял и дышал ароматом фиалок, текущим из комнаты, и еще не выветрившимся запахом заваренного чая.

– Пора. Вас ведь ждут, я знаю. Кстати, чуть не забыл – вашу судьбу я не жил. – Он улыбнулся и открыл дверь.

Лестница уже наполнялась светом солнца. Я медленно, не оглядываясь назад, спускался, вслушиваясь в стук шагов. Поднимался расцвет. Люди уже высыпали на улицу, неслись по дорогам машины. Но я чувствовал, что тишина той первой ночи вновь укутала меня в свой древний бархат и повела куда-то вглубь. Укрыла, взяла за руку и повела. Наверное, искать, иначе нельзя...

Только почему он живет здесь, среди нелюбящих его? Ответ мгновенно ворвался в мысли – потому что счастье обретается рядом с тем, кого любишь, пусть даже он и не любит тебя. Нет, не маленькие, разноцветные цветки его «все» – это «все» сейчас с грохотом и пылью выходило навстречу проснувшемуся солнцу.

Театр Человечества.

Две палатки, прильнув к обрывистому берегу, сонно провисли на растяжках, намокшая от осенней росы. Таежная речушка пыталась подслушать охотников, уютно разместившихся вокруг костра, любопытствовала, подбираясь мелкой волной к сухой части берега.

Легкий ветерок уносил в черноту ночи ослепительные искры, выпрыгивающие из ленивого пламени. Огненные звездочки достигали апогея и, слабея, начинали блекнуть. Затем медленно, словно раздумывая о своей судьбе, планировали вниз, бесследно исчеза в первом осеннем холоде.

Толик Власенков зачерпнул ложкой из котелка и, обжигаясь, попробовал ароматную уху на соль.

- Готово, давайте свои плошки.

Наваристая ушица и добрые сто грамм развязали мужикам языки. Соблюдавший статус благородного охотника, Иван Семенович разговорился. Ему было о чем рассказать спутникам. Прихлебывая уху, он повествовал о своих и чужих подвигах, зачастую гипертрофируя события или ловко прикидывая к ним оригинальные детали. И над рекой серебристой струей лились мудрые и забавные охотничьи байки.

Сегодняшний шеф-повар, здоровенный молодой мужик тридцать семи лет от роду, слушал не дыша. В больших ладонях с короткими пальцами он держал кусок хлеба и ложку, давно забыв про них. Похлебка простыла в его чашке. Она подернулась холодной пленкой, в которой застряли серые комочки кострового пепла. Желание послушать знатных охотников было выше голода, ведь Анатолий в охотники пошел совсем недавно. И это была даже не дань моде, а скорее, желание отдохнуть от городского шума и гама.

В середине очередной истории к костеру приблизился путник, невесть откуда вынырнувший из тьмы.

- Мужики, - попросился неизвестный, поглубже в глаза натыкаясь потерявший треух, - пустите погреться. Свой зажигать не хочется.

- Да разве жалко? - радушно заговорили охотники. - Садись, покушай с нами.

Пришелец, сильно припадая на левую ногу, подошел, положил рядом с собой карбин, подсумок и присел к костру. Из ночи выбежал пёс с коричневой спиной. Он улегся рядом с хозяином, чутко вслушиваясь в глухие звуки тьмы. Человек поднял голову...

Толик почувствовал, что по спине пробежался мерзкий холодок. Замолчали и его приятели.

Из-под шапки, обрамленный вклученными волосами, на мужиков смотрел единственный глаз. Вместо второго зияла глубокая яма, занимающая большую часть лица и заполненная горами безобразных шрамов. Один из бесчисленного множества шрамов грубо цеплялся за губы, подтягивая и сильно их перекашивая.

Неожиданный гость почувствовал замешательство хозяев и стал виновато нахлебывать шапку ниже на глаза тем, что осталось у него от когда-то правой руки. А осталось от нее не так уж и много, всего лишь три пальца, да и те такие, будто их через мясорубку пропустили.

Горько усмехнувшись, человек принял чашку, вытащил из-за голенища ложку и принялся молча есть. Слегка опомнились и охотники, но разговор уже не клеился.

Иван Семенович разлил водку, не обделив и незнакомца. Выпили, не проронив ни звука, будто боялись обидеть пришельца.

В воздухе повисла звенящая тишина, только шелест прозрачных струй реки напоминал о существовании звуков в этом мире.

Гость выпил остатки ухи через край, тремя пальцами изуродованной руки вытер губы и блаженно закрыл глаз. Потом, словно проснувшись, глубоко вздохнул и начал говорить, ни к кому не обращаясь:

- Говорил мне ещё мой дед, когда на охоту в тайгу первый раз взял: «Тридцать девять медведей возьмешь, а на сорокового не ходи - заломат».

Но я был молодой, горячий, как отец говорил: весь из ума сшитый. Молодость, она ведь не любит слушать мудрые речи, ей до

Людмила ТАНКОВА

Рисунок Олега ГОЛОВАЧЕВА.

Крайний зверь

всего своим опытом дойти хочется.

Таким был и я... до сорокового медведя.

Подошло время, когда у меня на счету оказалось тридцать девять медвежьих шкур. В это время уже ни дед, ни отец не промышляли крупного зверя. Ходили в тайгу так, для баловства: руку размять, да дичи к столу пострелять. Били они, в основном, птицу, да белку и соболей на продажу. Но чтоб «хозяина» поднять... ни, ни.

Остерегались.

Бывали случаи, что встречались на глухой таежной тропинке с косяком, бывало, что и фартило, но не снимали они ружьишко с плеча...

Береглись.

Так вот, добыл я своего крайнего зверя, а руки так и чешутся. Очень уж хочется судьбу испытать. Узнать, где правда, а где истина.

Собираюсь я в тайгу, припасы готовлю. Дед около телевизора недовольно папиросой пытит и сквозь низко нависшие лохматые брови на меня поглядывает. Отец смотрит, как я укладываюсь, не ругат, а как-то по-детски отговаривают:

- Не рискуй, сынок. Здоровье, его же потом ни за какие шиши не купишь. Может быть, и не задерет хозяин, а покалечит запросто. Вся жизнь на таблетки работать будешь.

Но во мне гонору воз и маленька тележка. Так уж хочется бывалым охотникам нос утереть и правоту свою доказать. Чую, что силушка необузданная да не потраченная во мне ключом кипит, азарт обойти старших подогревает. Где уж тут думать.

Затягиваю рюкзак, а у самого от предчувствия легкой победы руки до пота дрожат. Дед с отцом видят, что не сговорили, засобирались со мной в помощь. Но я нахмурился, сделал вид, что обиделся.

Встал на лыжи - и в тайгу. Добрался до зимовья на автопилоте, даже дороги не заметил. Устроился, угнездились, а самого трясушка берёт. Ночь кое-как переживал. Под утро свалил меня сон. Просыпаюсь, будто заново на свет родился.

И вы знаете - обошлось. Завалил мишку с первого выстрела. Даже сам не поверил.

...Одноглазый вдруг прервал рассказ, низко опустил голову и впал в безмолвие, словно переместился в какой-то ему одному ведомый мир. Единственное око подернулось белесой пленкой, отделяя хозяина от костра, ночи, случайных собеседников. Псина исподлобья следила за хозяином, положив голову на лапы.

Мужики, чтобы не тревожить рассказчика, сидели молча. Огонь костра стал затухать. Остыв догорающих веток затянулись пеплом.

Толик поехал от надвигающегося холода и потянулся за сухостойной. Взяв ветку за оба конца, легонько ломанул ее. Неожиданный звук резанул по сердцу. Пришелец вздрогнул, к его глазу стал возвращаться жи-

вой свет. Он тоже потянулся за хворостом, с видимым удовольствием стал подбрасывать дрова в обновлённое пламя, наблюдая, как новые звезды, вырываясь из костра, взмывают в высь и погасают, едва коснувшись неба.

- Выпить есть, - прохрипел одноглазый, преодолевая спазмы, сжимающие горло.

Но пить водку не стал. Долго сжимал железную кружку в руках, будто хотел погреть содержимое, перед тем как залить им костер воспоминаний.

- Вот так же, к ночи добрался я домой. Гордый... Сели ужинать, а я соловьем рассыпаюсь, рассказываю, что да как.

Вижу, дед хмурится, и, даже не дослушав расчудённую повесть о сороковом-роковом, вдруг шлепнул меня по загривку. На больно так, но очень обидно.

- Не шути с хозяином боле, - бросил он вместо похвалы и ушел.

Минув охотничий сезон, настало лето, а там и осень не за горами. Тут как на грех на соседнюю пасеку зачастил мишка. Два улья разорил. Ну, собираются ребята урезонить нахала, и я с ними.

Дед с отцом в этот день на поле урожай убирали. А жена как узнала, побелела.

- Не пушу, - кричит, а самуё всю колотит.

Курж сорокалетнего мужика оказался сильнее здравого смысла. Короче, кинул я ружьишко на заднее сидение «Нивы», побросал кой-какие припасы, свистнул своего пса и поехал к протоке. Там уже мужики папиросы курили, решали, куда лучше двинуть.

Оторвался я от их - и вниз по речке. Чую нутром, что сегодня отсюда появится разбойник. Еду, кожа холодит, вроде как по ей шерсть медвежья скоблится. Сам над собой посмеиваюсь. Ощущения - вроде первого добываю, или как у пионера на параде. Пакет - это псина моя, тоже что-то беспокоится.

Доехал до Митино броду, поставил машину на бережку, а сам на другой перебрался. Ну, сорок первый - не первый и не сороковой. Пошагиваю себе, ухо востро держу. Но ни веточка не хрустнет, ни кусты не шелохнутся. Псина моя хоть и вперёд бежит, а далеко не уходит, всё как-то ко мне прижимат.

Вдруг Пакет замер, нос вытянул, уши торчком. Слышу, потянуло от распада пропастин. Значит, где-то близко схорон у хозяина. Добыл, видно, зверя, «запарил» и ждёт, пока добыча до нормы дойдёт. А раз уж запах пошел - жди и самого.

Ушел я на подветренную сторону, стал себе скрад мастерить. Так себе - простенький, только чтобы зверь не заметил. Ружьишко к дереву приставил, а сам ветки шалашиком делая. Подломил березку потихоньку, только показало, что хруст от неё звонче, чем должно быть. Кинулся, а ружьё-то чуть дальше, чем рука вытягивается. Дернулся я слишком сильно и не удержался, стал падать. Хватанул воздух пальцами. Мимо ружья хватанул, только указательным по стволу погладил...

Одноглазый одним глотком осушил кружку, и, хихнув, продолжал:

- На бок падаю и слышу, что сверху ног наваливается гора. Как ухватил ружьё и не помню, не помню, как стрелял. Мельком только зацепил взглядом, что ударила огненная струя мишке в бок. А уж понять, что ранил и разозлил зверя, не успел. Чую, что от боли зверюга выпрямился и отпустил мои ноги. Вскочил я и бросился, не разбирая дороги, к реке, к машине. На ходу пустил в медведя второй заряд, и, видно, снова напрасно.

Бегу, нога горит. Глянул - икра располосована вдоль, вся наизнанку вывернута. Я дальше. Ветки по мне хлещут, уворачиваться некогда, сзади хозяин деревья ломат, за мной след топчет.

Уж и реку увидел. Вот ведь судьба... Нога в ямку попала... И я - кубарем через кочку муравейника. Навалился тут хозяин: свирепый, окровавленный. Хрюснуло у меня что-то внутри, стало тяжело дышать, а прямо у глаз - желтые клыки.

Вспомнилось, как дед сказывал, что если схватить медведя за язык, то ему конец. Так ли, нет ли - думать было недосуг. Сунул руку в пасть, ухватил за язык, тяну, да только зря. Не подох, а ещё и руку мне изжевал.

Выручил Пакет. Он, похоже, и до этого всю дорогу хватал зверя за штаны, а иначе бы ещё раньше лиходей догнал. А тут и вовсе рвать его начал. Отмахнет медведь собаку и снова за меня берется. Улучил я всё-таки момент, когда зверь отступился, чтобы с собакой справиться, и к реке.

Думаю: «Лишь бы до машины добраться, а там уж уйду».

Бреду по воде и никак не пойму: почему только один глаз видит и почему все вокруг красного цвета, как на закате. Махнул рукой по глазам, а это медведь мне кожу с головы снял, вот она и мотается перед глазом. Тут я и не обнаружил второго-то.

Только я к машине - а вражина уж там. Как меня обошел, не пойму.

А вот как тогда живым остался. знает только

Рисунок Олега ГОЛОВАЧЕВА.

ко Господь Бог, мой дед, да спасибо верному псу. Ему я по гроб жизни обязан, что вижу солнце, хоть и одним глазом.

Дед-то мой в тот день дома папиросы забыл. Ну, потерпел маленько, потерпел, да и пошел в село за ними. Встречал на улице жинку мою в слезах. Времени-то уже много прошло, мужики все вернулись, а меня нет, вот баба и кричит на дурнинушку.

Сел дед на мотоцикл, да к протоке, куда мужики указали. Нашёл машину, а вокруг неё кровянища. По следу нашел меня. Уже почти не дышал я. Рядом мишка мертвый. Пакет раны мои зализывал.

В больнице доктор сказал, что не выживу, слишком много поломано. Ладно бы рука, да нога, а то ещё и ребра, да полчерепа мне хозяин выкусил.

Доктор деду моего не знал. Тот со своими травмами, настоями поднял не только моё тело, но и душу. Только естество моё сильно попорчено оказалось, люди от страха шарахаются, бабы мной детей пугают. Я и не обижаюсь, сам виноват.

Одноглазый вздохнул, провел рукой по лицу, будто хотел снять с себя маску. Потом вдруг что-то вспомнил, посветил лицом и сказал:

- Не знаю как, но своего сорок первого я всё-таки завалил.

Хакасия 2002 г.

Людмила ТАНКОВА Сон в сердце

Главы из повести

Сёмушка

Сон был тяжелый, прерывающийся непонятными и незапоминающимися видениями. Ирина пыталась проснуться, но что-то мешало. Из тени выплыла черная женщина, сально улыбувшись, больно задела за сердце. Ирина хотела отмахнуться от обидчицы, но откуда-то появился Иван и перехватил руку. От этого рука занемела, заныла...

- Мама, мама, - услышала Ирина сквозь сон голос Сёмушки.

Открыла глаза. Оказывается, она лежала, подвернув руку под бок.

- Ты плакала во сне, - в глазах младшенького стояла слеза испуга.

- Ничего, Сёмушка, это был просто сон, - тихо проговорила Ирина, растирая онемевшую руку, - глупый, ненужный сон. Видишь, я проснулась, а сон рассеялся.

Она пригласила непокорные вихры сына, подула на них легко, словно показывая, как рассеялся сон. Мальчик благодарно прижался к матери, его сердчишко билось, словно пойманная птица. Ирине на миг показалось, что она обнимает сына в последний раз. Снова, как во сне, защемило сердце.

- Что это я? - встряхнулась женщина. - Хватит лежать, надо делом заняться.

Легко, будто она никогда и не болела, Ирина поднялась с кровати, подошла к зеркалу. На неё смотрела бледная незнакомка с ввалившимися глазами.

- Ничего, сейчас мы приведем себя в порядок, - приговаривала женщина, расчесывая волосы. - Немного косметики тоже не помешает нашей красоте. Так, Сёмушка?

Через некоторое время в зеркале отражалась уже совсем другая женщина: немного озорная, немного строгая. Сын, подперев кулачками щеки, наблюдал, как изменяется мама. Его глаза сияли: мама выздоровела. Значит, они снова все вместе будут ходить в парк, на карусели, есть мороженое и смеяться, потому что он, Сёмушка, будет всех веселить, корчить рожицы, ходить колесом.

Папа, конечно, пригрозит пальцем, потом посадит озорника на плечи. «Посиди-ка, остынь», - скажет он. А старший брат Коля будет щекотать его ноги и делать вид, что он тут вообще ни при чем. Машуна с мамой пожалеют и уговорят папу отпустить Сёмушку. И тогда они с Сережей побегут кататься на машинках. Сережа, как более старший, будет рулить, а Сёмушка махать рукой маме и папе. Как давно все это было.

Сёмушка по-взрослому глубоко и прерывисто вздохнул. Пятилетний мальчик все беды и несчастья в семье невольно связывал с появлением в их квартире Тины-Болотины.

Тина-Болотина

...В тот день мама уехала в гости, Сёмушку из детского садика забрал Коля. Они не пошли домой, а гуляли по улице, поджидая папу. Был морозец, а потому лед на горке хорошо подстыл. Сёмушка почти бегом забирался на горку и, упав животом на ледянку, летел вниз. Только ветер свистел в ушах.

Коля кататься с горки не хотел. Взрослый всё-таки. Он разговаривал с Дашей из соседнего подъезда.

По мнению Сёмушки, Даша была просто красавицей, и когда он, Сёмушка, вырастет, то обязательно женится на ней. Правда, сейчас о женитьбе думать было некогда, хотелось набегаться, накататься.

Уже стало темнеть, когда приехал папа. Сёмушка слома голову побегал к машине... и оторопел. Из машины, с мамино места, вышла чужая тетя в летних туфлях и плаще.

- Колдунья, - испугался малыш и кинулся обратно к Коле.

Спрятавшись за спину брата, он даже не пытался выглянуть, а стоял, плотно закрыв гла-

за. Ему хотелось, чтобы страшная тетя исчезла, будто её никогда не было.

- Ребята, - позвал папа, - идемте домой, а то уже замерзли, наверное.

Впереди всех по лестнице шла незнакомка. Шла так, будто всегда здесь жила, и это она вела к себе гостей. Она весело болтала, про мороз, про снег, при этом звонко цокала по ступенькам каблучками туфель.

«Сейчас она пройдет мимо нашей квартиры, - с надеждой думал Сёмушка, - а мы быстро забежим домой».

Этого не случилось. Тетя остановилась точно около их двери и, подождав, когда папа отперет замок, первая проскользнула в квартиру. Скинула свой плащ, по-хозяйски расправила плечи и представилась: «Зовут меня тетя Тина, я у вас немного поживу. Так ведь, Ваня?»

Папа вместо того, чтобы выгнать чужачку, растерянно кивнул головой.

Хотелось сказать тете такое, чтобы она обиделась и ушла прочь.

- А почему вас зовут тиной? - набывшись, спросил Сёмушка. - Вы на болоте росли?

Он внимательно смотрел в лицо незнакомке и видел, как яростно вспыхнули у неё глаза, как выпрыгнула из них ненависть, совсем, как в мультиках у Змея Горыныча. Неосознанно почувствовал противостояние, в котором он всего лишь ребенок.

- Царевна-лягушка тоже на болоте живет, - нашла незнакомка.

- Так она царевна, а вы болотная трава у неё под лапками, - упрямо продолжал грубить Сёмушка.

- Какой умненький мальчик, - делано засмеялась тетя, при этом глаза у неё были холодными и острыми, как лед. - Моё полное имя Милентина, тетя Милентина, а родилась и выросла я на теплом юге. Вот поедем ко мне в гости...

- Тина-Болотина, - перебил её Сёмушка и, не раздеваясь, бросился в детскую.

Пришли папа и Коля, стали раздевать его и уговаривать.

- Тетя попала в беду, - сказал папа, - надо

ей помочь. Думаешь, легко в наш мороз ходить по городу в туфлях и плаще? Завтра мы поможем найти её родственников, и я её увезу. Ну, не выгонять же ночью человека на улицу? Что нам скажет мама?

И мальчик сдался. Ему не хотелось ссориться с мамой. Раздевшись, Сёмушка пошел мыть руки. В коридоре он столкнулся с чужачкой... она была в маминых тапочках и в мамином халате.

- Извините, - растерянно сказал папа, - это вещи моей жены.

- Да, ладно, - весело проговорила гостья, - я же их не съем. У меня же всё украли. Вам же не жалко, если я их вечером поношу.

Большая тетя явно не влезала в мамин халат, полы которого постоянно разъезжались в разные стороны. Из-под них торчали толстые, как бревна, ноги. Гостья ушла на кухню. По-хозяйски загрохотала посудой. Было слышно, как она открывала и закрывала холодильник. Что-то жарила и варила. По всем комнатам разлился аромат вкусных щей.

- Пойдемте ужинать, - буднично позвала гостья.

Она усадила всех за стол, сама села рядом с папой. Во время ужина Тина постоянно вскакивала то за солью, то за хлебом. Полы халата почти полностью разъехались. Коля ел не поднимая глаз. Папа старался смотреть в сторону. Зато Сёмушка зло кусал хлеб и, не отрываясь, глядел на незнакомку.

- Между прочим, - сказал он, - мама при детях голая не ходит.

Папа поперхнулся и укоризненно посмотрел на младшенького. Тина небрежно прикрыла полы халата и спросила:

- Ты почему щи не кушаешь? Один хлеб жуешь.

- Невкусно.

- Сынок, - сказал папа, - ты не прав, всё очень вкусно. Попробуй.

Но Сёмушка сорвался со стула и убежал в свою комнату.

Завтра Тина-Болотина уйдет, - шептал он игрушкам и уже не верил сам себе. Теперь ему казалось, что злая колдунья пришла к ним навсегда.

Счастье поперечное

...Сёмушка снова прерывисто вздохнул.

- Что ты, сынок, - погладила его по головке

мама, - какой-то ты у меня тихий стал, не озорешь, не шалишь.

- Не хочется.

- А чего моему мальчику хочется?

Ирина села на край кровати, посадила младшенького на колени, обняла его и стала покачивать, как когда-то усыпляла его совсем крошкой. Сёмушка прильнул к матери, обнял её и затих, заснул.

- Намаялся.

Ирина подождала, пока малыш заснет покрепче, потихоньку опустила его на кровать.

«Где-то Вани не видно, - подумала она, - а ведь он сегодня дома и ни разу не зашел. Странно».

На цыпочках, чтобы не разбудить малыша, Ирина вышла в коридор, прошла на кухню... никого. Даже Милентина куда-то подевалась, хотя она все время крутится около печки. Такая бойкая женщина. Надо бы поговорить на работе, чтобы ей общежитие дали. Не век же ей нас обслуживать. Пора и свою жизнь устраивать. Конечно, без Тины сложнее будет хозяйство вести. Но скоро Машенька приедет с практики, да и я оздоровлю - справлюсь.

С другой стороны, мальчики снова станут прежними. Коля с Сережей не будут пропадать у друзей, раньше-то их из дома было не выгнать. Не будет истерик у Сёмушки. Непонятно, почему он так невзлюбил Тину. Она ему конфеты, да пирожные, а он их - в унитаз. Грубит. Наверное, ревности детские. Смотри-ка, парень у нас с характером.

Ирина выпила стакан холодного чая и решила посмотреть какую-нибудь передачу по телевизору, пока вернется семья.

Проходя по коридору, заглянула в спальню. Сёмушка лежал поперек кровати и улыбался во сне.

- Радость моя поперечная, - прошептала Ирина, прикрывая поплотнее двери.

Длинный извилистый коридор современных квартир был хорош только тем, что создавал прекрасную звукоизоляцию. И когда ребята затевали игры в зале - это не мешало отдыхать отцу после ночной смены.

Ирина потрогала обои, надо бы делать ремонт. Хватит уж болеть, а то дом в запустение придет. В детских двери нараспашку, а в зале закрыты.

- Странно, - снова подумала Ирина.

Взялась за ручку. Показалось, что из-за двери доносится шорох.

- Наверное, Коля возится со своими чертежами. Может, я ему чем помогу...

Дверь открылась как всегда тихо, без скрипа.

Тьма и свет

...В центре, навалившись на стол, стояла полуголая Милентина. Растрепанные волосы метались из стороны в сторону. Сзади стоял Иван, он держал Тину за широкие бедра. Глаза закрыты, на лице неопределимые муки блаженства. Два тела слились в движениях, их не интересовал другой мир.

Увидев хозяйку, Тина вдруг расцвела мстительной сальной улыбкой. Прищуренные глаза злобствовали и торжествовали.

Женщина взяла руку любовника и демонстративно положила её себе на грудь.

Вцепившись в дверную ручку, Ирина едва удержалась на ногах. Медленно повернувшись, она вышла в коридор. Обожгло левую сторону. Закружилась голова. Боль сковала грудь, как во время приступов. Не стало хватать воздуха. Перестали слушаться ноги, будто из них вынули все до одной косточки. Казалось, отпусти хотя бы одну жилку, и они шлепнутся на пол, как бесформенное тесто.

Ощупью... по стене Ирина нашла дорогу в спальню.

Шкаф... спинка кровати... надо прилечь... выпить лекарство... не напугать бы Сёмушку...

На сознание навалилась черная непроглядная ночь. Откуда? Ведь еще и полдень не наступил.

Впереди вспыхнула яркая белая лампа... нет, прожектор... или...

Свет становился всё ярче, он слепил душу, затягивал...

Ирина легко поплыла навстречу свету. Сзади раздался истошный крик Сёмушки:

Рисунок Ольги ГОЛОВАЧЕВОЙ.

«Мама, мамочка!..» Звал испуганный голос мужа.

Не смогла дальше плыть, стала возвращаться, преодолевая сопротивление света.

... Семушка стоял около матери на колени, держал её за руку и горько плакал. Он, не переставая, звал её, будто сердечком своим чувствовал, что может вернуть мать.

В комнату влетел Иван. Он бросился к жене.

Ирина наполовину лежала на кровати, не ловко подвернув под себя правую руку.

Подхватив невесомое тело, Иван положил жену высоко на подушки, трясущимися руками схватил бутылочки с лекарством. Бросил. Кинулся к телефону.

- Скорая? Срочно, сердечный приступ, Ирина Русанова, - привычно четко диктовал он диспетчеру.

Потом снова бросился к жене. Его перестала бить дрожь.

- Ирочка, сейчас приедет Скорая, потерпи немного, я с тобой.

...С трудом поднимая веки, женщина открыла глаза. Муж и сын склонились над ней. Крупная слеза скатилась со щеки Семушки и, упав на подбородок, обожгла кожу.

Приняла лекарство, глотнула терпкую жидкость.

В душе продолжал светить зовущий луч. Хотела глубоко вздохнуть, чтобы избавиться от слепящего света, но глаза наткнулись на третье лицо. Любопытствующее, торжествующее, оно принадлежало... кому оно принадлежало?

Вспомнить хотелось, но не могло. Память начисто стерла имя...

Муж повернулся к этому третьему лицу, начал что-то говорить. Женщина, чужая женщина ухмыльнулась и стала застегивать блузку. Потом положила Ивану голову на плечо, все так же поглядывая на Ирину.

Снова полоснула боль... «Семушка...»

Потускневший было, луч вспыхнул с новой силой, растекаясь по всем закоулкам жизни. Оттолкнувшись от ночи, Ирина воспарила и больше не сопротивлялась силе света....

Без шанса

...Милентина пришла, когда Иван, вызвав Скорую, повесил трубку телефона и вернулся в спальню

- Что случилось? – счастливо проворковала Тина.

Она заглянула через плечо Русанова. Больная приподняла в себя. Глаза хозяйки открылись, с великой нежностью прошлись по лицам мужа и сына. Ресницы вздрогнули, когда Семушкина слезинка упала на подбородок. Голубые глаза Ирины казались небесно-васильковыми. Они светились изнутри. Они хотели жить. И их любили те, кто был рядом.

Да, хотела бы Тина, чтобы на неё так смотрели мужчины, как сейчас – Иван на жену... Перехватила ненавидящий взгляд ребенка. Взгляд скользнул по лицу, переместился ниже... ниже.

- Ах ты, Господи, - спохватилась Милентина и начала застегивать блузку, про которую впопыхах забыла.

И тут она поняла, что сейчас решится всё. Окинула Ивана. Тот оглянулся и попросил Тину встретит врачей.

- Да, конечно, - прочувствованно сказала Милентина, положила голову на плечо чужого мужчины и застыла... Хозяйка смотрела ей в душу. словно два копы вонзились в Тину. Сияющие лучи глаз стали медленно гаснуть.

Дрогнула Ирина рука, чуть сжав ладонь мужа, неподвижные губы выдохнули «Семушка...»

В ту же секунду зазвонили в дверь. Бригада Скорой помощи была Русанову знакома по прежним вызовам, а потому Иван просто сидел на пуфике около телефона и по-собачьи ждал. Он знал, что все будет, как и раньше, хорошо. Вот сейчас выйдет усталый, улыбающийся Иван Викторович и попросит закурить...

Но из спальни слышалось: «Адреналин...», «разряд...», «еще разряд».

Наконец, наступила тишина.

Иван радостно вздохнул. Он уже приготовил слова, которые скажет своей любимой женщине, поклялся сам себе, что больше никогда... никогда...

Дверь медленно открылась. Не обращая внимания на Русанова, к телефону прошла медсестра и начала набирать номер.

Прислонившись к косяку, стоял Иван Викторович.

- Извини, - обреченно сказал он, - я сделать ничего не мог. С её диагнозом не умирают. А Ирина Петровна, похоже, не хотела жить. Она не дала нам ни одного шанса.

Хотел Русанов встать с пуфика, но подкосились ноги. Так, на коленях, он и пополз в спальню.

Тело Ирины было закрыто розовой простыней с нарисованными легкими мотыльками.

Только рука смогла освободиться от этого савана. Она легко лежала на кровати, будто хотела вспорхнуть, как эти беззаботные бабочки.

Казалось, вот-вот всколыхнутся пальчики, сбросят с хозяйки розовый покров, пройдутся по льяным кудряшкам...

Но что-то держало их. Может быть, массивное обручальное кольцо на безымянном пальце?

Рука еще хранила жизненное тепло. Мужчина положил ладонь любимой женщины на свою щеку...

- Гадина! – разорвал гнетущую тишину тоненький не то крик, не то вопль.

Из-за ширмочки вылетело маленькое тельце ребенка.

- Семушка, - вздрогнул от неожиданности отец, - ты все время был здесь?

Но мальчик не слышал слов. Он ужом проскочил сквозь руки взрослых и, словно кошка, прыгнул на Милентину. Вцепился в её лицо, кусал и рвал зубами.

Четверо взрослых едва смогли оторвать ребенка от жертвы. Семушка бился в истерику, порываясь кинуться на ненавистную Тину-Болотину, и только тоненько кричал: «Гадина... гадина...»

От успокоительного мальчик уснул, вскрикивая и вздрагивая.

Иван Викторович молча наблюдал, как медсестра обрабатывает раны пострадавшей. Уходя, не подал, как обычно, руки Ивану. Не глядя в глаза, сказал, будто посоветовал:

- Отправьте женщину из дома, пока ребенок не придет в себя. Не рискуйте.

Тина отнеслась к словам доктора пренебрежительно.

- Вот еще. Мне и идти-то некуда.

- Доктор посоветовал, - попытался уговорить жиличку Иван.

- Ты его слушай больше. Он тебе наговорит. Они Ирину убили, а ты сидишь и молчишь. Нет, чтобы лекарство дать, а они с электричеством привязались. А разрядом и мужика доброго убить можно.

- Так у Ирины была клиническая смерть, Иван Викторович сказал.

- Кому ты веришь? Он свою некомпетентность прикрывал. Ведь если ты в суд подашь, то его посадят. А так, тебе лапшу на уши навешали, ты и сидишь. Да и куда я раненая пойду? Посмотри, он меня всю разодрал.

Иван не знал, что и думать. Он сидел на том же пуфике, обхватив голову руками, и не знал, что будет дальше.

...В спальне, где лежало тело, раздался стук.

- Ирина!

Подпрыгнул Русанов на месте.

Он вбежал в комнату... покойница лежала на своем месте. Ничего не изменилось в её позе. Рука еще больше побледнела и приняла желтоватый оттенок.

На полу расплескались осколки стекла. Со стены сорвалась любимая Ирина семейная фотография. Иван поднял фотографию. Ломаные линии перечеркнули их с женой и четверых детей.

- Их то за что? – заплакал Иван.

В спальню вошла Милентина с веником и совком. Она деловито стала сметать в мусорное ведро осколки прежней Ивановой жизни.

Чей рабёнок?

Что и говорить, дорогие граждане, господа, товарищи, жисть нашего брата у зарубежных странах, особливо, где само далёко зарубежье, очень даже чижолая. Ну, сами посудите, чего им в жисти переносить приходится: детей воруять, продають, пачками подменяють у родомах, и главное, всё это безобразия прямо на глазах у полисейских. Прямо зверство какое-то. Не успеет баба родить дитё, а его уж какой-нибудь злодей поджидат, сгребёт ещё мокренького, не обтёртого, а на его место быстренько мёртвенького подкидывает. Где они их столько мёртвых-то набирають?

Смотришь иханные сериалы и диву даёшься, как энто у злодеев всё так ловко получатся. И что само весёлов, сначала злодей агрессивно так подменяет, а потом-ка ходит мучитися за злодейство, всему миру про него рассказыват. Каётся, каётся, а потом-ка оказыватся, что он своо дитёночка-то и подменил.

Ну, каково так-то мучиться? А скоко денег оне там трапят на то, чтобы прояснить, у кого от кого и какой рабёнок родилси? А? Каково? Ба-а-ба! Ба-а-ба знать не знат, с кем и когда спала!

Один кричит: - «Мой рабёнок!», и другой орёт: - «Мой рабёнок!»

А она и не знат, что им и ответить.

- Я, - говорит, така несчастна, разнесчастна, что и дитё вовсе не от вас, а может даже от того Майкала, что в прошлом годе заходил на пять минут воды напиться.

И начинают оне рабёнка мызгать на всякие там анализы, дэ-э... дээнки разные и, чего хуже, начинают его пытать:

Из-под плинтуса

Односторонний диалог

Начало зимы и середина перестройки. Небо с утра хмурится, низвергает на землю мокрый снег. Время от времени выглядывающее из-за туч солнце превращает и без того мокрый снег в водяную кисель.

Вокзал. Площадь, на которой останавливаются все средства колёсного передвижения. Между двумя павильонами по продаже мелочей жизни прижалось подобие автобусной остановки. В ней на лавочке сидят две старушки и обмусоленный жизнью человек, одетый далеко не по погоде. На голое тело надеты выдавший виды пиджакишко времён гражданской войны и вытянутые на коленях спортивные брюки, именующиеся в народе «трениками». Ноги принаряжены в легкие сандали, руки - в нитяные перчатки. На голове... да ничего на голове, кроме реденьких волосёнок, и не проглядывается.

Невысокий худощавый мужичок разговаривает сам с собой, не замечая протекающие мимо него события. Он кивает головой кому-то невидимому, разводит руками, шепчет слова, пожимает плечами. Время от времени потирает посиневшую пимпочку носа.

Вёрткие маршрутки подбегают к остановке, забирают желающих уехать и, хлопнув дверью, укатывают в предзимнюю слякоть, весело разбрызгивая снеговую кашу.

«Привет, Витян, - окликает мужичка хлыстовидный парень, одетый с соседского плеча, - куда едешь?» Не дождавшись ответа, парень ныряет в подошедший троллейбус.

Очнувшись, Витян тоскливо смотрит в сторону отъехавшего знакомого. Поднимается со своего временного пристанища и подходит к интеллигенту с сумкой через плечо. Встаёт рядом, как старый знакомый.

- Привет, - тихо говорит мужичок в пространство, - как дела? Теплынь-то какая... А вон там, видишь, опять дождь идёт. Или снег? Не поймёшь, но холодно будет... когда-нибудь. Холодно будет, а денег нету. А у тебя есть денюги? Как нету? Совсем? Как же так?

...Мужичок вопросительно заглядывает интеллигенту в лицо. Глаза выражают абсолютную скорбь, но где-то в глубине зрачков ещё теплится надежда...

- У меня есть два института, - продолжает Витян, пристально разглядывая собеседника, - один медицинский, другой металлургический. Ты глянь на меня, глянь... Ну что, похоже? Вот то-то и оно. Только вид один чего стоит. Истоштал-то как, ви-

-А скажи-ка, беби, чей же это ты сынок?

- Мамин, - отвечает беби.

Но тут приходит Майкал, обнимает своего беби, ревёт крокодиловыми слезами:

- Нет, беби, ты мой дорогой и любимый, давно потерянный сынок.

Смотришь на энти жуткие сцены, и сердце кровию обливаеся. Энто ж мобуть стать так, что я тоже покраденный или потерянный родителями-миллионерами дорогой и любимый сынок. Конешенное дело, иметь родителей миллионеров я бы хотел, но уж где-нибудь здесь, дома. Рыску меньше.

Я тут жинке своей решил проверочку исделать, попросил друга помочь.

Ну, он так-то заходить у квартиру к нам и шасть к кроватке. Только за сына моего единокровного взялся, а моя уже от суседки летит, раскрылатилась. Ей, видите ли, сердце подсказало, что дитёнок в опасности. Насилу друга выручил. Моя его так изукрасила, что мать родна не признала, а дети в дом не пустили. Только жинка по голосу определила, что перед ней супружник законный.

А вот ещё, щуряк мой чё удумал... Он был не в духах, с крутого бадна хворал, и так, по злобе, говорит своей половине: - «Что ет дочь наша на меня не шибко нахаживат, а пацан, так и вовсе на Кольку Шайбу со второй Строительной смахиват. Хочу сделать пробу на родство».

Лучше бы уж и не говорил. Она ему энту пробу на башке сделала.

Как не верти, а у нас жисть спокойнее: коль уж милисия чего упустит, так бабы доглядят.

дишь? А все потому, что денег нету. Так у тебя точно денег нет? Точно? Ну, ты даёшь. У тебя - и нету денег... Даже странно. Ты в сумке-то погляди. Ну и что? Так и не нашёл? Нет? Смотри-ка ты!

...Как на грех у транспорта вышла заминка, и интеллигенту уехать не на чем, попытка отвернуться не увенчалась успехом. Витян же как ни в чём не бывало продолжал негромкий разговор:

- У меня-то сумка тройная. У внутренней такие зелённые ручки были, да оборвались случайно. Хорошие такие ручки, вот видишь, крешек ещё остался. Сам понимаешь, что без ручек сумку носить неудобно, так я её в другую сумку поставил. В желтую. У жёлтой всё в порядке, все ручки есть. Хорошие, крепкие такие, но вот дна нет. Сумка с ручками, только без дна. Незадача... А что, разве так не бывает? Вот и я так мыслю, что бывает. Да главное, придумывать ничего не надо.

Вот сумка с ручками, но без дна. Эта с дном, но без ручек. Всё путём, только носить их неудобно. Так я их в третью сумку поставил, в синюю. У этой есть всё: и дно, и ручки. А что делать? Выбросить, что ли? Так и пробросаться недолго. Вот они ещё какие хорошие. В них и денюги положить можно. Только вот денег нету.

А у тебя они случаем за подкладку не завалились? Как за какую? За ту, за самую. Так ты верни и посмотри, может быть, чего и найдёшь. Мне много-то и не надо, так, самую малость для компенсации за то, что обокрали. Понятно, что не ты, иначе я бы с тобой и не говорил даже.

Да, обокрали меня, обчистили подчистую. Всё унесли. Всё! И солонину, и варенье... Целую банку. Видишь, в чём остался перед зимой: без куртки и фуражки, в одних вязаных перчатках. Вот они, глянь. Да хоть одним глазком глянь. Видишь, плюхонькие какие перчатки, а денег нету.

Слушай, а почему у тебя нету денег? Зарплату не дают? Это как? Мне вот каждый день дают. Правда, чаще по морде, но каждый день. А тебе почему не дают? Кто ты? Кто? Учитель?...

...Мужичок расстроено развёл руками. В глазах поплыли блики разочарования и пренебрежения.

- Эх ты! Что же ты мне голову морочишь, бюджетник? Откуда у тебя денюги-то возьмутся? Задерживаешь благородного человека. Я на тебя столь времени зря потратил. Предупредить надо, что ты из-под черты.

Какой, какой... Из-под плинтуса.

г. Новокузнецк.

А помнишь?..

Сколько в нашей жизни случается веселого и грустного, серьезного и легкомысленного! Вечерами, сидя в компании близких друзей, мы вспоминаем эпизоды из жизни, залившись смеемся или грустно вздыхаем. Один рассказ сменяет другой, одна история ведет за собой другую. «А помнишь?..» - вскидывается гость, и снова течет рассказ, о котором ни в сказке сказать, ни пером описать.

А почему это мы не можем пером описать? Да, запросто!

К нам приходят авторы, имеющие в своем арсенале массу коротких зарисовок из жизни. Предлагаем вашему вниманию в нашей новой рубрике «А помнишь?..» истории записанные Татьяной МОТОВИЛОВОЙ.

Член Союза журналистов России с 1998 года.

Любимые авторы: Михаил Булгаков, Леонид Андреев, Андрей Платонов, Исаак Бабель. Рассказы пишу редко, но все они не плод моей фантазии, а основаны на реальных событиях, записаны со слов очевидцев. Люблю нашу сибирскую природу, ценю человеческое общение и интересные встречи...

Любимое занятие: походы, восхождения, сплав.

Татьяна МОТОВИЛОВА Что не съем, то надкусаю!

...Эту историю поведали мне знакомые горняки с шахты «Осинниковская» во время сплава по реке Абакан, что в Хакасии.

Абакан - речка рыбная. Водятся там и хариусы, и лини, а если очень постараться, то можно и царь-рыбу тайменя поймать. Посему пользуется эта водная артерия большой популярностью у любителей лова. Летом и по осени приезжают на Абакан целыми группами со всей Сибири и уезжают с его берегов груженные знатным уловом.

Но, как известно, лакомиться рыбой любят не только люди. Хозяин тайги - медведь - тоже не прочь отведать речного деликатеса. С одним таким любителем хариусов и ленков пришлось повстречаться и моим знакомым.

А дело было так. После дня сплава встали горняки на ночлег: причалили у берега, поставили палатку, а чтобы ночь была не только спокойной, но и удачной в заготовительном смысле, решили поставить у берега сети.

Легли спать, а утречком - к реке. И каково же было, мягко говоря, изумление наших геро-

ев, когда они увидели такую картину: у берега в воде стоял здоровенный медведь, одной лапой держал сети, а другой вытаскивал из них рыбу и с удовольствием отправлял ее в рот, урча, прожевывая и принимался за следующую. Увидев приближающихся мужиков, косолапый встрепенулся, но наутек не бросился и на людей не кинулся - зачем, если в воде такое богатство лежит... Но, видимо, поняв, что сейчас его лишат остатков вкусного завтрака, стал быстро-быстро запихивать в рот оставшуюся рыбу и заглатывать ее не жуя.

Не дождав последнего хариуса, Потапыч с бешеной скоростью бросился через реку на другой берег и мгновенно скрылся в чащобе леса, оставив остолбеневших горняков стоять на песке. Когда первый из них, оправившись от легкого шока, подошел к воде, то обнаружил, что мишка не только приговорил весь - кстати, не маленький - улов, но и (видимо, в порыве страсти) порвал сети...

«Да Бог с ними, с сетями, и рыбы еще наловим, - главное - сами живы остались», - обрета дар речи, выдохнули мужики...

Мушки от Палыча

Мои знакомые шахтеры из Междуреченска любят «дикий» курорт «Горячий ключ». Приезжают туда группой человек в пятнадцать, с женами, но без детей - ну хоть в хакасской тайге отдохнуть от этого «поколения пепси».

Опять же мало кого из нынешних тинейджеров завлекут две недели жизни в полном отрыве от цивилизации. Ни телевизора тебе, ни компьютера. Средство связи одно - спутниковый телефон, но из-за дороговизны использования этого «навороченного» прибора есть строгий график выхода в эфир - два раза в неделю на одну-две минуты. Исключение - особо экстренные случаи. Таких, слава Богу, в жизни горняков не случалось...

Славен «Горячий ключ», конечно, своей целебной водой. Но не меньше привлекает мужиков сюда и рыбалка. В пяти километрах от источника протекает знаменитая река Абакан, а совсем рядышком с курортом гремит холодными горными водами неширокий, но норовистый Бедуй.

Самым знатным рыбаком у междуреченцев по праву считается горный мастер Василий Павлович (в просторечии Палыч). Там, где другой две-три рыбки из воды вытащит, Палыч натакает целое ведро.

...Рассказывали, что в один из приездов клева не было вообще (рыба из-за холодного лета раньше обычного засобиралась на зимние «квартиры»). Мужики, проторчав на Абакане весь световой день, не приносили ничего. «Как будто в ванну удочку бросаешь!» - с досадой жаловались горняки женам.

А Палыч никогда пустым ни с Абакана, ни с Бедуя не являлся. Хоть и небольшой улов, а весь его. «Слово он, что ли, знает волшебное...» - удивлялись сослуживцы.

«А может, у него мушки особенные? - вдруг озарило председателя профкома Федора Петровича, - может, он там чего нашептывает, когда их вяжет? Давайте попросим рекордсмена нам мушек навязать».

Пришли они целой делегацией в домик, где Палыч проживал со своей супругой и лайкой по кличке Барон.

- Чего надо? - не очень гостеприимно встретил сослуживцев горный мастер. - Рыбы пришли кланить? Не дам! Свою ловите.

- Да ты что, Василий Палыч, нешто мы

побирушки какие, - степенно отвечив Федор Петрович. - Мы и сами наловим. Только вот мушек нам сделай. Ну никак не получается у нас их вязать. Измучились. Не зада- ром, называя цену!

- Деньги, конечно, - это хорошо, - задумчиво протянул Василий Павлович. - Опять же мушек не жалко. Только не в них дело. Тут слово надо знать и с рыбой уметь разговаривать...

- Палыч, ты нам навязи, а может, мы и говорить с твоими хариусами научимся...

Палыч помялся для приличия, почесал затылок и, буркнув: «Ладно уж, от вас ведь иначе не отвяжешься», - вытащил из рюкзака мешок с приготовленными «запчастями» для мушек. «Рассчитаетесь, когда будет готово...»

...Наступил долгожданный день, когда мужики пошли на Абакан за большим-большим уловом (в рюкзаках ведь мушки от Палыча).

Спустились к реке и увидели в выдавшей виды резиновой лодке чужака, что называется, под завязку груженного рыбой (ведра четыре - не меньше, тут бы и Палыч от зависти присвистнул). Имелись у дядьки в наличии не только хариусы, но и ленки, и даже таймень и сиг.

«Мужики, - вдруг обратился он к междуреченцам, - вам рыбы не надо? Сильно большой улов, боюсь, лодка не выдержит (лодочка, и правда, буквально трещала от тяжести), за дешево отдам».

«И то правда, - обрадовались рыбаки-любители, - мушки от Палыча, конечно, вещь хорошая, но с ними все равно весь день на реке торчать. А тут рыбка сама в руки идет».

Побыв для приличия на Абакане еще с часок, горняки двинули в обратный путь. Первым, кого они встретили на Ключе, был, разумеется, Палыч.

- Ну что, поймали? - спросил он с усмешкой.

- Поймали!

- И кого же - пару-тройку хариусишек?

- Хариусов десятка с два, таймешку средних размеров и еще какого-то сига.

Выпав все это единым духом, ГРОЗ Петр Фролов развязал рюкзак и поставил его перед потерявшим дар речи Палычем.

...Через мгновение по соседним вершинам раскатился крутой шахтерский мат. Это пришедший в себя Палыч объяснял Барону, что мушки-то заговоренные нельзя отдавать посторонним, чтобы удачу не спугнуть.

Что такое осень...

«Снова осень закружила карусель мелодий...» И неправда, что она «никого не пощадила». Осень - не злая и жестокая, как пишут о ней порой. После каникулярно-суетного лета наступает период, во время которого хочется остановиться, подумать, а мысли становятся чистыми и ясными - как сентябрьский воздух в лесу.

Ничто так не успокаивает, как прогулка по осеннему лесу: под ногами еле слышно шуршат разноцветные листья, на пожелтой траве - капли посеребрянной росы. И кажется, во всем мире наступили спокойствие и благодать. Окунувшись в эту тишину, прозрачность и синеву, начинаешь думать, что звеняще-гремящий, сумасшедший город с его ежедневными стрессами и проблемами находится где-то необычайно далеко, практически по ту сторону мира.

А здесь совсем другая жизнь, законы которой не меняются тысячелетиями. И, пожалуй, нам, «во всю голову урбанутым», стоит поучиться у природы этой умиротворенности и неторопливости.

Как были правы наши предки, придумавшие поговорку: «Поспешай не торопясь». Вот уж, действительно, умели люди жить в гармонии с окружающим миром. И, наверное, поэтому были счастливы, не мучились «синдромом мегаполиса» и находили радости в, казалось бы, абсолютно простых и, на первый взгляд, незначительных вещах: светит солнышко - радость, льет дождик - благодать, выпал снег - счастье...

Может быть, иногда необходимо почувствовать в своих жилах зов предков, вырваться из душной цивилизации на природу, хотя бы для того, чтобы просто мысли и чувства привести в порядок.

Попробуем?..

Дмитрий СЕМЁНОВ

Чинилка-ломалка

- Олег, помоги! Ну пожалуйста! — следователь, молодая девушка, по фамилии Синицина, вцепилась крашенными ногтями за край джинсовки оперуполномоченного Олега Старостина. Подкараулив его возле кабинета на втором этаже ОВД. — Ну, чем я могу тебе помочь? Сама же говоришь, что все дело в экспертизе. Я с этим очкастым водку не пью. И за него заключения давать не могу! — Олег высвободил из цепких пальчиков «закона» кутку и посмотрел в умоляющие глаза следачки.

- Олег! Олег! Ты такой хороший! Ты ведь знаешь этого свидетеля Порфирычева! Поговори с ним! Пусть он отдаст хоть какие-нибудь документы, на ту штуковину. А то этот лысый очкарик-эксперт, ну никак не может дать заключение! А без экспертизы я не могу ни обвинения предъявить, ни дело в суд сдать! — следователь Синицина сделала очередную попытку схватить джинсовку Олега.

- Ладно! Знаю я этого кренделя Порфирычева, поговорю с ним, ну и с Долгоносевым тоже, чего там ему не хватает для трассологической экспертизы. Но с тебя Леночка ... Штука баксов, за срочность! — и Олег скрываясь от излияния благодарностей, забежал в свой кабинет и закрылся изнутри, бросил на стол ежедневник. Набрал на телефоне номер, прикурив сигарету.

- ЭКО, — отозвалась трубка голосом эксперта-криминалиста Долгоносова.

- Привет Иван! — поздоровался Олег, и тут же перешел к делу — Какие там проблемы по угону. Какую тебе надо документацию?

- А! Забегали! — злородно ответил эксперт. — А я всем, сразу сказал, что вскрытие гаража произведено не газовой сваркой! Разрушение замка, скорее всего, имело характер внешнего воздействия направленных потоков нестабильной массы ионов! А это вам не кувалдой какой-нибудь! Тут, не моя компетенция. Это вам в РАН отправлять надо, я по дезинтеграторам и плазменным генераторам не специалист!

- Ваня, хватит передвигать стрелки. Скажи, что не хочешь работать, и тебя все поймут! Ленка Синицина меня уже заклевала. Насколько я помню, гараж вскрыл Венья Воськин, сварщик с ЖЭКА, аппарат взял в гараже Порфирыча. Какие там дезинтеграторы?! Ты еще инопланетян приплети сюда. Изъятый аппарат сейчас у тебя. Напиши просто: мол так и так. Таким-то аппаратом спресли замок, на аппарате отпечатки гражданина Воськина, — и больше от тебя ничего не требуется!

- Ага, ага! Вот, вы все и во всех протоколах, так и написали: газовый сварочный. А это никакой не газовый и никакой не сварочный. А скорее всего, какой-то экспериментальный расщепитель материи на атомы. Прибор неизвестный криминалистике, и как я на него буду экспертизу давать?

- Синхрофазотрон что-ли? — изумился Олег Старостин.

- Причем тут синхрофазотрон? Хотя... Да называй его генератором черных дыр. Это не мой уровень! По отпечаткам следов пальцев рук у меня все давно готово. Я просто не могу обозвать эту хреновину, чем либо кроме «объект представленный на исследование». Если хочешь помочь, бери за задницу хозяина техники, и пусть он мне объяснит, как эта бандура называется и для чего используется. Или инструкцию от нее, хоть на китайском! — выпалил эксперт и тут же решил закончить беседу. — Все, мне еще экспертизу по кастету делать. Как разродитесь на документацию, заходи. Пока.

- Пи... пи... пи... — пропищала трубка.

С минуту Олег слушал этот писк, обдумывая ситуацию... Затем надавил на рычаг. Набрал другой номер.

- Алло, ЖЭК? Можно Порфирычева к телефону. Порфирыч, это Олег. Ну из ментовки, какой еще... Сосед твой по гаражам. Да, по делу. Да, не по-своему. По работе. Можешь зайти. Когда, когда? Сейчас. Ага. Понял. Все. Жду.

Через час, в кабинет Олега заявился Порфирычев Степан Ювенович, мужичек неопределенного возраста, на вид ему давали от тридцати до пятидесяти, все зависело от состояния в котором его лицезрели. А состояния у него было всего два: пьяный и спохмелья — и их различные вариации. Степан вот уже десять лет работал в ЖЭКе то сварщиком, то слесарем, то сантехником, и за это время стал известной и неотъемлемой частью жилищного сервиса. Одет был подобающе. Камуфляжные штаны, драные туфли, засаленная спецовка и оранжевый жилет со светоотражающей надписью ЖЖХ, на глазах темные очки, прикрывающие синяк под левым глазом.

Степан поздоровался и, косаясь на портрет Дзержинского в кабинете Олега, спросил, па-ну пальцем:

- Это, что ваш министр? На учителя пеня из 56 гимназии похож! — и тут же продолжил: — А я Олег сам, к вам идти собирался. Хочу «ломалку» свою забрать. Ну, которую у меня Воськин спер. Поможешь по-соседски? А то участковый скажет: «всечдоку» и отдадут только после суда. А мне очень надо! У меня без нее «бизнетцу» крышка!

- Как, ты говоришь «ломалка»? — переспросил Олег. — Вот про нее я с тобой и хотел поговорить. Откуда она у тебя. И что это за устройство такое? Олег обрадовался, что разговор сразу перешел в нужное русло.

- Начальник! Ты меня знаешь, чужого вовек не возьму! Нашел я ее с месяц назад. А как — лучше не спрашивать, все одно не поверишь! — Порфирычев уселся на скамейку и прикрыл ладонью очки со стороны, подбитого глаза.

- Как расскажешь, может и поверю. Давай по порядку. Что, где, почему? Пока не расскажешь, ничем помочь не могу. На кури, не стесняйся. — Олег положил пачку сигарет на стол и вместе с пепельницей придвинул ее к собеседнику.

Порфирычев взял сигарету, долго мял ее и, прикурив, начал не торопясь рассказывать:

- Тут та еще история. Прямо «дедуктив». Сидим, значит, с мужиками в подсобке у плотников. Тут влетает эта оплашенная, мастер по жилфонду Пирогова и ну трещать. Мол, администрация записала нас в рейд по охране цветного металла. Ну и мы с Воськиным как главные бездельники первыми пойдем дежурить. Сторожить ночью провода всякие и вентили от этих, каких — расхитителей муниципальной собственности. Хотя, я так считаю, что эти расхитители в мэрии и сидят. А провода режут наркоманы да алкоголики.

Ну вот, дали нам отоспаться, а вечером, около десяти, пришел в ЖЭК участковый. Пошли с ним до пустырей. Сказал он нам: «Ходите от сюда до забора и до утра, и всех шугайте!». А сам, лентяй, домой ушел спать. А чего там охранять? Провода да лампочки. Ну, мы сели там же, у забора, ну где раньше СТО было. Пивка поглотили малость. Да этот Воськин, шпана приютская, плейер в ухо и отдыхать. А мне скучно стало. Пошел я обходить лесополосу. Слышу за гаражами, стучает что-то. Я туда. Арматуру подобрал и крадусь. Выхожу за балку, а там, в старом котловане мужики не местные сидят и хихичат чего-то, в костюмах, как эти — Гринписы, ну такие все облегающие и пестрые. Увидели меня. Запищали, как бабы, и давай удирать. А мне смешно стало. Я Воськину кричу: «Венья... Венья...». А он меня не слышит.

Тут, гляжу, узик на меня летит — оранжевый. Чуть нешиб. Из него выскочили два электрика с электросети да участковый, и давай меня материть. Орут! Жуть. Участковый спрашивает: «Чего тут было?» Я ему рассказал про чудиков. Посмеялся. А он мне тоже историю. Ночью, аккумулятор перед тем как я чудиков гонял, в проводах на подстанции напруга пропала, ну все решили — вырубил провод. С ТЭЦ мужики сразу в машину аварийную сели и поехали. Заехали за участковым и к месту аварии. Пока ехали. Ток сам

восстановился. Решили, все равно объехать всю линию. И возле гаражей, смотрят впереди огоньки. Подъезжать стали, а они — вверх. И все! НЛО оказалось. Водила с испугу с дороги и свернул на пустырь. А там я. Конечно, никаких чудиков мы не нашли. Они мне про них не поверили, а я им про НЛО не поверил. Ну не видел я никаких тарелок! Покурили мы и разошлись каждый по своим делам.

Уже светать принялось, а я гляжу, что то блещит, там где чудики копошились. Ну короче нашел я ту штуковину. С виду коробка алюминиевая, но тяжелая. Сверху всякие загонгулины и тумблерочки, а впереди типа блина железного, со сковороду размером. Я эту штуку прихватил, и так понял, этой штукой чудики электричество воровали. Там верно аккумуляторы. Ну они и цапнулись к ЛЭП — зорядиться. А тут я, с арматурой. Они и по газам. «Байкеры» одним словом.

Я хоть и не понял в бандуре ничего, но вещь солидная пригодится. Хотя бы в лом сдать. Я же тогда не знал, что она не для воровства электричества, а что это, чинилка-ломалка. А про то, как я догадался, история смешная!

Поставил я значит эту бандуру в нашей кандейке в угол. И дрыхнуть лег. А Венька ночью на дежурстве отоспался да давай днем бродить. Гремит. Будит меня, спрашивает, — Что за бандура в углу? Я ему — на лом мол пригодится. И дальше спать. А тут в обед просыпаюсь. А Венька меня трясет и какие то банки пивные мне под нос суёт. Короче пока я спал. Венька давай всякий хлам на металлолом собирать — обрадовался, что у меня такая тяжеленная фиговина приготовлена, решил тоже примазаться — мусору мелкого на лом набрать, чтобы я с ним потом навар делил. Ну вот, а когда он одну сплюсненную пивную банку положил на ту сковороду, что из чинилки торчала, та возьми и надуйся! Целой сделалась, даже запаянной, пустой правда. Вообще фокус тот еще. Мы с ним давай экспериментировать. Болты ржавые чинит, трубы чинит, ножи тупые, как новые становятся, а если к трубе со свистом прислонить, то труба, как с завода. Смякнули мы, что теперь с такой «чинилкой» работы у нас мало останется. Игрались мы, так дня три. Венька так тот вообще, с работы не уходил. Все чинил, чинил все сподряд. Оказалось, что эта бандура и пластмасса, и стекло, и сталь чинит. В общем все: от лампочки, до унитаза. Я все перечислил и свое, и друзей. Забрал чинилку к себе в гараж. Заработал себе на ремонте автозапчастей на ящик водки. Посидел с мужиками... На 5-й или 6-й день, уже не помню, простался. Пришел в гараж. Гляжу, а Венька сидит и плачет. Я ток и понял: «накосячил» парень. Ключи ему от гаража я оставил, думал, пусть парень чинит, что хочет, раз за меня работает, пока я в загуле. Все же напарник. Венька, хоть и простой, но додумался ведь! Целый «бизнетц» устроил. Была у него мобила сломанная, кто-то подарил. Он ее иногда для форсу цеплял. Так он ее починил. И нет, чтобы бабкам угоги чинить, так он к армянину Нурику на Бульковую улицу поперся, в киоск б-ушных сотовых. Купил у него тройку истертых до дыр мобилок за копейки. Востановил их. И назад сдал, как новые. А Нурик тоже не дурак. Смякнул, что шибко в товарном виде все выигрывает после Венькиного ремонта. Побазарили они. Венька вскорости целый ящик этих сотовых взял в «ремонт», за день все их привел в товарный вид. Привез армянину. Тот их на витрину. А деньги не дал. Нету мол. Вот продаж, получишь свой процент. Венька и сидел там у киоска ждал покупателей. А тут прикатил к армянину на своем джипере блатной с компанией. Ты его знаешь. Лысый. Кирилик фамилия. Тот, что смотрящим над районом прикидывается, знамо дело за данью с армяна. Увидел он витрину армянскую сплошь в новеньких телефончиках и ценники новые, ну и наехал на Нурика, — мол теперь больше за «крышу» платить будешь.

А Нурик не будь дураком, тут же стрелку на Веньку перевел: вот мол умелец, ремонтник, золотые руки. А Веньке куда деться — эти жлобьяры его за шкирку и к Лысому — в ноги. А тот говорит: «Какие таланты у нас живут, прямо ювелир!». И показывает ему свой телефон — весь навороченный. Сам не видел его конечно, но Венька говорит, золотой вес. С каменьями и сапфировым экраном. Десять тысяч зеленых стоит.

- Вот тебе телефон, на нем царапинки есть мелкие и клавиши стерлись, если за день наведешь лоск, то будешь под халявной крышей, а если попортишь с хатой расстанешься.» Венька с дури и согласился, нет что бы валенком прикинуться, выступится захотел, взял он это сокровище бандитское, и еще теле-

фонов сломанных, что ему армян дал, тал чинить. И тут, только он, значит, положил этот суперский телефон на сковородочку чинилки, а он возьми да зазвони! Оказывается, включенный был. Что там было не видел. Венька говорит, что искры пошли, взорвался телефон, на хрен. Ну и сковородочка треснула. Так с виду целая, но трещинки разошлись. Хана короче.

Веньку чуть кандратий не хватил. От телефона остались три кучки, желтая, белая и серая — рассыпался весь. Кинулся он прибор проверять. Дурень он и есть дурень, нет чтобы на болтах каких, опять на телефонах. Ну и извел все армянские телефоны, что в ремонт взял. Превратилась чинилка в ломалку! Тут я пришел. Как мог устроил его. В глаз дал ему за вредительство. Он мне тоже. Выпили потом. Как ни крутили, что ни делали... Не хочет ремонтировать! Только всё на какие-то стройматериалы изводит. Железо — в порошок. Стекло — в песок.

А у меня такие надежды были озолотиться на ремонте запчастей. Венька совсем нос повесил. Пошел к армянину просить денег за проделанный ремонт. Тот ничего ему не дал. Вот мол я тебе сломанных пять штук дал. Считай что это была твоя оплата. А на утро Лысый за телефоном приехать обещал.

Зашел Венька в гараж да и пнул с горя ломалку. Та возьми и прислонись к стенке. Ну и тут же дыра в ней образовалась. Я Веньке за это чуть голову не оторвал. А он кричит: «Убей меня! Все равно Лысый жить не даст». Я сразу успокоился. Убьешь дурня, тогда Лысый его долги на меня перевесит.

Выпнул я Веньку из гаража, пошел домой — остатки допить. А ночью дотумкал: ломалка тоже может пользу приносить! Что она делает? Она всякую вещь может по составу разобрать. Берем провод — и в ломалку. Что получим? Кучку изоляенты паленой, кучку меди. Не надо ничего обжигать! А как мой гараж прожгло? Дыра с мою голову. Ей рельсу можно, как батон, за две минуты нарезать ломтиками. В общем, тем, кто металл принимает — большое облегчение выйдет в сортировке. Отметил я идею. А наутро, ваши меня с кровати подняли. Поехали в гаражи на опознание. Дальше ты и сам знаешь. В общем с этой ломалкой можно хороший «бизнетц» провернуть. Помоги, сосед! Возьму в долгу, не обижку! Все от тебя зависит! — Степан Порфирычев развел руки и посмотрел на оперативника, который не прерывал его рассказа, а только крутил зажигалку в руках и странно ухмылялся.

- Н-да... — Олег почесал подбородок. — Выходит Венька тоже догадался как «ломалкой» можно пользоваться. Видно решил денег добыть, что бы от Лысого откупиться, вот и вскрыл «ломалкой» гараж заглавы района. «Лексус» завел, а фары не смог подключить. Гаишники, конечно, заинтересовались новенькой иномаркой, которая медленно катится вдоль обочины в три часа ночи, при этом у нее не горят фары. Я так понял: ни инструкции, ни каких либо сведений о месте изготовления ломалки ты не знаешь. Плохо.

Олег стал набирать номер телефона экспертно-криминалистического отдела. В это время, здание отдела задрожало, раздался грохот, шум и вопли испуганных сотрудников и посетителей. Впечатление было, что в здание на уровне третьего этажа врезался самолет. Олег и Степан выскочили в коридор. Предчувствие, не обмануло Олега, когда он открыл, дверь ЭКО.

На полу на коленях стоял засыпанный штукатуркой лысаватый мужчина лет тридцати пяти, он искал в куче мусора и разбитых приборов свои очки, чертыхался и кашлял. Большинство стеллажей упало, шкафы накренились. А в том месте, где должно было быть окно, зиял пустой проем. Картина из фильма «Война миров».

- Ну что Иван, не стал ждать инструкций. Поигрался с «ломалкой»? — Обратился Олег к мужчине.

Старший эксперт Иван Долгоносев, наконец то нашел свои очки. Прокашлялся, поднял глаза на Олега. И ответил.

- Наверное, инструкции уже не нужны. Эта штука была явно от военных. Похоже, я случайно нашел самоликвидатор. Придется писать, что это самодельный сварочный агрегат. И еще отписываться за ущерб. Оба-на!.. А где мой сейф? — и эксперт стал озирается, заново изучая свой в мгновение изменившийся кабинет.

- Олег, нашел ломалку? — в кабинет заглянул Степан Порфирычев.

- Пойдем, пойдем, пока в террористы не записали. Нет больше твоей «ломалки», похоже она вернулась к себе домой, на Альфу Центавра.

Олег посмотрел через выбитый оконный проем на горизонт, где голубело небо и чуть виднелась бледная Луна.

Старый, старый мир

- Вася, как ты думаешь, эта кофточка мне с этой юбкой пойдет? - женщина, которую последние двадцать лет звали Марией Ивановной Бочкаревой, а до этого еще двадцать лет Машей Потаповой, держала перед собой, словно торeadор, «нечто» ярко красного цвета, и любуясь собой в зеркале, в очередной раз настойчиво требовала к себе внимание мужа.

Лысоватый мужчина, неопределенного возраста, разлегшийся на диване, в это время представлял собой явную иллюстрацию медицинского справочника, открытого на главе «Аутизм». Весь поглощенный созерцанием телепередачи, он никак не реагировал на вопли супруги, доносящиеся из спальни. И только когда «голубой экран» закрыл безразмерный, ярко алый торс, он соизволил поднять глаза на жену и с нескрываемым раздражением выдал оценку и супруги, и ее кофточки:

- Маня! Ну не лезь ты ко мне со своими тряпками! Смотри, тут такое рассказывают! Твои кофты, это просто ...чепуха! Я отдыхаю, после работы. А ты тут с этим барахлом!

- Ах, я барахло! - негодование Марии Ивановны словно зарядилось энергией ярости от ярких цветов ее «боевого» костюма. - Тогда ты просто.... ничтожество! Паразит толстобрюхий! И....»

Не дав жене продолжить монолог, Василий, подскочил к ней, отодвинув в сторону, судорожно принялся вручную прибавлять громкость телеприемнику. Всем своим видом показывая полное безразличие к нарождающемуся скандалу.

Через пятнадцать минут, когда обиженная Мария Ивановна, уже вдоволь наревелась в свою кофточку, в спальню вбежал Василий, и сделав неловкую попытку поднять на руки жену, стал ее кружить, не обращая внимания на вялое сопротивление. Лицо Василия идиотски сияло от эйфории, он пританцовывал, являя острый приступ счастья. Не давая опомниться жене, ошалевшей от такого поворота событий, он выплеснул на нее целый поток информации.

- Маша, киска моя! Ты не поверишь! Да я и сам не верю! Это ведь сказка! Сказка! Разбуди-те меня! Нет не будите! Не будите! Как это хорошо! Вот дождались! А ведь никто не верил!

- Вася, ты о чем? Ты заболел, да? - Мария Ивановна, стала ощущать лоб супруга.

- Машенька, мы с тобой дожили. Дожили. Теперь все будет по-другому! Ты помнишь все эти разговоры про стволовые клетки, про клонирование, про волшебные свойства воды? Так вот нашим, повторяю - именно нашим ученым удалось добиться результатов. Смерти теперь нет! Болячек теперь нет! Мы будем жить вечно, ну или почти вечно! Мы все успеем! Скоро каждый обретет омоложение и почти бессмертие! Мы сможем объехать весь мир, сходить на все выставки, попробовать все деликатесы! У нас впереди 40 раз по 40 лет.

- Уж лучше двадцать раз по двадцать, - заворчала Мария Ивановна, и немного подумав, обосновала свою позицию. - Бредня все это! Миллиардеру, поди, такую операцию сделают, пересадят его в новое тело, а простого работника вечным делать не будут, разве только если ему долги отбавывать надо!

- Ничего ты не понимаешь! Это же новая эра для всего человечества! Из-за чего у нас у всех проблемы? Мы спешим! Торопимся учиться, жениться. Хапаем все, пока живые, ведь жизнь такая короткая штука! Мы боимся не успеть! Умереть до того как всего добьемся! А теперь к чему спешить? Не надо никого убивать, не надо воровать, положил рубль в банк, и через тысячу лет какой никакой процент набегит!

- Ага, за эти тысячу лет сто дефолтов и сто революций будет! - пессимизм Марии Ивановны продолжал держать оборону, но уже не так стойко. - Хотя было бы неплохо, если жизнь вечная, то и пешком путешествовать можно. Я вот к сестре в Краснодарский край все съездить никак не могу.

- Машка, ты просто не видишь всех перс-

пектив! Можно получить хоть двадцать вышних образований, стать кем угодно! Делать что нравится, а не гнить на службе! В сто лет жизнь только начинается! - Василий Бочкарев, размахивая руками, подбежал к календарю и маркером стал обводить сегодняшнюю дату. - Вот погоди всего-то через пяток лет, сама все увидишь! Отметим на календаре это число... Этот день - начало Новой эры!

- Вставай, соня! Сегодня шестой год, твоей «Новой Эры!» - Мария Ивановна стянула одеяло с мужа. Тот нехотя открыл глаза, и пробубнил

- Если бы сейчас за убийство не давали триста лет колонии, я бы тебя прибил. Нет, все таки надо было придушить тебя, лет так пять назад, тогда за это в тридцать раз меньше давали.

- Одевайся, бери велосипед и дуй на работу! - Мария Ивановна улыбаясь, бросила мужу на колени штаны и рубашку.

- Блин, уже помечтать не дают! Опять это старье, при Ельцине купленное? - Василий брезгливо осматривал одежду. - Купила бы что-нибудь новое.

- А ты потребительские талоны домой принес? Скажи спасибо своим «алкогологам» - это они придумали сделать ограничение на потребление, на захоронение и на опорожнение!

- Ну, было дело, голосовал я три года назад за Экологическую партию, но они обещали сделать омоложение всеобщим и доступным. И благодаря ним мы теперь не стареем. - Василий почесал руку, где месяц назад ему имплантировали коммуникатор, и стал одеваться.

- Благодаря эти Экологам, ты теперь едешь на работу на велосипеде, в месяц можешь купить три вещи и те по талонам, ешь только экологически чистую и здоровую кукурузу с соей, и на тебе «висит» кредит за омоложение, который ты со своей зарплатой погасишь лет через двести пятьдесят! И вообще, поторопился бы, а то за опоздание с тобой кредитки опять пятьдесят тысяч спишут, - Мария Ивановна поправила галстук мужа, вздохнула и проворчала, - И сделать то ничего нельзя! Следующие выборы через сорок семь лет!

- Ну пили, пила, пили. Ладно, допустим, я неудачник! А у твоей родни все в шоколаде, да? А за что твой братик Вадик получил десять лет исправительных работ на комплексе по утилизации отходов? За тунеядство и попрошайничество! Он, видите ли, «свободный художник-программист». Алкоголик он и пустозвон! Вот пусть теперь с божьими вместе роется в помойке под присмотром автоматчиков.

И Василий, хлопнув дверью, вышел на улицу. Выкатил велосипед с парковки и, продолжая бурчать себе под нос, по привычке, что бы быстрее добраться к автомату быстрого питания перелез монорельс трамвая, при этом он не обратил внимание, на новую автоматическую камеру слежения установленную на углу дома. И уже возле автоматов, металлический голос коммуникатора извещал, что с его счета списано 1750 рублей штрафа за пересечение проезжей части в неустановленном месте.

С трудом сдерживая нецензурную лексику, чтобы не платить еще один штраф Василий, уткнулся лицом в автомат и стал стучаться лбом об него. Он не мог ругаться даже шепотом, камеры слежения читали все по губам, и громкость брани не имела никакого значения. После третьего стука об автомат, тот осведомился низким противным детским голосом, не желает ли Василий сделать заказ.

Хлеба № 3 и колбасы № 4». - хрипло сказал Василий, вставил карточку в считыватель и только потом понял, что не взял с собой контейнер для «тормозка». Хлеб и соевый батончик, «со вкусом идентичным мясу» выпал в руки. Последние два года еду в полиэтилен не упаковывали, так как это ведет к «замусориванию экологической среды» Спасибо партии Реформаторов-Экологов!

Василий сунул еду в карман и покотился на

велике на работу. Время было пять утра, летнее солнце только еще поднималось из-за горизонта. Движение на дороге было слабое. Полосы для автотранспорта были пустые, чего нельзя было сказать про дорожки велосипедистов, где наблюдалось основное движение.

- Блин, все таки надо купить электродвигатель для велосипеда, без него придется пилить педали и предаваясь воспоминаниям: «Как раньше было все просто - автобусы, троллейбусы, маршрутки. А теперь автотранспорт только для специальных служб и представителей власти. Проблемы с парковками и гаражами в городе решены!

А для Василия и основной массы населения остались как варианты только ноги, велосипед, трамвай и такси. Последние два стоили денег, а денег Василию теперь не хватало. Все из за кредита по программе омоложения. И почему ему на момент действия программы было 40 лет. Не успел толком ничего накопить. Этот кредит ему все испортил. Почему нельзя было сделать омоложение бесплатным? Тогда бы он не боялся менять место работы, мог бы путешествовать. Развелся бы, наконец. Начал бы новую жизнь. А теперь, что его ждало - только нужда и скука. Начальник, который уже собирался на пенсию, сделал себе омоложение и похоже собрался сидеть на этом месте ближайшую тысячу лет, пристраивая своих правнуков своими заместителями. Все пенсионеры опять потянулись на работу, резкий скачек инфляции превратил их пенсии в ничто. Шли разговоры, что пенсии вообще отменяют, пока у стариков оставался выбор: символическая пенсия или омоложение. Но победа над старостью и болячками сделала безработными миллионы людей, работавших в медицине, занятых в фармацевтической промышленности и смежных отраслях. Государство, видя, что кладбища заполняются мало, а роддома функционируют, озаботилось экономией ресурсов, и стало «закручивать гайки». Начались беспорядки. Но вскоре, когда за тунеядство стали давать сроки, которые раньше грозили только убийцам, а штат правоохранительных органов за счет безработных увеличили в несколько раз, волна протестов захлебнулась сама собою. Возрожденной «оборонке» потребовались рабочие руки. Потянулись унылые будни. Но оставалась надежда, что когда-нибудь кризис закончится и лет через сто, наконец-то наступит период всеобщего счастья.

Неожиданно рассуждения Василия прервались, из-за того, что кто-то сзади потянул его за рубашку. Василий обернулся и чуть не упал с велосипеда. Слева от него не энергично-пневматических роликах катился, Вадим Потапов, брат его жены. Родственничек улыбался всеми своим пластиковыми зубами.

- Тебя, что условно-досрочно выпустили? - вместе «здрасьте» спросил Василий.

- Да нет-с, отбываем-с, помальньку-с. - Вадим, подмигнул Василию и предложил. - Отыдем в сторонку, побакланам.

- Угу, - согласился Василий, прикидывая успеет ли он на службу.

- Не жмись, братан, успеешь на свою работу! Если чего на такси домчишься. Как Машка-то поживает?

Генка выглядел сытым, довольным и деловым, совсем не таким как пару лет назад, до суда, обносившимся, нервным, злым и потерявшим цель в жизни.

- Вроде бы нормально, - ответил Василий «на автомате», - работает в Центре медицинских криогенных систем, агентом.

- А ну знаю такую тему, знаю, - Вадик снова улыбнулся, как Чеширский кот в сказке про Алису, - это которые к бабкам упертым ходят и предлагают им превратиться в замороженные окороčka. Типа, через 100 лет сможем вас невинными девочками возродить. Ну, ну перспективная работенка. А ты все в конторе, которая пишет и считает? И когда вас бюрократов к нам на свалку пришлют? Дождатся все никак не могу, сам вот пришел... Ха! Ха!

- Вадим, я тороплюсь, ты наверное сбежал с зоны, это твое дело, а мне проблемы не нужны! - Василий попытался развернуть велосипед, что бы уехать. Но Вадик оперся руками на руль и снова подмигнул Василию.

- Ну, а деньжата тебе нужны?... Не дергайся! Я не в самоволке. Я к тебе по бизнесным делам, как к родне, со всей душой! - Вадим посмотрел по сторонам, достал из за спины большую спортивную сумку, открыл ее и, поясняя, стал показывать содержимое Василию, - Водка, икра, шоколад, шмотки, левые коммуникаторы, карточки на покойников, не числящихся по базе, ну и так «сувенирчики» мелкие, типа духов и зажигалок.

Василий как загипнотизированный смотрел на роскошь в сумке, не в силах ничего выдавить из себя. «Провокация! Подстава! Криминал! - замечались в голове трусливые мыслишки. - За содержимое этой сумки легко можно было получить лет девятьсот срока».

- Но это же все запрещено! Ты понимаешь, что за это можно далеко загреметь? - взволновано, с крика на шепот вырвалось у Василия.

- Мы уже итак в Сибири. Дальше нее не сошлут. У меня времени до утреннего развода караула мало-малехонько, так что слушай. Жизнь теперь везде дерьмо! Дефицит как при Брежнев. На границах напряженка, того гляди все страны схлестнутся за ресурсы и землю. Армии распухают, а от этого и народ припух. Но умные люди и на зоне не пропадут. Там у нас на Первом Скране и Втором Рецикле таки дела ворочают, полный П. Весь конфискат и контрабанда типа у нас утилизируется, трава методом курения, бухло методом бухания. Тряпки методом ношения. А начальники все это хозяйство сами пристроить не могут - рынок надо расширять. Тем более у нас и свое производство налажено. Типа - оборонный заказ. Нам на твою контору выход тоже не помешает, как никак статистика и планирование. Вот бери эту сумочку. С тебя лимон девятьсот штук. Остальное все твое. Как сам крутнешься. Во вторник зайду за деньгами. Да вот еще тебе карточка - Генка протянул Василию типовую идентификационную карточку только с золотистой полосой. - Поздравляю! Ты теперь мировой судья северо-восточного округа - Можешь теперь дорогу на красный свет переходить, сам на зеленый поменяется, да и постовой тебя досмотреть не может, а камеры слежения тебя игнорируют. Документы конечно липа, но ксива хорошая, идентичная натуральной. У самого такая же. Там еще в сумке блокиратор прослушки зашит и конверт с инструкцией, но только запоминай, когда читаешь, а то она через десять минут после вскрытия в пыль рассыплется. Прогресс! Напридумывали высоколобые технологии. Да у нас народ ушлый. На каждый замочек отмычку придумает. - Вадим показал Василию магнитный браслетик с клеймом - УН 16/38 1 барак № 2978-положил его в карман. И пояснил, - Через час он активируется, так, что пора нам по нарам. - Вызывай такси, покатаемся, контора платит!

Через пять минут сидя на широком заднем сидении автотакси, а вернее электрокара. Василий прижимал к себе сумку Вадима и гладил через плотную ткань бутылки и упаковки, предвкушая какой он устроит пир у себя дома, напиться впервые за последние два года. А может не стоит сразу наедаться. - рассуждал Василий. Судя по его прикидкам товару было миллиона на три-четыре, и неделя на его реализацию. С сослуживцев много не возьмешь, придется идти к начальству. Но теперь руки у него будут не пустые! Да, того гляди он вскорости станет «нужным человеком» и через пяток лет расплатиться со всеми кредитами.

За окном проносился стремительно стареющий мир. И все-таки, почему люди умудряются превратить любую свою мечту в проблему? - рассуждал Василий - Научились летать - стали сбрасывать бомбы. Придумали роботов - остались без работы. Победили болезни, обрели почти вечность и оказались при этом в унылой вечной старости. Все за окном было унылое и однообразное. И завтра будет таким же. Неужели это все начало конца? И когда он наступит, конец этого старого, старого мира? Наверное, еще не скоро.

г. Новокузнецк.

Пара фраз

«Имеющий глаза - да увидит, имеющий уши - да услышит», так гласит евангельская заповедь. Люди творческие, неравнодушные к жизни много видят и много слышат. Что-то глубоко затрагивает душу, и из этого рождаются стихи, рассказы, повести. Когда наблюдений снакапливается много, они становятся романами. А что делать с теми зарисовками, которые не были использованы в основных произведениях? Можно положить в архив, и пусть они там пылятся. Можно бросить в печь...

Мы предлагаем вам опубликовать их в нашей новой рубрике «Пара фраз».

Сегодня у нас в гостях, со своими парами фраз, новокузнецчанка Наталья ЕРЕМЕЕВА.

Наталья ЕРЕМЕЕВА

Наталья Еремеева окончила СМИ по специальности «Автоматизация металлургического производства». Начиная с 1975 года, работает в ЦЛИТ (Центральной лаборатории измерительной техники) завода «Сантехлит» (теперь это ОАО «Универсал»).

Детство и юность прошли в поселке заводского типа Кульяновка.

Печаталась на страницах «Кузнецкого рабочего», в газете «Эхо Кузбасса».

Я, мать, Тулеев

Это произошло несколько лет назад. Теперь уже нет в живых Кулюкиной Татьяны Егоровны, но память об этом случае живет среди всех жителей Чистогорского совхоза и деревни Бурлаки, не раз слышавших из ее уст эту историю.

...Случилось несчастье: по неосторожности, опрокинув на себя таз с кипятком, взрослый сын Татьяны Егоровны Юрий получил сильнейший ожог.

Могла ли, узнав об этом, мать усидеть дома? Тут же собралась в дорогу. Села на последнюю электричку и поехала на ней до станции Ускат.

Юрий Владимирович отправил машину встречать мать. Время было позднее, вагоны электрички шли пустыми, и поезд пронесся мимо нужной станции без остановки. Встречающие Татьяну Егоровну вернулись в Бурлаки ни с чем.

Рассерженная женщина пошла разбираться с машинистом. Что тут делать?! На обратном пути он высадив ее не на станции, а под мостом, по которому проходила трасса в нужном ей направлении. Поднялась на мост Татьяна Егоровна, - темно, пусто, не то что людей, машин нет. Время идет, и полнейшая неопределенность.

И вдруг останавливается рядом с ней «Волга». Открыв дверцу, вышел из нее высокий, статный мужчина:

- Что случилось, мать? Почему так поздно ты здесь и одна?

Женщину как прорвало, сразу же все ему и выложила. А тот в ответ:

- Не может такого быть, я сам в прошлом начальник железной дороги.

- Как не может, если уже случилось?!

- Я обязательно с этим разберусь.

Галантно посадив женщину в машину, мужчина попросил водителя трогаться. Дорога по трассе, потом поворот, до деревни километров двенадцать

будет. Садясь в машину, Татьяна Егоровна просила довести ее до развилки: - там мол, сама дойдет потихоньку.

Спаситель же таким обходительным оказался, что не заметила, как рассказала ему попутчица всю свою жизнь: про родителей, про любовь к мужу, про четверых своих дочек и единственного сына, с которым случилась такая беда. Не увидела, что и свороток давно миновал, вот уже показались зажженные окна деревни. Узнав про ожог, мужчина тут же предложил свою помощь, сказал, что есть у него одна замечательная мазь, которая очень помогла ему в подобной ситуации.

- Спасибо. Только где я тебя, милоч, искать буду? - Я, мать, Тулеев. Возьми визитку, тут все мои телефоны.

Звонить Татьяна Егоровна не стала, постеснялась, подняла сына народными средствами. Но эту встречу запомнила на всю жизнь и при каждом удобном случае рассказывала о ней.

А лет пять назад справляли в Чистогорске двадцатипятилетний юбилей совхоза. Приехал на торжество губернатор. Чествовали на празднике и семью Кулюкиных. Самый долгий оказался у их семьи трудовой стаж, целых сто три года. Главе семьи, мужу Татьяны Егоровны Кулюкину Владимиру Васильевичу, принародно сказали за труд спасибо и подарили телефонный аппарат с подключением.

А его дочери: Галина, Любовь, Валентина, Екатерина, все Владимировны, и сын Юрий Владимирович, сидевшие в зале, хотели напомнить Аману Гумировичу о том эпизоде и еще раз поблагодарить его за оказанную их маме помощь. Хотели, но не решились.

Поклон

Из года в год в день рождения Василия Макаровича Шукшина на его родину, в алтайское село Сrostки, съезжаются многочисленные поклонники его таланта. Главная встреча происходит на горе Пикет. Дорога к ней длинная и крутая. Я иду в потоке равнодушных по жизни людей. Мои больные ноги просят отдыха. Вот она, спасительная лавочка у дома писателя. Я только успела на нее присесть, как рядышком притормозил черный «Мерседес». Из машины вышла сама Тамара Семина. Остановилась напротив меня и в пояс поклонилась.

- Вы кланяетесь сrostкинской бабушке? - неожиданно для себя спросила я.

Она засмеялась. Приветливо махнула рукой и скрылась за калиткой. Уже позднее я поняла, что этот памятный для меня поклон предназначался вовсе не мне, а великому писателю, режиссеру, артисту, коллеге по совместному творчеству и верному многолетнему другу.

Зима в посёлке

Зимы нашего детства были снежными и морозными. А еще очень красивыми и веселыми. Телевизоров не было, а значит, они не собирали возле своих экранов ячейки поселкового общества, то есть не делили нас на отдельные группы по интересам. Каждую свободную минуту мы общались, высвистывая друг друга на улицу гулять.

Два канала Кузнецкой ТЭЦ не покрывались льдом даже в Крещенские морозы. Над водой «теплого» при любой минусовой температуре клубился пар. Было ощущение, что канал дышит. И потому деревня поселка уже в начале зимы покрывалась инеем. За него цеплялся падающий снег и одевал клены и тополя в великолепные сказочные шубы. В купеческих богатых шапках щеголяли и дома, и бани, и другие дворовые постройки. Это очень походило на Берендеево царство: чистое, сказочное, таинственное.

Стукнув по стволу дерева, мы купались в обильном снежном душе. Широко раскинув руки, курялись в глубокие сугробы, оставляя на прежде ровном снегу продавленные рисунки смешных человечков.

Мест для игр в поселке Кульяновка в лю-

бой сезон было предостаточно. Зачем заливать каток, если можно просто расчистить снег на озере, и площадка любого размера готова - хоть в хоккей играй, хоть в догонялки. А две лыжи уводили нас далеко за поселок, где на кустарниках еще можно было найти кисти замороженной ягоды калины, шиповника, боярки.

Переулочек Теплый заканчивался небольшим спуском, это была наша саночная трасса. В разных местах поселка они были свои. Когда мы подросли, эти прежде крутые горки показались нам до смешного малыши.

Были и покруче места. Обрыв у большого водопада давал адреналин даже самому отчаянному подростку. Портфели, на которые мы усаживались, развивали такую скорость, что была стопроцентная возможность искупаться в «сбросном» канале прямо с дневником и учебниками. Тут требовалось особое умение затормозить ногами у самой воды, и не всякому это удавалось. Койкому случалось и искупаться в морозный солнечный денек. Водопад же все шумел, заглушая и крики торжества победы, и визги страха.

Одно слово – артист!

Актер Валерий Золотухин мне нравился всегда. И потому на встречу с ним в Новокузнецкий драматический театр я повела своего пятнадцатилетнего сына. Мне хотелось поделиться с ним любовью к великому артисту и подарить праздник общения с неординарным человеком. Театр был полон. А на сцене только двое: Золотухин и маленькая женщина - аккомпаниатор.

С первой минуты, если даже и были в зале случайные люди, зрители того незабываемого концерта превратились в глаза и уши. Мне нравились все: воспоминания о детстве и его рассказы об интересных людях, с которыми артисту посчастливилось дружить и работать, а главное, стихи и песни в его исполнении. Краем глаза я наблюдала за реакцией сына и видела его неподдельный интерес к происходящему. Валерий Сергеевич по-новому открыл для меня Владимира Высоцкого и Сергея Есенина.

Вернувшись домой, сын не только прочел «Анну Снегину» и «Черного человека», но и последнюю поэму выучил наизусть.

Следующая встреча с Золотухиным произошла в Сrostках.

Побывав однажды в Сrostках на Шукшинских чтениях, мы ездим туда каждый год. Гора Пикет. Гора поклонения таланту и делам великого земляка очищает душу и наполняет ее чем-то чистым и светлым, дает заряд энергии, желание не только жить, но и жить интересно. В конце июля, в день рождения Василия Макаровича, на его родину съезжаются люди со всей России. И каждый год бывает в Сrostках Валерий Золотухин.

Я помню эту встречу с ним. Она произошла у дома-музея Василия Макаровича. Пожилой уставший человек среднего роста, в обычной серой кепке и темном плаще, стоял, опираясь на шикарную инкрустированную трость-помощницу. В тот же приезд был в Сrostках и Георгий Жженов. Книгу его вос-

поминаний «Прожитое», купленную тут же в музее, мне подписал сам автор. Именно с ней я и подошла к Золотухину. Поблагодарила за тот концерт, представила сына и рассказала о его воздействии на мальчишку. Валерий Сергеевич хитро прищурился, улыбнулся, его глаза вдруг ожили и заблестели: «Приятно! Очень приятно. Благодарю. Ну, что с меня, автограф?» Доверил сыну свою трость, взял книгу и авторучку, размашисто расписался, а в скобках уточнил: Золотухин.

Людская река текла по улице Мастеров на Пикет. А по берегам ее местные жители предлагали причудливую выпечку, помидоры и малосольные огурчики, ядреный квасок, молоко и запашистый мед. Мастерские люди свезли на праздник картины, глиняные игрушки, шкатулки и много еще всякого интересного. Угощаясь, пробуя предлагаемую вкуснятину, мы в общем потоке поднялись на гору. Там на вновь сколоченной сцене, на обычных деревенских лавках из свежеструганных досок, валяжно расположились гости, среди них был и Золотухин. Сидел горбившись, опираясь обеими руками на дорогую трость, и словно был отрешен от происходящего.

А перед сценой, прямо на земле, расположились зрители.

- Слово предоставляется...

Валерий Сергеевич легко поднялся с лавки, свободной мальчишеской походкой вышел на середину сцены, и над тысячной аудиторией полился его сильный голос: «Ходят кони под горою...», сказал несколько слов, чем вызвал оживление в публике, прошелся в пляс по краю сцены, поклонился и, вернувшись на место, словно вспомнив о своем возрасте, вновь превратился в старика. «Ну, надо же, одно слово - артист», - сказал сидящий рядом мужчина и порадовал меня тем, что такое превращение Золотухина заметила не только я.

г. Новокузнецк

«Как же я люблю твоего отца»

Моя мама - истинная любительница арбуза. И меры в насыщении этой ягодой у нее нет. Пока есть в доме «полосатенький», ни думать, ни тем более, что-либо делать она не может. И родилась - то она в августе, когда все овощные киоски работают на ее избирательный вкус.

Папа, чтобы доставить маме удовольствие, купил большой, слегка приплюснутый, с ярко-желтым бочком и засохшим хвостиком - не арбуз, а арбузище, только для нее одной.

Вечером мама с уже ослепевшим взглядом отрезала очередной ломтик своей «вкуснятины». По всему было видно, что живот ее уже пронзают нестерпимые колики. А той части арбуза, которая перекочевала в мамин желудок, уже тесно в новом для него теле.

Но мама опять берется за нож и со словами: «Как же я люблю твоего отца», - отрезает, по-видимому, не последний сладкий ломоть.

Виктор ШУРЕНКОВ

Думы Акелы

«Акела промахнулся, Акела промахнулся», - рассуждал старый волк, бредя по джунглям. - Может, я не с той лапы прыгнул или забыл, какая у меня лапа толчковая. А может, я вообще прыгать не хотел? Сначала разбежался, а когда передумал, затормозить не успел.

В своё время я так попадал, попадайки завидовали. Так и говорили: «Не дай бог так попасть».

Попал как-то в капкан, причём в чужой. Заяц там уже обитался. Ну, я, как санитар леса, хотел оказать ему «первую» помощь, да не успел. Хозяин капкана пришёл, весь такой в камуфляже, с ружьём наперевес, походу даже с оптикой. Хвост мне чуть не отстрелил, стрелок, блин, латышский. Причём странность - в капкан попал заяц, а мне, матёрому квалифицированному волку, хвост чуть не отстрелили.

Хотя заяц не спорю, рванул тогда впереди меня с низкого старта на зависть Шумахеру, вместе с капканом, опережая карточку. Отлавливали его потом всей стаей, чтобы капкан снять. Зря ловили, такой невкусный оказался. А капкан в моём личном музее хранится рядом с будкой собачьей, ещё один, так сказать, личный трофей.

Однажды я попал на бабки. Бабки было две. Или два дедки. Вспомнил, одна бабка и один дедка. А дело было так: я дорогу домой спутал, с кем не бывает. Мухомор, что ли, съел канцерогенный, и там, где надо было повернуть налево, я повернул направо. Результат - я в деревне. Стою это возле людского жилища и думаю: «Кто-то в теремочке живёт?» И тут, здарсьте вам, два экземпляра. «Волчок, серый бочок, иди к нам жить, не тужить, будем мы тебя любить». Цепь на шею повесили: «Будешь», - говорят, - новый Серый Волк». Домик отдельный со всеми удобствами соорудили и поставили входом к лесу. «Волки, - говорит дед, - очень любят в лес смотреть». «И ещё», - говорит бабка, - их ногами кормят».

И зажили. Они курей и кроликов едят, а мне только лапы подбрасывают, и ещё линзу от старого телевизора поставили у будки, чтобы лес было лучше видно. Не удивительно, что взвыл я от такой жизни. Вой получился знатный, у меня у самого со страху мурашки по спине галопом проскакали, разгоняя блох. На вой откликнулось всё собачье население деревни. Мурашки вообще взбесились, так меня подбросили и погнали в родной лес, что я не заметил, как вместе с будкой оказался в стае.

Тогда меня единогласно избрали вожаком. Ну, ещё бы. Неужели кто-то из них смог бы, как я, один, пойти на смертельный бой против всей деревни, против сотни волкодавов, против вооруженной толпы, вернуться с победой и в доказательство всего сказанного преподнести трофей.

И после всего этого они меня так отблаг-

дали. Видите ли, промахнулся. Это всё виноват тот ребенок, которого я пригрел на своей лохматой груди. Наверное, его специально заслали в стаю, чтобы деморализовать изнутри и подорвать авторитет, чтобы занять место вожака

Как зовут этого засланца? Не то Фигли, не то Мигли, Хочули, Могули, Пофигули... а-а, Маугли. Да, с такой памятью не удивительно забыть толчковую лапу. А может быть, он спелся с Шерханом и решил меня подсадить. Но я гордый Волк и не буду ждать совета стаи, уйду от вас, посмотрим, как вы без меня обойдётесь. Где-то от лесных братьев слышал, что есть сказочные леса, в которых много живности, есть враги и друзья, радость и грусть. Пойду туда и попытаю счастья.

...Долго шёл Волк. Желудок давно давал о себе знать. Но хищник терпел, на то он был хищник, чтобы претерпевать все тяготы и лишения хищной жизни. Пейзажи меняли свои то мрачные, то угрюмые, то яркие, то светлые лица. Сначала закончились лианы и пальмы, потом кипарисы и пирамидальные тополя, и вот начались сосёнки и березки, что должно было означать окончание похода. Уверенность о прибытии пришла в тот момент, когда он услышал трескотню сороки:

- Внимание, внимание. В эфире Лесная волна, утренние новости. Рано утром, выпрыгнув из окна, от бабушки ушёл Колобок. Особые приметы: рук нет, ног нет, практически одна голова. Как смог он вообще уйти, остаётся загадкой, над которой бьются все умные головы нашего леса. Нашедшего, просьба вернуть за вознаграждение.

Жители и гости Волшебного Леса, будьте бдительны. В лесу орудует шайка мошенников, состоящая из двух преступных особей. Это Лиса Алиса и Кот Базилио. Эти два преступных элемента вырезают из поленьев деревянных человечков и продают желающим некачественные пиратские копии, под видом весёлого и доброго Буратино. Не поддавайтесь на их обман. Все приобретённые подделки приносите на центральную поляну, где это будет уничтожено огнём.

А далее музыкальная страничка, - и запела, - отпустите меня в Гималаи... - взмахнула крыльями и улетела.

«Да, цивилизация... как душевно поет. Кстати, в её пении есть доля правды. Пора бы кого-нибудь съест, иначе точно завою, что делать нежелательно, выл уже однажды. Хотя бы птичку, какую поймать, должна же быть здесь дичь». Покрутил Волк головой и, о чудо, совсем недалеко на ветке увидел ворону. В клюве она держала кусок сыра, запашистого, вкусного дырявого сыра. «Ну, эту тупую ворону, с моим-то профессионализмом, облапошить будет, как два когтя облизать. Прикинулся иностранцем, у неё от удивления отвиснет челюсть, сыр выпадет, и один умный, интеллигентный Серый Волк получит вполне заслуженную награду». Подполз он к дереву и с диким акцентом завел речь:

- О, майне готт, Ви что за птица, Красы такой нет за границей, Чужих земель я добрый зверь, Пришёл дарить любовь, поверь! Такой расцветки твой пера Не видел в жизни никогда.

А взгляд душевный и глубокий, Как лучик солнца на Востоке. Какие лапки, коготки, напедикюрены, поди, А клюв, ну, чисто истребитель, Ви мой кумир, мой покоритель. Так спой же для меня Царь-птица, Поширше клюв свой приоткрыться, Заголосить на все поля, Как Витас, что-то причемя.

Ворона переложил сыр из клюва под крыло и произнесла:

- Шляются тут всякие на дармовщинку, халывщики. Обычно, правда, хитромордые лисы, но вот волка, косящего под иностранца, первый раз вижу. Гуляй, собака фальшивая! Затем стала заталкивать в клюв куски сыра и быстро глотать не жуя.

- Чоб у тебя заворот кишок случился, - в сердцах, глотая слюнки, крикнул Волк и поплёлся в глубь леса. - Ну, должно же здесь быть что-то съедобное. Хотя бы корочка хлеба.

И тут навстречу ему выкатывается Колобок. Такой весь из себя поджарый, румяный,

ароматный.

«Да, - подумал Волк, - это он удачно выкатился».

- Колобок, Колобок, я тебя съем, - говорит Волк.

- Не ешь меня, Серый Волк, я тебе песенку спою, - и запел.

- Я на тебе никогда не женюсь, Я лучше съем перед загом свой паспорт, Я удавлюсь, утоплюсь, испарюсь, Но на тебе никогда не женюсь.

После этих слов, показав остолбеневшему Волку язык, покотился дальше, мурлыкая под нос:

- Я от бабушки ушел, от охотничков ушел, я от зайца ушел и от волка ушел.

А Волк стоял и думал: «Видно, в этом лесу жениться равносильно тому, что попасть в волчью пасть. Хотя почему в волчью, я и так бы на нём не женился. С ориентацией у меня всё в порядке. Пусть лису ищет и на ней женится».

И тут до него дошло: «Ну и дурень же я старый. Меня, матёрого волка, развела какая-то горелая, черствая буханка хлеба. Поделом мне теперь остаться и без обеда, и без вознаграждения».

Вздыхнул Волк, покусал блох и побрёл дальше. Впереди был небольшой луг. Увидев его, Волк присвистнул и запел:

- На лугу, на лугу, на лугу пасётся ко-о-о... Колобок и подпевал.

На самом деле, на лугу пасся маленький козленок. В два прыжка волк оказался рядом с козликом, хоть и маленьким, но всё же лучше, чем совсем ничего.

- Здравствуй, дружок, - насколько мог ласково проговорил Волк. - Пойдём со мной вон в те кусты, я тебе такое интересное покажу.

- Ладно, Волчище, можешь не стараться. Я знаю, кто ты такой, сорока по радио натрещала, что ходит волк иностранного производства и пытается совращать птиц, зверей и даже продукты питания.

- Это ей, наверное, та обожаемая Каркуша накаркала. Никого я не совращаю. Голоден я, и ты уж извини, но я вынужден тебя съест.

- Я бы тебе не советовал этого делать. До того, как стать козленком, я был Иванушкой. Потом попил воды из лужи и превратился в козленка. А где гарантия того, что съев меня ты, к примеру, не обезвредишь рогами. Гарантий нет.

- Нет, рога мне не нужны, - голосом, полным отчаяния, провыл Волк, - ну а что же делать?

- Ладно, - говорит бывший Иванушка, - покажу тебе три дороги, может быть, и найдёшь своё счастье. Но если с тобой какие проблемы возникнут, учти, я не при делах.

Привёл на развилку трёх дорог и говорит:

- Налево пойдёшь, придёшь к домику бабушки Красной Шапочки, прямо пойдёшь, придёшь к домику трёх поросят, а направо пойдёшь, придёшь к домику, где живут семеро козлят. Только учти, что слово «козлят» может быть как существительным, так и глаголом.

- Не бойсь, сам как-нибудь разберусь, - крикнул Волк, убегая по правой дороге. Козленок пожелал ему удачи и отправился своей дорогой.

«Бабка старая, - рассуждая, бежал по дорожке Волк, - и к тому же одна, отпадает сразу. Свиныня, конечно, хорошо, но семь всегда было лучше, чем три - это даже неграмотному ясно. Поэтому дорогу я выбрал правильно».

Ещё издали он увидел домик и распахнутую дверь. Без стука и без остановки влетел в домик и встал, как вкопанный, посреди комнаты. Перед ним стояли шесть здоровенных козлят-переростков, седьмой сзади захлопнул дверь и запер на засов. Семь пар глаз взглядами, словно канатами, держали волка, который потерял даже способность шевелиться. Потом как приговор прозвучало: «Бей волчару!»

Били копытами, бодали рогами, но старый опытный волк смог вырваться и сбежал в лес. «Надо же, какие козлы. Это, называется, чуть жадность не сгубила, - думал Волк, зализывая раны. - Надо было идти к поросятам, они и вкуснее и, в случае чего, их меньше, не так бы отдубасили».

Пошёл Волк к поросятам. Увидев добротный кирпичный домик, решил не брать его нахрапом, а представиться как перепись населения. Подошёл к двери и тихонько посту-

чался.

- Входите, не заперто, - ответили из-за двери. Волк вошёл в комнату, с опаской оглядываясь по сторонам. В комнате он увидел стол, за которым сидела девочка. Увидев Волка, она остановила его таким холодным взглядом, что у Волка подкосились лапы.

- Здравствуй, меня зовут Красная Шапочка, вы что-то хотели?

- Я вообще-то пришёл в гости к поросятам, мы хотели вместе поужинать, - пробормотал Волк, глядя на голову девочке.

«Бедная девочка, явно страдает дальтонизмом», - подумал Волк, так как шапочка была не красная, а серая, причём меховая.

- Поросят нет дома. Здесь сейчас мой офис фирмы «Красная Шапочка и Ко», по производству пирожков. Поросята гостят у моей бабушки, и вы с ними можете встретиться. С развилки идите по левой дорожке, пока не увидите домик с табличкой «Салон «Бабушкино гостеприимство». Дёрнете за верёвочку, дверь откроется и входите. Кстати, вас козлики не сильно подрали, слышала по радио? - покрутила она его, осмотрев со всех сторон. - Ничего, шкурку залапает, будет, как новая. А вы поторопитесь, как раз к пирожкам поспеете.

«Какая добрая девочка - и покормить готова, и подвезти», - думал Волк, торопясь к гостеприимной бабушке. Подойдя к домику, он уловил запах пирогов с мясом. Дернул за верёвочку, дверь открылась. Вошёл и понял, что опять потерял бдительность. С двух сторон его схватили охотники, скрутили лапы и бросили на разделочный стол. «Ну, вот и всё, - подумал Волк. - Значит, такая моя волчья доля». За окном стрекотала сорока:

- Внимание, внимание, в эфире Лесная волна. Последние новости. Раскрыта тайна волка-шпиона. Под маской иностранного туриста скрывался резидент вражеского разведки. Он пытался рассекретить рецепт бабушкиных пирожков. Сейчас волк схвачен и ждёт сурового приговора. Колобок так и не был найден, хотя по некоторым сведениям его видели вместе с Лисой Алисой.

«Наверное, они поженились и уехали в свадебное путешествие», - подумал Волк.

- Кот Базилио чудесным образом исцелился. После посещения домика с козлятами он выпрыгнул из печной трубы с абсолютно восстановившимся зрением. И теперь немного рекламы. Фирма «Красная Шапочка и Ко» приглашает посетить салон «Бабушкино гостеприимство», где вы можете выбрать для себя изделия из кожи и меха. Всегда свежие, горячие пирожки. Далее музыкальная страничка, - сорока взмахнула крыльями и полетела, горланя во всю свою сорочью глотку: «Я убью тебя лодочник».

- Ну вот, на этой весёлой ноте займёмся делом, - сказал охотник, беря в руки тесак. Волк закрыл глаза, приготовившись к своей последней охоте.

«Настал черёд моей последней лебединой песни, на глотку мне ещё не наступили», - подумал Волк и завыл.

- Акела, Акела, да очнись ты, наконец, открой глаза, - вдруг услышал он до боли знакомый голос. Открыл глаза и увидел перед собой витязя в тигровой шкуре. Хотя нет, это же его лучший друг Лягушонок-Маугли. Значит - это был лишь сон, всего лишь сон.

- Что произошло, почему я так долго спал?

- На охоте тебя подрезал Шерхан, ты упал, ударился головой и потерял сознание. Ты был без сознания два восхода солнца. За это время я провёл с Шерханом разъяснительную беседу, - Маугли погладил рукой тигровую шкуру, висевшую на плече. - Он больше не будет баловаться. А теперь вставай, наш Вожак, стая ждёт тебя и твоих приказаний. Веди нас Акела, мы с тобой.

Оглянувшись вокруг и увидев преданную стаю, он смелый, опытный и высококвалифицированный волк устыдился того, что даже во сне усомнился в надёжности своих друзей. Глаза наполнились слезами. Слезами, которых не надо стыдиться, слезами счастья. Он был счастлив, что его любят и ценят, что всё случившееся было только во сне. И какое это приятное ощущение знать, что семья, в которой ты живёшь, тебя любит и ценит.

г. Новокузнецк.

Людмила САФОНОВА

Людмила Сафонова живет в Таштаголе.

В свое время окончила Новокузнецкий педагогический институт, факультет русского языка и литературы. 35 лет отработала в школе. После ухода на пенсию, попробовала свои силы на литературном поприще. В её активе несколько десятков рассказов.

Её работы публиковались в городской газете «Красная шория».

Сегодня мы предлагаем вам рассказ «Рыжая», которые в 2002 году был опубликован в областном журнале «Огни Кузбасса».

РЫЖАЯ

В роду Комаровых, сколько они помнили, рыжих не было, и когда родилась Харитинья, толков и пересудов в кержацком К. хватило не на один год. Девчонка подрастала, и с каждым месяцем волосы её становились огненнее, а нежное личико, тело, руки, даже ноги к трём годам полностью покрыли разного размера веснушки от бледно-жёлтых до тёмно-коричневых.

Не ребёнок, а пламя, вечно грязном и драном платишке, неспось по деревне в стайке других ребятишек на речку.

Слава Богу, во всей деревне не было ни одного рыжего мужика, а то быть бы большому скандалу. И Катерина из села не отлучалась, нет, не припомнят...

И бабы судачили без устали, это как-то отвлекло от вечных забот о своих шелудивых наследниках, от своих болячек.

Может, поэтому Катерина не любила дочку и, скорая на расправу, чаще других детей «награждала» её то тычком, то подзатыльником.

Муж жену упреками не обижал, но крепко недоумевал - откуда и почему такое чадо взялось? Все дети как дети: кто в мать - русенький, кто в отца - чёрненький, а эта? Горох рвёт, а в зелени её головенка так и самафорит, так и самафорит...

Полуграмотные крестьяне, они слыхом не слыхивали ни о каких генах и не подозревали, что это прадед, бог знает, в каком колене, давно исплевший, подавал привет через несколько, может, столетий. Они же решили - не иначе как за грехи им такое.

... Николай, Василий - это слишком длинно и чересчур важно для согливой и чумазой ребятни. Вот подрастут, может, и заслужат полное имя, а то, может, и до пробовой доски останутся Васькой да Колькой. Это смотря что из них получится. От полного имени Харитинья кто-то однажды в шутку тоже образовал короткую форму - Харя, Харька. Сказал-то ради острого словца, не желая обидеть девчонку: она ему ничего плохого сделать не успела. А прилипло - не отодрать. Так и повелось: Харька.

- Брысь, исчадие адаво, - кричала мать. Ей казалось, что постылая девчонка нарочно путается у неё под ногами.

- Штабы тебя черти разодрали! - вопил отец, обливший свои залатанные штаны кипятком, потому что Харька, шаркнувшись от матери, нечаянно толкнула его под локоть.

Спохватившись, дружно крестились на угол, откуда хмуро слушали их святые:

- Прости, Господи, твоя воля...

Соседки жалели девчонку, говорили друг другу, осуждающе кивая головами:

- Сирота при живых отце-матери... Грех какой им.

Харька скоро забывала обиду, а потом на затрепанные и внимание перестала обращать, только голова встряхнётся от очередного «леща» - и всё. Был у неё любимый уголок: прямо во дворе недалеко от прысла сама собой выросла кедр. В год, когда родилась Харька, она принесла первый урожай, и было это, несомненно, знаком свыше, добрым знаком. За прыслом журчал ручей, почти пересыхавший каждое лето и упорно оживавший по весне, а за ручейком начиналась тайга. Тайга была самая настоящая, звери в ней тоже. Но это там, за прыслом. А здесь, под кедром, у Харьки был свой

дом, в нем жили тряпичные куклы, нарисованными химическим карандашом косыми глазами. Отгородив свой дом от всего света старой ситцевой занавеской, со слезами выканюченной у матери, Харька жила в своем мире и домой не ходила бы, так хорошо было здесь. Кукольные отец и мать на свою дочку не орали и не лупили её.

Была в деревне школа, где в одной комнате училась вся деревенская ребятня от первого до пятого класса. Туда по времени мать привела Харьку. И вскоре выяснилось, что сподобил Господь девчонку памятью и разумом необыкновенными: она на лету схватывала каждое слово учителя и запоминала крепко. Ночью пихни - не проснувшись, отпрапортует всё, что изучили до этого времени во всех пяти классах.

И сочувственное прежде отношение к ней деревенских женщин стало меняться на недоброжелательное, завистливое:

- Рыжа ни в кого, и глаза не людские - день сны, день зелены. Ведьма.

Харьку на классных собраниях очень хвалила учительница, ставила её мать другим родителям в пример, говоря, что вот, мол, с кого надо брать пример в воспитании детей. Те, деревенно выпрямившись за партами, в классе молчали: им педагогические методы Катерины были известны лучше, чем учительнице. А моря грязь обратно домой, зло переругивались между собой, как бы не видя Катерину, как бы её тут и не было:

- Ага, пример с неё берите, - кричала соседка слева, - да если бы я своєю так лупила, он бы и как звать его забыл!

- И не говори, и не говори, - соглашалась соседка справа. - Это её рыжухе головастой всё нипочём, всё на пользу. Она у неё хоть и рыжа, а всё ж девка. А у меня мужик растёт! Его шёлкни или ишо как пришьми - он так шёлкнет, что опять крестиком за пенсию расписываться будешь!

- А всё ж, бабы, нечисто что-то тут, - подхватывала третья, поднимая старую муть вокруг Харькиного колера, - я что-то в их роду сильно умных не припомню! Хоть Андрей, хоть Катерина - таки ж лапти, что и мы. Не зна-а-й в кого, не зна-а-й!...

- Не знаешь, так помалкивай, - взрывалась наконец Катерина, ужаленная их злобой. - Ты своих-то хоть всех знаешь - в кого?! Аль напомнить? Это твоему дураку все свои, а деревня доподлинно знает, что первенец твой - от Ильи-кузнеца, - Катерина поворачивала ехидное лицо к соседке справа, - Грушка - от почтальона нашего, - и Катерина поворачивалась к соседке слева, - а Стёпка её ушастый, удадой, - в кого? - вопрошала она третья и даже улыбалась от удовольствия.

Но тут поднималась такая свара, что собаки по всей улице начинали рвать цепи так, словно в деревню медведь забрёл, часами потом не могли успокоиться.

... Пролетели пять годочков, другая, большая школа была в селе за 15 километров. Харька и не мечтала, чтоб её отправили туда доучиваться: умер

отец, успев изладить ещё двух русеньких и одного черненького. Старшие братья-сестры зажили своими домами. Нелюбимая дочь нужна была матери здесь: досматривать за младшими, таскать чулны из печки, помогать по хозяйству. Харька выросла, но с годами не становилась красивее. При встрече с ней рыжесть её так бросалась в глаза, что односельчане не замечали, какие большие и чистые-чистые, словно только что родниковой водой промытые глаза у неё, какие роскошные косы медно-марганцевого цвета опускаются до самых колен. Забитая насмешками, она завидовала всем, у кого лицо не было покрыто ржавью.

А похорошеть ей хотелось: уходило детство, уже торопилась к ней девичья весна. Летними вечерами, когда, наконец, всё было переделано, полито и прополото и когда мать не знала, какую ещё работу навалить на неё, шла Харька, принарядившись в единственное красивое платье, подаренное крестной, к клубу, где в каждый погожий вечер под гармошку до третьих петухов танцевала, пела, играла в «ручеек» или «третьего лишнего» молодёжь. Обычная программа деревенских «пятячковых».

Были девчонки, за которыми одновременно и два, и три кавалера ухлёстывало. Такую счастливую чаще других выбирали из круга, огрев ремнем (по условиям игры), и, взвизгнув, она без конца догоняла и догоняла кого-нибудь... И что за подлость - стоит одному парнишке обратить внимание на какую-нибудь девчонку, как другие тут же усматривали в ней необыкновенную красоту и торопились влюбиться в неё, отбивая друг у друга всеми средствами, вплоть до кулаков. Харька в танцах участия почти не принимала, чаще всего сидела на лавочке рядом с гармонистом, делая вид, что не хочется ей ни танцевать, ни в игры играть. Танцевать она умела, научилась перед зеркалом, выбрав редкую минуту, когда дома никого не было. Она крутилась посреди комнаты, и длинные косы её летели, описывая над полом круги. Натанцевавшись и набегавшись, отдельные парочки незаметно скрывались в темноте, оставались те, кто не спешил уединиться или кому уединиться было не с кем: наступало время песен, наступал Харькин час, потому что петь лучше неё никто не умел, другого такого высокого сильного голоса в деревне не было. И далеко в тайгу, окружавшую деревню и с темнотой, казалось, ближе подступавшую к людям, улетал прекрасный девичий голос, вопрошавший неизвестно кого - куда ведёшь, тропинка милая, куда ведёшь, кого зовешь...

Приезжие в деревне сразу попадают под пристальное внимание: кто такие, зачем сюда? И когда получают ответы на все вопросы, тогда и отношение к ним определится - ко двору новенькие или нет.

Семья, переехавшая под самый Новый год в дом через четыре двора от Комаровых, была по местным меркам небольшая: муж с женой, двое детей (девочка лет двенадцати и парень лет двадцати)

да старик лет семидесяти, но с виду крепкий. «Жених ишо» - тут же решили в толпе и за две минуты приискали ему пару - не пропадать же добру!

Толпа собралась вроде за тем, чтобы помочь людям вещи сгрузить и перенести в дом, но главная цель была другая - поглядеть и оценить «имушество» приезжих. Поглядели и решили - семья богатая, имущество - таскать не перетаскать: перины и подушки, сундуки и узлы, несколько связок книг, кровати с панцирными сетками - и патефон.

И забеспокоились деревенские свахи: парень-то, по всему видно - не женат, это ж кому такое счастье привалит, чтоб и панцирные сетки, и патефон.

Патефон один, а невест, почитай, в каждом доме. А парень-то каков - ладный, высокий, как верба, и с лица смазливый.

Тут не зевай, девки, лови своё счастье.

... Харька на коромысле воду несла, перегнувшись от тяжести. Пришлось остановиться: во всю ширину дороги стояла телега; если обходить обочинами, по сугробам, снегу в валенки непременно начерпавешь, да и воду повыплещешь. Протискиваться вплотную с чужим конём девушка не решилась. Парень, взвалив мешок на плечи, выпрямился и тут увидел её. Увидел и улыбнулся:

- О-о, с полными ведрами! К счастью, значит!

А Харитинья стояла, раскинув, как крылья, руки по коромыслу, и молча смотрела на парня, распахнув глаза в золотых, как лучики солнца, ресницах. И так трогательно была её хрупкая фигурка под огромными ведрами, что мать парня сказала:

- Помоги девушке, Максим, ей с ведрами-то кружить вокруг телеги тяжело.

Ах, почему её дом был не на другом конце деревни, не за тридевять земель! Максим легко нёс коромысло на одном плече, из ведер не выплескивалось (в деревне это считалось приметой: плещет - пьяницей будет). Не беда, что несколько раз в году почти все мужики в деревне напивались вдрызг, это бывало по престольным праздникам, когда всей деревней играли свадьбу, христосовались из дома в дом, встречали и провожали масленицу. Остальное время жизнь шла трудовая и трезвая. И к тем, кто нарушал эти неписанные законы, отношение было как к убогим, пропащим людям. Такого стыдили обществом или индивидуально, при встрече, пытались разбудить остатки совести, человеческое достоинства, напоминали, какими мастеровитыми, а потому уважаемыми были его родители...

Харька чуть не промахнулась мимо своей калитки - то-то толпа сзади порадовалась бы.

- Спасибо, - пролепетала девушка, подставляя свои плечи, но он не торопился перекладывать на неё ношу.

- Ты здесь живёшь? Соседи. Тебя как зовут? Харитинья? Тина, значит. Я тебя так звать буду. Красиво тут у вас, горы какие... Мы раньше в Алтайском крае жили. Там тоже красиво, но по-другому... Покажешь деревню? А клуб у вас есть? - Сыпал он вопросы, не дожидаясь ответа. - Танцы-то в честь Нового года будут? Тогда вместе пойдём, как освободишься - крикни! Или нет, давай я за тобой сам зайду, - и осторожно отдал ведра.

Тина дождалась, когда Максим снова оказался у её калитки. Она уже принарядилась, волосы украсила нитями серебряного дождя - так делали другие девчонки. Она шла от дома до калитки, и было в ней что-то такое, что у Максима словно язык отнялся. Теперь он смотрел и молчал, и миг этот запомнил навсегда.

Когда они вместе с облаком морозного пара вошли в клуб, то даже гармонист на мгновение замер от удивления. Приди Максим с другой девчонкой, может, без мордобоя и не обошлось бы по деревенскому обычаю. Но Тина была «ничи́я». Сегодня и она танцевала, и не только с Максимом: у парней словно глаза открылись. И в третьего лишнего играли, и Максима всё время выбирали другие девушки, а он, едва освободившись, снова находил её. И самые красивые девушки завистливо глядели на них.

И вот тут чуть не случилась драка. Кто-то из парней, степнув Тину ремнем, крикнул:

Догоняй, Харя!

И не успел убежать, Максим схватил его за руку, крутанул и сказал:

- На себя глянь. Это у тебя харя, и если ещё раз так скажешь, то ещё красивше станешь.

... Из клуба они шли вместе - ведь им было по пути. Падая снег, крупный, новогодний. Они шли рядом, и только их следы оставались на заметной тропинке. Тина не знала ещё, что «по пути» им будет долго-долго - всю жизнь.

г.Таштагол.

Ольга Ромашка (Ольга Савкина) живёт в Таштаголе, работает в Центре социального обслуживания населения. По характеру - решительная, учась в «КемГУ» на филологическом факультете, занималась парашютным спортом.

Стихи пишет с десяти лет. Любимые поэты: Есенин, Рубцов, Сельвинский, Цветаева. Её стихи публиковались в газетах: «Красная Шория», «Земляки» и в художественно-литературном альманахе «Ташта-гол».

В 2002 году увидел свет первый сборник стихов Ольги Ивановны «Горькая земляника». В 2006 году вышла вторая книга «Кедровый букет». Предлагаем подборку стихов из этого сборника.

Ольга РОМАШКА

Я - ромашка, стебелёчек поля.
Маленькое зёрнышко земли.
Я росла, одна встречала зори,
Иногда мечтала о любви.
И однажды, полночью глубокой,
На мою печаль, мою беду
Друг мой милый, месяц ясноокий,
Подарил мне синюю звезду.
Я с тех пор грущу, порою плачу,
Свет звезды той бережно храня.
Я - ромашка, ты же, добрый витязь,
Не срывай, пожалуйста, меня!

Моя семнадцатая осень
С пылающим костром рябин,
С упругой статью пихт и сосен,
С дрожащим золотом осин,
Запала в душу тихой грустью,
Окутав мир туманом грёз.
Я вижу: улетаю гуси
Под песню сонную берёз.
Мне б превратиться в эту просинь,
Плывущий в поднебесье клин,
В полях пробившуюся озимь,
В последние цветы долин.
Мне б навсегда с землёю слиться,
Чтоб из-под ёлочек-ресниц
Следить за пёстрой вереницей
Летающих в неизвестность птиц.

Взошла луна, безмолвие царит,
Играет ветер чёрными кудрями.
Звезда, срываясь с неба, озарит
Твоё лицо с печальными глазами.
Грустишь, родной, и смотришь в темноту.
Впервые сердце стягивает болью.
И тихо листья кружатся в саду
Неразделённой первою любовью,
Звонком последним, запахом цветов,
Несбывшимися дерзкими мечтами,
Прощальным вальсом белых облаков
И девушкой с пшеничными косами.

Тёплый снег и зелёные ели
Тихо шепчутся в нашем саду,
Вновь одна я среди белых метелей
По тропе занесённой иду.
Ничего, ничего не случилось.
И деревья стоят в тишине.
Просто что-то в душе надломилось,
Просто что-то разбилось во мне.
Растрепал мои волосы ветер,
Растревожил мне сердце гудок,
И в девятый вагон на рассвете
Заскочил молодой паренёк.
Помахал на прощанье рукою,
Почему-то плечами пожал,
Улыбнулся, кивнул головою,
Словно это не он уезжал.
Кто-то, может, мне вновь не поверит,
С сожаленьем посмотрит вслед.
Но безмолвного этого парня
Я люблю уже несколько лет.

Незабудки

Ты не верил в колдовство и чудеса.
Ты смеялся, Королевич, надо мной.
Я за это твои синие глаза
Превратила в незабудки над рекой.
В гордом гневе всемогущей рукою
Загубила я любовь свою, мечты.
И с тех пор грустят печальные цветы,
Удивляя небывалой синевою.
«Иль полюбишь, Королевич, ты меня,
Иль сожгу тебя я солнцем в ясный зной.

Незабудки, твои синие глаза,
Навсегда сольются с знойной тишиной».
Ничего мне Королевич не сказал,
Только солнце раскалилось добела.
Мир печально и задумчиво молчал.
Обожгла мне пальцы серая зола,
Поседали с горя чёрные леса.
Не добилась, Королевич, я любви,
Но стоят передо мной твои глаза.
И курлычут, словно плачут, журавли...

Заметает метель, заметает,
Заметает метель белый свет.
Говорят, что любовь исчезает,
Что её на земле больше нет.
Ты не верь, если это услышишь.
За зимою приходит весна.
А слова: «Я люблю тебя! Слышишь?»
Будут вечны во все времена.
И опять в нас двоих повторится
Всё, что было когда-то до нас.
Я тону в твоих тёмных ресницах,
Я плыву в глубину твоих глаз.
В твоих тёплых огромных ладонях
Забываю я весь белый свет.
Может, ветер со зла растрезвонил,
Что любви на земле больше нет?

Звала, ждала, настаивала травы,
Носила воду с дальнего ключа.
И всю-то ночь печально и туманно
Горела на окне моём свеча.
Ты приходил, застенчивый и милый,
Смотрел в глаза, царственной называл,
А губы пахли спелой малиной,
И ты мне руки нежно целовал.
О, как же я тебя тогда любила!
Да, видно, не судьба мне быть с тобой.
Я двери пред тобой сама открыла,
И ты ушёл неведомой тропой.
По звёздам я пути твои искала,
Хотя, с тех пор, прошло не мало лет.
Таких, как ты, я - больше не встречала,
Таких, как ты, наверно, просто нет.
Звала, ждала, настаивала травы,
Носила воду с дальнего ключа.
И всю-то жизнь, сквозь занавес тумана,
Печалилась в окне моём свеча.

Горькая земляника

Так и тянет меня в тот лесок,
Где играли весёлые блики,
Где ты в тёплый июньский денёк
Собирал для меня землянику.
Это было, как в сказочном сне,
Среди зелени солнца и света
Ты протягивал ягоды мне,
Словно горсточку спелого лета.
Ты ко мне прикоснуться не смел,
Мне глаза твои всё рассказали.
На меня так никто не смотрел,
Они синью сияли и звали.
И померкли пред ними слова,
А для счастья всего-то и надо,
Что бы ты был со мною всегда,
Звал меня своим ласковым взглядом.
Не скрывая, любовь не тая,
На тропинке тебя я встречала.
Я одним лишь тобою жила,
Как на крыльях от счастья летала.
Но не долгою радость была,
Улыбаясь тебе, я не знала,
Что судьба нас уже развела,
В нашу дверь постучалась другая.
Не пойму я теперь, как мне жить?
Без тебя мир пустой и безликий.
И никак не могу я забыть
Горький привкус твоей земляники.

Евгений РАСТВОРОВ

Родился в 1952 году в Таштаголе. Там же прожил большую часть своей жизни. По образованию врач, окончил Кемеровский медицинский институт. Литературным творчеством занимается сравнительно недавно. Привели его к этому ухабины, встретившиеся на жизненном пути. Он задумывается над смыслом человеческого бытия и жизни и не только с врачебной точки зрения.

Вдохновенье

Когда исчезнет вдохновенье
Жизнь потеряет вкус и цвет.
И я тону в своих сомнениях:
Поэт я или не поэт?

Поэтом, может быть, напрасно
Совсем себя считаю я.
Нам не дано представить ясно,
Что мы лишь точки бытия.

Что наша жизнь? Одно мгновенье.
И никогда второго нет.
Что мы не больше, чем поленья
В костре горящем тыщи лет.

И в наши времена лихие
Поэта жизнь не может быть простой.
Поэзия - есть пятая стихия,
А женщина является шестой.

Когда исчезнет вдохновенье,
Его ничем не заменить.
Не заменить предметов тенью,
Не заменить ночами дни.

Любовь

Любовь - есть состояние души,
И облако, заряженное током.
Как молния, сверкнёт она в тиши
И чувственным расплачется потоком.

Любовь - есть путь, но не обычный путь.
Скажу я, что конечно же не ново,
Любовь - это единственный маршрут,
Но от себя к себе - через другого.

И проходя по этому маршруту,
Не знаем мы, куда наш путь лежит.
Счёт времени: года, а не минуты...
Коль повезёт, так, может быть, вся жизнь.

Жизнь

Все мы пишем жизнь на черновик.
Редко кто умеет без помарок.
Нам бы больше думать о любви.
А жизнь проходит в непрерывных сваргах.

Все мы пишем жизнь на черновик.
В грамоте не сильно разумея,
Пролетает жизнь, почти как миг,
Промелькнув кометою Галлея.

Все мы пишем жизнь на черновик.
Исправлять ошибки нет умения.
Крик рождения и предсмертный хрип...
Между ними кажется мгновение.

Все мы пишем жизнь на черновик.
Так порой переписать его охота.
И тот вернуть неповторимый миг,
Который был началом поворота.

Старость

Всё меньше нитей жизни держит нас.
Они перетираются годами.
Душевных сил сжигается запас.
И души прогорают за телами.

Всё уже, уже круг знакомых лиц.
Они от нас уходят понемногу.
Не зная ни стихов и ни молитв,
Так трудно собираться в ту дорогу.

Всё меньше старых, больше молодых.
Как облик мира изменился сильно.
И мы глядим на сверстников седых,
Как в кадры исторического фильма.

Хоть знаем мы, что смерть придти должна.
Но мысль об этом не звонит набатом.
Ведь было так в любые времена,
Так, словно на войне, в бою - с солдатом.

Картина жизни

Лишь люди не похожие на нас
На самом деле - наши половинки.
Но, принимая уголь за алмаз,
Рисуем мы фальшивые картинки.

Картину мира все рисуют сами.
Хотя никто не учит рисовать.
Бог наградил нас разными умами.
И нам друг друга трудно понимать.

Картину жизни все рисуют сами,
Хоть разные и краски, и холсты.
Мы друг для друга тайными мирами
Являемся, как свет для темноты.

Картины женщин не похожи очень.
На те, что писаны не женскою рукой.
Легко мы отличаем день от ночи,
Труднее женскую картину от мужской.

Но краски истощаются годами,
И выцветает жизни полотно.
Лишь кажется, что мы рисуем сами,
Когда всё свыше нам предреждено.

Эпоха Павла САМОЛЮКА

Цифры жизни

Гляжу на женские лица,
Их красоту глазами пью.
Мужчина - это единица,
Подобна женщина нулю.

О том, что курица - не птица,
Я слушать очень не люблю.
Да, ноль не равен единице,
А равен разве что нулю.

Смотрю на длинные ресницы,
Глаз синеву боготворю
И чувствую, что единица
Подвластна полностью нулю.

К чему всё сущее стремится,
Весь и простой и сложный люд?
Соединиться с единицей,
Задача данная нулю

Но может всякое случиться,
Гармонию нарушит счёт.
Ноль должен встать за единицей.
А часто спереди встает.

Всё тоньше грань между полами,
Идёт эрозия границ.
Мужчины сделались нулями,
Всё больше женщин единиц.

В дурном лишь сне могло присниться
Всего сто лет тому назад:
В мужчину дева превратится,
И будет этому он рад.

А на истории страницах
Не будет слов: я вас люблю.
Когда исчезнет единица,
Конец наступит и нулю.

Но верю я - всё возродится,
Что прекратят полы войну,
Что твёрже станет единица.
И покруглее б быть нулю.

За вдохновением в клуб «Вдохновение»

В начале девяностых годов прошлого столетия во Дворце культуры «Ясная поляна» был организован клуб поэзии «Вдохновение». В него вошли люди различных возрастов и профессий, объединённых великим таинством русского слова - поэзией. Руководителем клуба с первого дня его создания была избрана Любовь Руденко.

На протяжении полутора десятков лет в клубе «Вдохновение» проходят встречи творческих людей города - поэтов различных литературных жанров: молодых и ветеранов, начинающих и известных уже не только в городе, но и далеко за его пределами. Проводятся встречи, посвящённые творчеству отдельных поэтов, презентации

сборников их стихов. Периодически организуются мастер-классы: обучение правилам и мастерству стихосложения с привлечением преподавателей русского языка и литературы с целью совершенствования мастерства стихосложения, и не только начинающих авторов стихотворений.

Благодаря активной поддержке администрации Дворца культуры, членов «Вдохновения», клубом с 1995 года выпускаются ежемесячные сборники стихов - творческих новинок поэтов.

В 2002 году увидел свет сборник стихов «Вдохновение». В том же году было выпущено его продолжение - «Вдохновение - 2» и сборник песен под названием «Проко-

пьевск - наш город», написанных Любовью Руденко на слова Михаила Глушкова, Сергея Рекунова и Виктора Савинкова.

В 2007 году малым тиражом, «самиздатом», клубом были выпущены сборники стихов разных авторов с единым названием «Источник вдохновения» и очередной общий сборник стихов - «Вдохновение - 3», посвящённый 75-летию юбилею Прокопьевска в статусе города.

С 2006 года на базе клуба проводятся Областные поэтические фестивали «Шахтерские зори», в которых принимают участие поэты из разных городов области. Не стал исключением и текущий год

В пяти номинациях прошли поэтические конкурсы поэтов из Прокоп-

евска, Новокузнецка и Междуреченска. Жюри, под председательством ведущего прокопьевского поэта Виктора Савинкова, определило победителей, которым были вручены почётные дипломы и призы.

Как лучшие на фестивале жюри отметило стихи поэтов Ивана Горбаченко, Натальи Миллер, Альвины Симоновой, Петра Сеницына - из Прокопьевска; Зинаиды Дубодёл - из Междуреченска.

Отмечено было творчество прокопьевских поэтов Александра Тулупцева и Людмилы Заниной - как начинающих, но постоянно растущих в творческом плане. Благодарственные грамоты от организаторов фестиваля были вручены всем участникам творческих конкурсов...

Клуб «Вдохновение»

Петр Сеницын (Иван Абин)

Русь упорная

Нет не прел я в кабаках,
Марксов не долдонил...
Я родился в кержаках,
Вырос меж чалдонов.
Где табак на чердаках,
Берег в плоскодонках.
Там в любви, как и с тоски,
Бабы, как и мужики,
Во все руки мастаки!
Там гуляли, веселились,
Завсегда неделями.
Из конца в конец роились,
Ничего не делали.
Только пахоты, покосы,
Жатвы, грядки и дворы.
И извечные вопросы,
Как бы правду водворить,
В светлом будущем прожить?
Да. Не прел я в кабаках,
Марксов не долдонил,
В школы топал в кирзачах,
С мозолями в ладонях.
Там Устав старообрядства,
Что почти не соблюдали,
Только Равенством и Братством,
Как и «Новый...» придержали.
В кержаках родился я,
Меж чалдонов вырос,
Русь упорная моя,
Как душа - на вырост!

Опять варю лапшу и рожки,
И снова хлеба нет ни крошки.
Конечно - денег ни гроша...
Эх, доля-горе хороша.
Я строен, лёгок и поджар, как
Вновь сошедший со Стожар,
Как сговорённый с дорогой,
И верен ей, а не другой.
И, что за постованьем в след
Грядёт венчанье, обет.
И что теперь долой нелепость,
Нас ждёт семья и дома - крепость...

О речке Чарушке

Эх, Чарушка моя, Чарушка!
Чуть побольше ручья речушка.
И росла по твоим берегам
Черневая (урман) тайга...

Там для каждого зверя праздник.
И бобрам отсечён заказник.
Там, как исстари повелось,
И олень, и медведь, и лось...

Эх, Чарушечка, ты Чарушка,
Берега ль твои - деревушки.
При тебе любая пичужка
Гнездовалась, жила и пела,
И птенцов своих выводила.

Эх, Чарушка моя, Чарушка,
Худосочная, как девчушка.
Ты бежала (в укор Оке),
Ты текла, будто налегке,
Через Томь и Обь к океану,
Омывая чужие страны.

Эх, Чарушка моя, Чарушка,
Или черпал я тебя и кружкой,
И ковшом, и большим ведром.
Но гремел рукотворный гром
В подступившем к тебе забое.
И обличье твоё (другое)
Застелила взрывная мгла.
Ты, мелея, едва текла.
Захирел и окрест с тобою.

Эх, Чарушечка, ты Чарушка,
Полувыхошая речушка,
Ни болотина, ни старыюшка.
Став теперь канавой отводной,
Ты отраву несёшь, не воду.
Через Томь и Обь к океану.
Став чернушкой и окаянной.
Эх, Чарушечка, ты Чарушка,
И Каргайка ты, и Абушка.
Эх, Чарушка, речка детства,
Как теперь мне в тебя глядеться?

Александр Тулупцев

Родился в 1956 году в Прокопьевске, окончил школу, ПТУ №1, отслужил в армии, работал электрослесарем на шахтах «Центральная» и «Коксовая».

В детстве почти каждое лето гостил в деревне у дедушки с бабушкой. Полюбил сельскую жизнь и природу, что в последствие стало основной темой его стихотворений. Литературным творчеством увлёкся сравнительно недавно, с 2005 года является членом литературного клуба «Вдохновение».

Наш Прокопьевск

Он не Лондон, не Париж.
Не богат его престиж.
Наш Прокопьевск - сибиряк,
Кто оспорит, что не так.
Рано утром он встаёт,
Трудовую жизнь ведёт.
Возвышаются копры,
Словно в поле журавли.
Не Дамаск и не Багдад,
С добрым утром, Уголь-град.
Он себя совсем не хвалит,
Скромно уголь людям дарит.
Он бродяга-трубочист,
После дождика лишь чист.
Но люблю я всё же его,
Замарашку своего.
Да не Рим он, не Каир,
Но для нас всё же кумир.
Здесь кузнецкая земля,
Значит - Родина моя!

Осень златогривая
Красит всё вокруг.
Ты о чём задумался,
Мой кудрявый друг?
Иль тебя не радует
Сказочный наряд,
И листу багряному
Вовсе ты не рад?
Шелестишь загадочно
Красочной листвою,
Клён ты мой раскидистый,
Расцветёшь весной.
Осень разноликая
Красит всё подряд.
Разноцветью дикому
Вовсе я не рад...

Времена года

Вот и пришла она сама,
С морозцем снежная зима.
Убранством белым принакрыла.
И речка быстрая застыла.
Не слышно больше певчих птиц,
Лишь только редкий свист синиц
Морозный воздух прорезает.
Он о весне напоминает.
Стоит раскидистая ель.
И только властная метель
Лохматой веткою играет,
Да снегом щедро заметает.
Всё стихнет... Тут как тут - мороз.
Кусает подлый он за нос.
А иней сказочно сверкает,
Красою чудной удивляет.

Природе

Природа-матушка, прости,
Детей никчёмных не суди,
Прибавь немножечко ума,
От них страдаешь и сама.
Никто не станет отрицать,
Что ты в итоге наша мать.
И так, и эдак рассуди,
А что нас ждёт-то впереди?
Пустая, мёртвая планета?
Скажи, нам разве нужно это?
А не пора ль остановиться,
Быть может, хватит всем глумиться,
Тебя бедняжку обижать,
Хватать, крушить и истреблять?
Живём по сути одним днём.
А что же будет здесь потом?
Никто не хочет это знать.
И остаётся лишь гадать,
Глядеть страдает как народ.
Невеждам сделай укорот.

Домик у речки

Порою, сам не сознавая,
Я память тихо ворошу.
И в детство кажется играя,
Себя в даль вдруг я уношу.
Из бытия в мыслях всплывает
Тот старый домик у реки,
И перекат, журча, вещает:
«Гостей встречайте, старики...»
Мой дед в коричневой рубашке
С улыбкой выйдет на крыльцо:
«Ну, что с приездом, наши птицы?»
Теперь наловите ельцов...»
Бабуля, та всегда в заботах:
Всем варит или что-то шьёт.
Кипит житейская работа,
Дела и суя - целый год.
А мы с братаном, как котята,
Играя в сказочной стране,
Несёмся к речке, как утята,
Нырять и плавать в тишине.
А речка с радостью встречает
Гостей приезжих, городских.
Омоет, свежестью одарит,
Как будто сыновей своих.

Иван ГОРБАЧЕНКО

Родился в Салаире, где прошли его детские и юношеские годы. По образованию горный инженер: окончил горный техникум в Прокопьевске и горный факультет СМИ. Большая часть трудовой жизни прошла на шахте «Коксовая» - от горного мастера до начальника подземного участка.

Литературным творчеством занимается около тридцати лет. Является членом поэтических клубов «Вдохновение» и «Маяк». Свои произведения публиковал в городских газетах и коллективных поэтических сборниках.

Рябина

Тонкая рябина под моим окном
Что-то загрустила перед зимним сном:
Или ей прощаться с летом очень жаль,
Или просто в сердце у неё печаль.
Тихо облетают листья на ветру,
Кто-то соберёт их к жаркому костру.
У костра, быть может, встретимся мы вновь,
Но уже не сложим прежнюю любовь.
На лету погаснут искры вдалеке,
Высохнут слезинки на моей руке,
И метель к рябинке тропку заметёт,
Но за зимней стужей вновь весна придёт.
И тогда, быть может, новая листва
Мне шепнёт украдкой нежные слова,
И печаль растопит, словно тонкий лёд,
И рябина веткой мне опять качнёт.

Наши встречи

Нам встречи лучшие достались
За все прошедшие года.
Зачем же мы с тобой расстались,
В чём не поладили тогда?
Мы растеряли пыл свиданий.
Там, где селились соловьи,
Осталась только боль страданий
От той утраченной любви.
Костёр погас, но в костровище
Ещё теплятся угольки,
И, может, мы с тобой отыщем
Для встреч желанных уголки.

Солдат России

Я не был на войне, но мой отец
Ушёл, когда мне было лишь полгода,
Я просто не смыслённый был, малец,
Входящий в мир, дарованный природой.
В боях жестоких смерть была красна,
Вслед за врагом - брели людские беды,
Но шла войны четвёртая весна,
И вместе с ней желанная Победа.
Отец вернулся, хоть и ранен был,
Оставив руку там, на поле битвы.
Но жизнь ему Бог, видно, сохранил
Для мирного труда и для молитвы.
Его война осталась далеко,
Но не имел он права расслабляться.
И, стиснув зубы, жил, ведь нелегко
Растить детей, с хозяйством управляться.
Он не дожил до наших светлых дней,
Война в окопах забрала здоровье.
Он был солдатом Родины своей,
И я горжусь, что сын отца - героя!

Уголок любви

Взмётнулась ввысь шахтёрская звезда,
Как монумент величия и славы.
Сюда она стремилась сквозь года,
И своё место заняла по праву.
А рядом разместились цветники,
Переливаясь в праздничном убранстве,
Заполнили собой все уголки,
Найдя приют, как путник после странствий.
Здесь словно дух эпохи затаён:
И праздники, и будни – боевые.
Здесь фонари, их пушкинских времён
Стоят по кругу, словно часовые.
Здесь хорошо присесть и отдохнуть,
Предаться думам о большом и вечном,
И заново пройти свой долгий путь,
Нелёгкий путь в пространстве бесконечном.

Межа

Не так давно я был тебе чужой,
К другой ходил на пылкие свидания,
Нас разделяло время той межой,
Что делит жизнь на радость и страдания.
Ведь у судьбы кто мил, а кто не мил,
И для неё не писаны законы,
И кто ещё вчера так грешен был,
Он может завтра целовать иконы.
И мы с тобой вспахали ту межу,

Нашли тропинку, где вдвоём не тесно,
И я, как заколдованный, хожу,
Я стал припевом у хорошей песни.
Мне так приятен плен твоих колен,
Приятна нежность рук в объятьях жарких,
И счастлив я от этих перемен,
Таких желанных, радостных и ярких.

Владимиру Высоцкому

Его кони несли по нелёгким дорогам,
Не давая пылливой душе отдохнуть,
Он хотел всё успеть, и он думал о многом,
Что бы с честью пройти предначертанный путь.
Жизнь его - это сцена, гитара и песни.
Хриплый голос его был народом любим.
Его вольному сердцу в груди было тесно.
Он хотел видеть небо всегда голубым.
Но ушёл слишком рано в Святилище Бога,
И дожить не успел, не успел и допеть.
Но сумел пережить и триумф, и тревогу,
И звезда его славы будет вечно гореть.

Ожидание

Я жду тебя, как ждут восхода солнца.
Как поцелуй горячий на устах,
Ты для меня желанный свет в оконце,
И только ты живёшь в моих мечтах.

Любимая, мой долгий сон прекрасный,
Разлука наша - боль сердечных ран,
Но не грусти, пожалуйста, напрасно,
Хоть этой грусти - целый океан.

Я помню те божественные встречи,
Когда весь мир тонул в твоих глазах,
Когда тебя, я обнимал за плечи,
Не сдерживая чувств на тормозах.

Жаль не свела судьба нас в час расцвета
И жизнь не прокричала: «Подожди...»,
Теперь весна ушла, и даже, лето
Спешит пролить осенние дожди...

Но мы ещё полны очарованья,
Ещё способны трепетно любить.
Нам радуют сердца слова признания,
И нежный взгляд способен окрылить.

Ни время, ни большие расстояния
Не в силах нас с тобою разлучить.
Мы не стыдимся за свои свидания,
И нас не нужно от любви лечить.

Тебе я верен, ты не сомневайся,
Моя печаль останется при мне,
И ты во сне не плачь, а улыбайся,
И не грусти в рассветной тишине.

Дни пролетят, и ты вернёшься снова.
Тебя я встречу у твоих ворот.
Нас обвенчает вновь рассвет лиловый,
И закружит любви круговорот...

Синеглазая сказка

У тебя на губах цвет зари,
А в душе твоей нежность и ласка,
Ну, скажи, кто тебя сотворил
О, моя синеглазая сказка?
Ты свежа, как дыханье весны,
Ты чиста, как роса на рассвете.
Знать, тебе от природы даны
Все дары, что бывают на свете.
Голос твой - это шёпот аллей,
Взлёт бровей - две крылатые птицы,
А с прекрасной улыбкой твоей,
Разве может, какая сравниться?
Невозможно представить себе...
Без тебя стал бы мир в тёмных красках.
Я за то благодарен судьбе,
Что ты есть - синеглазая сказка.

Родился в 1949 году в Прокопьевске. После окончания школы работал на угольных предприятиях города электрослесарем. Любит природу, путешествия, экзотику... Литературным творчеством занимается по велению души, давно, принимает активное участие в поэтических мероприятиях города. Проводит и свои поэтические вечера. Тема поэтического творчества разнообразна.

Николай КЛОЧКОВ

Любовная элегия

Я не люблю дарить цветы -
я женщин не любил.
И в одиночестве своём
по улицам ходил.
Хотелось света и тепла,
хотелось красоты.
И вот однажды, майским днём,
ко мне явилась ты:
И вся планета зацвела -
весенним, тёплым днём,
Вдруг озарила ты меня
любовью и огнём.
Но свет померк средь бела дня,
когда ты вновь ушла.
Сказав при этом:
«Не того, не по себе нашла...»
Ушла к другому от меня,
ушла, как вещий сон.
Так почему же я в тебя,
как юноша, влюблён?
Любовь, печаль, тоска, обман -
смешалось всё вокруг.
Я громко крикнул: «Как же так?
Откликнись, милый друг, ты для меня -
как солнца луч средь облачного дня.
Среди свинцовых серых туч -
ты бросила меня?
Я умоляю - позови! И я к тебе приду,
Я за тобой, любовь моя,
на край земли пойду!
Любовь горела и горит,
в моей груди огнём.
Вся наша песня – впереди,
и мы ещё споём».
Она в ответ сказала мне:
«Уймись и не смейся,
Хоть в одиночестве ходи -
по улицам, в тиши...
Я птица вольная - пойми, я рождена такой.
Мне не нужна твоя любовь,
не нужен твой покой.
Знай, нам с тобой
не свить гнезда, не вырастить детей.
Я - восходящая звезда
бездумья и страстей.
А если любишь горячо -
придётся пострадать...
Возможно, тёплым майским
приду к тебе опять...»
Я в одиночестве иду, по улицам - в тиши.
Что ж, коль не хочешь рядом быть -
не надо, не спеши...
Но если тёплым майским днём
ты вновь ко мне придёшь?
То знай, наверно, меня
ты больше не найдёшь!..

Созвездие любви

Я силой мысли прилечу к тебе,
Сквозь стены дома в комнату войду:
При лунном свете, в полуночной тьме
Тебя в постели спящую найду.
Я подойду к тебе в тиши ночной,
Своей рукой коснусь руки твоей.
Как я хочу, чтоб ты была со мной!..
И вот, тогда, в мечтах или во сне,
Сольёмся мы в созвездие одно,
Протянем руки матушке-весне
И улетим в открытое окно.
Природа встретит нас сияньем звёзд,
Теплом весенним, свежестью земли...
И в мире сказок, в мире светлых грёз,
Появится созвездие любви...

Весенняя любовь

Весна улыбалась, смеялась природа,
Деревья кружились в кругу хоровода.
Тебя повстречал я, как будто во сне,
Мы вместе шагнули навстречу весне.
Но ты уходила, потом приходила,
То - страстью сгорала, а то - не любила...
А я, как клинок, раскалялся в огне,
Потом охлаждался в холодной воде...
Зачем же, зачем же

друг друга травили?!
Ведь мы больше жизни
друг друга любили.
Но время прошло, ты ушла от меня,
И нет в моей жизни воды и огня...
Лишь ветер холодный
порывами кружит...
Нам счастья хотелось, а сделалось хуже!

Песнь запоздалой весны

Весна сегодня запоздала,
В начале мая снег идёт!
Только ручей, не унывая,
Журчит и песенку поёт.
Поёт о том, что будет лето,
Что будут море и цветы.
Лазурный пляж в потоке света
«Необычайной красоты...»,
Листвой оденутся берёзы,
Кузнечик прыгнет на порог,
Проснутся утренние грёзы,
И тёплым дням наступит срок.

Летний сонет

По земле гуляет лето.
На лугах цветут цветы.
В бархат зелени одеты
И деревья, и кусты...
Над водой склонилась ива.
И под кронами ветвей
Очень чисто и красиво
Песню свищет соловей.
Над полями белой стаей
Облака уходят вдаль...
Только нет тебя со мною
Этим летом, очень жаль!..
К роднику приду напиться,
Потихоньку подойду,
Никуда тебе не деться,
Всё равно тебя найду...

Я вижу осень

Не первый раз я вижу осень:
Просторы скошенных полей,
Движение туч и неба просины,
Спокойный шелест тополей.
А как прекрасен лес осенний!..
Он полон нежности и грёз,
Красив кафтан зелёных елей
И жёлтый сарафан берёз...
Багряный лес и неба просины
Великолепны, без прикрас...
Не первый раз я вижу осень,
Но всё гляжу... как в первый раз!

Зимняя прогулка

Я шагаю по тропинке - хорошо в лесу.
Видю, словно на картинке, зимнюю красу.
Сосны, ели и осины молча встали в ряд.
Белоснежные перины серебром горят.
Лес заснеженный внимает сказке зимних грёз.
Белый иней обнимает веточки берёз.
Может, где-то на Канарах
солнце и теплой,
Но сибирские поляны для меня милей.

Светлячок

Я пойду в тёмный лес,
светлячка там найду
Под листвою белоснежных берёз.
Посажу на ладонь и домой принесу,
как мечту поэтических грёз.
Если я заблужусь, заплутаю в пути,
потеряюсь погасшей звездой,
Светлячок
мне поможет дорогу найти,
он поможет вернуться домой!
Пусть у каждого
будет живой огонёк,
Чтоб светился во мраке ночи.
Чтобы каждому путнику
в жизни помог,
Согревая, как солнца лучи...

Татьяна ГАРБУЗОВА (Мульева)

Коренная прокопчанка. Окончила Кемеровский государственный институт культуры. Работала заведующей библиотекой на шахте «Зенковская». В настоящее время, на том же предприятии - машинист вентиляционных установок. Литературным творчеством занимается со школьных лет, в студенчестве была редактором факультетской стенгазеты, в которой и появились первые публикации её стихов. Её работы включены в коллективные сборники клуба и в индивидуальный – «Источник вдохновения». В 2003 году, выпустила сборник своих стихов «А люди, люди, как снежинки...».

В предисловии сборника говорит своему читателю: «... А ведь мир прекрасен! Робкое пробуждение весны, степенная сытость осени, всё живое - снующее вокруг нас, журчащее, звенящее в лучах солнца и прохладного ветра - всё даёт нам силы жить, умирят нашу гордыню и чванство, убеждает, что мы можем соответствовать природному естеству божественного мира...»

Ты позвони мне на закате,
Когда рождается звезда,
И, ни к какой особой дате,
А: «Я люблю тебя всегда!»

Ты разбуди меня с рассветом,
Под птичий гомон сообщи:
«Я прибегу к тебе с букетом!»
И засмеюсь в ответ – «Тащи!»

И чай с лимоном на балконе,
Когда ещё прозрачна тишь,
И лягз вагонов на перроне...
Мой милый, что же ты молчишь?

Оттенки осени

Природа засыпает в томной лени -
Земля укрылась мягкой листвою.
Лишь ветер-бедолага бродит тенью,
Качая непокрытой головой.

В ветвях деревьев сумерки редуют,
С шикарными желтизнами
не сводим взгляд.
Но заморозки по ночам всё злее -
Сгоняют птички стаи на парад.

Шорох листьев наводит
на грустные мысли,
Терпкий запах грибов,
замороженных снов.
Запах осени, точно
щемящая исповедь
Птичьих стай, покидающих
выставший кров.

В птичьем гомоне снова
слышны обещания:
«Мы вернёмся, дождитесь, уместна ли грусть?»
Пусть останется в осени пушкинской тайна -
Лёгкой дымкой костров и поэзии. Пусть.

Год

Плачущая трогательно осень,
С грустной улыбкой на устах,
Прячущая в тучах неба просинь,
До чего ж обманчива, проста.

Каждым нервом в хлябь твою врастаю
И стекаю струйками дождя.
Мысли растревоженною ставей
Эфемерные мечты плодят.

Осень, раствори мои потери,
Так жесток очередной урок.
Я себе, потерянной, не верю,
Загадаю все желанья впрок.

Листьев шелестящие объятия,
Сохранят недавнее тепло,
Но зима в суровом белом платье
По углам нашепчет: «Всё ушло!»

Всё лишь блажь,
реален зимний холод
И звенящий ледяной покой».
Всем, кто юн и кто уже не молод,
Взбудоражит кровь метельный рой.

Но земли живительная сила
Ель праздничной прибудет в срок.
Солнце спеленает ветер стылый
В новогодний праздничный поток.

Изморозью утренней по краю
Хмуриет Дед Мороз седую бровь,
Но улыбки солнца убеждают:
Не грусти, весна вернёт любовь.

Вновь безудержным своим сиянием
Гулко растревожит жизни ток,
Зажурчит, зашепчутся признания,
И никто не будет одинок.

Летний зной, в растущем нетерпении,
Жизнь продлит - естественно, вздохб.
И в звенящем счастьем птичьем пении
Мы почувствуем души полёт.

Пик надежд наполнится признанием.
Все мечты исполнятся светлом,
К осени, принесшей покаяние,
К стуже, забирающей тепло.

Вдохновение

Стихи не пишутся, они приходят сами,
Как сон - цветной безоблачной порой.
Течёт обыденность, сменяясь полосами,
Порой приносит ласковый настрой,
Тревоги и сомненья. Невозможно
Заблеваешь лихорадкой слов,
Но как доверчиво, как искренне и нежно
Стихи пытаются найти достойный кров
И выразиться в звуках счастья, боли
Иль радости великой – до конца,
Чтоб чувствовалась мощь незримой воли,
Чтоб замирали невпопад сердца.

Извечные темы

Жизнь вперёд несёт и камнепадом
Увлекает вниз и, не спеша,
Крутит - нас не замечая. Надо,
Чтобы выжила в толпе душа.

Мы, щадя свои измученные нервы,
«Дуем на воду», обжегшись на любви.
Не всегда ведь это важно, верно?
Ты её напрасно не зови.

У любви синонимов немало:
Грязных и возвышенных. Любых.
Так же, как у смысла жизни. Стало
Модным - принижать любовь. У них,

В древности - Ромео и Джульетта,
Рыцари, воздушная душа.
А у нас - дежурные котлеты
И - та «тёлка» просто хороша.

Мы мельчаем и не замечаем,
Как пустеет нашей жизни путь.
Что-то настоящее встречаем
И, не веря, тянем в эту муть.

Мы горды, что в двадцать первом веке
Бог позволил жить, но не спешим
Чище стать, возвышенной. Нелепо:
Для себя и так мы хороши.

Впрочем, жизни смысл не обнаружить.
Это всё мышинная возня.
Десять заповедей. Их не нужно
Отнимать ни у тебя, ни у меня.

Если б все их просто соблюдали,
Мы, возможно, жили бы в раю.
Но, увы, дойдёт до нас едва ли,

Родился в 1987 году в Прокопьевске, окончив школу, поступил учиться в Прокопьевское медицинское училище.

Стихи пишет со школьных лет и о них говорит так: «В них весь я, все мои самые сокровенные мысли, вся моя душа. Бумаге я могу доверить то, что не расскажу ни кому. Тот, кто пережил что-то подобное и думает подобно, поймёт меня с первой строки...»

Темы, которые затрагивает в своих стихах Сергей Гнездилов, сам он называет за пределами. Возможно это и не так, возможно - это юношеский максимализм, идеализм или что-то ещё... С годами он сам в этом разберётся. Пока же в свободное от учёбы время любит слушать русский рок, читать фантастику и...творить стихи.

Сергей ГНЕЗДИЛОВ

Приближение

Тихо стало за окном.
И огни в домах погасли.
Свет струится из икон
На кровати и на ясли...
А твой путь тернист и труден.
Ты идёшь куда-то вдаль.
Из груди течёт и нудит
Жизни тихая печаль...
Ты мечтать не научился
И ведёт тебя Христос.
Твой обман не получился,
Ты в глазах Его возрос.
В этом мире много фальши.
Измеряя путь свой пядью,
Шаг за шагом ты всё ближе
Приближаешься к распятому.

Король

Замок ждёт своего короля.
Он вернётся, появится точно...
Он пройдёт эти горы, поля
И придёт может днём, может ночью.
Он под звуки серебряных труб
Вступит гордо в родную столицу.
И поймёт, что он вышел за круг,
Что ему это больше не снится.
И могилам усопших отцов
Он поклонится, встав на колени.
А от недругов и подлецов
Останутся лишь лживые тени.
Верный меч сжат надёжно в руке.
И на трон вновь воссядет король,
Если только опять вдалеке
Не покажется новая боль.

Одиночество

Дом опустел, пуста душа.
Я опускаюсь на колени.
Свет, как мел. Едва дыша
За окном крадутся тени.
Свет луны, часы стоят.
И во мраке белой ночи
Вижу в зеркале свой взгляд...
Время может быть короче.
Я один. Ни слова больше.
И порой забыться хочется.
Я бы жил быть может дольше,
Но мешает одиночество...

Бессонница

А в зрачках отражается ночь.
И бессонница путает срок.
И никто нам не может помочь,
Всё решит перекрёсток дорог.
И опять выхожу я из дома
И иду по дороге Луны,
А в душе оседает оскома,
От моей молодой седины.
Мне мерещится зов зазеркалья,
Едкий дым не потухших костров.
Ночь глядит, запахнувшись вуалью,
Взглядом тысяч разбуженных сов.
И не спрятаться мне, и не скрыться,
Не уйти от бессонницы прочь.
Сколько раз мне ещё будет сниться
Эта едкая тёмная ночь...

Ангел

Брызжет свет
сквозь открытые двери,
Наполняя сиянием весь дом.
Отыскалась сегодня потеря.
Он вошёл и коснулся... крылом.
Весь сияя, протягивал руку,
Выручая меня из беды.
Обрекаясь на вечную муку,
Вывел нас из слепой темноты.
Отразившись в глазах и иконах,
Он повёл, вдруг, меня за собой.
У меня без церковных канонов
Пара крыльев была за спиной.
Мы шагали с ним
вместе по Миру.
Он показывал чудо и кровь.
Вознес на плечах своих лиру,
Обещал, что отыщется вновь!

Осень

Когда в жизни всё не так,
И слова не имеют смысла,
Осень - это просто пустяк,
Осень - это засохшие листья.
Умирает мысль на лету
И теряется в шорохе тлений.
Выбрал жизнь я, конечно, не ту:
Всю в мечтах
без борьбы и без прений.
Может, мне сойти с ума,
Авантюры излишние бросив.
Будет долго мне сниться она,
Безнадёжная, хмурая осень.

Эхо безмерного счастья
Рухнуло в боль с высоты.
Кончилось чьё-то участие
В царстве немой пустоты.
Кончилась чья-то дорога,
Первая чья-то судьба.
Нам же осталось немного
До главного в жизни суда.
Дорога уходит за горы
И там пропадает в дали.
Ты помнишь наш тающий город,
Где в гавань зашли корабли?

Тишина

Когда ночь за окном, и Луна
В тайных сумерках смотрит на город,
Снова липкая та тишина
Нежной лапкой хватает за ворот.
И с надеждою смотрит в глаза,
Только видит больную усталость.
По щеке покатились слезы:
«Не покинь меня самую малость...»
Чьи-то тени легли на стене.
В дивном страхе сжимаешь мне руку.
Тишина вспоминай обо мне,
Прекратившем ту сладкую муку.

Зазеркалье

На развалинах былого,
На обломках бытия
В глади зеркала кривого
Ты посмотришь на себя.
И увидишь там не образ,
Там увидишь не лицо,
А как катится под гору
Старой жизни колесо.
Отражение размыто,
В зазеркалье слышен крик.
Через час уже забыто
Счастье длившееся миг.

фото под Светланой ЯСТРЕБОВОЙ.

Людмила ЛУКЬЯНОВА

Родилась в глубинке, у истоков Волги. С 1957 года живёт в Прокопьевске, окончила Новокузнецкий педагогический институт. Более тридцати лет работает учителем русского языка и литературы, в общеобразовательной школе №1, читает лекции по истории изобразительного искусства, методист Дворца культуры «Ясная поляна» и поэтического клуба «Вдохновение». Очень любит свою работу, литературу, поэзию и прокопьевских поэтов. Кузнецкий край считает своей второй родиной.

Родное

В угасшем лете розового дня
Горит закат малиновым огнём.
И радуясь, и мучась, и скорбя,
Пишу стихи о городе моём.

Вдали от родины, не скрою,
Родное - кажется родней.
Идешь среди васильков по полю
И видишь стаю журавлей.

А рядом солнышко смеётся,
И слёзы льёт осенний день,
И утро с ночью расстаётся,
И пахнет Родиной сирень.

Люблю друзей родные лица,
Детей весёлый перезвон,
В чужом краю - берёзы ситец,
Приснится под моим окном.

И радости, и расставания -
В унылый осени денёк,
И не помеха расстояния -
Для счастья созданных дорог.

Осенний праздничный букет

Нет ярче времени у года,
Чем осени калейдоскоп.
В любую даже непогоду
К нам сказка времени придёт.

Обилие цветов и красок:
Багрянец, зелень, бирюза;
Ещё закат - багров и красен,
Лиловая - травы роса.

Дождинки с неба опускаются,
Что капли серебристых слёз,
И краски осени встречаются
На золотом платке берёз.

Своими нежными косынками
Осины скромно машут мне,
И у рябины, с переливками -
Горят рубины в тишине.

Осенний день и ночь осенняя,
Свои ты прелести не прячь.
И городу на день рождения
Ты пожелай больших удач.

И краски осени желанные
В букет любимый собери,
И ароматные, и пряные -
На День шахтёров - подарки.

Людмила ЗАНИНА

Родилась в Прокопьевске, в семье шахтёра. После школы окончила Прокопьевский техникум физической культуры. Работает в МОУ СОШ №19 - секретарём, кроме того, в свободное от работы время, занимается хоровым церковным пением, является клиросной певчей Покровского храма города. Стихи пишет со школьных лет, с 1996 года является членом клуба «Вдохновение». Первую публикацию своих стихов сделала лишь в третьем коллективном сборнике - «Вдохновение».

Верю

Верю, снова вернусь я домой,
Снова ты откроешь мне двери.
Снова рядом я буду с тобой.
Где же теперь я?
Верю, меня ты излечишь, любя,
От слепоты душевной.
Верю, что буду навеки твоя,
Служить я не буду скверному.
Знаю, меня не оставишь ты,
Не отдашь на погибель грязному.
Пустые разрушишь мечты
Своей чистотой прекрасною.
Только терпения мне подождать,

Приют Шевалье

С рассветом, розовым и милым,
Вплетённым в косы - у реки,
Гляжу в глаза твои я милые,
Родные, с примесью тоски.
И день струится лёгкой сказкою,
И высь небесная зовёт.
Заря сияет всеми красками
И приглашенья раздаёт:
В Лужбу, страну мою безбрежную,
Где надышаться можно властью,
Влюбиться в скалы эти нежные,
И захлебнуться, и пропасть.
И ночь, вся шорохом объята,
Тебя по-дружески поймёт.
В тиски любовью вся зажата,
В свои объятия возьмёт.

Мужик

Люблю я слово руссков - «мужик»:
В нём сила, мужество, надёжность;
В своей он простоте и скромности велик,
Приемлет он и Бога, и безбожность.

Не нытик он, не скряга, не пихон
И не возносится мечтою в поднебесье.
Друзей он уважает, отчий дом;
Успех в краю - любимое известие.

В предателях не будет он ходить
И волочиться за любую юбкой.
Не будет сплетнями он душу бередить
И увлекаться ежедневно стопкой.

Мужик - не баба, языком молотъ
Ему бывает некогда порою.
Но есть мужлан, на хлеба он ломотъ
Не может заработать -
Руками ли, тем паче - головою.

Пристраивается в жизни не мужик,
А шулер, размазня, альфонс и лодырь;
За счёт других который жить привык,
Он прожигает жизни годы.

Нам исстари известно всем давно,
Что дом построить надобно мужчине
И дерево посадить -
пускай растёт оно,
А в браке - помышлять о сыне.

Так постарайся, сильный человек,
Нести достойно звание простое -
«Мужик», запомни ты навек,
Что настоящей женщина
становится с тобою!

Дождаться сего времени.
Верю, что ты захочешь однажды
Помочь моему неверию.

Ты должен, как свеча, сгореть.
Ты должен поработать, послужить.
Ты должен помолиться, потерпеть.
Ты должен научиться - мирно жить.
Тебе на пользу тысячи скорбей,
Тебе в награду множество врагов,
Ты верюю грехи свои убей,
Ты на сердце других любовь излей,
Ты с Богом и свободен от оков!

Родился в 1950 году на Алтае, окончил Кемеровский институт культуры. Не одно десятилетие работал директором «ДК шахты «КРАСНОГОРСКАЯ» (ныне - «ДК «КРАСНАЯ ГОРКА»). Литературным творчеством занимается с детских лет. В стихах выражает своё видение окружающего мира, который порой бывает и не доброжелательным, и не только к нему. И в этом мире, приходится не только жить каждый день, но и...работать!

Юрий МОРДВИН

Весной

Опять гроза! Опять весна!
Опять надежда оживает,
Что жизнь не кончена пока,
А сроки, кто те сроки знает?

Что есть в пороховнице порох,
И пули есть, и цель ясна,
Когда в полях, в зелёных зорях,
Во всей красе - стоит весна.

Весны миг мал и тем дороже,
Влюбляясь в жизнь каждой весной,
С восторгом - до сердечной дрожи,
Любуюсь милой стороной.

Мир блекнет в красках,
без движения,
И утра свежесть не бодрит.
Всё вызывает раздражение,
И уж ничто не веселит.
Не радуют рассветов зорьки,
Закат не хочется смотреть:
Упали руки, сердцу горько,
Работа перестала греть.
И, равнодушно-безучастный,
Противно - даже самому,
Вдруг понимаю, что с «ненастьем»
Я стал не нужен никому.
И никому на белом свете
Не нужен внутренний мой мир.
Лишь подчинённые и дети
Ещё твердят, что я кумир.
Неужто жизнь
порхнёт жар-птицей...

И не останется следа?
А если так, то и стремиться
уже не надо куда.
И сам себе даёшься диву,
Что делом жил - творил, горел...
Откуда только брались силы,
Коль переделал столько дел?
По чести жил, не по понятиям,
Я горы мог тогда свернуть,
Был чётким, ясным и понятным
Обозреваемый мой путь.
Ответ простой - исчезли краски,
В моей любви - нет уж огня,
А жизнь только тогда прекрасна,
Когда душа живёт, любя...

Кто раз хотя бы испытал
Любви безудержной обвал,
Кто опалён бывал хоть раз
Огнём любви прелестных глаз,
Тот помнит всё: в груди огонь,
Губ расцелованную боль
И страстно-ласковые руки,
И расставаний кратких муки,
Уменьше мысли прочитав,
желания предугадать.

И каждый раз -
сгорать от страсти,
Где год - как миг,
миг - полный счастья...

О любви

Когда грудь заполняет пустота
И сердце, сжато грусти илом,
Едва трепещет, теплится едва,
Бесцельно кровь гоня по жилам,
Когда хандра нас с головы до ног
Опутывает равнодушной ленью,
И белый свет, и воздуха глоток - безрадостны,
И сам ты станешь тенью - того, былого,
Кто так жизнь любил, считавшего
ее подарком свыше,
Поймёшь, что если ты и сердцем
не любим,
То значит, на земле ты -
просто лишний.

Ещё раз о любви
Я умираю каждый день
От одинокого забвенья,
Что не тревожит сердце мне
Ничьей руки прикосновенье.
А хочется, чтобы душа
По воле чувств затрепетала,
Чтобы в стихи вплелись слова,
Влюблённость -
смыслом жизни стала.
Чтоб ощутить жар тела вновь,
Когда оно полно желанья,
Когда горячая кровь
В висках стучится постоянно.
Покой, сон, разум потерять,
Жизнь оградить одной заботой -
Любимую вновь увидеть,
Неважно - в первый раз иль - в сотый...

В природе всё закономерно,
Начало есть и...есть конец.
Закономерность - повторима,
В виде спирали и колец.

Жизнь мчит вперёд, кнута не просит.
Во всём верша круговорот:
Зима - весна, за летом - осень,
За осенью - зима придёт!..

Прольётся капля дождевая:
Ручьём, рекою - в океан,
Затем - туманом, превратится
Вновь - облаком! А там?..

И лишь у жизни есть границы,
Границы жизни - обозримы:
Сладки, горьки и - не любимы,
Но каждая - неповторима...

О ТВОРЧЕСТВЕ

Искусство не должно стоять на месте;
Пройдя определённый перевал,
Оно стремится дальше в неизвестность,
Чтобы открыть нам новый идеал.
Путь к идеалу творчеством отмечен,
А творчество - это великий труд!
Он каждодневно, непрерывно - вечен
И держит крепче кандалов и пут.
Пределов - нет: границ, тисков и рамок...
У истинного творчества. Оно
Путь выбирает свой и свой порядок
И волеизъявление своё.
Творите у станка и сидя в кресле,
Творите и во сне, и наяву.
Для творчества пригодны все ремёсла,
Лишь подходите творчески к труду.

Ну, от чего так грустно жить
На этом белом свете?
Могли бы жить и не тужить,
А мы - за всё в ответе.
Люба работа и семья,
Лес, речка - вся планета.
Не любим лишь, самих себя.
До нас нам дела нету.
А раз не любим мы себя,
Не бережём, не холим...
Кто будет нас любить зазря,
Лишь только поневоле.
И как среди этой толчеи
Мы отделить сумели,
Слова участия и любви,
От слов, где яд с елеем...

Любовь РУДЕНКО

Коренная прокопчанка, по образованию культпросветработник, директор АК «Ясная поляна». Всю свою жизнь и деятельность посвятила творчеству, хорошему искусству, созданию стихов и песен о родном крае, о любимом городе и его людях. Свои произведения публиковала в прокопьевских городских газетах «Шахтёрская правда», «Кузнецкий край», «Весь Прокопьевск», газете «Тайны семьи» и в других изданиях, а также в коллективных поэтических сборниках.

Загляни в глаза любимой

Загляни в глаза любимой,
Не лукавь, не лицемерь,
Видя лик неповторимый.
Ей всего себя доверь.
Загляни в глаза любимой,
Утони во мгле озёр,
Полюби, открыв не мнимый,
Заколдованный узор.
Загляни в глаза любимой,
В них грустинку убери.
И вложи необозримый
Лучик утренней зари.
Заглянув глаза любимой,
Сердце нежности открой.
В нём горит неповторимо
Счастье тучкой золотой!

Выйду в сад

Выйду вечером я в зимний сад,
Где деревья в сугробах стоят.
Вспоминаю о тёплых деньках,
О волшебных весенних лучах,
Под которыми всё всколыхнёт,
И по веточкам сок потечёт,
Брызнет яблоневый первоцвет,
Белым облаком станет ранет,
Как невеста, оденется вишня
В белом платье восторженно-пышном.
И развевает густой аромат
Милый сердцу фруктовый наш сад.

Брошу мостик через зиму
И вернусь в октябрь весной.
Ну, даёшь, апрель родимый,
Снег и слякоть под ногой.
Ведь весной хотим мы света,
Солнца яркого, тепла,
Чтобы ласточка с рассветом
Песню радости несла.
Чтоб светились счастьем лица,
Чтоб веснушки на щеках!..
Унеси апрель ненастье
На попутных ветерках.
Принеси любви мгновенья,
И сердца зажги огнём!
В честь природы возрожденья,
Гимн цветенью мы споём!

Сентябрь

Сентябрь - погожая пора!
И листопад, и золото природы.
И я влюбляюсь вновь с утра
В изменчивость земной погоды.
То шум листвы, то плач дождя,
То ветром хлещет непогода.
Непредсказуема, как я,
Сейчас осенняя природа.
Все чувства собраны в одно:
Любовь, сомнения и страсти.
Печалью схлынули давно
Невзгоды, бури и напасти...
Сентябрь, чудесный яркий лик,
Волшебным, красочным рассветом
Неповторимый даришь миг,
Всех привлекая бабьим летом!

Осенний лист с берёзок облетает,
Неся в себе загадки красоты,
И золотом тропинки застилает,
Дав им вздохнуть от летней суеты.
И не случайно первый день октябрьский
Днём пожилых в народе нарекли.
Не майский день,
не выюжный день февральский,
А день успокоения Земли.
За годом год бурлит, не умолкает
Вся жизнь со множеством своих проблем.

И незаметно зрелость наступает,
И мчится наше время, а затем...
Приходит час, что мудростью зовётся.
Пусть серебром засветятся виски,
И осень в сердце золотом вольётся
И не оставит места для тоски.
Искрится радость над страной великой,
Да знает, боль познавшая страна,
Что в нашей жизни трудной, многоликой
Всегда поддержка старшего нужна.

Ваш образ мне покоя не даёт,
Он бродит всюду рядом одиноко.
То манит и надежду подает,
То оттолкнуть готов меня жестоко.

То страстью наполняется ваш взор,
То искры холода морозят мою душу,
А я люблю ваш огненный задор
И веру в отношениях не нарушу.

И ночи длинными мне кажутся опять,
Во сне иль наяву, мы вместе снова.
И хочется вам вновь меня обнять,
А я - прильнуть к груди родной готова.

И слиться воедино хоть на миг,
Чтоб раствориться в чувстве сладострастья,
Да к счастью, без обхода, напрямик,
Минуя все проблемы и напасти.

Ан нет, свет ждёт и снова жаждет зрелищ,
И ловит каждый взгляд и каждый вздох,
Чтобы узнать и выявить теперь лишь,
Устроить шум, скандал, переполох.

Нет, судьи грязные, не будет вам утечи,
Не будет пищи вашим языкам.
Что ж, в жизни существуют и помехи,
Но вам любовь свою я не отдам.

Пусть сердце полыхает и поёт,
В огне волшебных чувств вскипает кровь,
Звезда влюблённых на небе встаёт.
Вселенная - приветствует любовь!

Мартовский день

Снег закрыл пеленою
Все сады и дома.
То позёмкой, то мглой
Возвратилась зима.

Ты, зима, ненадолго
Скрыла вешний ручей.
Под сугробом глубоким
Он живёт, словно Грей.

И лишь солнышка лучик
На снежок упадёт,
Вновь погожий денёчек
Нам весна принесёт.

Мама

Силой материнскою
Ты силен, могуч.
Лаской материнскою
Ты укрыт от туч.

Тучи силы тратили,
Чтоб убить рассвет,
Ты любовью матери
Ограждён от бед.

Мать своей молитвою
Лихо отведет.
Мать и перед битвою
Как звезда, взойдёт.

Мама – понимающий,
С детства добрый друг.
Голос нас ласкающий -
Милый сердцу звук.

Более тридцати лет отработал в угольной шахте под землёй на ведущих шахтёрских «должностях» - забойщиком и проходчиком.

Литературное творчество для Виктора Ивановича стало не то что бы второй его профессией, а чем-то большим. Сегодня Виктор Иванович пенсионер, ветеран угольной промышленности. Автор четырёх поэтических сборников.

Виктор САВИНКОВ

Заноза

Не весенним рассветом, не розой,
Не медовым дыханием губ...
Ты вошла в моё сердце занозой,
Без которой я жить не могу.

На душе слов израненных бойня,
Слышен плач далеко, далеко...
Я не помню, что значит «не больно»,
Я не помню, что значит «легко»...

Это небо сиреневой масти,
Этот всей моей жизни тупик,
Я привык к одинокому счастью,
Я к судьбе одинокой привык!..

Если средь непрожитых открытий
Будут дни, как цветы - хороши,
 Попрошу небеса: возвратите
Свет любви - со слезами души...

Принимаю беду и угрозу,
Не хочу быть у счастья в долгу,
Занозите мне в сердце занозу,
Без которой я жить - не могу!..

Руки

Моей шахтёрской гордости шкала
Мне высшей точкой мужества была.
Я вынес из забоя на-гора
Мозоли от сверла и топора.

А дома, чтобы боли охладить,
Чтобы у близких жалость не будить,
Своих ладоней ноющий накал
Я в ледяную воду опускал.

Я знал, что снова будет тяжёло,
Опять топор, лопата и сверло...
Чтоб прикоснуться ранами к огню,
Себя готовил к завтрашнему дню.

Года идут, идут, а я живу,
Живу в своём прекрасном наяву.
Сияет, как вечерний горизонт,
Не отданный другим тяжёлый фронт!

На дне рождения

Был воздух свеж и светел,
В цветах купался зал...
Уж лучше б вас не встретил,
Уж лучше бы не знал!

На вашем дне рожденья
Друзей полным-полно,
Все пили с наслажденьем
Шампанское, вино.

Банкнотами сорили,
Как осень краской мха,
И золото дарили,
И лёгкие меха.

Глядел я, как привольно
Любовь рекой лилась,
Мне просто было больно,
Что жизнь не удалась.

Не по-вельможьи сложен,
В кругу грустил один,
На всех вас не похожий,
Совсем не господин.

Живу, судьбой играя,
В кармане ни гроша,
Но лирикой до края
Наполнена душа.

Я - горький хлеб на блюде,
Который можно есть.
Примите меня, люди,
Таким, какой я есть!

Объяснение в любви

Под кипением звездных костров
Этой полночью просто не спится.
Лебединов дайте перо,
Я вам должен в любви объясниться.

Мне, в плену ваших нежных оков,
Песней веют души моей флаги,
Потому цветы ласковых слов
Рассыпаю на чистой бумаге.

Соловьи вы мои, соловьи!
Потеплевшему взгляду в потребу,
Я бессонные ночи свои
Отдаю васильковому небу

Выпав из золотого гнезда,
От шального полета хмелея,
Рассыпается в тучах звезда
На сто верст, о себя, не жалея.

Был я по-бесшабашному смел,
В кровь изранив и душу и тело,
Я себя никогда не жалел
Ради той, что меня не жалела.

На висках седины серебро,
И печаль в память тихо стучится.
Лебединов дайте перо,
Я вам должен в любви объясниться!

Смерть розы

Цвела земля, был теплым небосвод,
Со счастьем закипал в бутонах мёд,
Весной дышали, свежи и чисты,
Осыпанные розами кусты.

И, в зареве отпущенных им дней,
Доверчиво смотрели на людей
И разносили, добрые, по саду
И сердцу, и душе свою уладу.

Нам на позор и нежности на муку,
Он в сад вошел и поднял свою руку
На тихие невинные цветы,
Убийца молчаливой красоты.

От боли от мучительной дрожа,
По лезвию холодного ножа
Со срезанных ветвей стекали слезы...
Так умирали молодые розы.

Судьба

Я свою биографию
Нашей встречей дополню,
Я твою фотографию
На сто жизней запомню.

Я не ведаю, надо ли,
Чтоб другие узнали,
Как по жизни мы падали,
Как друг друга искали.

Режет память на горе нам
Боль души острым плугом,
Что не встретились вовремя
Мы с тобою друг с другом.

На закате холодных дней,
Возвратясь сердцем к маю,
Все роднее, нежнее
Я тебя обнимаю.

В пору светлого веянья,
Нас, по милости Бога,
Подружила осенняя,
Золотая дорога.

По любви грусть глубокую
Заполняю тобою.
И тебя, одинокую,
Называю судьбою.

Альбина СИМОНОВА

Родилась и выросла в Прокопьевске, окончила Новокузнецкое педагогическое училище, работала воспитателем в детском саду, преподавателем в воскресной православной школе прокопьевского собора «Иоанно-Предтече». Литературным творчеством начала заниматься немногим более десяти лет тому назад, благодаря знакомству с прокопьевскими поэтами.

О, Русь моя, о чём твоя печаль?
О чём ты плачешь тихими ночами?
И снова молишь Господа о нас,
Твоих неверных и заблудших чадах.
А помнишь, Русь, ведь ты была святой.
Тебя с почтением - Русью величали.
Твои сыны молитвою, постом
И мужеством ту славу отстояли.
Святой Георгий мчится над землёй,
Стоит на страже Александр Невский.
И молят Господа, и стерегут усердно
Россию матушку, детей её покой.
Пока ещё стоят монастыри,
Пока горят в них свечи да лампы,
О, Русь моя! Молись, молись о чадах...
И вырастут из них богатыри.

Ромашки

Жёлтоглазые ромашки,
Белокурые девчонки
В белых листиках-рубашках,
В белых листиках-юбочках.

Вдоль дороги разбежались,
Светит солнце на мордашки.
Звонким смехом рассмеялись,
Все: одна к одной - близняшки.

Всем проезжим и прохожим
Тянут нежные ручонки,
Вы на солнышко похожи,
Беззаботные девчонки.

Дождик вымочит юбочки.
Станет холодно бедняжкам.
Ветерок расчешёт чёлки,
Мигом высушит рубашки.

И опять зальются звонко
Белокурые «букашки»,
Белобрысые девчонки,
Желтоглазые ромашки.

Зачем ты сжёг последние мосты
Обидным словом, по какому праву?
На разных побережьях я и ты
Реки любви, и нет в ней переправы.

Печали чашу выпила до дна.
И реки слёз одна я проливала.
Обиду горькую сама в себе сжигала.
В реке любви тонула я одна.

И даже брода нет уже к тебе.
Тонула, но спасали вновь и вновь
Киты, что Землю держат на себе,
Надежда, Вера, чистая Любовь...

Зачем ты сжёг последние мосты
Обидным словом, по какому праву?
На разных побережьях я и ты
Реки любви. Найди в ней переправу...

Отзвенело лето радостью,
Потемнело буйной зрелостью...
И росой умывшись радужной,
Засияло новой свежестью.

Лето зелено ненадолго,
Запах трав медовых кончится.
Осень мудростью порадует,
В душу к нам зима запросится.

Постучится выюгой снежною,
Ветерком пригладит ласково.
И одарит душу нежностью,
Заморочит новой сказкою.

Знать всему свой час и свой черёд.
Поспешишь — отстанешь, не догнать.
Без весны и лето не придёт,
А без грусти счастьем не бывать.

Когда ты рядом — солнце ярче,
И птиц слышнее голоса,
И незаметней неудачи,
Когда смотрю в твои глаза.

Ты мой единственный источник
Живой божественной воды,
Источник снов, рождённых ночью,
Источник счастья и беды.

Я без твоей воды сгораю
В своём безжалостном огне.
Мне без тебя не видеть рая.
Мой ангел плакал обо мне.

А вдруг тебе огонь не нужен?
Ведь может без огня - вода.
Вот станешь льдом от зимней стужи,
То позови меня, тогда.

И я приду. Я буду рада.
Я растоплю своим огнём
И ледники, и снегопады,
И, вдруг, сама растаю, в нём...

Ты помнишь, как розу поутру нашла?
Живой огонёк в тёмной зелени сада.
Её лепестки прошептали: «Не надо...».
Ты лёгким движеньем её сорвала.

Как сказочно роза была хороша,
В слезинках хрустальных
росы предраассветной.
Но шёпот её был тобой незамечен.
Любуюсь цветком, ты пошла не спеша.

Её аромат был приятней вина.
Росинки сверкали, горели алмазом.
Её на окно ты поставила в вазу,
На всём белом свете такая одна.

Ты помнишь, в тот день ты на бал собиралась?
Там встреча с любимым тебя ожидала.
Надела шелка, кружева и атлас,
А розу чудесную к сердцу, прижала.

Ты помнишь, как сердце забилось в груди?
Ты шла так легко, улыбалась невольно,
Но знала лишь роза, как страшно и больно
В расцвете своём в мир иной уходить!

И не было где-то роднее души.
Вы встретились в мире огромном и тесном,
Поверь, ты была и без розы прелестна!
Зачем, если любим, присвоить спешим...

Виктору Савинкову

Скажи, поэт, где ты берёшь слова
Как бриллианты в золотой оправе,
В нежные гвоздички по отаве,
В них золотые в алом кружева.
В них россыпь звёзд в купели сыневы
И пенье соловья среди листьев,
В них жемчуга, что собраны на нить
Кого угодно могут удивить.
Я за тобой без усталости иду
В твою непоправимую беду
С тобою возвращаюсь вновь и вновь,
В твою, мальчишка, первую любовь.
С тобою попадаю в западню,
Друзей погибших в шахте хороню
И плачу неутешно вдовой
Опять в любовь, как в омут, за тобой.
Скажи, шахтёр, где, в угольном забое
Или в твоей истерзанной душе
Ты отыскал сокровище такое,
Что никому не отыскать уже?
Среди веками признанных талантов:
Поэтов и певцов, и музыкантов
Тобою приумноженный талант
Сверкает, как бесценный бриллиант.
Признайся, в этой чудной новизне
Ты посвятил хоть строчку грешной мне?

Родился и вырос в Прокопьевске. По образованию - горный инженер, по призванию - поэт, ценитель поэзии. Является координатором «Союза творческих сил «Страна озарения» в городе Прокопьевске. Лауреат поэтических фестивалей и конкурсов города и области. Сторонник активного образа жизни. Неразлучен с рюкзаком, фотоаппаратом и кинокамерой. Увиденное в походах, является творческим началом и основой литературных произведений, фотоэпозов.

Владимир Шишкин

Смышляевский бор

Как чудесен наш мир многоцветный,
Как прекрасен сибирский мороз!
Погружаясь в туман предраассветный,
Я роняю горошинки слёз...

Мне Смышляевский бор всех роднее,
В нём, как в храме, блаженствую я.
Он весною цветами пестреет,
Там зимою лыжня ждёт меня.

Как сочувствуем мы африканцам:
Снег-то видят они лишь во сне.
Я ж зимой в нём могу искупаться
И стихи написать на лыжне.

Ну а если метели и выюги
Забуряют, украсят тайгу,
То «музеем» всё станет в округе.
Я на лыжах его, обегу!

Дятлов дробь барабанная лихо
Маршем праздничным мне прозвучит.
В ивианке фыркнет тихо лосиха.
От испуга сорока взлетит.

Белой молнией заяц промчится,
Подгоняемый лисьим хвостом...
Это всё будет ночью мне сниться,
В сказках внукам родится потом.

Как можно жить без лыж в Сибири?
Я не могу никак понять.
В погожий день сидеть в квартире,
Диван на зимний лес менять.

Надень попробуй это чудо,
И снежный вихрь в друзья возьми.
Мой зимний лес я не забуду,
Мы неразлучны с ним в любви.

Лето

Вот и лето пришло долгожданное,
Запестрели цветами поля,
Птичьи трели звучат, как органные,
Внемлет им по утрам вся земля.

Мне милее солист мелко-пёстренький,
Его соло чарует людей,
Ему вторят души нашей отклики —
Так российский поёт соловей.

Как: великое, в малом - воссоздано,
Птица мира не голубь, а он!
С ним приходит, порой, не осознанно,
Светлых звуков в душе перезвон!

И тогда начинаешь, по-новому:
Верить в доброе, строить, любить!
И Творцу, чьим являюсь подобием,
Благодарность в молитве творить!

Пришёл июнь
на склоны
Зубьев Поднебесных,
Долины рек наполнил лета звон,
И нежно-розово расцвёл,
цветок чудесный,
В середине с каплей солнышка, пион.

А под напев дождя и тающего снега,
И под врачующую музыку вершин
Плывёт жарков пылающая нега,
Ей внемлет кедр, таёжный исполин.

И в розово-оранжевом сиянии
Черёмухи белеют кружева,
И к небу устремляется сознание,
И в рифмы нежные сплетаются слова!

Осень

Какая осень нынче затяжная,
Немало было тёплых дней.
Я краше осени прокопьевской не знаю,
Её люблю и не расстанусь с ней!

С большой горы, что Тырганом зовётся,
Я наблюдаю красочный пейзаж.
Тайга поёт и красок пение льётся,
Нас приглашая на осенний вернисаж!

Гора Бор, как сух
в туманной дымке дремлет.
Сквозь шум листвы шумит кедрач:
Ему берёзка тихо внемлет
И иногда дождинок слышен плач.

Здесь зелень хвои, чередуется
с багрянцем:
То у сосны, рябинки кружат хоровод,
Среди берёз осинка светится румянцем.
Мешками из лесу грибы несёт народ!

Чего скрывать, щедрa у нас природа,
Всё без остатка людям отдаёт.
К себе манит в любое время года,
И от людей взаимности всё ждёт.

Прохладное утро сибирской тайги
Мне инеем блёстским покрыло виски.
Я лентой реки себя к ней привязал
И бусинки встреч на хвою нанизал.

Красавица горная чудо-река
Однажды украла покой горняка.
Я этот покой в каждом плёсе ищу,
Зимою - по речке, у пещки грущу...

Но память-подруга на крыльях своих
Промчится со мною среди туч снеговых
И в август опустит, на берег реки,
Где примут в объятия меня тальники.

Рубиновой россыпью, как из ведра,
Брусничная встретит меня детвора,
И шишку смолистую с криком: «Лови!..» -
Метнёт мне кедровка из нежной хвои.

А я, наклонившись, чтоб шишку поднять,
Увижу в траве чудо, рыжиков рать.
Из них самый старший, мне скажет:
«Привет!..»

На шапке подаст костяники букет.

Спасибо, друзья, с вами встрече я рад
И вас приглашаю к себе в Угленград.
Но это чуть позже, сейчас я спешу
К до боли знакомому мне шалашу.

Здесь в радужных слёзках сияет порог,
Он даст, как учитель, рыбалки урок.
Я удочкой радугу брызг рассёку,
Волны поцелуй подарю поплавку.
И хариус молнией грянет со дна,
Ему для поклёвки секунда нужна.

Лишь лески струна в этот миг запоёт,
Красавец речной удилице согнёт.
На солнце блеснут плавников веера.
Ну, что накупался, на берег пора.

Евгений ТИЩЕНКО

Свет и тени

- Слушай и запоминай, - твердил Игорю Юрка Ливер - покупаешь билет на поезд до Марусинска, там садишься на автобус, едешь до Преображенки. Если приедешь поздно, заночуешь на гостином дворе, сто баксов в сутки. Утром спросишь любого деревенского, он подскажет дорогу. Но только не говори, что едешь к Учителю, а то могут всем селом откатать. Сектантов там не любят. Скажи, что журналист.

- Да какой я сектант, - оправдывался Игорь, которого месяц назад выписали из психиатрической лечебницы в Сосновом бору - Ты же сам мне посоветовал туда съездить.

Юрка хитро сощурился и, приподняв очки в дорожной оправе, потер переносицу.

- Да, посоветовал, - весело ответил он, - ты бы знал, что рассказывал твой лечащий врач...

- А что он рассказывал?

- С точки зрения психиатрии ты человек нормальный, вполне в теме. А вот жизненные установки поменялись на противоположные. - То есть?

- Ты больше не хочешь искать лохов, ты ищешь истину. Вот я и предлагаю совершить тур в неизведанное. Может, и найдешь чего...

До Марусинска Игорь добрался почти без приключений. Пассажиры в плацкартном вагоне поезда подобрались один к одному, как назвал их про себя Игорь, «книголюбы». Из дорожных сумок и рюкзаков они доставали тоненькие книжечки, переворачивали странички, водили пальцами по строкам. Затем с блаженной улыбкой оглядывали друг друга, и лица их становились глупо-счастливыми.

От скуки Игорь вышел покурить в тамбур.

- Есть сигарета, братишка? - обратился к нему мужик средних лет.

Игорь протянул ему пачку «Parliament». Мужик прикурил от видавшей виды «Zippo» и изучающе взглянул на Игоря.

- Куда едешь, братишка?

- В Преображенку.

- К Учителю, что ли? - в глазах мужика засветились желтые огоньки, как у хищника, который учуял живой травоядный корм. Мужик был из породы кидал, которые промышляют в поездах. Этот маршрут не считался доходным, пассажиры попадались сплошь социально безамбициозные, а потому денег, как правило, имели при себе мало. Но Игорь выглядел иначе: среднего роста, с короткой стрижкой, в неброской, но дорогой одежде. За равнодушием взгляда скрывалась решительность и привычка корректировать любую ситуацию по собственному сценарию. И на вопросы отвечал спокойно, но веско.

Прокопчанин. Окончил Новокузнецкий государственный педагогический институт, факультет иностранных языков.

Пора первых литературных опытов пришлось на 13 лет, это были, как он говорит, стихи ни о чем.

Литературные предпочтения: Аркадий Аверченко, Ирвин Уэлш, Николай Гоголь, Эдуард Лимонов, Владимир Маяковский, Джек Лондон. **Литературные антипатии:** американские битники (Уильям Берроуз), российский авангард (Виктор Ерофеев), современное мистическое направление (Виктор Пелевин).

Другие художественные предпочтения: соц-арт (архитектура, живопись, плакаты, карикатуры), фильмы Василия Шукшина, западная и российская альтернативная музыка.

Художественные антипатии: Илья Глазунов и Никас Сафронов, фильмы в жанре «фэнтэзи», русский рок, который олицетворяет Юрий Шевчук.

- К Учителю, - отрезал Игорь, и в тамбуре воцарилась тишина.

Для мужика наступил решающий момент. Он уже предварительно выяснил, что Игорь едет один, а значит, можно, подав сигнал товарищам, рассортированным по другим тамбурам, сделать на него наскок. Но сначала нужно выяснить, что он за птица.

- А сам откуда? - спросил мужик.

- С Новозаводска. Слышь ты, махновец транзитный, если хочешь меня развести, то ничего не выйдет. Моих лавэ тебе даже опохмелиться не хватит, не стоит и мараться.

На этом знакомство и закончилось. Игорь вернулся в вагон и лег спать...

Утром в голове вертелись обрывки разговоров, от которых он просыпался ночью. Набор фраз и их содержание было довольно бессмысленным: «строят Город Света, и никаких гвоздей», «московским подмосткам она предпочла сибирский лес», «пряники из свеклы - что может быть вкуснее». Еще в памяти всплыли слова песни, исполняемой под гитару какой-то пассажиркой:

Вновь игру свою начните,

И я знаю, чудо повторится.

Если б знали вы, Учитель,

Как вам верит ваша ученица!

Я ищу у вас спасения...

В автобусе, который шел из Марусинска в Преображенку, Игорь стал объектом назвистливого внимания со стороны поездных попутчиков. Привыкший общаться исключительно по делу или по «приходу», он не понимал, чего от него хотят.

- Вижу по вашим глазам, что вы духовный

человек, - говорила ему женщина лет сорока голосом, который исполнял песню про игру, ученицу и спасение, - потому что мы-ряне в эти края не едут! - продолжала женщина.

Игорь недоуменно пожал плечами. Мужичина с черной бородкой, сидящий напротив у окна, задумчиво глядел на облака.

- В контурах облаков я вижу лик Учителя! Это добрый знак! Путь к Учителю открыт! - высокопарно объявил он через некоторое время. На него посмотрели уважительно...

Утро на гостином дворе выдалось сырым и туманным. Игорь ночевал в холле, устроившись в кресле. Комнат на всех желающих не хватило, спать было неудобно, поэтому он проснулся в дурном настроении. Вернулась врожденная агрессивность, желание подчинить себе окружающих. Он даже было подумал повернуть назад, вернуться в Марусинск, а оттуда в Новозаводск. И начать все сначала. Освободить от должности исполнительного директора агентства недвижимости Юрку Ливера и вновь окунуться в светскую жизнь. Но словно советский школьник в кинотеатре, который решил все же досмотреть кажущийся поначалу скучноватым фильм, Игорь решил пройти неизведанной тропой до конца.

- Понесешь мою сумку, - тронул он за плечо длинноволосого паренька с полинялым рюкзаком. Тот послушно кивнул.

Сквозь туман виднелось начало леса. Путники держались кучно, поэтому те, кто шел по краям, сразу промочили ноги о при-

дорожную траву. Игорь закурил, на него покосились несколько глаз, но он спокойно сдувал с сигареты пепел, который попадал на лица идущих рядом.

Когда лес сменился просеккой, солнце было высоко. Его лучи слизывают остатки утренней влаги с ветвей деревьев и кустарников. Недалеке показались избы, как догадался Игорь, это и была немудреная застройка Города Света, который на самом деле оказался деревней.

В воздухе витало что-то зловещее и подозрительное. Вернее, ощущалась нехватка чего-то необходимого. Он вскоре догадался, что не слышит ожидаемого лая собак и крика петухов, без которых невозможно представить сельскую жизнь.

Ходоки настороженно подошли к крайнему дому, дверь которого тут же распахнулась. На крыльцо вышла группка местных жителей, напоминающих обликом крепостных крестьян, давно не стриженных и одетых в продукцию текстильного перепроизводства советского времени. Спутники Игоря тоже выглядели вне контекста современности, но в них все же можно было опознать своих.

А местные были чужими. И не потому, что Игорь не был с ними знаком. Была в них какая-то не свойственная даже распоследнему лоху покорность, которая почему-то настояла.

- Здравствуйтесь братья и сестры! - приветствовал гостей блаженного вида парень лет двадцати пяти. - Добро пожаловать в Город Света из Царства Тьмы. Сейчас мы расскажем вас по дворам, где вы будете жить.

- А когда же мы увидим Учителя? - пискнула женщина в старом платочке.

- Учитель сам изъявит желание побеседовать с вами, - ответил парень, - нужно только ждать...

Игоря отвели в просторную избу, в которой проживал щуплый бородатый мужик с блаженной женой. Бывшие инженеры-проектировщики посвятили всю свою жизнь разработке дымоулавливающего оборудования для Новозаводского чугунного завода. Ни одно из изобретений не было внедрено, на этой почве у четы Сухомостовых возник комплекс несостоятельности.

Но в один из дней они встретили на улице женщину с навечно зафиксированной на лице улыбкой, которая протянула им брошюру под названием «Город Света» и пообещала познакомить с просветленными жителями Новозаводска. Так Сухомостовы обрели единомышленников, возобновили любимые посиделки на кухне. Вот только теперь Довлатов и Окуджава уступили место Учителю...

- А где у вас здесь можно пообедать? - спросил Игорь у Сухомостовых - Магазины какой-нибудь есть?

- Нам не нужен магазин, - отвечала Марина Николаевна с гордостью, - у нас здесь все свое природное!

- Это как так?

- А вот увидишь!

Вместе с Сухомостовыми он пошел по единственной улице Города Света к Дому Трапезы. Местные тоже шли на обед, прервав работу. У входа в Дом Трапезы они аккуратно оставляли топоры и пилы, затем по очереди чинно входили внутрь.

Там уже за двумя длинными столами из небрежно обструганных плах смиренно стояли поселенцы разных полов и возрастов. Лицо одной из молодых женщин показалось Игорю знакомым. Наморщив лоб, он вспоминал, где он мог видеть эту выделяющуюся на фоне остальных своей опрятностью и привлекательностью особу. «Ах, да! - вдруг осенило его - Ну, конечно Оксана Муромская. Как это сразу не узнал! «Московским подмосткам она предпочла сибирскую тайгу!» Точно-точно!»

Оксана Муромская когда-то была одной из медных фигур обновленной России, выступала в объединенных концертах вместе с подзабытым ныне Русланом Типомиром и Таней Бугаевой, формировала новый поп-фронт страны. Каждая ее песня посвящалась безымянному мальчику, пятнадцать лет назад это был настоящий удар по твердыням советского целомудрия.

Затем Оксана неожиданно перестала появляться на все более голубом экране. Дошлые журналисты обнаружили ее далеко за пределами города Москвы, в Городе Света, где она свила себе уютное духовное и творческое гнездышко. Даже оборудовала в своей избе многоканальную студию звукозаписи. И если другие поселенцы с каждым днем по капле выдавливали из себя собственное Я, с восторгом предаваясь добровольному рабству, то Муромская не спешила растворить свое эго в потоке всеохватывающей любви Учителя...

- Давайте поприветствуем наших гостей, - обратился к соплеменникам светлолицый мужичина, стоящий между длинными рядами столов, - этих славных путников, которые прибыли сюда издалека, чтобы испить из родника истины, и, наконец, обрести не только духовника, но и настоящего родителя.

Игорь подумал, что сейчас с ним и его спутниками вся эта паства хором, но скромно поздоровавшись, а затем проплет какую-нибудь комплиментную молитву. И был крайне удивлен, когда от края одного из столов отделился мужичина, уперев руки в боки подскочил к гостям, и стал знакомиться с каждым персонально: мужчинам пожимал руки, женщинам просто кивал.

- Ну, здорово, чтоль, - развязано обратился он к Игорю, - ты, что меня не помнишь?

- Не помню, - оторопел Игорь. Он не ожидал встретить здесь знакомых, и уже начал стыдиться, что оказался здесь.

- Я Кондрат, когда-то держал всю шпану на вокзале в Новозаводске.

Игорь протер глаза, пытаясь узнать в этом коренастом и бородатом мужичке того, кто

был для него ролевой моделью на заре туманной юности. Когда-то Кондрат открывал дверь в ресторан или коммерческий магазин исключительно ногами, а сейчас его разбитая манера общаться была простой необходимостью активизировать память Игоря.

- Так тебя ж завалили пацаны из банды Луганского, - осторожно начал Игорь.

- Ну и что, что завалили! Здесь у меня началась жизнь после смерти, - лукаво сощурился Кондрат.

Далее Игорь пытался исходя из своего жизненного опыта определить бэкграунд тех, кто поочередно выходил здороваться с вновь прибывшими. Словно бусинка к бусинке на нитке, люди здесь подбирались с грузом из прошлого. Он не утянул их на дно жизни, а точнее сказать вознес на гребень волны бесполезной пеной.

Вот этот с затаенной тоской в глазах - бесталанный художник, ставший директором дворца культуры, откуда его выжил скандальный женский коллектив. А этот - начитанный токарь, проделавший путь от станции «Библия» к остановочной платформе «Заветы Учителя». Эта женщина - супруга крупного чиновника, который находится с ней в браке чисто формально и предпочитает молодых девчонок. Женщина рано постарела, потянувшись в глушь, к Учителю.

- Что ж, приступим к трапезе! - объявил светлоликий. - Гости, садитесь за стол, не стесняйтесь!

Первый обед в Городе Света оставил в душе и желудке Игоря неприятный осадок. Первое, что бросилось в глаза - отсутствие на столе солонки и переноски. О том, что здесь не едят мясное, он уже слышал от Юрки Либеры. Но в еде не было ни масла, ни жира, ни приправ. Не было и еды в привычном понимании. Был корм из крапивы и лебеды, картофеля и свеклы, укропа и петрушки, папоротника и черемши под видом салатов, супов и гарнира. На десерт гости отведали бордового вида пряники из свеклы, запивая несладким компотом из ревеня.

Игорь хотел рвануть наружу, сплюнуть в траву хваленые пряники, но тут старший по столовой объявил: «Не расходимся, получаем наряд, распределяем между вами новичков, а затем идем работать»...

Солнце над просекой палило нещадно, от комаров и слепней спасения не было. Вскоре лицо и шея Игоря, который с напарником орудовал двуручной пилой, покрылось волдырями.

Те, что покрепче, валили сосны, другие обрубали ветки и сучья. Работа шла медленно, было видно, что руки у большинства были заточены не под топор и пилу. Уставшие по своему восполняли упадок сил: молились на солнце, обнимали близлежащее дерево, целовали землю.

К вечеру, сложив пять бревен в штабель и обвязав на несколько раз пеньковой веревкой, полудоходяги, словно легендарные колымские лошади, поволокли стройматериалы по направлению к «городу». Еле дотащили до просторного сарая, из которого доносилось монотонное пение рубанка.

- А что, трактор нельзя использовать? - спросил наивный Игорь.

- Что ты! - ответил ему молодой сучкоруб Андрей - Учитель запрещает насиловать природу техникой. Никакой бензопилы, никакого трактора.

- С такой еды, да при такой работе можно загнуться.

- Подожди, к вечеру зарядишься...

Поклевав чего-то из ботанического ужины, Игорь побегал в свою избу, схватил сумку и нашел там упаковку китайских крекеров. Жадно ел и запивал водой из бочки. Желудок ныл от голода, впереди предстояла встреча с Учителем, на которой предстояло выступить и Игорю. Староста Дома трапезы задумчиво побеседовал с ним, узнал основные вехи его биографии...

Большой участок просеки был огорожен длинными деревянными лавками, на которые уселись поселенцы попеременно с гостями. В ожидании мессы паства коротала за разговорами. К удивлению Игоря, мужики тихонько вспоминали водку и баб, а женщины - косметику и шубы.

Но вот по рядам прошел ропот: «Идет!»

Откуда-то из чащи на освещенную по периметру кострами просеки выскочил среднего роста молодой мужчина с чуточку скуластым лицом.

- Добрый вечер, добрый вечер, добрый вечер! - выплевывал он слова пулеметной очередью - В Городе Света сегодня очередное собрание...

- А этот еще откуда? - толкнул Игорь под бок Андрея-сучкоруба.

- Тссс, - поднес указательный палец к губам Андрей, - это же Учитель!

- И сегодня тема нашего собрания - возмездие. Как и почему мы получаем по заслугам за деяния наши? Кто или что выступает в роли карающей руки господней? Это и многое другое нам сегодня и предстоит выяснить.

- Это что, месса? - не унимался Игорь. Но Андрей был полностью поглощен речью стоящего в огороженном скамейками центре чужого.

- И сегодня у нас в гостях человек, который однажды утром обнаружил себя на окраине неизвестного ему города без документов, денег и воспоминаний о прошлом. Итак, встречайте! Известный в прошлом путешественник Петр Бонюхов! Поприветствуем его!

Аудитория на скамейках дружно зарукоплескала вышедшему из темноты мужчине, в котором Игорь узнал соседа по автобусу, смотревшего на облака.

- Присаживайтесь, Петр, - отточенным жестом указал учитель на небольшую лавку в центре - Каковы были первые ощущения, у вас, у человека, который легко ориентируется на любой местности? Почему вы сбились с пути, заблудились и лишились не только денег, но и паспорта?

- Дело, значит, так было, - начал Бонюхов, оправляя бороду - шел я тогда пешим туром из Владивостока в Калининград. Перед началом путешествия меня показали по трем центральным каналам, поэтому в крупных городах узнавали на улице. А в малых населенных пунктах принимали за простого дачника или грибника с рюкзаком.

И вот, в одном из городков Забайкалья, на одной из трасс ко мне подошла девушка лет пятнадцати. Я думал, что она хотела узнать который час. Но она обратилась ко мне со словами: «Ой, а я вас узнала! Вы путешественник!»

- И эта фраза польстила вашему самолюбию? - быстро среагировал Учитель.

- Было такое чувство, - стыдливо сознался Бонюхов.

- Куда нас может завести людская лесть мы узнаем через несколько секунд! Оставайтесь с нами! - умело держал зрителей на поводке учитель.

- Итак, чем же окончился разговор с девушкой? - продолжал Учитель.

- Она пригласила меня на встречу со своими друзьями, воспитанниками детского дома творчества. Чтобы я рассказал им о путешествиях. Я думал, что мы пойдем в бывший дворец пионеров. Но мы, почему-то, пришли на какую-то квартиру.

- И что же вы увидели в этой квартире? Давайте поподробнее! - словесно стимулировал ведущий.

- В квартире были не только дети, но и взрослые. То есть, я хочу сказать, что там были не только воспитанники детского дома творчества. Я им рассказывал, как в детстве увлекался чтением книг Джека Лондона и Жюль Верна, как сбегал из дома на окраину города с сухарями и спичками в карманах, как отправился в свою первую кругосветку.

Они меня внимательно слушали, а затем предложили отметить встречу. Я человек непьющий, но эти ребята мне так понравились, что по их просьбе я выпил водки. Именно такие показания они затем давали следовательно. А я ничего не помню с того момента, как пришел на квартиру.

- У вас забрали бумажник и паспорт, сняли одежду, ночью оставили на улице. Как вы думаете, это произошло случайно? - задавал наводящие вопросы Учитель.

- Как вам сказать, - замялся Бонюхов, - думаю, что нет. Мне неудобно здесь рассказывать, но после нескольких рюмок мы пошли с той девушкой в соседнюю комнату, где

я обещал ей рассказать про азимут. Так она показывала на следствии.

- Итак, клофелин в водку, ночь в сырой канаве, без рубля и паспорта - расплата за похоть? Что вы думаете по этому поводу? - обратился учитель к аудитории.

- Мужчина, а вам самому-то не стыдно? - лексикой коммуналки заговорила жена крупного чиновника - У вас, поди, дочь того же возраста!

- У меня сын!

- Гнать их из страны в шею, этих путешественников надо! - заголосила крупная чернявая с проседью женщина - Им бы только подальше от жены. Соберут рюкзак, мол, я на край света, а сами - по бабам!

- Но теперь я готов изучать величие духа, а не красоты России, - подобострастно пролепетал Бонюхов - Может и мне найдется место в вашем уютном Городе?

- Спасибо за помощь аудитории, - продолжал учитель, который уже потерял интерес к путешественнику - Наша следующая героиня изменила себя до неузнаваемости, но ее стали узнавать даже незнакомые люди. И однажды вечером в одном из ночных клубов с ней случилось неприятное. Итак, встречайте, клон Ксении Общак, Яна Ясенева!

- Не для кого не секрет, что все девушки хотят быть красивыми, - приступила к рассказу бывшая искусственная блондинка, лицом действительно напоминающая известную светскую львицу, - поэтому они и обращаются к пластическим хирургам. Я выбрала образ Ксении. Врач меня предупреждал, что девушек, похожих на нее, очень много, поэтому я рискнула потерять свою индивидуальность. Но я все же решилась, и первое время совсем не жалела об этом.

Доктор настолько точно приблизил меня к образцу, что меня часто стали принимать за Ксению. Я даже стала носить темные очки, потому что на улицах показывали пальцем. Но главное - меня стали пропускать в VIP клубы без всяких гостевых карт. Я обрела массу поклонников, с их помощью поправила свое финансовое положение. Познакомилась с одним состоятельным человеком, который сделал мне предложение.

- Что же помешало вашему счастью? - вовремя прервал рекламу гламура Учитель.

- Как и следовало ожидать, - заплакала Яна, - однажды оригинал обнаружил копию. Оказалось, что мой жених - ее мужчина. У него были отношения с обоими, но он просто не видел между нами разницы.

- Чем же закончилась ваша встреча с Ксенией? - спросил Учитель.

- А чем, по-вашему, может закончиться встреча молодых девушек, у которых один мужчина на двоих? Она вцепилась мне в волосы, разодрала лицо. Затем предъявила ему свой паспорт...

И тут с Яной случилась истерика.

- Возьмите меня, ну, возьмите меня к себе! - рыдала она. - Я больше не хочу быть красивой и успешной! Я хочу работать, рожать детей...

- Все мы дети Бога, - неопределенно отозвался Учитель.

- Наш третий герой вошел в российский бизнес с черного хода, - закричал он аудитории, - в результате затерялся в коридорах беззакония, а затем попал в психиатрическую лечебницу. Итак, поприветствуем бывшего директора агентства недвижимости «Законные метры» Игоря Савина.

Игорь встал и стал неуклюже двигаться к скамье в центре. Его предупредили о предстоящем выступлении, он ни перед чем не робел, но говорить перед большой аудиторией ему еще не приходилось.

- Разве обязательно было оставлять людей без крова, выселять их в ветхое жилье? - кинул пробный камень Учитель.

- Как вам сказать, чтобы не обидеть, - не спеша начал Игорь, - кто-то живет в вечном ожидании, что благополучие придет само по себе. А вот другие сами идут навстречу удаче. Вот я и пошел, и на пути мне попадались те, кто просто сидел у дороги. Я взял у них то, что мог отнять кто-то другой. Это и есть ответ на ваш вопрос.

- Что произошло в тот злополучный день? - приступил к делу Учитель - Почему вы ока-

зались в кабинете психиатра?

- В этот день мы находились на квартире одного гражданина, где предлагали ему изменить его жилищные условия.

- Вы были трезвые?

- Если под опьянением понимать алкогольное, то мы были абсолютно трезвые. Но после беседы с гражданином Березовским мы незаметно для себя стали мыслить точно также как он. То есть, как вы выражаетесь, гуманистически. Затем был провал в памяти. Но, в результате, все, кто был в этот день со мной по данному адресу, отошли от дел. С внешним миром могут общаться только я и мой приятель Олег.

- И вывод здесь очевиден, - подытоживал Учитель, - они обидели юродивого, и он заложил в их сознание психологическую мину...

Дальнейшую жизнь Игоря в Городе Света можно было сравнить с пребыванием в мире теней. Если бы он имел гуманитарный склад ума и мог точно формулировать свои ощущения, то сравнил бы сторонников Учителя с теньями, которые полностью повторяли движения хозяина. О том, что творилось в головах «учеников», Игорь старался не думать.

Недоение и непосильная работа вывели из себя. Но наибольшее раздражение вызывали малопонятные проповеди Учителя, своеобразная смесь из Библии и справочника по психиатрии. Игорь чувствовал, что сходит с ума.

Однажды ночью Игорь не выдержал и отправился в сторону Преображенки. Дозорных, которые несли пост у крайней избы Города Света, он вежливо послал по известному адресу.

У крыльца сельского магазина, который работал круглые сутки, орала пьяная молодежь. На полках с алкогольной продукцией выбор был небольшой. Сонная продавщица опустила три литровые бутылки местного ликеро-водочного завода в сумку Игоря...

В полдень Учитель, объезжавший рабочие объекты, обнаружил изрядно захмелевших лесорубов. Водка сильно подействовала на их истощенные желудки и сознание. Трое работников заснуло у пня, остальные внимали Игорю.

- Давайте устроим здесь бунт, бессмысленный и беспощадный, - орал он, словно большевистский агитатор - Топоры на плечи! За мной! Правителя - свергнуть, народ - отпустить по домам!

Учитель между тем коротко переговорил с кем-то по рации. С горы, где располагался Храм Света, уже мчались пятеро крепких молодых из Дружины Покоя, местной службы безопасности...

Перед отъездом из Города Солнца Игорь попрощался с Учителем.

- Я, конечно, пострадал, - рассуждал Игорь, - но я восстановлюсь. Хотя не знаю пока, в каком качестве я вернусь в мир. Но и вам не позавидуешь. Вы как донор, питаете их плазмой выдуманных вами убеждений.

- Хорошо формулируете, - похвалил Учитель.

Они стояли друг напротив друга, словно два вожака враждебных волчьих стай. И если волк-Игорь подрастерял своё серое войско, то за спиной волка-Учителя слышался благоговейный вой.

- Вот только если вашей крови когда-нибудь на всех не хватит, эти вампиры вас загрызут, - непривычно устало закончил разговор Игорь. Он забросил на плечо сумку и посмотрел на дорогу, которая вела в Марусинск.

- Я думаю, Игорь, вам пора, - подтвердил его намерения Учитель, направляясь к темному джипу. По дороге к Храму Света из красного кирпича он думал о том, что одна паршивая овца, а вернее волк в овечьей шкуре, могла вспокоить всё стадо...

Игорь шёл, обходя лужи и грызя спичку. Сигареты кончились два дня назад, поэтому он мечтал сейчас больше всего о сельском магазине с табачной полкой. За ним, несмотря на окрики и изощрённые проклятия жителей Города Света, увязался сучкоруб Андрей.

- Ничего, братуха, проживём! - говорил Игорь, положив руку на худое плечо парня - Пойдешь ко мне работать, типа, ризлтром, а?

г. Прокопьевск.

Виктор ДАВЫДОВ

Укол от самого министра на Всекитайском съезде новаторов всех отраслей производства

Из воспоминаний Николая ЛОБОВА, Почетного шахтера, бывшего забойщика, ветерана войны и труда.

- 27 лет работал я в проходке на шахте и почти четверть века был бригадиром. Работали на совесть, получали премии, переходящие знамена, награды. Очевидно, именно по этим факторам и пал на меня выбор, когда решался вопрос, кого послать за границу для общения с их шахтерами по обмену опытом работы и налаживания международных связей.

Шел 1954 год. Стал собираться в дорогу, первоначально было сказано, что летим в Англию. Но, прежде чем выехать за рубеж, надо было пройти через сито проверки: откуда родом, нет ли связей, судимостей и т. д. Пока документы ходили по соответствующим инстанциям, прошло больше года, кое-что изменилось. Англия вроде бы отошла на второй план, а вот в Китай, на Всекитайский съезд новаторов всех отраслей производства, в том числе и угольщиков, потребовалось срочно организовать делегацию. Конечно же, нас, уже проверенных в особом отделе, рекомендовали включить в состав этой делегации.

Работаю в шахте, вызывают на-гора. Прохожу в кабинет начальника шахты, он мне показывает правительственную телеграмму: «Лобову срочно вылететь в Москву!»

Вот так и получилось, что ждал долго, а попал за границу моментом! Для меня, простого шахтера, конечно же, 45 дней пребывания в Китае стали незабываемыми. Встречи с высшим руководством Китая, участие в съезде передовиков этой страны и работа в шахте с показом наших приемов труда...

Как потом написал Ю.Г. Варнаков в книге «Международные связи Кузбасса»: «...делегат советских горняков Лобов спустился в шахту Чжао-Г-Цзун в Кайлане и за рабочий день сделал 1 метр 80 сантиметров ухода вместо 0,37 сантиметра по норме. 30 китайских горняков наблюдали за работой.

Изучив опыт Лобова и применив его, шахтеры этой шахты повысили производительность на 60 процентов...»

Кстати, наблюдало за моей работой не 30 китайцев, а по крайней мере не менее 60!

Виктор Иванович Давыдов, член Союза журналистов России, более сорока лет трудился на предприятиях угольной промышленности Прокопьевска и непосредственно в шахте подземным электрослесарем, горным мастером, награжден знаком «Шахтерская слава» III степени, является автором книг «Шахта «Центральная» (№ 3-3-бис)», «Шахтерские истории», «Иван Борисов – первый стахановец Кузбасса», «Открытчики – покорители недр», «Единый коллектив». Соавтор книги «Прокопьевск – жемчужина России».

«Шахтерские истории» - это рассказы о жизни людей, с которыми знаком автор. Виктору Давыдову удалось через конкретных людей, конкретные события, зачастую экстремальные, а порой и забавные горняцкие ситуации, осветить все грани многосложного угольного производства. Он очень тепло, уважительно говорит о людях, о сплоченности шахтеров, взаимовыручке, взаимовыручке.

Просто мешали, лезли под руку. Боялся кого-нибудь ненароком ушибить.

Не обошлось и без неприятностей. У себя-то, на «Коксовой», я никогда в рукавицах не работал. Если я получишь какую царапину, то, извините за выражение, попишешь на ранку, и она на другой день заживает. Вот я и здесь, в шахте Чжао-Г-Цзун, без рукавиц управлялся. И неосторожно рукой задел за кусок угля, совсем незначительная царапина на указательном пальце получилась. Этой ранке и внимания-то не придал. Только на другой день, смотрю, беспокоить начала. Через пару дней - еще больше. Мой личный переводчик, которого на русский манер называл Петро, берет мою руку, разглядывает палец и спрашивает:

- Что тебя беспокоит, Николай? Ты постоянно поглаживаешь пальчик.

- Да не беспокойся ты, Петро! Сушая ерунда, простая царапина, очевидно, влажный климат и температура под 50 градусов мне не подходят.

Переехали вскоре на другую шахту, чтобы здесь тоже показать приемы труда. После работы в шахте приглашают в кабинет. И объявляют мне, что сам министр здравоохранения хочет взглянуть на мою руку!

Мне крайне неудобно, прошу не беспокоиться. Куда там! Международные контакты, и надо не допустить каких-либо неприятностей. Так что министр, нет ли, но по всему очень высокий человек, китайцы перед ним особо уважительно кланялись, а с ним и трое врачей, осмотрели руку, о чем-то переговорили, и Петро переводит:

- Ну что, товарищ Лобов, потерпи! Поставят тебе парочку уколов: в руку и в ягодицу!

Прodelали мне эту процедуру и советуют:

- Теперь болячка пройдет, только вы, пожалуйста, больше в Китае без рукавиц не работайте.

В одном из забоев сделали снимок во время моей работы, на котором я как раз запечатлен без рукавиц, а палец уже забинтован.

С моим личным переводчиком я долгое время поддерживал связь, переписывался. Он выкроил время, чтобы приехать в Новокузнецк, ко мне в гости. Выпили мы вермута (китайцы водку не пьют), вспомнили нашу совместную работу.

Воротило

В деревушке Котино, что верстах в сорока от Прокопьевска, в 30-х годах ни одного двухэтажного строения не было, сплошь неказистые избушки стояли. Здесь прошло беззаботное детство Ефима Кравчука. Не заметил, как вырос в крепкого парня, втянулся в колхозную работу, наравне с мужиками косил и обрабатывал землю. Пока однажды не сказала ему мать:

- Вот что, Ефимушка... Вырос ты у меня большой, теперь и семье помочь сможешь - ведь еще четверых поднимать. Я тебя, конечно, не неволю, но съездил бы ты к дяде своему Василию в Прокопьевск, говорят там на шахту народ набирают. Может, и ты надумаешь... Только сразу не соглашайся, приглянись, что к чему...

Больше пятидесяти лет с той поры минуло. А все живо в памяти. Как приехал в город - ахнул это же надо, столько домов понастроить в одном месте! И не просто домов, а один над другим. Этажами называются. Хотя, конечно, оно, поди, дешевле: три дома друг на друга поставлены, а покрыты всего одной крышей!

Сейчас самому диковинно, каким огромным показался захолустный тогдашний городишко (ни одного кирпичного дома во всем Прокопьевске не было).

Дядя встретил радушно племянника, до самой ночи просидели. Все расспрашивал про родню, про товарищей-сверстников, про соседей. Истосковался по родным местам. А на вопрос, что же такое шахта, сказал:

- Долго рассказывать, Поведу туда тебя завтра. Сам на месте разберешься, что к чему. Поглядишь, попробуешь, каково оно, горняцкое ремесло. Поглянется если, тут тебе и дело. Настоящее, мужское. А коли нет, ну что ж, значит, есть в тебе слабость. Поищем что-нибудь еще...

Утром, как и обещал, дядя Вася провел Ефима по всей шахте. В то время брали еще верхние горизонты. Клетью, как сейчас, спускаться не требовалось. Заходили прямо в гору, в дыру (это он так выразился), а дядя посмеялся и говорит:

- Чужак человек! Не в дыру, а в шторм!

Показал, где что находится и для чего предназначено. Побывали в угольных забоях. Перемешалось у парня в голове все с непривычки. Но главное понял: вот она, гора, внутри уголь люди берут. Вглубь идет штормовая эта самая. Из ее черной пасти время от времени появляются лошади, шагают между рельсами. Тянут пять или шесть тележек. А зовутся те тележки вагонетками.

Не утерпел Ефим, подошел к лошади. А она теплыми губами зачмокала, к руке потянулась - знать, хлеба просит.

- Видать, парень, коней любишь? - спросил добродушный рыжеусый дедина. - Иди к нам в конюгону!

Эта мимолетная встреча все и решила. Дядя-ка пробовал отговорить:

- Тоже невидаль - конюгону! Аль в деревне лошади не надоели? Осваивай лучше настоящую профессию - проходчика или забойщика!

Но парень твердо стоял на своем: мол, не уйдут они от меня, профессии. Шахта, по всему выдать, дело серьезное. И начинать работать здесь лучше с привычного.

Заведующий конным двором Иван Николаевич Новиков приветливо встретил нового работника. Потом подвел к стойлам:

- Выбирай, вон те три коня без хозяина.

А Ефим уже выбрал. Сразу же, без раздумий. Вот он, напарник по работе.

- Умного коня себе выбрал, парень, - одобрил заведующий. - Воротило его кличка.

Не стоит долго рассказывать, как подружился человек с конем. Только вскоре стали шахтеры удивляться их дружбе. И трудно сказать, кто к кому сильнее привязался: то ли парень к коню, то ли Воротило к парню. И выходной Ефиму не выходной - спешит в конюшню повидать друга. Потреплет его по загривку, расчесает, даст хлебца кусочек. А Воротило разве только что говорить не может - вздохнет, голову на плечо положит - не хочет расставаться.

С таким напарником работа не в тягость - одно удовольствие. Забойщики ждут приезда Ефима с Воротилой, как представления. При погрузке угля, подгоняя вагонетку точно под колесо печи, командует: «Примись!» - и Воротило, послушно сделав пару шагов вперед, переходит на обочину шпrika. «Стой!» - и замирает конь. Забойщики подтрунивают: «Говорят твоя лошадь считать умеет. Продемонстрируй!»

Ирешили однажды: давай прицепим еще одну, седьмую вагонетку! Прицепили.

- Трогай! - командует Ефим.

Напрягает свои мощные мышцы живая машина, и раздается в подземной тишине (забойщики даже дыхание затаили) металлический лязг сцепок: дзинь-дзинь-дзинь... Дернулся состав и встал. Не трогается с места. Воротило стоит как вкопанный. Уговоры не помогают. Попробовали еще раз. Воротило по команде снова точно «отсчитал» лязг сцепок и остановился. Забойщики гогочут довольные:

- Вот же каков, хитрец! Липного не возьмет!

Седьмую вагонетку отцепили. Воротило по команде напрягся вновь. Убедился, что на сей раз без обмана, и потянул привычную «партию».

...Четыре с лишним года потрудились вместе человек и конь. Всякое бывало в работе: и холод зимой, и, глядишь, верхний лопнул, породой может сыпануть - смотри, не зевай! А однажды и вовсе пришлось друзьям держать экзамен на мужество и взаимовыручку.

А дело было так. Отработывала тогда Центральная штормовая уголь подсамым Лутугинским логом. Старожилы до сих пор помнят, как прорвалось и хлынуло в шахту подземное озеро.

В ту пору стоял Ефим под погрузкой на дальнем участке. Животные, известно, чувствуют опасность раньше людей. Беспокоится конь, глухо ржет. Но с места не трогается.

Ефим как заметил, что наводнение началось, не о себе сначала подумал, о друге своем: поскорее отцепить Воротило, дать ему свободу. Пришлось окунуться в воду: ведь надо было обеими руками взяться, чтобы скинуть сцепку с крюка вагонетки. И не повезло - Воротило, волнуясь, переступил с ноги на ногу, дернул состав. И тотчас нога Ефима угодила под колесо. Все это произошло в одно мгновение. Правда, успел он барок отцепить (валик такой, к которому крепились упряжные постромки), освободить коня. Тот и зашагал было на выход. И вдруг остановился. Посмотрел на хозяина и заржал. Как бы проговорил: «Что же ты? Поспевай, не то погибнешь!»

А Ефим ему в ответ:

- Дале не могу я, видишь, придало ногу! Выручай, приятель! - проговорил он, словно не к лошади обращался, а к человеку. И тут же его осенило: нужно же дать команду «Грулю вперед!» Такую команду Воротило знал, умел выполнять ее, когда требовалось поставить забурившийся вагон на рельсы. Правда, продвигался он этот маневр с одним-двумя порожними вагонами, а тут...

Ефим все же скомандовал:

- Грулю вперед! - и тихонько прибавил: - На тебя, голубчик, одна надежда!

Конь развернулся, зашагал к хозяину. Подопел, фыркал ноздрями. Надвинулся на едва виднеющийся из-под воды борт вагонетки. Нога освободилась. От гордости за своего верного друга у Ефима на глаза аж слезы навернулись:

- Ну, спасибо! Век не забуду!

Обхватил конюгону Воротило за шею. И двинулись. Как до выхода добрались, и не вспомнил теперь. А возле устья штормовы стоят толпой выпедившие раньше наружу шахтеры, прибежавшие из поселка люди и все руководство шахты. Ждали тех, кто еще оставался под землей. К счастью, вся смена на-гора выбралась благополучно. Нога у Ефима вскоре благополучно зажила. И вновь вошел он уголь вместе со своим верным напарником.

...Много позже пришла новая техника в шахту, поступили подземные электровагоны, и Ефиму, как и многим другим молодым рабочим, пришлось осваивать электрического «коня».

Ефиму есть что вспомнить. Как в тридцать шестом году экстерном экзамены в горном техникуме сдавал, как потом, до самой пенсии, руководил сперва участком, а позже был заместителем начальника шахты «Зенковские уклоны».

А в сорок втором командовал минометным расчетом на волжском берегу Сталинграда. От тех боевых дней напоминает наградная колодка, составленная из разноцветных ленточек, отождествляющих ордена и медали: ратные - «За боевые заслуги», «За Победу над Германией», «мирные», среди которых орден Трудового Красного Знамени.

А что же Воротило? Долго еще жил он на свете. Его, как и других коней, по возрасту вывели на поверхностные работы. И, наверное, рад был этому бессловесный помощник горняка: все-таки трудно приходится коню под землей. Наплахему работа на поверхности.

г. Прокопьевск.

Отряду милиции особого назначения Прокопьевска – 15 лет.

В начале 90-х годов XX века оперативная обстановка в стране и в городе Прокопьевске усложнилась. Участились грабежи, разбои и другие тяжкие преступления против личности граждан. Люди стали бояться появляться на улицах в вечернее время. Наряду с этим Министерство внутренних дел приняло решение о создании в крупных городах и городах со сложной криминогенной обстановкой Отрядов милиции особого назначения.

15 декабря 1993 года был создан Отряд милиции особого назначения в городе Прокопьевске Кемеровской области.

За 15 лет с момента образования ОМОН в г. Прокопьевске личным составом отряда в рамках охраны общественного порядка и борьбы с преступностью проделана огромная работа, сотрудники подразделения принимали участие в обеспечении правопорядка как на территории Кемеровской области, так и практически во всех крупномасштабных конфликтах, возникавших в этот период на территории России.

Начиная с 1994 года, личный состав отряда 17 раз находился в служебных командировках в Северо-Кавказском регионе. При выполнении служебно-боевых задач погибли 11 сотрудников, получили ранения и контузии различной степени тяжести – 50 сотрудников. Со дня создания отряда милиции особого назначения 191 сотрудник удостоен высоких государственных наград, 15 сотрудников награждены орденом Мужества, из них 10 – посмертно.

В обычной обстановке, когда отряд находится на месте постоянной дислокации, личный состав несёт службу на наиболее криминогенных участках города Прокопьевска, оказывает помощь тем городским и районным органам внутренних дел области, где складывается тяжёлая оперативная обстановка, осуществляет обеспечение силовой поддержки при проведении операций оперативными службами органов внутренних дел. Тесное взаимодействие сложилось в совместной работе со службами ГИБДД, ОБЭП, отделами уголовного розыска г. Прокопьевска и других городов области, Отделом по борьбе с организованной преступностью, УФСМ, ОФСБ в г. Прокопьевске.

Также личный состав отряда многократно выезжал для обеспечения общественного порядка в различных населённых пунктах Кемеровской области и других регионах Российской Федерации.

Так, в 2007 году сотрудники отряда обеспечивали безопасность участников игр в период проведения Чемпионата мира по хоккею с мячом в г. Кемерово. Также в июне 2007 года, во время проведения массовых общественно-политических мероприятий в г. Москве, несли службу по охране здания Государственной Думы Российской Федерации, обеспечивали правопорядок на массовых мероприятиях, проводимых на Красной Площади г.

Москвы. Благодаря профессионально грамотным действиям сотрудников подразделения, не было допущено нарушений общественного порядка на указанных объектах.

Для успешного выполнения оперативно-служебных задач, поставленных перед подразделением, личный состав постоянно проходит профессиональную подготовку, добиваясь того, чтобы сотрудники подразделения могли грамотно действовать в экстремальных ситуациях. Этому вопросу в отряде уделяется особое внимание. Ежедневно личный состав, заступающий на боевое дежурство, не менее двух часов занимается физической подготовкой – это работа на тренажерах, пятикилометровые кроссы, рукопашный бой.

Не реже одного раза в неделю проводятся учебно-боевые занятия и тренировочные стрельбы из различных видов оружия с выездом на учебные полигоны, стрельбища войсковых частей.

Как с первых дней, так и сейчас, костяк отряда составляют парни, всей душой преданные своему делу, всегда готовые прийти на помощь гражданам, защитить интересы Отечества, для которых ОМОН является не просто местом работы, а образом жизни сотрудника Российского ОМОН.

Руководители подразделения

Лычак Анатолий Филиппович, 18.02.1957 года рождения, капитан милиции. Командир ОМОН при УВД г. Прокопьевска с 15 декабря 1993 года. 25 февраля 1995 года

погиб при исполнении служебного долга в поселке Алды Чеченской Республики. Награжден орденом Мужества (посмертно).

Гринюк Виктор Андреевич, 02.04.1956 года рождения, подполковник милиции. Командир ОМОН при УВД г. Прокопьевска с 1 мая 1995 года по 1 августа 1997 года. В период службы в ОВД дважды направлялся в служебные командировки в Чеченскую Республику.

Адамович Олег Николаевич, 09.01.1963 года рождения, майор милиции. Командир ОМОН при УВД г. Прокопьевска с 15 августа 1997 года по 4 октября 2000 года. За время службы в ОВД дважды направлялся в служебные командировки в Северо-Кавказский регион России. Уволен на пенсию по состоянию здоровья в результате ранения, полученного при исполнении служебных обязанностей в районе села Карамахи Республики Дагестан. Награжден орденом Мужества и медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Вальтеев Александр Михайлович, 05.12.1960 года рождения, полковник милиции. Командир ОМОН при УВД г. Прокопьевска с 1 ноября 2000 года по 28 октября 2003 года. За время службы в ОВД 9 раз направлялся в служебные командировки в Чеченскую Республику. После службы в ОМОН при УВД г. Прокопьевска служил в должности заместителя начальника УВД – начальника МОБ УВД г. Прокопьевска. Награжден орденом Мужества, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I, II степеней, дважды -

медалью «За отвагу», медалью «За отличие в охране общественного порядка».

Ильин Юрий Николаевич, 03.12.1958 года рождения, полковник милиции. Командир ОМОН ГУВД по Кемеровской области (дислокация г. Прокопьевск) с 28 октября 2003 года по настоящее время. За время службы в ОВД 5 раз направлялся в служебные командировки в Чеченскую Республику. Награжден медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степеней, медалью «За отличие в охране общественного порядка».

Памяти павших...

25 февраля 1995 года в 8 часов 17 минут при проведении операции по очистке района Алды города Грозного Чеченской Республики от незаконных вооруженных формирований погибли 10 сотрудников ОМОН Прокопьевска: капитан милиции Лычак Анатолий Филиппович, капитан милиции Цыбусов Геннадий Геннадьевич, лейтенант милиции Комаров Олег Александрович, младший лейтенант милиции Камынин Сергей Николаевич, старшина милиции Гурьянов Владимир Владимирович, сержант милиции Семеруник Василий Васильевич, сержант милиции Шевцов Виктор Викторович, младший сержант милиции Иванов Андрей Николаевич, рядовой милиции Сарана Владимир Александрович, рядовой милиции Привалов Дмитрий Владимирович.

8 февраля 2003 года на КПП-29 города Грозного Чеченской республики погиб капитан милиции Журавлев Евгений Михайлович, старший инспектор по гражданской обороне штаба ОМОН.

Шукшин – не модное явление

Художественный отчёт о поездке на Шукшинские чтения
в село Сростки

25 – 28 июля 2008 года.

Виолетта НИКУЛИНА

На въезде в Бийск Алтайский край встречает приезжих, гостей, туристов баннером – своей визитной карточкой, на котором приведены две первые строки из стихотворения новосибирского поэта Бориса Мурашкина:

Шукшин – не модное явление,
Он Сын России! Боль земли...
Шукшин – народа откровенье.
Его слова нам душу жгли.
Сомненья мучили, терзали,
Вселяя в сердце хмель и страсть...
Родил он души в кинозале,
Сермяжной правды не боясь...

В правоте этих слов начинаешь убеждать себя, когда видишь кавалькаду машин на Чуйском тракте, паломничество к подножию «горы» Пикет (Бикет), заполненные людьми улочки Сросток.

Село Сростки находится примерно в 30-40 минутах езды от Бийска. Основано оно в 1804 году, и своё название получило от сращения двух дорог: Чуйского тракта и малоизвестного большака. Кроме того, в этом месте все протоки реки Катунь срастаются в одну полноводную реку. Урочище Сросты стало незаметно селом Сростки. Вообще алтайская земля, как и Кузбасс, богата звучными именами. Но особой гордостью его, алтайским самородком является Василий Макарович Шукшин.

Василий Макарович родился в селе Сростки Бийского района Алтайского края 25 июля 1929 года. В 1946 году он покинул родное село. Но всегда жил воспоминаниями о нем, теми впечатлениями. Никогда не забывал своих корней.

Красота земная

Сростки – особое место. Место силы, особой энергетики земли, воздуха, воды.

Фото Виолетты НИКУЛИНОЙ.

Расположено оно на берегу горной реки Катунь. Река Катунь имеет такое поэтическое и звучное название потому, что вода катает камушки, катится по камням, гальке. Её сероватые воды, её горный норовистый характер проявляют себя во всей красе: быстрым стремительным течением, плещущимся говорением.

По берегам Катунь расположились плакучие ивы с их голубовато-зелеными листьями. Ивняк Катунь завораживает своей податливостью, покорностью, меланхолией. Над головой кружат ширококрылые ястребы в поисках добычи.

Закаты на Алтае – незабываемы. Золотисто-янтарные, розовые с вкраплениями синих, лиловых, золотых, пурпурных прожилок облака дразнят своей уникальной палитрой. Даже если бы ты захотел нарисовать такое небо, никогда бы не смог передать и половины тех красок, всполохов небесных высот.

О звездах разговор особый. Небо, сплошь усыпанное золотыми самородками. Величиной с теннисный мячик и даже больше. Нигде и никогда я больше не видела такого звёздного неба. По вечерам над рекой стелется серебристой паутиной туман.

Сам Шукшин не мог не рассказать о своих природных сокровищах. Поэтому в киноповести «Живёт такой парень» он пишет: «Есть на Алтае тракт – Чуйский. Красивая, стремительная дорога, как след бича, стеганувшего по горам. Он (тракт) манит к себе, соблазняет молодые души опасным ремеслом, сказками, дивной красотой...»

И ещё есть река на Алтае – Катунь. Злая, белая от злости, прыгает по камням, бьет их в холодную грудь крутой яростной волной, ревет – рвётся из гор. А то вдруг притихнет в долине – тихо, слышно, как утка в затоне пьёт за островом. Отдыхает река. Чистая, светлая – каждую песчинку на дне видно, каждый камешек. И тоже стоит только разок посидеть на берегу, когда солнце всходит...Красиво, очень красиво! Не расскажешь словами.

И вот несутся они в горах рядом – река и тракт. Когда глядишь на них, думается почему-то, что это брат и сестра, или что это влюбленные, или что это, наоборот, ненавидящие друг друга Он и Она, но за какие-то грехи тяжкие заколдованные злой силой быть вечно вместе...хочется очеловечить дорогу и реку. Местные поэты так и делают. Но нельзя превозмочь красоту земную словами».

Врачевание души

...26 июля берег Катунь и Сростки стремительно заполняются машинами, микроавтобусами, пазиками. Окрестности Катунь наполняются речью, шутками, песнями. За час берег реки превращается в палаточный городок с несмолкаемым оживлением, взрывом хохота, восхищаемым восклицанием, всплеском речной глади.

В Сростинской местной библиотеки происходит встреча с писателями Сибири: Алтая и Кузбасса. Из местных бийских, барнаульских поэтов были следующие представители: Валерий Тихонов (г. Барнаул), Георгий Рябенко (г. Бийск). Борис Мурашкин (г. Новосибирск), Борис Бурмистров (г. Кемерово).

Стихи, посвященные Шукшину, Сросткам, Пикету, природе Алтайского края, России – всё создавало непередаваемые чувства близости, душевного умиротворения и боли, что многим современникам недоступно понимание такой фигуры, как Шукшин. Меня поразило то, с каким желанием окружающие (поэты, слушатели, организаторы – работники библиотеки) делились радостью открытия своего понимания творчества Василия Макаровича. Цитировали публицистические заметки, письма, дневниковые записи Шукшина. Звучали фразы, кусочки и слова о малой Родине – тех бесценных крупинки, которыми жил этот человек. Я процитирую их, потому что невозможно пройти мимо этих строк, слишком много в них скрыто и ещё больше открывается при чтении.

«Те, кому пришлось уехать (по самым разным причинам) с родины (понятно, что я имею в виду так называемую «малую родину»), – а таких много, – невольно несут в душе некую обездоленность, чувство вины и грусть. С годами грусть слабеет, но совсем не проходит. Трудно понять, но как где скажут «Алтай», так вздрогнешь, сердце лизнёт до боли мгновенное горячее чувство, а в памяти – неизменно – полати. Когда буду помирать, если буду в сознании, в последний момент успею подумать о матери, о детях и о родине, которая живет во мне. Дороже у меня ничего нет.

Когда я подъезжаю на поезде к Бийску (от

... Я теперь понял, что так и надо:
все время быть с людьми,
даже если в землю зароят...

В. М. Шукшин.

Новосибирска до Бийска поезд идёт ночью), когда начинаю слышать в темноте знакомое, родное, сельское подпевание в словах, я уже не могу заснуть, даже если еду в купе, волнуясь, начинаю ворошить прожитую жизнь... Поезд останавливается у каждого столба, собирает в ночи моих шумных, напористых земляков, вагон то и дело оглашается голосами. Конечно, тут не решаются проблемы НТР, но тут опять обнаруживается глубокое, давнее чувство справедливости, перед которым я немею.

... Родина... Я живу с чувством, что когда-нибудь я вернусь на родину навсегда. Может быть, мне это нужно, думаю я, чтобы постоянно ощущать в себе житейский «запас прочности»: всегда есть куда вернуться, если станет невмоготу.

Одно дело жить и бороться, когда есть куда вернуться, другое дело, когда отступить некуда. Я думаю, что русского человека во многом выручает сознание этого вот – есть ещё куда отступить, есть где отдышаться, собраться с духом. И какая-то огромная мощь

Фото Виолетты НИКУЛИНОЙ.

чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови. Видно, та жизнеспособность, та стойкость духа, какую принесли туда наши предки, живёт там с людьми и поныне, и не зря верится, что родной воздух, родная речь, песня, знакомая с детства, ласковое слово матери врачуют душу».

Зримый образ

Мемориальный музей-заповедник (проектировал эти залы московский скульптор Владимир Александрович Раменский) пред-

ставляет собой выставочные залы, экспозиции, комнаты, где Шукшин предстаёт перед нами как невероятно разносторонний, разноплановый человек, деятель искусства, литературы и кино. Писатель-прозаик, актер, сценарист, публицист, режиссёр, фотохудожник, кинооператор. Сергей Залыгин в своей статье «Герой в кирзовых сапогах» о творчестве Василия Шукшина сказал: «Каждый, кто писал и говорил о творчестве Василия Шукшина, не мог без удивления и даже какого-то чувства растерянности не сказать о его почти невероятной разносторонности.

Должно быть, так было и будет в дальнейшем, а исключения смогут иметь место лишь при рассмотрении того или иного отдельно взятого произведения Шукшина. И то далеко не всегда, ведь Шукшин-кинорежиссёр органически проникает в Шукшина-писателя, его проза зрима, его фильм литературен в лучшем смысле слова. Его нельзя воспринимать «по разделам», и вот, читая его книги, мы видим автора на экране, а, глядя на экран – вспоминаем его прозу. Мы видим этот щедрый дар природы и необыкновенную личность личностью, а не набором качеств и способностей. И это тоже свойство таланта и даже сам талант».

Фото Дмитрия ХОБОТНЕВА.

В Мемориальном музее-заповеднике проходила выставка кукол – героев шукшинских рассказов «Характеры». В выставочном зале органично расположились разные выставки – фотографические, живописные. Зал, где В.М. Шукшин раскрывается как несравненный актер, заполнен киноафишами, фотографиями со съемок фильмов.

Ещё при жизни его работоспособность и упорство были награждены самыми высокими наградами за развитие культуры и искусства:

1967 год – Государственная премия РСФСР за вклад в развитие литературы.

1969 год – звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

1971 год – Государственная премия СССР за исполнение роли Черных в фильме С. Герасимова «У озера»

1974 год – главная премия VII Всесоюзного кинофестиваля за фильм-киноповесть «Калина красная».

Посмертно ему была присуждена и Ленинская премия...

Наследие писателя-режиссера, сценариста В.М. Шукшина составляет 37 названий книг и статей. За 20 лет в искусстве кино-режиссёр Василий Шукшин поставил пять фильмов, сыграл около двадцати ролей в кино.

Дома-музеи Шукшина, историко-мемориальный музей-заповедник, школу, в ко-

торой учительствовал и даже директорствовал Василий Макарович, искать не надо, не стоит спрашивать, как пройти к этим местам. Вы увидите их. Поймёте сами.

Дома обычные, добротнo построенные, деревенские. Дом-музей (сени, веранда, комнаты, кухня с большой русской печкой-лежанкой и кухонной утварью) одноэтажный, с белыми белеными стенами. Крылечко, ведущее на уютную веранду, а через неё — в комнаты. Во дворе — бревенчатая баня с летней кухней, дровяной склад. Этот дом В.М. Шукшин купил своей матери Марии Сергеевне на первый крупный гонорар в 1965 году, полученный за роман «Любовины». В другом доме-музее во дворе увидишь колодец, мазанку, небольшой сарай. Огород с желтыми шапками подсолнечника. Под окнами возле изгороди, плетня, забора раскинулись деревья: яблони, груши, белоствольные березы.

Гора Пикет

В выходные проходит и выставка-ярмарка «Улица мастеров». Современные коро-

бейники на свой лад зазывают народ лотками с сувенирами, изделиями из камня, дерева. Продаются и демонстрируются товары разного ассортимента: картины с пейзажами алтайского края, статуэтки, резьбу по дереву, украшения из камней (янтаря, мельхиора, бирюзы и т.д.), портреты, фотографии, картины В.М. Шукшина. Товар на любой, даже самый взыскательный вкус. Торговцы бакалеей, соками, мороженым, пивом, водой, квасом нахваливают свою продукцию. Мангалы с шипяще-шкварчающими шашлыками дразнят аппетитными запахами.

...Вечером проходит традиционный Шукшинский зрительский кинофестиваль в местном кинотеатре «Катунь». Признаться честно, мы не посещали это мероприятие. Так как желающих посмотреть хорошие фильмы, как Шукшина, так и других отечественных режиссеров, заслуживающих особого внимания, набралось предостаточно. А кинотеатр не самый большой! На экране показывали «Калину красную». Кроме того, шли и такие картины, как «Живи и помни» (по мотивам повести Валентина Распутина), «Мы из будущего», «1814» и другие.

27 июля 2008 года

«Здесь люди отзываются друг на друга»
Сергей Бондарчук о Пикете

Гора Пикет — любимое место Шукшина. Вообще-то, если говорить серьезно, то Пикет — это высокий холм. Да и коренные местные жители обижаются, когда приезжие называют гору Пикетом. Для них она — Бикет. С тюркского языка «бекет» — заграждение, рыболовное устройство, рыболовный заездок, которым перегораживали реку при ловле рыбы: осетра, стерляди, нельмы. Кто-то просто предположил, что когда-то здесь, возможно, был казачий пост (пикет — сторожевой отряд, пост). Отсюда

и пошло понятие «Пикет». Как бы то ни было, Пикет или Бикет является святым местом для сrostкинцев, и не только. Говорят, что у горы Пикет есть свой дух — женщина, оберегающая это место. Пикет в свое время, на одном из Шукшинских чтений, народная актриса кино Любовь Соколова назвала горой Очищения. Сам Шукшин был покорён этим местом и писал: «Посмотрите с Пикета на Сrostки, на Катунь, что ласкает их. Отдохните в тени берёзки добрых предков моих».

Как паломники, идущие к святым местам, приходят и приезжают поклониться и отдать дань памяти В.М. Шукшину тысячи людей. Издалека Пикет похож на муравейник в эти дни. На самой вершине «горы» расположен памятник В.М. Шукшину. Возле памятника живая очередь ожидающих и желающих прикоснуться к памятнику великого русского писателя, поэта, сценариста, художественного деятеля кино (поэтому большой палец ноги Шукшина блестит от бесконечных потираний), сфотографироваться на его фоне. Мы тоже не упусти-

ли такой возможности.

С горы Пикет открывается удивительная панорама: село Сrostки, серая змея Катунь, с правой стороны — березовая роща, склоны, усыпанные белыми точками тысячелистника, и голубое бездонное небо. Неподалеку от березовой рощицы, напротив памятника, установлена сцена, на которой ежегодно произносят речи, выступают актёры, артисты, певцы — знаменитости. На сцене портрет В.М. Шукшина, обвитый полевыми цветами и калиной красной.

Особое слово о калине. Кусты калины на каждом шагу в Сrostках. Это некая знаковая традиция, символ жизни и творчества В.М. Шукшина. Ветки красной и не всегда спелой горькой калины окружают памятник-скульптуру в Мемориальном музее-заповеднике. Калина красная — символ Шукшинских чтений.

Со сцены, с установленного экрана, идут отрывки фильмов, снятые Шукшиным; фильмов, в которых играл народный любимец. Концертная программа, как правило, состоит из художественной самодеятельности. Казачий хор, фольклорные ансамбли, такие, как наша «Сибирь».

Шукшина называют «божьей дудкой». Он поклонялся перед народным творчеством и сам любил фольклор. Его любимой песней была «Миленький ты мой...». Любил слушать частушки, особенно в исполнении балалайки. И выступления народных коллективов: заслуженных, народных — это продолжение его русской души, его традиций, его веры в свой народ, в свою страну, в свой уголок...

И, как нельзя, кстати возникают на экране и звучат со сцены следующие строки: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвёл в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат перемоту: честность, трудолюбие, совесть, доброта... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами...»

Уверуй, что всё это было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание — не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

В. Шукшин
21 августа 1974 года

По склонам Пикета раскинулись уличные палатки торговцев, ремесленников. Продаются всё: от книг, посвященных Шукшину и шукшинским чтениям, деревянных резных икон, поделок, сувениров из бересты, камней, минералов, глины, теста до маек, посуды (кружек, тарелок с фирменными логотипами), средств косметической и народной медицины (кремы, мази, бальзамы, маски); тут же алтайский травно-пахнущий мёд; шашлыки, соки, минеральная вода; талисманы, обереги (домовят, куклы и т.д.) Улица мастеров незаметно плавно переместилась на Пикет.

Наблюдая вокруг происходящее, чувствуешь сопричастность, духовное единство и ощущаешь прилив гордости за нашу культуру, русское достояние...

Памяти Василия Шукшина

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Ещё ни холодов, ни льдин,
Земля тепла, красна калина,
А в землю лёг ещё один
На Новодевичьем мужчина.
Должно быть, он примет не знал, —
Народец праздный суесловит, —
Смерть тех из нас всех прежде ловит,
Кто понарошку умирал.
Коль так, Макарыч, — не спеши,
Спусти колки, ослабь зажимы,
Пересними, перепиши,
Первирай, — останься живым!
Но, в слёзы мужиков вгоняя,
Он пулю в животе понёс,
Припал к земле, как верный пёс...
А рядом куст калины рос —
Калина красная такая.
Смерть самых лучших намекает —
И дёргает по одному.
Такой наш брат ушёл во тьму!
Не поздоровилось ему —
Не буйствует и не скучает.
А был бы «Разин» в этот год...
Натура где? Онега? Нарочь?
Всё — печки-лавочки, Макарыч, —
Такой твой парень не живёт!..

Георгий РЯБЧЕНКО

Без языка и колокол молчит.
Хоть в радости,
хоть в горе вознеси
его над ширью матушки-Руси,
молчит, пока в груди не закричит
такая боль, что Господи, спаси!
Тогда на помощь
сам себе придёт
тот самый
«с печек-лавочек» народ:
из слёз,
из песен
звонкий отольёт
язык, который вся Россия ждёт.
И колокола вечный зов
поднимет гордо головы низов,
достанет и растопит
лёд вершин...
Пикет — наш колокол!
Язык его — Шукшин!

Шукшинские чтения 1981 года.

Дождь,
Потемневшие подмостки,
Портрет огромный
Шукшина.
Внизу — как на ладони —
Сrostки.
А на Пикете —
Вся страна.
Печаль и гордость
Изрекают
Такие разные уста.
С калины рдеющей
Стекают
Все чаще капли
В глубь пласта...

С горы взлетал и в пропасть падал.
И снова лез на эшафот...
Он был ручьём и водопадом,
За правду шёл и впасть и вброд.
К вершине Правды поднимался.
Взошёл на праведный престол.
В чём зло? — понять всю жизнь пытался...
В укладе видел наш раскол...
Жил, как солдат, всю жизнь сражался
За человеческую связь.
На полдороге вниз сорвался —
Звезда Алтая взорвалась...

Борис МУРАШКИН
Новосибирск

Как дальше жить?
Ужиться с лицемерьем?
Копить копейки на покой?
Нет!
Я в Макарыча поверил,
И с ним я стал самим собой.
Вот так добрался я до Бийска,
Вот так дошёл до Шукшина...
Теперь уверен,
что без риска
Нет сущей правды,
есть — вина...
Вина — пустые обещанья,
Вина — распятие души,
Вина — трусливое молчанье.
Кому же душу обнажить?..
К нему приду я незаметно,
Наедине
и в тишине...

Владимир БАЛАЧАН,
г. Омск.

Гора Пикет

Гора Пикет — поклонная гора.
По воле сердца и по зову слова
Сюда народ идёт без остановки,
Хоть и стоит июльская жара.

Россия чтит заветные места.
И сыновей своих не проглядела,
Пока душа ещё не оскудела
И не засохла песня на устах.

И боль жива!.. О том и разговор:
Ещё дружнее надо нам держаться,
Ведь он ушел за родину сражаться
И не вернулся в Сrostки до сих пор.

В стране — разор. И нужен глаз да глаз!
Порой не до стихов и песен нежных,
Поскольку у России и сейчас
Не счесть врагов и внутренних, и внешних.

Гляди: и с той, и с этой стороны —
Жестокий бой. Ему не видно веку...
Тяжелый рок под пляски сатаны
Прямой наводкой бьёт по человеку.

Да по душе его, по красоте...
Отравой заправлены заряды...
Нет, не на безымянной высоте
Он до сих пор сражается за правду.
Его слова — завет на каждый день.
Его шаги доносятся до слуха...
Гора Пикет — ещё одна ступень
К вершине человеческого духа.

с. Сrostки.

Василий ШУКШИН

Алёша Бесконвойный

Его звали-то не Алёша, он был Костя Валиков, но все в деревне звали его Алешей Бесконвойным. А звали его так вот за что: за редкую в наши дни безответственность, неуправляемость. Впрочем, безответственность его не

простиралась беспредельно: пять дней в неделю он был безотказный работник, больше того - старательный работник, умелый (летом он пас колхозных коров, зимой был скотником - кочегарил на ферме, случалось - ночное дело - принимал, телят), но наступала суббота, и тут все: Алёша выпрягался. Два дня он не работал в колхозе: субботу и воскресенье. И даже уж и забыли, когда это он завел такой порядок, все знали, что этот преподобный Алёша «сроду такой» - в субботу и воскресенье не работает. Пробовали, конечно, повлиять на него, и не раз, но все без толку. Жалели вообще-то: у него пятеро ребятишек, из них только старший добрался до десятого класса, остальной чеснок сидел где-то еще во втором, в третьем, в пятом... Так и махнули на него рукой. А что сделаешь? Убеждай его, не убеждай - как об стенку горох.

Хлопает глазами... «Ну, понял, Алёша?» - спросят. «Чего?» - «Да нельзя же позволять себе такие вещи, какие ты себе позволяешь! Ты же не на фабрике работаешь, ты же в сельском хозяйстве! Как же так-то? А?» - «Чего?» - «Брось дурачка из себя строить! Тебя русским языком спрашивают: будешь в субботу работать?» - «Нет. Между прочим, насчет дурачка - я ведь могу тоже... дам в лоб разок, и ты мне никакой статьи за это не найдешь. Мы тоже законы знаем. Ты мне оскорбление словом, я тебе - в лоб: считается - взаимность». Вот и поговори с ним. Он даже на собрания

не ходил в субботу.

Что же он делал в субботу?

В субботу он топил баню. Всё. Больше ничего. Накалял баню, мылся и начинал париться. Парился, как ненормальный, как паровоз, по пять часов парился! С отдыхом, конечно, с перекурком... Но все равно - это же какой надо иметь организм! Конский?

В субботу он просыпался и сразу вспоминал, что сегодня суббота. И сразу у него распускалась в душе тихая радость. Он даже лицом светлел. Он даже не умывался, а шел сразу во двор - колоть дрова.

У него была своя наука - как топить баню. Например, дрова в баню шли только березовые: они дают после себя стойкий жар. Он колот их аккуратно, с наслаждением...

Вот, допустим, одна такая суббота.

Погода стояла как раз скучная - зябко было, сыро, ветрено - конец октября. Алёша такую погоду любил. Он еще ночью слышал, как пробрызнул дождик. Постукало мягко, дробно в стекла окон и перестало. Потом в верхнем правом углу дома, где всегда гудело, загудело - ветер налачился. И ставни пошли дергаться. Потом ветер поутих, но все равно утром еще потягивал - снеговой, холодный.

Алёша вышел с топором во двор и стал выбирать березовые кругляши на расколку. Холод полез под фуфайку... Но Алёша пошел махать топориком и согрелся.

Он выбирал из поленицы чурки потолще... Выберет, возьмет ее, как поросенка, на руки и несет к дровосеке.

- Ишь ты... какой, - говорил он ласково чурбаку. - Атаман какой...

- Ставил этого «катамана» на широкий пенёк и тюкал по голове.

Скоро он так натюкал большой ворох... Долго стоял и смотрел на этот ворох. Белизна и сочность, и чистота сокровенная поленьев, и дух от них - свежий, нутряной, чуть стылый, лесовой...

Алёша стаскал их в баню, аккуратно складывая возле каменки. Еще потом будет момент - разжигать, тоже милое дело. Алёша даже волновался, когда разжигал в каменке. Он вообще очень любил огонь.

Но надо еще наносить воды. Дело не столько милое, но и противного в том ничего нет. Алёша старался только поскорей натаскать. Так семенил ногами, когда нес на коромысле полные ведра, так выгибался длинной своей фигурой, чтобы не плескаться из ведер, смех смотреть. Бабы у колодца всегда смотрели. И переговаривались.

- Ты глянь, глянь, как пружинит! Чисто акробат!..

- И не плескается ведь!

- Да куда так несется-то?

- Ну, баню опять топят...

- Да рано же еще!

- Вот весь день будет баней заниматься. Бесконвойный он и есть... Алёша.

Алёша наливал до краев котел, что в каменке, две большие кадки и еще в оцинкованную ванну, которую он купил лет пятнадцать назад, в которой по очереди перекупались все его младенцы. Теперь он ее приспособил в баню, и хорошо! Она стояла на полке, с краю, места много не занимала - не мешала париться, - а вода всегда под рукой. Когда Алёша особенно заходил на полке, когда на голове волосы трещали от жары, он курял голову прямо в эту ванну.

Алёша натаскал воды и сел на порожек покурить. Это тоже дорогая минута - посидеть покурить. Тут же Алёша любил оглядеться по своему хозяйству в предбаннике и в сарайчике, который пристроен к бане - продолжал предбанник.

Чего только у него там не было! Старые литовки без черенков, старые грабли, вилы... Но был и верстачок, и был исправный инструмент: рубанок, ножовка, долота, стамески... Это все на воскресенье, это завтра он тут будет упражняться.

В бане сумрачно и неуютно покоялся банный терпкий, холодный запах разбавился уже запахом березовых поленьев - тонким, еле уловимым - это предвестие скорого праздника. Сердце Алёши нет-нет да и подмывает радость - подумает: «Сча-ас». Надо еще вымыть в бане: даже и этого не позволял делать Алёша жене - мыть. У него был заготовлен голицок, песочек в баночке... Алёша снял фуфайку, засучил рукава рубахи и пошел пластать, пошел драить. Все перемыл, все продрал голицком, окатил чистой водой и протер тряпкой. Тряпку ополоснул и повесил на сучок клена, клен рос рядом с баней. Ну, теперь можно и затопить, Алёша еще разок закурил... Посмотрел на хмурое небо, на унылый далекий горизонт, на деревню... Ни у кого еще баня не топилась. Потом будут, к вечеру, на скорую руку, кое-как, пых-пых... Будут глотать горький чад и париться, Напарится не

напарится - угорит, придет, хлястнется на кровать, еле живой, и думает, это баня, Хэх!..

Алёша бросил окурочек, вдавил его сапогом в мокрую землю и пошел топить.

Поленья в каменке он клал, как и все кладут: два - так, одно - так, попереки, а потом сверху. Но там - в той амбразуре-то, которая образуется-то, - там кладут обычно лучины, бумагу, керосином еще навалились теперь обливаться, - там Алёша ничего не клал: то полено, которое клал попереки, он еще посерединке ершил топором, и все, и потом эти заструги поджигал - загоралось. И вот это тоже очень волнующий момент - когда разгорается, Ах, славный момент!

Алёша присел на корточки перед каменкой и неотрывно смотрел, как огонь, сперва маленький, робкий, трепетный, все становится больше, все надежней. Алёша всегда много думал, глядя на огонь. Например: «Вот вы там хотите, чтобы все люди жили одинаково... Два полена и то сгорают неодинаково, а вы хотите, чтоб люди прожили одинаково!» Или еще он сделал открытие: человек, помирая, в конце в самом, - так вдруг захочет жить, так обнадеемся, так возрадуется какому-нибудь лекарству!.. Это знают. Но точно так и палка любая: догорая, так вдруг вспыхнет, так озарится вся, такую выкинет шапку огня, что диву даешься: откуда такая последняя сила?

Дрова хорошо разгорелись, теперь можно пойти чайку попить. Алёша умылся из рукомойника, вытерся и с легкой душой пошел в дом. Пока он занимался баней, ребятишки, один за одним, ушлепали в школу. Дверь - Алёша слышал - то и дело хлопала, и скрипели воротца. Алёша любил детей, но никто бы никогда так не подумал, что он любит детей: он не показывал. Иногда он подолгу внимательно смотрел на какого-нибудь, и у него в груди ныло от любви и восторга. Он все изумлялся природе: из чего получился человек?! Ведь не из чего, из малой какой-то малости. Особенно он их любил, когда они были еще совсем маленькими, беспомощными. Вот уж, правда что, стебелек малый: давай цепляйся теперь изо всех силенок, карабкайся. Впереди много всякого будет - никаким умом вперед не скинешь. И они растут, карабкаются. Будь на то Алёшина воля, он бы еще пятерых смастерил, но жена устала.

Когда пили чай, поговорили с женой.

- Холодно как уж стало. Снег, гляди, выпадет, - сказала жена.

- И выпадет. Оно бы и ничего, выпал-то, на сырую землю.

- Затопил?

- Затопил.

- Кузьмовна заходила... Денег занять.

- Ну? Дала?

- Дала. До среды, говорит, а там, мол, за картошку получишь...

- Ну и ладно. - Алёше нравилось, что у них можно, например, занять денег - все как-то повеселей в глаза людям смотришь. А то наладились: «Бесконвойный, Бесконвойный». Глупые. - Сколько попросила-то?

- Пятнадцать рублей. В среду, говорит, за картошку получим...

Фото Виолетты НИКУЛИНОЙ.

- Ну и ладно. Пойду продолжать.

Жена ничего не сказала на это, не сказала, что иди, мол, или еще чего в таком духе, но и другого чего тоже не сказала. А раньше, бывало, говорила, до ругани дело доходило: надо то сделать, надо это сделать - не день же целый баню топить! Алеша и тут не уступил ни на волос: в субботу только баня. Все. Гори все синим огнем! Пропади все пропадом! «Что мне, душу свою на куски порезать?!» - кричал тогда Алеша не своим голосом. И это испугало Таисью, жену. Дело в том, что старший брат Алеши, Иван, вот так-то застрелился. А довела тоже жена родная: тоже чего-то ругались, ругались, до того доругались, что брат Иван стал биться головой об стенку и приговаривать: «Да до каких же я пор буду мучиться-то?! До каких?! До каких?!» Дура жена вместо того, чтобы успокоить его, взяла да еще подъездикнула: «Давай, давай... Сильней! Ну-ка, лоб крепче или стенка?» Иван сгрел ружье... Жена брякнулась в обморок, а Иван полыхнул себе в грудь. Двое детей осталось. Тогда-то Таисью и предупредили: «Смотри... а то не в роду ли это у их». И Таисья отступилась.

Напившись чаю, Алеша покурив в тепле, возле печки, и пошел опять в баню. А баня вовсе топилась.

Из двери ровно и сильно, похоже, как река заворачивает, валил, плавно загибаясь вверх, дым. Это первая пора, потом, когда в каменке накопится больше жару, дыму станет меньше. Важно вовремя еще подкинуть: чтоб и не на угли уже, но и не набить тесно - огню нужен простор. Надо, чтоб горело вольно, обильно, во всех углах сразу. Алеша подлез под поток дыма к каменке, сел на пол и несколько времени сидел, глядя в горячий огонь. Пол уже маленько нагрелся, парит; лицо и колени достает жаром, надо прикрываться. Да и сидеть тут сейчас нежелательно: можно словить незаметно угару. Алеша умело пошевелил головешки и вылез из бани. Дел еще много: надо заготовить веник, надо керосину налить в фонарь, надо веток сосновых наготовить... Напевая негромко нечто неопределенное - без слов, голосом, Алеша слезал на полок бани, выбрал там с жердочки веник поплотнее, потом наскочил на дровосеке сосновых лап - поровней, без сучков, сложил кучкой в предбаннике. Так, это есть. Что еще? Фонарь!.. Алеша нырнул опять под дым, вынес фонарь, поболтал - надо долить. Есть, но... чтоб уж потом ни о чем не думать. Алеша все напевал... Какой желанный покой на душе, господи! Ребятишки не болеют, ни с кем не ругался, даже денег в займы взяли... Жизнь: когда же самое главное время ее? Может, когда воюют? Алеша воевал, был ранен, поправился, довоевал и всю жизнь потом с омерзением вспоминал войну. Ни одного потом кинофильма про войну не смотрел - тошно. И удивительно на людей - сидят смотрят! Никто бы не поверил, но Алеша серьезно вдумывался в жизнь: что в ней за тайна, надо ее жалеть, например, или можно помирять спокойно - ничего тут такого особенного не осталось? Он даже напрягал свой ум так: вроде он залетел - высоко-высоко - и оттуда глядит на землю... Но понятней не становилось: представлял своих коров на покотине - маленькие, как букашки... А про людей, про их жизнь озарения не было. Не озаряло. Как все же: надо жалеть свою жизнь или нет? А вдруг да потом, в последний момент, как заорешь, что вовсе не так жил, не то делал? Или так не бывает? Помирают же другие - ничего: тихо, мирно. Ну, жалко, конечно, грустно: не так уж тут плохо. И вспоминал Алеша, когда вот так вот подступала мысль, что здесь не так уж плохо, - вспоминал он один момент в своей жизни. Вот какой. Ехал он с войны... Дорога дальняя - через всю почти страну. Но ехали звонко - так-то ездил бы. На одной какой-то маленькой станции, еще за Уралом, к Алеше подошла на перроне молодая женщина и сказала:

- Слушай, солдат, возьми меня - вроде я твоя сестра... Вроде мы случайно здесь встретились. Мне срочно ехать надо, а никак не могу уехать.

Женщина тыловая, довольно гладкая, с родинкой на шее, с крашеными губами... Одета хорошо. Ротик маленький, пушок на верхней

губе. Смотрит - вроде пальцами трогает Алешу, гладит. Маленько вроде смущается, но все же очень бессовестно смотрит, ласково. Алеша за всю войну не коснулся ни одной бабы... Да и до войны-то тоже горе: на вечеринках только целовался с девками. И все. А эта стоит смотрит странно... У Алеши так заломило сердце, так он взволновался, что и оглох, и рот свело.

Но, однако, поехали.

Солдаты в вагоне тоже было взволновались, но эта, ласковая-то, так прилипла к Алеше, что и подступаться как-то неловко. А ей ехать близко, оказывается: через два перегона уж и приехала. А дело к вечеру. Она грустно так говорит:

- Мне от станции маленько идти надо, а я боюсь. Прямо не знаю, что делать...

- А кто дома-то? - разлепил рот Алеша.

- Да никого, одна я.

- Ну, так я провожу, - сказал Алеша.

- А как же ты? - удивилась и обрадовалась женщина.

- Завтра другим эшелонам поеду... Мало их!

- Да, их тут каждый день едет... - согласилась она.

И они пошли к ней домой, Алеша захватил, что вез с собой: две пары сапог офицерских, офицерскую же гимнастерку, ковер немецкий, и они пошли. И этот-то путь до ее дома, и ночь ту грешную и вспоминал Алеша. Страшная сила - радость не радость - жар, и немота, и ужас сковали Алешу, пока шли они с этой ласковой... Так было томительно и тяжело, будто прогретое за день июньское небо опустилось, и Алеша еле передвигал пудовые ноги, и дышалось с трудом, и в голове все сплюснулось. Но и теперь все до мелочи помнил Алеша.

Аля, так ее звали, взяла его под руку... Алеша помнил, какая у нее была рука - мяконькая, теплая под шершавеньким крепдешинном. Какого цвета платье было на ней, он, правда, не помнил, но колючечки остренькие жгали крепдешину, некую его теплую шершавость он всегда помнил и теперь помнит. Он какой-то и колючий и скользкий, этот крепдешин. И часики у нее на руке помнил Алеша - маленькие (трофейные), узенький ремешок врезался в мякоть руки. Вот то-то и оглушило тогда, что женщина сама - просто, доверчиво - взяла его под руку и пошла потом, прикасаясь боком своим мяконьким к нему... И тепло это - под рукой ее - помнил же. Да... Ну, была ночь. Утром Алеша не обнаружил ни Али, ни своих шмоток. Потом уж, когда Алеша ехал в вагоне (документы она не взяла), он сообразил, что она тем и промышляла, что встречала эшелоны и выбирала солдатиков поглупей. Но вот штука-то - спроси она тогда утром: отдай, мол, Алеша, ковер немецкий, отдай гимнастерку, отдели сапоги - все отдал бы. Может, пару сапог оставил бы себе. Вот ту Алю крепдешинную и вспоминал Алеша, когда оставался сам с собой, и усмехался. Никому никогда не рассказывал Алеша про тот случай, а он ее любил, Алю-то. Вот как.

Дровишки прогорели... Гора, золотая, горячая, так и дышала, так и валил жар. Огненный зев нет-нет да схватывал синий огонек... Вот он - угар. Ну, давай теперь накаляйся все тут - стены, полки, лавки... Потом не притронешься.

Алеша накидал на пол сосновых лап - такой будет потом Ташкент в лесу, такой аромат от этих веток, такой вольный дух, черт бы его побрал, - славно! Алеша всегда хотел не суетиться в последний момент, но не справлялся. Походил по ограде, прибрал топор... Сунулся опять в баню - нет, угарно. Алеша пошел в дом.

- Давай бельишко, - сказала жена, стараясь скрыть свою радость - она

почему-то всех раздражала, эта его радость субботняя. Черт их тоже поймет, людей: сами ворочают глупость за глупостью, не вылезают из глупостей, а тут, видите ли, удивляются, фыркают, не понимают.

Жена Таисья молчком открыла ящик, усунулась под крышку... Это вторая жена Алеши. Первая, Соня Полосухина, умерла. От нее детей не было. Алеша меньше всего про них думал: и про Соню, и про Таисью. Он

разболелся до нижнего белья, посидел на табуретке, подобрав поближе к себе босые ноги, испытывая в этом положении некую приятность. Еще бы закурить... Но курить дома он отвык давно уж - как пошли детишки.

- Зачем Кузьмовне деньги-то понадобились? - спросил Алеша.

- Не знаю. Да кончились - от и понадобились. Хлеба небось не на что купить.

- Много они картошки-то сдали?

- Вова два отвезли... Кулей двадцать.

- Огробут деньжат!

- Огробут, Все колют... Думаешь, у них на книжке нету?

- Как так нету! У Соловьевых да нету!

- Кальсоны-то потеплей дасть? Или бумажные пока?..

- Давай бумажные, пока еще не так ниже.

- На.

Алеша принял свежее белье, положил на колени, посидел еще несколько, думая, как там сейчас, в бане.

- Так... Ну ладно.

- У Коляки ангины опять.

- Зачем же в школу отпустила?

- Ну... - Таисья сама не знала, зачем отпустила. - Чего будет пропускать. И так-то учится через пень колоду.

- Да... - странно, Алеша никогда всерьез не переживал болезни своих детей, даже ког-

Рисунок Олега Головачева.

да они тяжело болели, - не думал о плохом. Просто как-то не приходила эта мысль.

И ни один, слава богу, не помер. Но зато как хотел Алеша, чтоб дети его выучились, уехали бы в большой город и возвысились там до почета и уважения. А уж летом приезжали бы сюда, в деревню. Алеша суетился бы возле них - возле их жен, мужей, детишек ихних... Ведь никто же не знает, какой Алеша добрый человек, заботливый, а вот те, городские-то, сразу бы это заметили. Внучатки бы тут бежали по ограде... Нет, жить, конечно, имеет смысл. Другое дело, что мы не всегда умеем. И особенно это касается деревенских долбачков - вот уж упрямый народишко! И возьми даже своих ученых людей - агрономов, учителей: нет зазнавители человека, чем свой, деревенский же, но который выучился в городе и опять приехал сюда. Ведь она же идет, она же никого не видит! Какого бы она малого росточка ни была, а все норовит выше людей глядеть. Городские, те как-то умеют, собаки, и культуру свою показать, и никого не унижать. Он с тобой, наоборот, первый поздоровается.

- Так... Ну ладно, - сказал Алеша. - Пойду.

И Алеша пошел в баню. Очень любил он пройти из дома в баню как раз при такой погоде, когда холодно и сыро. Ходил всегда в одном белье, нарочно шел медленно, чтоб озябнуть. Еще находил какое-нибудь заделье

по пути: собачью цепь распутает, пойдет воротца хорошенько прикроет. Это чтоб покрепче озябнуть.

В предбаннике Алеша разделся донага, мельком оглядел себя - ничего, крепкий еще мужик. А уж сердце заняло - в баню хочет. Алеша усмехнулся на свое нетерпение. Еще побыл маленько в предбаннике... Кожа покрылась пупырышками, как тот самый крепдешин, хэх... Язви тебя в душу, чего только в жизни не бывает! Вот за что и любил Алеша субботу: в субботу он так много размышлял, вспоминал, думал, как ни в какой другой день. Так за какие же такие великие ценности отдавать вам эту субботу? А?

- Догоню, догоню, догоню,

Хабибу догоню!.. - пропел Алеша негромко, открыл дверь и ступил в баню.

Эх, жизнь!.. Была в селе общая баня, и Алеша сходил туда разок - для ощущения. Смех и грех! Там как раз цыгане мылись. Они не мылись, а в основном пиво пили. Мужики ворчат на них, а они тоже ругаются: «Вы не понимаете, что такое баня!» Они понимают! Хоть, впрочем, в такой-то бане, как общая-то, только пиво и пить сидеть. Не баня, а недоразумение какое-то. Хорошо еще не в субботу ходил; в субботу истопил свою и смыл к чертовой матери все воспоминания об общественной бане.

...И пошла тут жизнь - вполне конкретная, но и вполне тоже необъяснимая - до краев дорогая и родная. Пошел Алеша двигать тазы, ведра... - стал налаживать маленький Ташкент. Всякое вредное напряжение совсем отпустило Алешу, мелкие мысли покинули голову, вселилась в душу некая цельность, крупность, ясность - жизнь стала понятной. То есть она была рядом, за окошечком бани, но Алеша стал недостижим для нее, для ее суетни и злости, он стал большой и снисходительный. И любил Алеша - от полноты и покоя - попеть пока, пока еще не наладился париться. Наливал в тазик воду, слушал небесно-чистый звук струи и незаметно для себя пел негромко. Песен он не знал: помнил только кое-какие деревенские частушки да обрывки песен, которые пели дети дома. В бане он любил помурылять частушки.

- Погляжу я по народу -

Нет моего милого, - спел Алеша, зачерпнул еще воды.

- Кучерявый чуб большой,

Как у Ворошилова. - И еще зачерпнул, еще спел:

- Истопила мама баню,

Посылает париться.

Мне, мамаша, не до бани -

Миленький венчается.

Навел Алеша воды в тазике... А в другой таз, с кипятком, положил пока веник - распа-

ривать. Стал мыться... Мылся долго, с останками. Сидел на теплом полу, на ветках, плескался и мурлыкал себе:

- Я сама иду дорогой,
Моя дума - стороной.
Рано, милый, похвалился,
Что я буду за тобой.

И точно плывет он по речке - плавной и теплой, а плывет как-то странно и хорошо - сидя. И струи теплые прямо где-то у сердца.

Потом Алеша полежал на полке - просто так. И вдруг подумал: а что, вытянусь вот так вот когда-нибудь... Алеша даже и руки сложил на груди и лежал так малое время. Напрягся было, чтоб увидеть себя, подобно-го, в гробу. И уже что-то такое начало мерцаться - подушка вдавленная, новый пиджак... Но душа воспротивилась дальше, Алеша встал и, испытывая некое брезгливое чувство, окатил себя водой. И для бодрости еще спел:

- Эх, догоню, догоню, догоню,
Хабибу до-го-ню!

Ну ее к черту! Придет-придет, чей раньше времени тренироваться! Странно, однако же: на войне Алеша совсем не думал про смерть - не боялся. Нет, конечно, укрывался от нее как мог, но в такие вот подробности не входил. Ну ее к лешему! Придет - придет, никуда не денешься. Дело не в этом. Дело в том, что этот праздник на земле - это вообще не праздник, не надо его и понимать как праздник, не надо его и ждать, а надо спокойно все принимать и «не суетиться перед клиентом». Алеша недавно услышал анекдот о том, как опытная сводня учила в бардаке своих девок: «Главное, не суетиться перед клиентом». Долго Алеша смеялся и думал: «Верно, суетимся много перед клиентом». Хорошо на земле, правда, но и прыгать козлом - чего же? Между прочим, куда радостнее бывает, когда радость эту не ждешь, не готовишься к ней.

Суббота - это другое дело, субботу он как раз ждет всю неделю. Но вот бывает; плохо с утра, вот что-то противно, а выйдешь с коровами за село, выглянет солнышко, загорится какой-нибудь куст тихим огнем сверху... И так вдруг обогреет тебя неожиданная радость, так хорошо делается, что станешь и стоишь, и не заметишь, что стоишь и улыбаешься.

Последнее время Алеша стал замечать, что он вполне осознанно любит. Любит степь за селом, зарю, летний день... То есть он вполне понимал, что он - любит. Стал стучаться покой в душе - стал любить. Людей труднее любить, но вот детей и степь, например, он любил все больше и больше.

Так думал Алеша, а пока он так думал, руки делали. Он вынул распаренный душистый веник из таза, сполоснул тот таз, навел в нем воды попрохладней... Дальше зачерпнул ковш горячей воды из котла и кинул на каменку - первый, пробный.

Каменка ахнула и пошла шипеть и клубиться. Жар вцепился в уши, полез в горло... Алеша присел, переждал первый натиск и потом только взобрался на полку. Чтобы доски полка не поджигали бока и спину, окатил их водой из тазика. И засматывал веником по телу.

Вся-то ошибка людей, что они сразу начинают что есть силы охаживать себя веником. Надо - сперва почесать себя - походить веником вдоль спины, по бокам, по рукам, по ногам... Чтобы он шепотком, шепотком, шепотком пока. Алеша искусно это делал: он мелко тряс веник возле тела, и листочки его, точно маленькие горячие ладошки, касались кожи, раззадоривали, вызвали неистовое желание сразу исхлестаться. Но Алеша не допускал этого, нет.

Он ополоснулся, полежал... Кинул на каменку еще полковша, подержал веник под каменкой, над паром, и поприкладывал его к бокам, под коленки, к пояснице... Спустился с полка, приоткрыл дверь и присел на скамеечку покурить. Сейчас даже малые

остатки угарного газа, если они есть, уйдут с первым сырым паром. Каменка обсохнет, камни снова накалятся, и тогда можно будет париться без опаски и вволю. Так-то, милые люди.

...Пришел Алеша из бани, когда уже темнеть стало. Был он весь новый, весь парил. Скинул калоши у порога и по свежим половичкам прошел в горницу.

И прилег на кровать. Он не слышал своего тела, мир вокруг покачивался согласно сердцу.

В горнице сидел старший сын Борис, читал книгу.

- С легким паром! - сказал Борис.

- Ничего, - ответил Алеша, глядя перед собой. - Иди в баню-то.

- Сейчас пойду.

Борис, сын, с некоторых пор стал не то что стыдиться, а как-то неловко ему было, что ли, - стал как-то переживать, что отец его скотник и пастух. Алеша заметил это и молчал. По первости его глубоко обидело такое, но потом он раздумался и не показал даже вида, что заметил перемену в сыне. От молодости это, от больших устремлений. Пусть. Зато парень вымахал рослый, красивый, может, бог даст, и умишком возьмет. Хорошо бы. Вишь, стыдится, что отец пастух... Эх, милый! Ну, давай, давай целйся повыше, глядишь, куда-нибудь и попадешь. Учится хорошо. Мать говорила, что уж и девочку какую-то провожает... Все нормально. Удивительно вообще-то, но все нормально.

- Иди в баню-то, - сказал Алеша.

- Жарко там?

- Да теперь уж какой жар!.. Хорошо. Ну, жарко покажется, открой отдушину.

Так и не приучил Алеша сыновей париться: не хотят. В материну породу, в Коростылевых. Он пошел собираться в баню, а Алеша продолжал лежать.

Вошла жена, склонилась опять над ящиком - достать белье сыну.

- Помнишь, - сказал Алеша, - Маня у нас, когда маленькая была, стишок сочинила:

«Белая березка

Стоит под дождем,

Зеленый лопух ее накроет,

Будет там березка тепло и хорошо».

Жена откачнулась от ящика, посмотрела на Алешу... Каков-то малое время вдумывалась в его слова, ничего не поняла, ничего не сказала, усунулась опять в сундук, откуда тянуло нафталином.

Достала белье, пошла в прихожую комнату. На пороге остановилась, повернулась к мужу.

- Ну и что? - спросила она.

- Что?

- Стишок-то сочинила... К чему ты?

- Да смешной, мол, стишок-то.

Жена хотела было уйти, потому что не считала нужным тратить теперь время на пустые слова, но вспомнила что-то и опять оглянулась. - Боровишку-то загнать надо, да дать ему. Я намешала там. Я пойду ребятишек в баню собирать. Отдохни да сходи приберись.

- Ладно.

Баня кончилась. Суббота еще не кончилась, но баня уже кончилась.

Верую!

По воскресеньям наваливалась особенная тоска. Какая-то нутряная, едкая... Максим физически чувствовал ее, гадину, как если бы неопрятная, не совсем здоровая баба, бессовестная, с тяжелым запахом изо рта, обшаривала его всего руками - ласкала и тянулась целовать.

- Опять!.. навалилась. О!.. Господи... пузырь: туда же, куда и люди, - тоска, - издевалась жена Максима, Люда, неласковая, рабочая женщина; она не знала, что такое тоска. - С чего тоска-то?

Максим Яриков смотрел на жену черными, с горячим блеском глазами... Стискивал зубы.

- Давай, матерись. Полайся - она, глядишь, пройдет, тоска-то. Ты лаяться-то мастер.

Максим иногда пересиливал себя - не ругался. Хотел, чтоб его поняли.

- Не поймешь ведь. - Почему же я не пойму? Объясни, пойму.

- Вот у тебя все есть - руки, ноги... и другие органы. Какого размера - это другой вопрос, но все, так сказать, на месте. Заболела нога - ты чувствуешь, захотела есть - налаживаешь обед... Так?

- Ну.

Максим легко снимался с места (он был сорокалетний легкий мужик, злой и порывистый, никак не мог измотать себя на работе, хоть работал много), ходил по горнице, и глаза его зло блеснули.

- Но у человека есть также - душа! Вот она, здесь, - болит! - Максим показывал на грудь. - Я же не выдумываю! Я элементарно чувствую - болит.

- Больше нигде не болит?

- Слушай! - взвизгивал Максим. - Раз хочешь понять, слушай! Если сама чурбаком уродилась, то постарайся хоть понять, что бывают люди с душой. Я же не прошу у тебя трешку на водку, я же хочу... Дура! - вовек срывался Максим, потому что вдруг ясно понимал: никогда он не объяснит, что с ним происходит, никогда жена Люда не поймет его. Никогда! Распори он ножом свою грудь, вынь и покажи в ладонях душу, она скажет - требуха. Да и сам он не верил в такую-то - в кусок мяса. Стало быть, все это - пустые слова. Чего и злить себя? - Спроси меня напоследок: кого я ненавижу больше всего на свете? Я отвечу: людей, у которых души нет. Или она поганая. С вами говорю - все равно, что об стенку головой биться.

- Ой, трепло!

- Сгинь с глаз!

- А тогда почему же ты такой злой, если у тебя душа есть?

- А что, по-твоему, душа-то - пряник, что ли? Вот она как раз и не понимает, для чего я ее таскаю, душа-то, и болит. А я злюсь поэтому. Нервничаю.

- Ну и нервничай, черт с тобой! Люди дождутся воскресенья-то да отдыхают культурно... В кино ходят. А этот - нервничает, видите ли. Пузырь.

Максим останавливался у окна, подолгу стоял неподвижно, смотрел на улицу.

Зима. Мороз. Село коптит в стилое небо серым дымом - люди согреваются. Пройдет бабка с ведрами на коромысле, даже за двойными рамами слышно, как скрипит под ее валенками тугой, крепкий снег. Собака залает сдуру и замолкнет - мороз. Люди - по домам, в тепле. Разговаривают, обед налаживают, обсуждают ближних... Есть - выпивают, но и там веселого мало.

Максим, когда тоскует, не философствует, никого мысленно ни о чем не просит, чувствует боль и злобу. И злость эту свою он ни к кому не обращает, не хочется никому по морде дать и не хочется удаться. Ничего не хочется - вот где сволочь-маета! И пластом, неподвижно лежать - тоже не хочется. И водку пить не хочется - не хочется быть посмешищем,

противно. Случалось, выпивал... Пьяный начинал вдруг каяться в таких мерзких грехах, от которых и людям, и себе потом становилось нехорошо. Один раз спьяну бился в милиции головой об стенку, на которой наклеены были всякие плакаты, ревел - оказывается: он и какой-то еще мужик, они вдвоем изобрели мощный двигатель величиной со спичечную коробку и чертежи передали американцам. Максим сознавал, что это - гнусное предательство, что он - «научный Власов», просил вести его под конвоем в Магадан. Причем он хотел идти туда непременно босиком.

- Зачем же чертежи-то передал? - допытывался старшина - И кому!

Этого Максим не знал, знал только, что это - «хуже Власова». И горько плакал.

В одно такое мучительное воскресенье Максим стоял у окна и смотрел на дорогу. Опять было ясно и морозно, и дымились трубы.

«Ну и что? - сердито думал Максим. - Так же было сто лет назад. Что нового-то? И всегда так будет. Вон парнишка идет, Ваньки Малофеева сын... А я помню самого Ваньку, когда он вот такой же ходил, и сам я такой был. Потом у этих - свои такие же будут. А у тех - свои... И все? А зачем?»

Совсем тошно стало Максиму. Он вспомнил, что к Илье Лапшину приехал в гости родственник жены, а родственник тот - поп. Самый натуральный поп - с волосьями. У попа что-то такое было с легкими - болел. Приехал лечиться. А лечился он барсучьим салом, барсуков ему добывал Илья. У попа было много денег, они с Ильей часто пили спирт. Поп пил только спирт.

Максим пошел к Лапшиным.

Илюха с попом сидели как раз за столом, попивали спирт и беседовали. Илюха был уже на развезях - клевал носом и бубнил, что в то воскресенье, не в это, а в то воскресенье он принесет сразу двенадцать барсуков.

- Мне столько не надо. Мне надо три хороших - жирных.

- Я принесу двенадцать, а ты уж выбирай сам, каких. Мое дело - принести. А ты уж выбирай сам, каких получше. Главное, чтоб ты оздоровел... А я их тебе приволоку двенадцать штук...

Попу было скучно с Илюхой, и он обрадовался, когда пришел Максим.

- Что? - спросил он.

- Душа болит, - сказал Максим. - Я пришел узнать: у верующих душа болит или нет?

- Спирту хочешь?

- Ты только не подумай, что я пришел специально выпить. Я могу, конечно, выпить, но я не для того пришел. Мне интересно знать: болит у тебя когда-нибудь душа или нет?

Поп налил в стаканы спирт, придвинул Максиму один стакан и графин с водой.

- Разбавляй по вкусу.

Поп был крупный шестидесятилетний мужчина, широкий в плечах, с огромными руками. Даже не верилось, что у него - что-то там с легкими. И глаза у попа ясные, умные. И смотрит он пристально, даже нахально. Такому - не кадиллом махать, а от алиментов скрываться. Никакой он не благодетель, не постный - не ему бы, не с таким рылом, горести и печали человеческие - живые, трепетные нити - распутывать. Однако - Максим сразу это почувствовал - с попом интересно.

- Душа болит?

- Болит.

- Так, - поп выпил и промакнул губы крахмальной скатертью, уголочком. - Начнем подъезжать издали. Слушай внимательно, не перебивай, - поп откинулся на спинку стула, погладил бороду и с удовольствием заговорил:

- Как только появился род человеческий,

так появилось зло. Как появилось зло, так появилось желание бороться с ним, со злом то есть. Появилось добро. Значит, добро появилось только тогда, когда появилось зло. Другими словами, есть зло - есть добро, нет зла - нет добра. Понимаешь меня?

- Ну, ну.

- Не понужай, ибо не запрет еще, - поп, видно, обожал порассуждать вот так вот - странно, далеко и безответственно. - Что такое Христос? Это воплощенное добро, призванное уничтожить зло на земле. Две тыщи лет он присутствует среди людей как идея - борется со злом.

Илюха заснул за столом.

Поп налил еще себе и Максиму. Кивком головы пригласил выпить.

- Две тыщи лет именем Христа уничтожается на земле зло, но конца этой войне не предвидится. Не кури, пожалуйста. Или отойди вон к отдушине и смоли.

Максим погасил о подошву сигарку и с интересом продолжал слушать.

- Чего с легкими-то? - поинтересовался для вежливости.

- Болят, - кратко и неохотно пояснил поп.

- Барсучатина-то помогает?

- Помогает. Идем дальше, сын мой занюханный...

- Ты что? - удивился Максим.

- Я просил не перебивать меня.

- Я насчет легких спросил...

- Ты спросил: отчего болит душа? Я доходчиво рисую тебе картину мироздания, чтобы душа твоя обрела покой. Внимательно слушай и постигай. Итак, идея Христа возникла из желания победить зло. Иначе - зачем? Представь себе: победило добро. Победил Христос... Но тогда - зачем он нужен? Надобность в нем отпадает. Значит, это не есть нечто вечное, непреходящее, а есть временное средство, как диктатура пролетариата. Я же хочу верить в вечность, в вечную огромную силу и в вечный порядок, который будет.

- В коммунизм, что ли?

- Что коммунизм?

- В коммунизм веришь?

- Мне не положено. Опять перебиваешь! - Все. Больше не буду. Только ты это... понятней маленько говори. И не торопись.

- Я говорю ясно: хочу верить в вечное добро, в вечную справедливость, в вечную Высшую силу, которая все это затеяла на земле. Я хочу познать эту силу и хочу надеяться, что сила эта - победит. Иначе - для чего все? А? Где такая сила? - поп вопросительно посмотрел на Максима. - Есть она?

Максим пожал плечами.

- Не знаю.

- Я тоже не знаю.

- Вот те раз!..

- Вот те два. Я такой силы не знаю. Возможно, что мне, человеку, не дано и знать ее, и познать, и осмыслить. В таком случае я отказываюсь понимать свое пребывание здесь, на земле. Вот это как раз я и чувствую, и ты со своей больной душой пришел точно по адресу: у меня тоже болит душа. Только ты пришел за готовеньким ответом, а я сам пытаюсь дочерпаться до дна, но это - океан. И стаканами нам его не вычерпать. И когда мы глотаем вот эту гадость... - поп выпил спирт, промакнул скатертью губы. - Когда мы пьем это, мы черпаем из океана в надежде достичь дна. Но - стаканами, стаканами, сын мой! Круг замкнулся - мы обречены.

- Ты прости меня... Можно я одно замечание сделаю?

- Валяй.

- Ты какой-то... интересный поп. Разве такие попы бывают?

- Я - человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Так сказал один знаменитый безбожник, сказал очень верно. Несколько самонадеянно, правда, ибо при жизни никто его за бога и не почитал.

- Значит, если я тебя правильно понял, бога нет?

- Я сказал - нет. Теперь я скажу - да, есть. Налей-ка мне, сын мой, спирту, разбавь стакан на двадцать пять процентов водой и дай мне. И себе тоже налей. Налей, сын мой простодушный, и да увидим дно! - поп выпил. -

Теперь я скажу, что бог - есть. Имя ему - Жизнь. В этого бога я верую. Мы ведь какого бога себе нарисовали? - доброго, обтекаемого, безрогого, размазную - телю. Ишь мы какие!.. Такого нет. Есть суровый, могучий - Жизнь. Этот предлагает - добро и зло, вместе, - это, собственно, и есть Бог. Чего мы решили, что добро должно победить зло? Зачем? Мне же интересно, например, понять, что ты пришел ко мне не истину выяснять, а спирт пить. И сидишь тут, напрягаешь глаза - делаешь вид, что тебе интересно слушать...

Максим пошевелился на стуле.

- Не менее интересно понять мне, что все-таки не спирт тебе нужен, а истина. И уж совсем интересно, наконец, установить: что же верно? Душа тебя привела сюда или спирт? Видишь, я работаю башкой, вместо того чтобы просто пожалеть тебя, сиротиночку мелкую. Поэтому, в соответствии с этим моим богом, я говорю: душа болит? Хорошо. Хорошо! Ты хоть зашевелился, ядрена мать! А то бы тебя с печки не стащить с равновесием-то душевным. Живи, сын мой, плачь и приплясывай. Не бойся, что будешь языком сквородки лизать на том свете, потому что ты уже здесь, на этом свете, получишь сполна и рай и ад, - поп говорил громко, лицо его пылало, он вспотел. - Ты пришел узнать: во что верить? Ты правильно догадался: у верующих душа не болит. Но во что верить? Верь в Жизнь. Чем все это кончится, не знаю. Куда все устремилось, тоже не знаю. Но мне крайне интересно бежать со всеми вместе, а если удастся, то и обогнать других... Зло? Ну - зло. Если мне кто-нибудь в этом великолепном соревновании делает бяку в виде подножки, я поднимусь и дам в рыло. Никаких - «подставь правую». Дам в рыло, и баста.

- А если у него кулак здоровей?

- Значит, такая моя доля - за ним бежать. - А куда бежим-то? - На Кудыкину гору. Какая тебе разница - куда? Все в одну сторону - добрые и злые. - Что-то я не чувствую, чтобы я устремлялся куда-нибудь, - сказал Максим.

- Значит, слаб в коленках. Паралитик. Значит, доля такая - скулить на месте.

Максим стиснул зубы... Взялся горячим, злым взглядом в попа.

- За что же мне доля такая несчастная?

- Слаб. Слаб, как... вареный петух. Не вращай глазами.

- Попяра!.. А если я сейчас, например, тебе дам разок по лбу, то как?

Поп громко, густо - при больных-то легки-х! - расхохотался.

- Видишь! - показал он свою ручищу. - Надежная: произойдет естественный отбор.

- А я ружье принесу.

- А тебя расстреляют. Ты это знаешь, поэтому ружье не принесешь, ибо ты слаб.

- Ну - ножом пырну. Я могу.

- Получишь пять лет. У меня поболит с месяц и заживет. Ты будешь пять лет тянуть.

- Хорошо, тогда почему же у тебя у самого душа болит?

- А болен, друг мой. Я пробежал только половину дистанции и захромал. Налей.

Максим налил.

- Ты самолетом летал? - спросил поп.

- Летал. Много раз.

- А я летел вот сюда первый раз. Грандиозно! Когда я садился в него, я думал: если этот летающий барак навернется, значит, так надо. Жалеть и трусить не буду. Прекрасно чувствовал себя всю дорогу! А когда он меня оторвал от земли и понес, я даже его погладил по боку - молодец. В самолет верую. Вообще в жизни много справедливого. Вот, жалуют: Есенин мало прожил. Ровно - с песню. Будь она, эта песня, длинней, она не была бы такой щемящей. Длинных песен не бывает.

- А у вас в церкви... как заведут...

- У нас не песня, у нас - стон. Нет, Есенин... Здесь прожито как раз с песню. Любишь Есенина?

- Люблю.

- Споем?

- Я не умею.

- Слегка поддерживай, только не мешай.

И поп загудел про клен зазеленелый, да так грустно и умно как-то загудел, что и правда - защемило в груди. На словах «ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий» поп

ударил кулаком в столешницу и заплакал, и затряс гривой.

- Милый, милый!.. Любил крестьянина!.. Жалел! Милый!.. А я тебя люблю. Справедливо? Да. Поздно? Поздно...

Максим чувствовал, что он тоже начинает любить попа.

- Отец! Отец!.. Слушай сюда!

- Не хочу! - плакал поп.

- Слушай сюда, колода!

- Не хочу! Ты слаб в коленках...

- Я таких, как ты, обставляю на первом же километре! Слаб в коленках... Тубик.

- Молись! - поп встал. - Повторяй за мной...

- Пошел ты!..

Поп легко одной рукой поднял за шкуру Максима, поставил рядом с собой.

- Повторяй за мной: верую!

- Верую! - сказал Максим. Ему очень понравилось это слово.

- Громче! Торжественно: ве-рую! Вместе: ве-ру-ю-у!

- Ве-ру-ю-у! - заблажили вместе. Дальше поп один привычной скороговоркой зачастил:

- В авиацию, в механизацию сельского хозяйства, в научную революцию-у! В космос и невесомость! Ибо это объектив-но-о! Вместе! За мной!..

Вместе заорали:

- Ве-ру-ю-у!

- Верую, что скоро все соберутся в большие вонючие города! Верую, что задохнутся там и побегут опять в чисто поле!.. Верую!

- Верую-у!

- В барсучье сало, в бычий рог, в стоячую оглоблю-у! В плоть и мягкость телесную-у!

...Когда Илюха Лапшин подрал глаза, он увидел: громадина поп мощно кидал по горнице могучее тело свое, бросался с маху вприсядку и орал, и нахлопывал себя по бокам и по груди:

- Эх, верую, верую!

Ту-ды, ту-ды, ту-ды - раз!

Верую, верую!

М-па, м-па, м-па - два!

Верую, верую!..

А вокруг попа, подбоченьясь, мелко работал Максим Яриков и бабьим голосом громко вторил:

- У-тя, у-тя, у-тя - три!

Верую, верую!

Е-тя, е-тя - все четыре!

- За мной! - восклицал поп.

Верую! Верую!

Максим пристраивался в затылок попу, они, приплясывая, молча совершали круг по избе, потом поп опять бросался вприсядку, как в прорубь, распахивал руки... Половицы гнулись.

- Эх, верую, верую!

Ты-на, ты-на, ты-на - пять!

Все оглобелки - на ять!

Верую! Верую!

А где шесть, там и шерсть!

Верую! Верую!

Оба, поп и Максим, плясали с такой с какой-то злостью, с таким остервенением, что не казалось и странным, что они - пляшут. Тут - или плясать, или уж рвать на груди рубаху и плакать, и скрипеть зубами.

Илюха посмотрел-посмотрел на них и пристроился плясать тоже. Но он только время от времени тоненько кричал: «Их-ха! Их-ха!» Он не знал слов.

Рубаха на попе - на спине - взмокла, под рубахой могуче шевелились бугры мышц: он, видно, не знал раньше усталости вовсе, и болезнь не успела еще перекусить тугие его жилы. Их, наверно, не так легко перекусить: раньше он всех барсуков слопает. А надо будет, если ему посоветуют, попросит принести волка пожирнее - он так просто не уйдет.

- За мной! - опять велел поп.

И трое во главе с яростным, раскаленным попом пошли, приплясывая, кругом. Потом поп, как большой тяжелый зверь, опять прыгнул на середину круга, прогнул половицы... На столе задребезжали тарелки и стаканы.

- Эх, верую! Верую!..

Виктор САМОЙЛОВ

Живет в поселке Малышев Лог. Человек непростой судьбы, преодолевший в своей жизни не один крутой поворот. В свое время много ездил по стране, работая на комсомольских стройках. Он и сегодня, неисправимый романтик. Природа наградила этого человека особым восприятием мира, самобытным талантом.

Царапина

Игорь открыл глаза и обомлел от восторга. Небо было изумительно синим. Солнце вот-вот поднимется к зениту. Воздух чистый, свежий, и так насыщен ароматами, что кажется сладким. Ветра почти нет. Лёгкий морозец, градусов пятнадцать, не больше, но совсем не холодно. Наоборот, он бодрит и придаёт остроту запахам. А запахов столько, что и сосчитать невозможно. Игорь их знал, все. Но сейчас навскидку определить не мог. Да и не нужно было. Опасных среди них не было. Это он знал точно. Снегу всего по щиколотку, а за ночь он подмёрз и сверху взялся тонкой корочкой, припорошенной инеем. Иней сверкал на солнце, искрился, переливаясь всеми цветами радуги. Прекрасный день, прекрасный! Наверное, первый такой в этом ноябре.

Не впервые Игорь был в лесу, и зимой тоже. Но ни разу не испытывал столько радости, любви и душевного трепета только от того, что стоит хорошая погода.

«Что бы там ни говорили, - думал он, - а Сибирь великолепа! Вряд ли на земле есть место красивее. Даже зимой. Особенно зимой! И особенно в лесу! Стоп! А почему в лесу? Как я сюда попал, я же дома был?»

Игорь растерянно оглянулся и чуть не подавился воздухом: сзади кто-то большой и тёмный подкрался совсем близко и совсем бесшумно. Прежде чем испугаться, он резко отскочил в сторону. Там, где он только что стоял, никого не было. Он повернул голову и снова прыгнул. И эта огромная, волосатая туша прыгнула вместе с ним. Игорь впал в ступор... Несколько секунд в голове не было вообще никаких мыслей. Потом он хмыкнул и сказал себе как бы между прочим: «Ну да, если это моя спина, то хоть запрыгайся, она всё равно будет сзади».

Он оглянулся ещё раз, уже спокойно, и сомнения развеялись. Это была спина, его собственная спина, покрытая жесткой, тёмной шерстью. Он посмотрел вниз и увидел ноги. Длинные, стройные, сильные, они тоже были покрыты шерстью и заканчивались аккуратными копытами. Обалдевший, он сначала не поверил своим глазам, потом возникло какое-то

двойственное чувство: удивленное удивляло и в то же время казалось родным и привычным. В голове стали появляться мысли, маленькие, беспорядочные, глупые, но тем не менее.

«Наверное, сплю, - думал он, - конечно сплю. Неудобно лежал - вот кошмар и приснился. Сейчас в себя приду, глаза открою - и всё будет в норме».

Он сделал глубокий вдох и открыл глаза. В синем небе по-прежнему сияло солнце, и снег искрился в его лучах. По-прежнему лес, волосатая спина и копыта.

«Блин, что ж такое, что я проснуться-то никак не могу? И сон какой-то очень уж реальный, таких не бывает. Вон, всё видать, до мельчайших деталей. Даже запахи есть. Тут, кстати, бурундук пробежал. Совсем недавно. Стоп, я что, чую след бурундука? А откуда я знаю, как он пахнет?»

Игорь покосился на свой нос, и вместо маленького, беленького бугорка, к которому он привык, увидел чёрный, как башмак, нос. Не то лошади, не то коровы. Он машинально облизал его языком, и сам ошалел от этого.

«Кошмар, прошептал он мысленно. Нет, это не кошмар - это глюк. Белая горячка. Но с чего? Я же не синяк запойный. Ну, употребляю, но ведь в меру. И не так уж часто. Нет, всё! Сейчас в себя приду и бросаю. Даже пиво не буду. Надо же, до чертей допилась. Рога, копыта... Кстати, рога...»

Он хотел потрогать, что у него на голове, но, сколько ни пытался, руки поднять не смог. Рук не было. Зато рога были, он увидел их, скосив глаза вверх. Дурацкая, нелогичная мысль снова коснулась сознания. «А может, и вправду чёрт? Мало ли, как их рисуют? Может, на самом деле они такие и есть: без рук, с лошадиной задницей?»

Он ещё раз оглянулся, помахал хвостом, коротким, как обрубок, и, похолодев от внезапной мысли, осторожно заглянул себе под брюхо. «Уф, слава Богу! - отлегло у него от сердца. - Самец!»

Потом, насколько выворачивалась шея, внимательно осмотрел себя со всех сторон и рассмеялся: «Лось, ну, конечно

же, лось. И, судя по рогам, - трёхлетка. Как я, болван, сразу не догадался?»

Испуг прошёл, настроение немного улучшилось. Настолько, что можно было подумать. Игорь сорвал ближайший ивовый прут и, неспеша пережёвывая его, размышлял:

«Надо же, людям - черти мерещатся, человечки зелёные, а мне - лось. Да не просто так, а я - лось. Сам. Мужиком скажу - обалдею. Хотя нет, не буду говорить. А то потом подначками задолбают: и про рога, и вообще. Ну и погреху навесят - это уж сто пудов».

Он сорвал ещё прут и про себя отметил, что ивовые прутья в общем-то вкусная вещь. Не сам прут, а кора.

«Вот если бы ещё кто-нибудь чистил их для меня», - подумал Игорь и насторожился. Что-то очень уж быстро начал свыкаться с мыслью, что он лось. Потом, изогнув шею, почесал кончиком рога спину и погрустнел. То, что виденье реальней, куда, это понятно - глюк. Но, если верить рассказам, те, кто чертей гоняет, сами при этом людьми остаются. А он нет.

И хотя механизма белой горячки Игорь не знал, решил, что у него горячка какая-то неправильная. И ещё решил, что теперь-то уже пить обязательно бросит. Ладно, лось, а то, чего доброго, начнёт с предметами за женой гоняться. А это - уже скверно.

«Всё, вот только в себя приду и завываю» решил, и энергично потряс головой. Потом потопал ногами, попрыгал, пробежался. Видение не исчезло. Реальность была явной, или явь реальной, какая разница, легче от этого не становилось. И чем больше он двигался, тем больше в этом убеждался. Игорь вновь вернулся к ивовому кусту, успокоился и собрался с мыслями. Как ни странно, он хорошо помнил последние события.

Июнь, жара, пятница. Он пришёл с работы. Жена собралась на дачу, уже сумки упаковала. После ужина так тяжело вставать с дивана, но она тормозит, торопит.

- Галя, ну отстань. Такая жара, целый день в кабине. Ну, дай отдохнуть.

- Вечером будет прохладно, по холоду быстро управимся и т.д. и т.п.

Соблазнила, большую двухлитровую бутылку пива из холодильника достала и в пакет засунула. Приехали на дачу, покурели, начали картошку окучивать. Около часа проработали, почти закончили; неловко таяпкой махнул - ногу порезал. Рана пустая, крови почти не было, но причина появилась. Тяпку бросил, закурил.

Гаврилыч, сосед по даче, рукой машет, подмигивает. У него после юбилея спирту осталось - немеренно. Старый хрен, сбегал от своей бабки, и здесь, на даче, потихоньку его приговаривает. Пить не хотелось: жара, да и вообще, но Гаврилыч - мужик хороший, и неудобно было его отказом обижать. Пошёл. После второй разговорились.

Потом Галя пришла, позвала ужинать. Не пошел. Уснул там же, у Гаврилыча. Утром Галя разбудила, звала домой. Какой, на хрен, домой, когда голова бренчит, как новый тазик. Похмелились, потом догнались, потом Галя звала обедать. Какой обед?

Гаврилыч рассказывал о том, как он, молодой офицер, по приказу товарища Сталина взял штурмом Рейхстаг и водрузил на нём красное знамя. Пили за знамя. Галя звала домой, ругалась. Послал её. Ушла.

Утром было хреново, как никогда раньше. Гаврилыч тормозит за плечо. При каждом встряхивании голова потрескивает, а мозги, высохшие до размера спичечной коробки, гремят в черепашке, как шуруп в пустом ведре. Какая боль! «Были бы силы - убил бы гада!», - думает Игорь, но сил нет. А Гаврилыч тормозит и суёт в руки стакан. Невероятным усилием воли заставил себя проглотить омерзительную жидкость. Потом долго сидел и, свесив голову на грудь, не то кряхтел, не то кашлял, заливая слюнями рубашу.

Потом пришёл в себя, потом продолжил. Гаврилыч рассказывал, как он, молодой офицер, по приказу товарища Сталина взял штурмом Зимний дворец и застрелил спящего царя. На столе стояла канистра со спиртом и лежал пучок молодого зелёного лука. Гаврилыч как надёргал его на грядке, так и положил на стол, с землёй и корнями. Игорь хотел отряхнуть землю, но Гаврилыч его остановил:

- Не бойсь, Игоря, земля-то, она того... В ей минералы. В ей, можно сказать, вся таблица Менделеева.

Игорь хотел вспомнить, кто такой этот Менделеев, и не смог, а спрашивать постеснялся, - потому что сосед рассказывал, как он, молодой офицер по приказу товарища Сталина на совершенно секретном самолёте СУ-27 громил проклятых американцев в небе над Вьетнамом.

Потом провал. Потом было так хреново, что больно вспоминать. Но похмелились, разогнались. Гаврилыч рассказывал, что Володя Путин в детстве был маленьким и слабым, и он, Гаврилыч, молодой ещё офицер, взял его за руку и привёл в школу КГБ. Тупые генералы не хотели принимать юного президента, но он настоял. «Я сказал им: из этого парня будет толк! - ревел Гаврилыч и шараял кулаком по столу. Потом, тише уже, добавил: - Будет, я сказал». И бросил на стол пучок недоеденного лука.

Игорь плакал и скрипел зубами от досады: «Как могла Родина так несправедливо поступить с Гаврилычем, с этим достойнейшим из людей! Не оценила, позабыла, бросила. И он, этот выдающийся, но скромный герой, вынужден был всю жизнь проработать слесарем в автобазе!» Игорь плакал, а Гаврилыч по-отечески, твёрдым голосом говорил: «Не надо, Игоря. Слышь, не надо. У нас, чекистов, у всех - судьба такая».

«Сколько же мы на тот момент выпили?», - задумался Игорь, но подсчитать это было невозможно. Потом шли куда-то, ночью. Потом провал, Потом потолок, белый и высокий, стена, бледная, без обоев. Где это?

Галя, бледная, как стена. Улыбается, значит, не сердится. Глаза заплаканные, наверное, деньги потеряла. Что-то говорит, про какие-то столбики. Какие столбики? Ничего не помню. Наверное, мы с Гаврилычем забор уронили. Да не плачь ты, дурочка. Подумавшь, забор. Сейчас оклемаю маленько и сделаю. «Ох, что же мне так хреново, даже сказать ничего не могу. Наверное, спиртом отравился. А может, оттого, что землю ел?»

За руку трясёт, а стена надвигается, белая-белая. Уже Гали не видно и ничего не видно. И всё. И лось. Не понял...

«А может, сон такой? Приснилось же мне один раз, будто я с тещей сплю».

Игорь ещё раз огляделся, пытаясь найти какую-нибудь несурзацу, и ничего такого не обнаружив, сунул морду в снег. Почувствовал его холод на своём носу, а также запах прелой веточки под снегом. Фыркнул, поднял голову и облизал влажные ноздри. Ещё раз удивился этой новой для себя способности и продолжил размышления: «Если я допилась и мозгами заюзил, то почему тогда рассуждаю здраво? Ведь и память, и всё работает. Единственно, что вот - лось. И куда, на хрен, Галя смотрит, не видит что ли, что мне плохо?»

Игорь опустил голову и тупо уставился на свои копыта. «Нога. Жутко болела нога. Но голова болела сильнее, и я не заметил. А Галя заметила? Плакала она в больнице. А что с ногой? Может, сломал, когда хотел забор свалить? Нет, столб. Она про столбы говорила. Про столбики. Вообще-то, про столбняк».

У Игоря мороз пробежал по коже, заставив дыбом подняться шерсть почти по всему телу. Он хоть и не был силён в медицине, но знал, столбняк - вирус опасный. Болеют им редко, но недолго, И, если вовремя человеку помощь не оказать, то всё, - финиш. «Надо же. Маленькая ранка, почти царапина. Надо было промыть. Хоть тем же спиртом.

Даже если бы в субботу в больницу пошёл - всё бы можно было поправить.

Дурак, ох дурак. А я на Галку наорал. А она меня домой, наверное, весь день ждала. А в больнице? Ну, правильно, пьяный, пока расчухали, что к чему - время и ушло. А может, уже поздно было».

Признать, что ты умер, что больше тебя нет, было тяжело. Невероятно тяжело. Он, сколько мог, отгонял эту мысль, но факты, подаваемые памятью, вновь и вновь возвращали к ней.

Логика победила. Пришлось это признать и смириться с этим. Потерять жизнь, когда тебе всего сорок два, когда в теле есть ещё сила, а в голове мозги... Ну, ладно там, погибнуть в бою или в катастрофе, чью-то жизнь спасая, а вот так, из-за пустяка, по пьянке... Глупо. Глупо и обидно.

Игорь пролистал в памяти свою потерянную жизнь и сумел отыскать в ней пару-

тройку радостных, по настоящему счастливых моментов. Немного, за сорок два-то года. Крупная слеза выкатилась из глаз и потекла вниз по его волосатой морде.

«Жизнь, - вздохнул Игорь, - она хоть и была не красивши портянки, а всё равно жалко». И тут же горько пошутил над собой: «Зато теперь деньги не нужны, и на работу ходить не надо. Интересно, кого механик на мой экскаватор посадит? Хотя, наверное, уже посадил, время-то ноябрь, а я помер в июне. А может, все-таки не умер? Тогда как все объяснить?»

В памяти возникла песня Владимира Высоцкого о переселении душ, но почему-то в мозгу вертелась только одна строчка: «А если туп, как дерево, - родишься баобабом...»

Игорь ухватился за эту мысль, как утопающий за соломинку, как бонж за бутылку пива, как гаишник за пьяного водилу. Он рассмотрел ее со всех сторон, обсосал до косточки, вспомнил все, что когда-либо слышал о реинкарнации. Потом примерил ситуацию на себя и решил, что да, душа его вселилась в лось. Конечно, абсурд, конечно, ересь, но другого объяснения не было. У него не было.

«А почему именно лось? - задумался Игорь. - Потому что пахал всю жизнь, как лось? Да, нет. Пашут, как конь или как ишак. Здоровый, как лось? Тоже нет. Особым здоровьем вроде не отличался. Тогда почему?»

Решив, что ответ на этот вопрос он найдет позже, Игорь начал осваиваться со своим новым положением. Странно, но никаких трудностей тут не возникало. Тело было молодое, сильное, большое и в то же время легкое. Немного лишнего жира, но он абсолютно не мешал, а наоборот, придавал уверенности. Шевелились хвост, уши, ноздри. Действовали ноги. Тело полностью ему подчинялось. Создавалось впечатление, что он родился и вырос в этом теле, хотя еще десять минут назад боялся его.

Но что удивительно: Игорь совсем не

помнил себя лосенком, или лосем в прошлом году, или хотя бы вчера.

«А может, так и должно быть, может, у лосей нет памяти, как у нас, то есть у людей? - размышлял он над очередной загадкой. И вообще, чья сейчас у меня память, зверя или человека? Нет, ну, конечно же, человека. Тогда где память зверя, где его душа?»

Вопросов было много, но уже чувствовался голод, и он начал кормиться, безошибочно выбирая все, что можно есть.

«Интересно, - размышлял он по ходу дела, - копыта босиком, по щиколотку в снегу, а ноги не мерзнут. Да и самому не холодно, а мороз чувствую. Зато дышится как легко. Никогда не думал, что столько удовольствия в том, что дышишь. Просто дышишь».

Потом он пошел. Потом побежал, все быстрее и быстрее, наслаждаясь своей силой и здоровьем. Взмахнул на пригорок и остановился, нюхая воздух. «А лосем быть не так уж плохо, - думал Игорь, - человеком-то в эту гору я бы еще до половины не дошел, да и вспотел бы уже. А тут ничего, даже не запыхался».

И он неспеша двинулся дальше, пробуя себя, пробуя эту новую для себя жизнь и себя в этой жизни. И ему всё больше и больше нравилось его новое состояние, а через несколько минут он был уже уверен, что лосем быть лучше, чем человеком. И радовался, что судьба распорядилась сделать его лосем, а не коном или, скажем, вороной.

Он снова, в который уже раз, оглядел себя и остался доволен увиденным. И подумал, что интересно было бы посмотреть на себя в зеркало, только где же его взять здесь, в лесу. «Стоп, - мысль вихрем пронеслась по сознанию, - а если пойти в город. Ведь я же лось только снаружи, - а внутри - человек. Я людей не боюсь, машин - тем более. Читать умею, таблицу умножения помню, теорему Пифагора хоть сейчас докажу».

Он попробовал начертить на снегу треугольник, получилось не очень похоже, всё-таки копыто не рука. «Ладно, тренируюсь. Что-нибудь придумаю. А вообще, с такими способностями я произведу фурор, настоящую сенсацию. Стану знаменитым, может, Галку увижу, да наверняка увижу. Хотя зачем мне, лосю, женщины? Как, впрочем, и ей - лось?»

А воображение уже рисовало ему радужные картины, забавные, порой смешные, и в любом случае, интересные.

«Как прав был Высоцкий, - думал Игорь, - сто раз прав. Всё-таки, умный был мужик. Жалко, что умер так рано».

И тут он уловил шум идущей электрички. Звук был далёкий, неясный, но спутать его с другим было невозможно. Игорь повертел ушами, определил направление и пошёл на этот звук. Пошёл к людям. Лёгкой рысью он спустился с холма, прошёл низом, снова поднялся в гору. Ноги легко и послушно несли его вперёд, безошибочно определяя дорогу. За всё время он ни разу не запнулся, не оступился, а ведь лес - не асфальт. Да и ног целых четыре.

Он шёл и не переставал радоваться новой жизни, новому телу, новым перспективам. Душа его ликовала, всё его естество сияло счастьем, как яркое солнце, и звенело от восторга, как этот, слегка подмороженный лес. Он уже забыл о той, прежней своей жизни, не то чтобы совсем забыл, а перестал о ней сожалеть. Теперь она казалась ему серой, грязной и унылой, как гниющая ветка под ногами. И где-то, на окраине сознания, он даже радовался, что так легко и быстро отделался от неё, и искренне жалел людей, всё ещё живущих и продолжающих судорожно цепляться за эту жизнь.

«Я лось! Я - лось! Как хорошо быть лосём!».

Он поднялся на очередной пригорок и замер. С другой стороны горы навстречу ему поднимались люди. Сопя и подкашливая, они почти преодолели подъем, им осталось до гребня горы метров пятьдесят, как вдруг прямо на них выскочил лось.

«Вот это да! - подумал Игорь. - Встреча состоится даже раньше, чем я предполагал. Как говорится, на ловца и зверь...»

Он сделал несколько шагов навстречу и в знак приветствия кивнул головой. Мужики, а их было трое, замерли от неожиданности. На лицах испуг, в глазах растерянность.

Игорь в душе хохотнул над их нелепым видом, сделал еще пару шагов и снова кивнул. Люди ожили. Медленно, как на повторе, они задвигали руками, не сводя с него глаз. И тут Игорь увидел то, на что вначале не обратил внимания. Ружья! Две двустволки и карабин.

«Охотники! Вот черт! Ну, не будут же они в меня стрелять. Я же сам на контакт иду, неужели не видно?»

Он сделал еще шаг и опять кивнул головой. Но ружья уже сняты с плеч... Хотелось крикнуть: «Эй, парень, разуй глаза! Ты что делаешь?! Это же я...!»

И тут, словно плетью, хлестнуло сознание. Он вспомнил, как лет восемь назад, в конце сентября, они с другом вот так же внезапно наткнулись на лосиху. У них не было лицензий, у них даже ружья были заряжены дробью. Где-то в патронаже имела пара пуль, на всякий случай, но кто знает, когда он подвернется, этот случай.

Знали, что дробью лоса не возьмешь, что до дома километров двадцать, и вдвоем эту тушу не утащить. Но не смогли удержаться. Начали стрелять. Друг сделал два выстрела, один за другим; Игорь пальнул залпом, сразу из двух стволов. Лосиха задергалась, упала, но поднялась и пустилась бежать.

Игорь успел перезарядить ружье и сделал еще два выстрела. Она покачнулась, потеряла равновесие, но выровнялась и побежала дальше, сильно хромя и уже не так быстро.

Они скинули рюкзаки, фуфайки и бросились в погоню. Азарт гнал их вперед, заставляя забыть здравый смысл и усталость.

Потерять след было невозможно, там, где прошла лосиха, осталась кровь. На кустах, на листьях... много крови. Измотанную, обессиленную, они догнали ее часа через полтора, подошли на расстояние выстрела и в четыре ствола прикончили. Потом, жадно глотая воздух, сами повалились рядом.

Азарт прошел, навалилась усталость. Добыча не доставила желаемой радости. Лосиха была уже не дичь, а просто мертвая, окровавленная туша, на которую смотреть-то было неприятно.

Долго думали, что с ней делать, как ее перетащить, ничего не придумали и, отрезав задние ноги, двинули в обратный путь, бросив остатки изуродованной туши.

Вся картинка промелькнула в памяти за долю мгновения. Игорь понял: будут стрелять. Чтобы он ни делал, как бы себя ни повёл, он для них лось. Просто лось. Халява. Гора бесплатного мяса, которое можно поджарить на костре, а застра прокрутить через мясорубку и застрять котлет, пельменей. А излишки продать соседу, купить водки и закусить, теми

же пельменями.

Им плавать, что он умный лось, что он помнит теорему Пифагора. Им плавать, что жизнь, которую он только что получил, так прекрасна, что она красивее и чище, чем их три вместе взятые. Что он даже не успел насладиться этой жизнью. Им вообще наплевать на его жизнь. Им плавать, что живое красивее мёртвого. Опьяненные силой и безнаказанностью, они не будут думать об этом. Они не будут думать вообще ни о чём, кроме собственных интересов. А потому, он для них - мясо. Просто мясо.

Ошарашенный этой догадкой, Игорь пятился, потом повернулся и рванул прочь.

Почти сразу, один за другим, прогремели два выстрела. Острая боль прошла тело. Передние ноги подкосились и он, упав, сходу зарылся мордой в снег. Попытался встать и не смог. А выстрелы гремели и гремели.

Тело, его прекрасное, великолепное тело, перестало ему подчиняться. Оно всё превратилось в боль. Дикую, невыносимую, сокрушающую сознание. Боль! Она брызгала кровью из разодранной пулями шкуры, розовой пеной вскипала в простреленных лёгких, клокотала в пробитом горле. Эта адская боль распирала и плющила мозг. Казалось, ещё чуть, и глаза выпадут из глазниц.

Игорь больше не двигался, он понял - это конец. Понял и принял и, не найдя даже слабой искорки надежды, смирился. От этого стало ещё больнее.

Он закрыл безумевшие от боли и отчаяния глаза и думал теперь только о воздухе, таком сладком и так полюбившемся ему. Казалось, сделай он вдох - и боль, и страх, и отчаяние отойдут, отодвинутся.

Он сделал этот вдох, хриплый, булькающий, невозможный, и не уловил ставших уже привычными запахов. Никаких, кроме запаха крови. Он даже успел удивиться этому, попытался сделать ещё вдох и не смог.

«Жалко, как жалко...» - подумал он.

Почему-то вспомнилась лосиха, лежащая на пожухлой траве. Окровавленная, с потускневшими глазами. Мёртвая.

«Прости!» - сказал Игорь, мысленно обращаясь к ней, и открыл глаза.

Он увидел небо, высокое, чистое, синее. Но его тут же заслонило потное лицо охотника. Азарт ещё светился в его глазах, ружья наготове.

Готов! - произнёс он.

Ну вот, - послышался другой голос, - а вы идти не хотели. Я же говорил: денёк сегодня замечательный.

Лось умирал, по телу его прокатилась судорога. Ноги, разбрызгивая окровавленный снег, задёргались, всё быстрее и быстрее, будто он набирал разбег. Потом вытянулся, словно в прыжке, и затих. И умер, вот так, в полёте, совершая свой последний прыжок. Глаза его потускнели, и в голове погасла последняя мысль.

«Небо. Я успел увидеть его...»

пос. Малышев Лог.

«Жажда вместить в своё сердце...»

Городское литобъединение «Гренада» Виолетта НИКУЛИНА

«...Происхождение отдельных стихотворений таинственно схоже с происхождением живых организмов. Душа поэта получает толчок из внешнего мира, иногда в незабываемо яркий миг, иногда смутно, как зачатие во сне, и долго приходится вынашивать зародыш будущего творения, прислушиваясь к робким движениям ещё неокрепшей новой жизни. Всё действует на ход её развития – и косой луч Луны, и внезапно услышанная мелодия, и прочитанная книга, и запах цветка. Всё определяет её будущую судьбу.

Прекрасные стихотворения, как живые существа, входят в круг нашей жизни: они то учат, то зовут, то благословляют, среди них есть архангелы-хранители, мудрые вожди, искусители-демоны и милые друзья».

Николай Гумилёв «Письма о русской поэзии»
(Анатомия стиха. Жизнь стиха)

Давно известно, что у людей творческих не бывает выходных. 30 ноября 2008 года в Доме творческих союзов города Новокузнецка состоялся традиционный городской литературный семинар.

Творческие возможности и таланты городского литературного объединения «Гренада» и студенческой литературной студии «Берег» НФИ КемГУ оценивали мэтры литературной арены города Но-

вокузнецка.

Александр Дмитриевич РАЕВСКИЙ – поэт, член Союза писателей России, художественный руководитель литературной студии при Детской централизованной библиотеке города Новокузнецка «РОСТ».

Любовь Алексеевна НИКОНОВА – поэт, член Союза писателей России, руководитель городского литературного объединения «Гренада», руководитель городских литературных студий «Фесковс-

кие литераторы», «Берег», «Зёрнышко» «Созвездие Лиры».

Таяна Васильевна ТУДЕГЕШЕВА – член Союза писателей России.

Дмитрий ХОБОТНЕВ – писатель-прозаик, член Союза писателей России, участник VIII Всероссийского форума молодых писателей России.

В городских прослушиваниях приняли участие 13 человек. В основном среди творческих рукописей преобладала поэзия. И даже проза, выставленная на обсуждение, носила больше поэтический характер.

Открыли семинар своим выступлением семиклассники Детско-юношеской литературной студии «Созвездие Лиры» гимназии № 44 Михаил

Леонов и Роман Больных. Мальчики прочитали по два стихотворения собственного сочинения. Несмотря на столь юный возраст, их стихотворения показались мне далеко не ученическими. У них уже есть публикации не только в гимназическом журнале «Парус», но и в городском литературно-художественном альманахе «Кузнецкая крепость», а также в областной газете Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области «Культура Кузбасса».

Особенность семинара заключалась в том, что гренадцы не просто представляли свои работы, но и рецензировали поэзию и прозу оппонентов.

Кроме того, мероприятие запомнилось ещё одним нововведением: разбор представленных рукописей как в поэзии, так и в прозе проходил в одном месте. Не было дроблений на секции прозы и поэзии. Как и ожидалось, поэтических творений было больше, чем прозаических текстов. Литературная молодёжь показала хорошую подготовленность. Попробуем рассказать о каждом из них.

Дамир ИБРАГИМОВ представил на суд жюри внушительную подборку стихотворений. Дамир появился в гостиную «Гренады» сравнительно недавно, чуть больше года назад. И за короткий срок успел стать участником многих литературных семинаров и фестивалей, в том числе и областного семинара, проходившего в Кемерове.

Его поэзия характеризуется масштабностью, внутренней целостностью, сдержанностью и аристократическим благородством. Творения Дамира по сути своей гармоничны и духовны. Своими учителями и проводниками в мире классики он считает Гумилёва, Заболоцкого, Блока. Дамир самодостаточен в реализации художественных замыслов.

Как сказал Александр Раевский: «...он обретает свою интонацию среди общей массы».

Любовь Андреева. О творчестве этой юной поэтессы хочется сказать особо. Творческие люди талантливы во многом. Люба совмещает в себе две грани искусства: художественную и поэтическую. Она студентка второго курса «Новокузнецкого училища искусств» отделение «Станковой живописи», и посещает занятия городского литературного объединения «Гренада».

Её стихотворения – это планы-зарисовки будущих картин. Поэзия Андреевой – поэзия наивного искусства. Тематика стихотворений далека от философских размышлений, любовных переживаний. Это другой мир. Мир лёгкого детского непосредственного восприятия, ясный взгляд ребёнка на привычные вещи.

Вот одно из её стихотворений – «Цветные карандаши». Мы привыкли воспринимать карандаши как канцелярские принадлежности. А Люба предлагает своё видение:

На белом подоконнике
Стоят карандаши.
Весёлые и яркие –
Совсем, как малыши.

Ракетами цветными
Они стремятся в высь.
Из банки вырываются,
Чтоб в небо унести.

В них скрыто много разного:
Ежи и хомяки,
Ботинки, розы красные
И черные жуки.

В подборке автора большинство стихотворений про животных.

Александр ТОМСКИЙ. В литературной среде Александр не новичок. Это сложившийся поэт со своей системой взглядов и ценностей.

Пишет стихотворения давно. Его стихотворения – это мир размышлений и рассуждений. Но мир не догматичный, а живой и полнокровный, пластичный.

В этом году на Фёдоровских чтениях Александр был награждён Благодарственным письмом Коллегии Администрации Кемеровской области за активное участие в литературно-творческой жизни Кузбасса. Это ли не признание творческой личности?

Елена ОСТРЫХ. С Леной мы знакомы мало. Но и тех пары месяцев хватило, чтобы понять какой это интересный человек. Особая черта характера Лены, которая проявляется и в её стихах, – прямолинейность. Как признается Елена: «особо о своём творчестве (что и как пишет) долгое время не задумывалась». Это осмысление пришло в 2005 году. Сегодня Лена является студенткой 3 курса факультета русского языка и литературы КузГПА.

Для её поэзии характерен особый ровный ритм, чем-то напоминающий поэтический Парнас Марины Цветаевой. В поэзии Елена ценит одну черту: возможность представить себя на месте того или иного лирического героя. Словно примеряешь на себя различные психологические портреты, словно перевоплощаешься в другую сущность.

Виктория ТРЕГУБОВА. Поэзия Вики – калейдоскоп образов, картинок. Поэзия парадокса и ортодоксальностей. Мне кажется, что точную характеристику поэзии Виктории дал Александр Раевский. Он назвал творческие стихи поэтессы «Поэзией спецэффектов». И словно продолжая мысль своего коллеги по перу, Дмитрий Хоботнев подытожил: «У Виктории живопись борется с поэзией». И это на наш взгляд, мешает стихотворениям Виктории обрести целостность восприятия.

Ив. ЛАГО. Под этим псевдонимом пишут произведения два человека. Их творческий тандем представил и прозу (сказки-миниатюры, бытовую сказку «Кот в кирзовых сапогах») и стихотворения. Мне

проблем, забот и обязанностей. В их произведениях нашлось место для всего: и для «взрослого» юмора, иронии и сатиры, и для нестаряющихся жизненных анекдотов, для народной мудрости.

Максим ШУЛАКОВ – студент 5 курса факультета информационных технологий НФИ КемГУ.

Мне повезло познакомиться с поэтическим творчеством молодого дарования. Не все стихотворения Максима безупречны. Но большинство работ – это кропотливая работа над формой, ритмом и всеми составляющими стихотворного организма. Его поэзия произвела на меня сильное впечатление. Есть, на мой взгляд, одна интригующая особенность лирики Максима – он даёт своим чувствам и эмоциям, ощущениям, цвет:

Я пью огромными глотками
Дневную ясность, синь небес.
Я чувствую: почти взлетаю.

Златая солнечная взвесь
Гуляет весело по телу,
Струится сквозь стекло очей.

Тонкие по колориту, наполненные воздухом и светом пейзажи комфортно соседствуют с индустриальными городскими пейзажами. Стихотворения полны внутренней экспрессии. Колористическая гамма одновременно сдержанна и необыкновенно богата расплавленным золотым солнечным светом.

Мария ШУСТОВА. Мария ассоциируется с огоньком. Эта девушка учится на втором курсе юридического факультета НФИ КемГУ и пишет искрометные шутки («Шутки от Машутки»), миниатюры и стихи. Юмористические ситуации, каламбуры взяты из обычных будней. Подсмотрены, услышаны и пропущены, иногда в перифразированном варианте, через авторское видение.

Дмитрий СЕМЁНОВ специализируется на фантастике. Его рассказы отличает идейная насыщенность. В фантастическом рассказе «Старый, старый мир», который я легко могу назвать антиутопией, заложена нестаряющаяся истина: в погоне за эликсиром молодости, человек перестает жить полноценной жизнью. И открытие секрета долголетия ведёт к обезцениванию жизни, к её субстантивации. «И все-таки, почему люди умудряются превратить любую свою мечту в проблему? Научились летать – стали сбрасывать бомбы. Придумали роботов – остались без работы. Победили болезни, обрели вечность

ангел) – эссеистические истории с налетом философско-элегической интонации повествования. Кстати по ходу заметим, что название «рассказа» «Cherubina» отсылает нас к литературной мистификации начала XX века. За маской псевдонима Черубины де Габриа – таинственной красавицы, поэтессы-художницы, придуманной в 1909 году в Крыму Елизаветой Ивановной Дмитриевой и Максимилианом Волошиным, стояла реальная личность самой Елизаветы Ивановны. Можно только лишь гадать, что хотел этим сказать нам автор. Зачем лишний раз создавать очередную мистификацию? Это своего рода текст-вопрос. Какие нравственные, моральные ориентиры могут быть руководством, когда жизнь летит под откос? Это память, обещания, воспоминания – ниточки, которые вы-

тью «Время для двоих». Обсуждение проходило довольно противоречиво, а значит, читательская аудитория не осталась равнодушной. При всей «занафталинности» сюжета, при всей заезженности излюбленной темы любовных романов, мы с удивлением обнаруживаем простые истины, облаченные в палитру искренности, щемящей души нежности без малейшей пошлости. Выпуклость учтивого отношения к Женщине, возведение Её в ранг недоступной Дамы разбивает все ехидные ухмылки скептиков и циников и грубо-презрительное слово «баба», покоряет женскую аудиторию. Роман словно реабилитирует само понятие «женщины», её природную и изначальную сущность.

Людмила ТАНКОВА каждый раз удивляет нашу аудиторию разноплановыми рассказами, стихотворениями-причитаниями, сказками и многими другими вещами. Особенно ценными для нас всегда становятся произведения, в которых проявляется словесная культура народной речи: манера речи, говоры, диалекты. В этом вопросе Людмила Александровна – мастер перевоплощений. Мало кто в наше время задумывается о таких возможностях. Многие сюжеты автор заимствовал из жизни. Покоряет желание Людмилы Александровны работать над словом. Сделать его не просто «вкусным», но и весомо-эффектным.

В целом, подводя итоги прошедшего семинара, хочется сказать. Все участники без исключения, поэты и прозаики, воплотили в своем творчестве кредо, гениальную формулу Ивана Бунина: «Жажда вместить в свое сердце весь зримый и незримый мир и вновь отдать его кому-то...»

А для кого же, как не вас, дорогие наши читатели, творят писатели? Ещё Самуил Яковлевич Маршак говорил: «Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели. Именно на них, на этих талантливых, чутких, обладающих творческим воображением читателей, и рассчитывает автор, когда напрягает свои душевные силы в поисках верного образа, верного поворота действия, верного слова. Художник-автор берёт на себя только часть работы. Остальное должен дополнить своим воображением художник-читатель».

кажется, что при имеющихся недостатках (на которые указали авторам при разборе на семинаре), их проза отличается неповторимым шармом. Авторам удалось найти свою нишу, в рамках которой они творят довольно неожиданную современную прозу – «сказки». В персонажах и героях которых легко узнаваемы мы с вами, обычные люди со своим багажом

и оказались при этом в унылой вечной старости...» За словами Василия легко угадывается желание самого автора расшифровать загадки мирового порядка.

Владимир ЗОТЧИК. Владимир предпочитает писать бессюжетную ритмизованную прозу, в пределах которой пытается создать атмосферу камерности. «Завтрашний день» и «Cherubina» (примеч. –

тянут тебя... Это болевая точка всего того, что озвучено в рассказе и того подтекста, который чувствуется на интуитивном уровне при чтении.

Виолетта НИКУЛИНА. Как-то так сложилось, что для меня литература стала нитью Ариадны. Я выпускница факультета русского языка и литературы КузГПА. Но и за стенами родного литфака литература для меня не отошла на последний план. Пробую себя во многих ипостасях: поэзия, проза, критические статьи. Может быть, не всегда мои творческие порывы кого-то вдохновляют и воодушевляют, но я не опускаю руки. Вот некоторые высказывания о моем творчестве:

«В её произведениях не чувствуется границ времени, искусственной углубленности и противоречий...» Её творчество – это соединение простоты, красоты, оригинальности и душевности. Стихотворения наполнены вкусами и ароматами, зримостью».

Из прозаических текстов слушатели отметили маленький рассказ «Дюймовочка», затронувший потаенные струны души пронизательностью и достоверностью изображения.

Елена ТААХ любит работать в жанре фэнтези, отдавая предпочтение крупной форме: роману или повести. Заразительность – вот то слово, которое характеризует прозу Елены Таах. В этот раз Елена рискнула выступить с её новой повес-

Тема для разговора

Самозабвенно каемся...

Прочитали мы в газете «Кузбасс» статью «Россыпи и крепости», призадумались: что же нам теперь делать? Решили написать опровержение. Прикинули: опровергать, значит признать себя виноватыми.

А мы и есть виноватые. Чего же тогда опровергать? Ясное дело – виноватые все и под корень.

Подняли руку на святая святых, осмелились основать газету. И не какую-нибудь там «Скулы воронит» или «Самозабвенные маты», а литературно-художественную. О как!

Каемся! Самим совестно.

Понимаем, надо было про способы питания незапрещенных пока напитков или очередную камасутру на глянцево-бумаге, рублей по 200 за экземпляр. Все было бы ладушки. Деньги с утра, номер вечером. Качай «клубничку» из инета, ляпай полосы, и все будут довольны. Кто тайно, кто в открытую будут листать, разглядывая картинки, хвалить за глянец, даже если там содержания не будет.

Издатель альманаха «Усятская россыпь», он же главный редактор Анатолий Гуляев не продумал вопрос до тонкостей. Вместо того, чтобы сидеть на пенсии дома, глушить водку стаканами и пребольшими, время от времени материться на политиков и власть (опять таки самозабвенно), он вдруг на свои кровные создает газету-альманах, заведомо зная, что ему дивидендов от этого не будет.

И зачем ему это надо?

Поспрашивали. Ответил.

– Я, – говорит Анатолий, – хочу, чтобы все увидели, сколько у нас талантливых людей, чтобы они могли опубликовать свои материалы, чтобы мы гордились своей землей.

И действительно он никому не отказывает в публикациях. Вот такой вот человек – романтик. Он, несмотря на все изменения в обществе, до сих пор верит, что если звезды зажигают, значит – это кому-нибудь надо. И если человек в своей жизни зажжет хотя бы одну звезду, значит, не зря прожил жизнь. Это вам не самозабвенно материться.

В далеком зарубежье каждый человек – личность. Написал песню, спел в кругу друзей или в местном баре – он талант местного масштаба. Выхватил из огня кошку – национальный герой, опять-таки местного масштаба. Все друг другом гордятся.

штаба. Все друг другом гордятся.

У нас ни-ни. Если тебя не признает ценитель из Прокопьевска, не смей браться за перо. Если ты молод – подожди, когда со-старешься.

Потому мы время от времени делаем открытия. С изумлением узнаем, что легендарный Борис Штоклов был нашим земляком.

А Шубарин, Шалевич, Тагильцев, Мишулин... устанешь перечислять имена тех, кто был не замечен нами, а за пределами Кузбасса обнаружилось их величие.

Почему же так случилось? А вот потому по самому. Сидеть всем тихо! В руки ручки не брать, бумагу не марать. Дорогу только гениям и иже с ними, а если ты не он, то не смей свое произведение иметь. Выбрось ручку, сожги бумагу, а написанное съешь быстро и без соли.

Вот так мы поняли мнение автора статьи.

Однако, вопреки некоторым любителям и ценителям из шахтерского города, скрипят перышки, ложатся на бумагу стихотворные и прозаические строки на юге Кемеровской области.

Хороши они или несовершенны?

Это с какой точки зрения посмотреть.

Дед, прошедший войну, перенесший все тяготы лихолетья, решил поделиться с миром своими чувствами, своими воспоминаниями. Это его жизнь, это история страны, которую сегодня мощно переписывают. Уйдет поколение и некому будет возразить нью-историкам. Именно потому взялся старик за перо. Он там был и знает правду.

Наивно написано, несовершенно слог, слишком много патетики? Да! Согласны! Но так же мы согласны и с тем, что имеет право каждый из нас выразить свои чувства доступным ему языком: один стихами и прозой, другой самозабвенным матом.

Это их стиль жизни. У каждого свой. Один берет в руки стиль (перо) и горести, и радости оживают в наивной строке, другой, злобствуя, в чужих строках видит только попойку.

Нам бы в ноги поклониться господину Гуляеву за то, что он (пусть не очень умело) дает людям шанс почувствовать свою значимость. Опубликованное произведение совершенно по-другому читается и оценивается автором, чем просто рукопись. Появляется стимул к совершенствованию. А положительная динамика в развитии личности дорогого стоит.

Состоявшиеся наши писатели и поэты, профессионалы своего дела видимо помнят свою первую публикацию. Это было событие.

Почему молодые и не очень молодые не могут иметь такой возможности? «Ценитель» говорит о несовершенности материалов «Усятской россыпи». А кто совершенен? Пусть возьмет в руки камень тот, кто считает себя совершенством и кинет его в наивного сочинителя.

Разве господин Гуляев объявил, что создал альманах только для профессиональных авторов?

Нет.

Альманах для всех пишущих (кроме чернухи и порнухи)! В его издании материализовался именно этот демократический принцип. Что у нас демократия уже стала смертным грехом?

Если «ценитель» так бдит чистоту печатной страницы, отчего же в таком случае не разразился он по поводу совершенно бессмысленных хитов, телепередач, книг пропагандирующих насилие, разврат и насаждающих жажду наживы на халяву?

Ответ может быть прост: газета новая,

редактор простой человек без внешних и верхних связей. Кусать легко, а создать себе имидж ценителя искусства, борца за чистоту и порядок легко. И наплевать, что в городах и поселках Кузбасса россыпи талантов. Под каблук их и затоптать.

Вопреки подобным ценителям народ всегда творил доброе и вечное. Новокузнецку повезло больше, чем кому-то. Здесь, благодаря энтузиасту своего дела Любови Никоновой, действует несколько юношеских студий. При библиотеке имени Гоголя живет и здравствует клуб любителей фантастики, клуб «Дилижанс». Осинники, Междуреченск, Прокопьевск, Калтан, Малиновка...

Окунается стиль в души людей, озаренных творчеством, и «летят над Кузбассом белы лебеди».

Вопреки любителю самозабвенно материться, проходят бардовские фестивали, занимают призовые места в литературных конкурсах.

Никто не спорит, есть в газете «Усятская россыпь» недоработки, недостатки. Опять каемся. Начинаем на голом месте: пока целину раскорчуешь, да борозды пропахнешь – сколько синяков, да шишек набьешь. Все на голом энтузиазме, на общественных началах, за счет издателя-пенсионера.

Обругать то может каждый, а вот помочь...

Парадоксов в нашей газете много, потому критику (конструктивную) мы воспринимаем, как помощь. Из неё мы черпаем истину и направление движения.

Есть в нашей жизни и звездные моменты. Вышел четвертый номер, а у нас уже открытие. Не совсем у нас, у «ценителя». Вот кабы не «Усыты», так наш оппонент и не узнал бы за всю свою жизнь, что в Кузбассе есть прекрасный поэт Борис Бурмистров. Все знали, а он только, только сподобился.

Жизнь прожил, а не увидел, не узрел, не понял «любитель и ценитель» Бурмистрова-писателя. Эт надо же какое прозрение на человека накатило? Толи раньше читал стихи Бурмистрова, напуганный его литературными регалиями, толи не читал вовсе. А тут, как бухом по голове – шварк и прозрел.

Стоило напрягаться стараться, чтобы до

«ценителя» ценность поэтического слова дошла, глядишь, у него вместо матов молитвы пойдут из уст.

Ради этого стоит делать пятый, шестой и т.д. номера литературно-художественной газеты-альманаха «Усятская россыпь», глядишь, еще кого-нибудь человек откроет для себя.

А там, глядишь, хотя бы у одного человека обратная эволюция свершится. Правда очень печально, что «ценитель» решил совершить этот процесс (справка – лат. Evolutio – развертывание. Эволюция – процесс изменения, развития. Одна из форм движения в природе, обществе – непрерывные, постепенные перемены, приводящие к качественному сдвигам в развитии («Современный словарь иностранных слов» под ред. Е.А. Гришиной).

...Продолжаем каяться, уж весь лоб в мазнях.

На первой странице «Усятской россыпи» и впрямь помещен портрет великого русского классика, гения русского слова Льва Толстого. Даем честное слово, что не хотели испортить альманах Львом Николаевичем, только его «Отца Сергия», одно из самых мощных и трагичных произведений, напечатали. Прямо со второй страницы по седьмую, где-то около трех тысяч знаков, причем от начала до конца. Сокращать, резать, рвать, как-то неудобно было. Классик все-таки.

Знаем, замахнулись. Разве запрещено? Или надо было поставить какой-нибудь бездарный детективчик, который никто читать не желает?

Разве сегодня не уходят в скиты, в секты успешные Касские учиться смирению. Вас мучает вопрос: почему? А ответ давно дан. Он в «Отце Сергии». Приобщайся народ, размышляй, укрощай собственную гордыню.

Как сказал один из наших читателей («ценитель»): у нас действительно есть читатели! «В детстве читал «Отца Сергия», а сейчас мне открылся его глубинный смысл. Потрясен!»

Мы не верим, что наш народ быдло, которое только пьет водку, жует чипсы и смотрит мыльные оперы, потому даем слово, что пропагандировать классиков русской и советской литературы будем.

Прочитав про россыпи и крепости, мы призадумались над проблемой бытия? Любая критика – это повод для активизации серого вещества головного мозга. Полезное выудить можно отовсюду.

Бьют слабых в нескольких случаях. Через унижение себе подобного, к собственному величию – это раз. От бессилья или злобы – это два. Третий случай весьма актуален для современной эпохи – устранение конкурентов.

Поразмышляли мы вот так-то и решали. Закроем! Закроем напрочь эту тему и будем делать новый номер. Иначе «ценитель» не на чем будет заработать кусок хлеба, ведь обратную эволюцию он пока еще не совершил. Процесс-то долгий и сложный. Может он еще, какое открытие на страницах «Усятской россыпи» сделает.

Придет пора страдать!

Коллектив редакции газет-альманаха «Усятская россыпь».